

ИЗ ИСТОРИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ХОРА

Материалы и очерки

Ой да вспомним, братцы, мы – кубанцы

Наши деды и отцы
Нам примером служат...
Из кубанской казачьей песни

Дорогие читатели!

Вы держите в руках уникальную книгу. Впервые в одном томе собраны редкие материалы по истории Кубанского казачьего хора. Центральное место в книге занимает бесценный, безукоризненно достоверный источник – труд славного радателя Кубани Ивана Ивановича Кияшко «Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811–1911 годы. Исторический очерк их существования. Составил есаул Ив. Ив. Кияшко. Екатеринодар. 1911». Это первая книга по истории профессиональной музыкальной культуры Кубани.

Труд этот до сего дня был известен лишь любознательным краеведам, историкам, писателям, этнографам, которые в своих научных статьях опирались на сведения и факты из книги И.И. Кияшко, о чем мною будет еще сказано в послесловии к книге. Поскольку в Краснодаре имеется всего лишь несколько ее экземпляров, хранящихся в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына, краевой научной универсальной библиотеке им. А.С. Пушкина, в краевом Центре научной документации новейшей истории Кубани, а также в частных коллекциях, то до массового читателя она не доходила.

В 1811 году в Черноморском войске, позднее переименованном в Кубанское, по прошению духовного просветителя Черномории протоиерея Кирилла Россинского было создано два хора: Певческий – для церковного богослужения в храме, и Музыкантский, т. е. духовой, а позже симфонический оркестр – для проведения казачьих праздников, парадов, музыкального просвещения кубанцев.

14 октября 2006 года, на Покрова Пресвятой Богородицы, исполнилось 195 лет со дня основания войскового Певческого хора и его правопреемника – Государственного Кубанского казачьего хора. Последний был создан 70 лет назад, уже в советские годы, бывшими регентами войскового Певческого хора Григорием Митрофановичем Концевичем и Яковом Михеевичем Тараненко. Они были первыми художественными руководителями Государственного Кубанского казачьего хора. Именно Г.М. Концевич и Я.М. Тараненко перенесли в новообразованный Государственный Кубанский казачий хор богатые певческие и музыкальные традиции, народный песенный репертуар и свои художественные вкусы. Тем самым они творчески и духовно соединили живой связью времен историю войскового Певческого и Государственного Кубанского казачьего хоров в единое целое.

195-летний юбилей хора стал поводом для того, чтобы переиздать наконец книгу И.И. Кияшко через 95 лет после ее первого издания. И тем самым сделать ее доступной не только специалистам, но и широкому читателю. Она, несомненно, вызовет большой интерес у тех, кто непосредственно занимается развитием профессиональной музыкальной культуры Кубани, у студентов средних и высших музыкальных учебных заведений,

преподавателей кубановедения и у всех истинных родинолюбцев.

Многие из нас, уважаемые читатели, кроме специалистов, слабо или очень поверхностно знают историю своего края, историю нашей самобытной национальной культуры. И восполнить этот пробел, несомненно, поможет книга незабвенного И.И. Кияшко. Прочтите ее внимательно – и вы откроете для себя много полезного и неизвестного. Узнаете о наших духовных и культурных истоках, именах талантливых предков, которые самоотверженно трудились на ниве профессионального духовного, народного и классического музыкального искусства. И по прочтении книги давайте зададимся вопросом: а мы, сегодняшние деятели музыкальной культуры и искусства, продолжаем ли их дело, развиваем ли, обогащаем ли? Или топчемся на месте, не зная, что делать в профессиональной музыкальной культуре края дальше? Или, быть может, вместо того чтобы следовать примеру наших талантливых предков, подражаем западным производителям бездуховных «ценностей» и шоу-бизнесу, опустошающему молодые души?

Глубоко убежден: только опора на собственные духовно-нравственные и культурные национальные традиции будет способствовать творческому развитию каждого профессионального музыкального коллектива или отдельных исполнителей. Так делали все наши великие русские и зарубежные классики: М. Глинка, М. Мусоргский, П. Чайковский, С. Рахманинов, С. Прокофьев, Г. Свиридов, В. Гаврилин, В. Моцарт, Л. Бетховен, Д. Верди, Э. Григ, А. Хачатурян и многие другие. Нет безнациональных гениев в искусстве! И для разных поколений музыкантов композиторы-классики служили и будут служить маяками, вершинами и столпами мировой музыкальной культуры.

Мне нет смысла пересказывать книгу И.И. Кияшко. Лучшие, уважаемые читатели, прочтите ее внимательно сами. А вот о редакции книги и собранных в качестве приложения различных архивных материалах коротко сообщу.

Редактирование исторических книг требует корректности и уважительного отношения к автору. И.И. Кияшко рассказывает о двух войсковых хорах, Певческом и Музыкантском, поочередно. Одна глава – о Певческом хоре, другая – о Музыкантском. И так далее. Но это как бы перебивает рассказ об одном хоре другим. Поэтому у меня вначале появилась искушающая мысль: для большей ясности распределить все главы по двум частям. В одной дать все главы о Певческом хоре, собрав их в единое целое. В другой сделать то же самое по Музыкантскому хору. Но после долгих размышлений я отказался от этой идеи и решил оставить все именно так, как написал И.И. Кияшко, лишь указав вступление, номера глав и заключение.

Моя редакция свелась лишь к некоторым сокращениям в тех местах, где пространно перечисляются денежные суммы: сколько рублей и копеек уплатили за каждый музыкальный инструмент, за доставку их в Екатеринудар; сколько заплатили регенту за проживание на квартире, сколько потратили денег на пошив одежды и т.д. Бесконечное перечисление цифр, мало что говорящих сегодня, утомляет читателя и отвлекает от содержания книги. По-

этому часть перечислений цифр мною сокращена, а места редакторских сокращений отмечены многоточием в скобках <...>. Главные же цифры денежных сумм оставлены. Все остальное полностью соответствует авторскому тексту И.И. Кияшко. Все его восемь приложений и фотографии исторических личностей, приведенных им в своем очерке, естественно, остались.

Но исторический очерк Ивана Ивановича останавливается на начале 1911 года. Он не успел даже затронуть описание трехдневных юбилейных торжеств, так как книга должна была выйти именно к 100-летнему юбилею войсковых хоров, а не после него. А творческая жизнь хоров бурно продолжалась еще десять лет, вплоть до жестокого их «расказачивания» в апреле 1920 года. Но этот период деятельности войсковых хоров долго оставался неизвестным.

Поэтому в приложении к историческому очерку И.И. Кияшко мною приведен ряд архивных материалов и научных статей, дополняющих рассказ о жизни и деятельности

войсковых хоров, например, статьи добросовестных исследователей-музыковедов, недавно ушедших из жизни, – С.И. Еременко «Войсковой певческий хор» и А.А. Слепова «Войсковой музыкантский хор»; статья И.Ю. Бондарь об авторе труда «Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска...» – архивариусе есауле И.И. Кияшко; церемониал празднования 100-летнего юбилея; малоизвестные материалы о деятельности Певческого хора после «расказачивания» в Сербии; статья Н.А. Корсаковой «Кубанские казачьи хоры в эмиграции»; материалы об авторе поэтического текста гимна «Ты, Кубань, ты наша Родина» войсковом священнике Константине Образцове и довольно убедительная версия об авторе музыки гимна композиторе Михаиле Колотилине.

Впервые переиздается книга полковника Елисеева «История Кубанского Войскового Гимна» (Париж. 1930), а также небольшая, но содержательная книга войскового священника Сергея Овчинникова «Войсковой гимн кубанского казачества как памятник гласного исповедания народной души». Эта глубокая духовная работа была впервые издана в 1992 году Центром народной культуры Кубани и фондом «Истоки» при Кубанском казачьем хоре. Книга Сергея Овчинникова была написана и издана очень своевременно. Она способствовала возрождению репрессированного Кубанского казачьего войска и принятию в апреле 1995 года Законодательным собранием Краснодарского края постановлений о Законе Краснодарского края «О символах Краснодарского края». Статья 16 этого Закона гласит: «Гимном Краснодарского края является произведение на стихи полкового священника К. Образцова, положенные на музыку». На заседании Законодательного собрания Краснодарского края перед принятием Закона Государственный академический Кубанский казачий хор исполнил гимн в моей обработке. Солист – народный артист РФ Анатолий Владимирович Лизвинский. Исполнение гимна Кубанским хором окончательно склонило депутатов к принятию Закона.

Эти материалы и статьи дадут более широкое представление читателям об истории войсковых хоров и людях, причастных к ней. Заканчивается книга моим большим послесловием «Слово о судьбе войскового Певческого – Государственного Кубанского казачьего хора и нашем духовном возрождении».

Приношу искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в собирании архивных и исторических материалов о жизни хора и его радателях: недавно ушедшим из жизни кубанским музыковедам А.А. Слепову и С.И. Еременко, старшему научному сотруднику Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына Н.А. Корсаковой, заместителю директора ГУ «Центр научной документации новейшей истории Краснодарского края» И.Ю. Бондарь, директору Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубани ГНТУ «Кубанский казачий хор» профессору Н.И. Бондарю, генеральному директору рекламного агентства «Пресс-имидж» П.К. Скирде, сотруднику ГНТУ «Кубанский казачий хор» В.В. Терскому.

Также благодарю за помощь в подготовке текста главного редактора издательства «Диапазон-В» В.М. Склярову и редактора настоящей книги композитора и музыковеда П.С. Белого.

Особую благодарность приношу губернатору Краснодарского края Александру Николаевичу Ткачеву за материальную поддержку, оказанную в издании этой книги.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

**Войсковые Певческий
и Музыкантский хоры
Кубанского казачьего войска
(1811–1911 годы)**

Исторический очерк столетия их существования

Составил есаул Ив. Ив. Кияшко

Екатеринодар
1911

Печатано по распоряжению Начальника Кубанской области
и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска

В текущем 1911 году исполняется сто лет существования войсковых певческого

и музыкантского хоров Кубанского казачьего войска.

Сто лет тому назад в глухой, пустынной и почти безлюдной в то время Черномории зародились эти два учреждения, и на протяжении своего столетнего существования они развивались, окрепли и дошли до наших дней в том цветущем виде, в каком они находятся в настоящее время.

Любовь к пению и музыке есть неотъемлемая принадлежность души почти каждого малоросса, и нигде, кажется, не была так богато развита народная поэзия, как в Украине. Вся история этого многострадального народа ярко вылилась в целом ряде народных песен, дум и былин. Всякий период их истории, всякое важное историческое событие, всякое славное казацкое имя – записано в этих песнях и думах.

Ничего не может быть красноречивее и оригинальнее этих украинских песен, часто заунывных, иногда монотонных, но всегда истинно поэтических, без которых нельзя представить себе и народа украинского, но еще богаче произведениями народная поэзия былых запорожцев.

Их песни и думы заключают в себе все чувства и понятия запорожца: любовь к Богу, православию, Родине, товариству по куреню, матери, сестрам, братьям-запорожцам, храбрость, веселость, гордость – все это ясно и правдиво изображено в народной их поэзии.

Как следствие этой любви к песне музыка и, в особенности, пение на Запорожье были в большом почете и уважении.

Наши предки-запорожцы всегда любили слушать своих баянов, слепцов-кобзарей, этих истинных хранителей заветных запорожских преданий и живописателей «лыцарских их подвигов». Запорожцы во время пребывания своего в Сичи часто в свободное время, зимою в куренях, а летом на открытом воздухе собирались в небольшие кучки и по-своему веселились: одни играли на кобзах, скрипках, варганах, лирах, «реллях», басах, цымбалах, козах, свистели на сопилках и тут же танцевали, другие же просто пели песни.

Особенно же большое веселье бывало у них после возвращения из военных походов. Прибыв в Сичь, они в течение нескольких дней ходили по улицам, «тешились арматными (пушечными) и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали», водили за собою огромную толпу музыкантов и сичевых певчих-школяров.

Но особенно сильно любили запорожцы церковное пение, доставлявшее им истинное и ни с чем не сравнимое наслаждение. С этой целью в Сичи, при церкви Св. Покрова, у них было заведено даже особое училище для церковных певчих, управляемое начальником кошевого духовенства. В нем, по свидетельству очевидцев, считалось до 30 взрослых певчих и казаков и более 50 школьников, имевших даже свое особое куренное управление и особого атамана. Туда поступали дети малороссийских казаков, имевших родных в Сичи, или мальчики, захваченные запорожцами при набегах на Польшу и Молдавию.

Сичевые монахи, исполнявшие церковные требы на Запорожье, считались весьма просвещенными, и к ним не только из запорожских паланок (округов), но из всей Украины присылали детей для обучения грамоте и, в особенности, церковному пению, коим тогда славились Сичевые церкви.

Эту же любовь к музыке и пению запорожцы перенесли с собою и на Кубань, куда они переселились по воле ВЕЛИКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ в 1792 году.

Первое время по переселении хлопоты по устройству на новых местах и борьба с новым врагом не давали им возможности проявить их на деле, но, устроившись и

осмотревшись, они уже в 1811 году организуют у себя певческий и музыкантский хоры.

Много пришлось хорам пережить и перетерпеть за это время хороших и тяжелых минут. Были моменты высшего подъема жизни хоров, когда слава о них прокатывалась по всему Кавказу, и сам наместник Кавказа, князь Воронцов, ставил эти хоры в пример другим; так, например, в 1853 году Наказный атаман бывшего Кавказского Линейного войска ходатайствовал перед наместником о разрешении отправить в Придворную певческую капеллу трех или четырех певчих из разных полков войска для приготовления в регенты, но князь Воронцов отклонил это ходатайство, положив на нем следующую резолюцию: «Полагал бы полезнее и дешевле посылать этих певчих в г. Екатеринодар, где войсковые певчие поют превосходно, в чем я лично убедился».

В сентябре 1861 года при посещении Кубанского войска в бозе почившим ГОСУДАРЕМ АЛЕКСАНДРОМ II ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО всемилостивейше изволил одобрить войсковой певческий хор, найдя его «замечательным по голосам и стройности исполнения».

Наконец, в сентябре 1888 г. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III при посещении войска изволил осчастливить своею благодарностью войсковой певческий хор «за отличное исполнение им музыкальных программ» и повелел войсковому начальству озаботиться расширением и улучшением этого хора.

Эти драгоценные для войсковых хоров ВЫСОЧАЙШИЕ одобрения двух ИМПЕРАТОРОВ и наместника Кавказа князя Воронцова ярко свидетельствуют, на какой высокой степени был поставлен войсковой певческий хор.

В жизни хоров были, конечно, моменты и противоположного свойства, когда они приходили в полное расстройство и еле-еле владели свое существование, но это продолжалось, обыкновенно, недолго. С притоком новых сил и новых людей, влагавших в дело все свои силы и душу, хоры снова улучшались и достигали высокой степени совершенства.

В этом нашем очерке мы постараемся, насколько позволит это имеющийся у нас на руках скудный материал, проследить жизнь хоров за их столетнее существование.

I

О певческом хоре

Первым в бывшем Черноморском войске учрежден был войсковой певческий хор.

Войсковой протоиерей о. Кирилл Россинский, крупнейшая и выдающаяся личность в истории войска того времени, заботясь о благолепнейшем богослужении в войсковой соборной церкви, первым подал мысль об учреждении войскового певческого хора. В своем ходатайстве от 2 августа 1810 года он просил Черноморскую войсковую канцелярию учредить этот хор, отпустив вместе с тем на его содержание 1 тысячу рублей из войсковых сумм, так как доходы церковные, по своей незначительности, ничего не позволяли уделить на это.

Войсковой атаман генерал-майор Бурсак с готовностью отозвался на это благое дело и предложил войсковой канцелярии совместно с протоиереем Россинским выработать положение и смету на содержание хора. Штаты хора были выработаны в следующем составе: 1 регент, 2 баса, 2 тенора, 2 альты и 2 дисканта с общим содержанием всего хора в 900 рублей. <...>

13 декабря 1810 года Черноморская войсковая канцелярия представила эти штаты и смету на содержание хора Одесскому и Херсонскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Дюку-де-Ришелье, а последний, вполне одобряя это желание войска, предложением своим от 18 января 1811 г. на имя той же канцелярии утвердил эти штаты с отпуском на них денег из войсковых сумм.

Пока шла выработка штатов хора и переписка об утверждении их, протоиерей Россинский, с ведома войскового атамана, деятельно занялся формированием этого хора и пригласил регентом дворянина Константина Гречинского; так что фактически хор начал существовать уже с 1810 года, с какого времени ему было отпущено и содержание, согласно указу войсковой канцелярии от 20 февраля 1811 года.

Протоиерей Россинский неусыпно заботился о постановке на прочную ногу сформированного им хора; ввиду недостаточности голосов, он для более полного и стройного пения привлек к хору и учеников Екатеринодарского училища; но эти добровольные певчие по многим причинам часто выбывали из хора, отчего, конечно, работа хора плохо налаживалась. С одними же положенными по штату восемью человеками можно было петь только четвероголосные песнопения, а лучших восьмиголосных песнопений и вовсе петь нельзя было. Кроме того, за болезнью одного или двух штатных певчих и самое простое пение уже было весьма затруднительно исполнять, почему он уже через год, т. е. в августе 1811 года, вошел с новым ходатайством в войсковую канцелярию об увеличении хора еще на восемь человек штатных, так чтобы в каждом голосе было по четыре человека «для безостановочного и вполне пристойного пения».

К сожалению, ввиду предстоящих по войску больших расходов, войсковая канцелярия исполнить этого не могла и сообщила протоиерею Россинскому, что как только представится возможность, то ею в свое время будет сделано соответствующее распоряжение об увеличении хора.

В том же 1811 году, с разрешения атамана генерала Бурсака, регент Гречинский был командирован по станицам войска для выбора голосов в певческую капеллу, для которой им и были выбраны для баса – казак куреня Переясловского Михаил Бударщиков, для дисканта – малолетки: куреней Щербиновского – Онисим Лопата, Уманского – Филипп Манжелиевский и Калниболотского – Семен Дмитренко, и для альты – малолетки куреней: Канеловского – Павел Сахно и Шкуринского – Андрей Кучир.

Благодаря массе труда и энергии, вложенных в дело создателем хора протоиереем Россинским, и деятельной работе ближайшего его помощника регента Гречинского, дела певческого хора постепенно улучшались, и он понемногу становился на прочную ногу. В 1813 году одних нот было выписано на сумму 210 руб.

26 июля 1815 года регент Гречинский оставил должность, и с 1 января 1816 года был назначен регентом казак Курганов, пробывший на этом месте до 1 января 1818 года.

О времени управления хором этого регента не сохранилось никаких сведений.

1 апреля 1818 года вступил в должность регента урядник (впо-следствии есаул) Гавриил Григорьевич Пентюхов, ведавший делами хора в течение 20 лет, но о нем мы скажем ниже. <...>

В среднем каждый год жизни хора стоил войску 2000 руб. с небольшим, что нельзя признать особенно обременительным ввиду той пользы, какую он приносил уже одним своим существованием, облагораживая дикие нравы тогдашних жителей Черномории и внося в их серую и неприглядную жизнь светлый луч эстетического наслаждения.

II

О музыкантском хоре

Учредив певческий хор в конце 1810 года, войско не остановилось на этом и уже в конце 1811 года пожелало сформировать еще и духовую музыку, дабы использовать всемиловейше пожалованные в 1792 году войску ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II-й серебряные литавры и такие же трубы.

Не лишены интереса слова состоявшегося по этому поводу указа Черноморской войсковой канцелярии, которые мы считаем не лишним привести здесь в подлиннике:

«1811 года декабря 22 дня по указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Черноморская Войсковая Канцелярия, имея в предмете, что войску сему ВЫСОЧАЙШЕ пожалованы Блаженные и вечно достойные памяти ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II-ю в прошлом 1792 году со ВСЕВЫСОЧАЙШЕЮ ЕЯ ГРАМОТОЮ, для употребления серебряныя литавры и таковыя же трубы, с коих литавры при всяких нужных случаях с давних времен уже употребляются, а трубы по неимению в войске могущих играть на оных людей по сию пору остаются без употребления, а как посредством сих ВСЕМИЛОВЕЙШЕ пожалованных войску труб, разумеется ВЫСОЧАЙШАЯ воля на заведение в войске духовой музыки, для того определено: приличную к трубам духовую музыку в войске сем составить из двадцати четырех человек...».

Тем же указом возложено было на полкового есаула Игната Заславского, бывшего в Москве по особым делам войска, поручение приобрести весь инструмент для 24 человек духовой музыки, «искупив оный по самой стоящей цене, соблюдая войсковую сумму от излишней передачи, чтобы оные инструменты добротой были прочны...».

На приобретение этого инструмента назначено было войском 1500 руб., каковые и были посланы есаулу Заславскому с особым нарочным, сотенным есаулом Носенком. Он же должен был и доставить приобретенный инструмент в г. Екатеринодар, причем на прогоны ему до Москвы и обратно было отпущено 200 рублей из войсковых сумм.

Весь инструмент был куплен есаулом Заславским в лавке московского купца Антона Керцели на сумму 1530 рублей, причем последний обязался доставить его за свой счет до г. Харькова, а отсюда уже инструмент был отправлен 20 февраля 1812 г. дальше на г. Екатеринодар с сотенным есаулом Носенком. <...>

От Харькова до Екатеринодара инструмент доставил на трех подводах крестьянин помещика Энгельгардта Гавриил Поляков.

Кроме того, есаул Заславский по поручению войска для формирования и обучения музыкантского хора договорил на год капельмейстера, одобренного и рекомендованного ему сведущими людьми, отставного майора Франца Антоновича Цыха, с которым и заключил 21 января 1812 г. контракт.

По контракту этому майор Цых за плату по 2000 р. в год из войсковых сумм обязался обучить и довести порученных ему музыкантов до хорошего познания в музыке. Проезд Цыха туда и обратно по окончании контракта войско принимало также на свой счет.

8 марта 1812 г. капельмейстер Цых вместе с новым инструментом прибыл в Екатеринодар и явился к исполнению своих обязанностей в войсковую канцелярию.

Вскоре было приступлено им к формированию музыкантского хора, или капеллы, как тогда принято было называть, и к 25 марта было собрано уже 25 учеников, и как большинство из них были люди бедного состояния или же сироты, и они не получали никакого продовольствия, то майор Цых обратился с просьбой в Войсковую канцелярию выдавать им провиант.

Тогда же Войсковая канцелярия передала весь купленный инструмент в полное

распоряжение и наблюдение за целостью его майору Цыху; кроме того, ею же было назначено для обучения игре на инструменте 38 человек, по числу имеющегося в наличии инструмента, и предписано было земским начальникам и полицейской экспедиции немедленно вызывать желающих обучаться музыке, преимущественно из сирот, и выслать их в войсковую канцелярию.

Для обучения музыкантов отведен был в крепости особый войсковой дом с отоплением за счет войска, а г. Цыху назначена была еще и прислуга.

Всем обучающимся по достижении ими выучки и зачислении в музыкантскую капеллу разрешено было производить провиант и покупать для них посуду на счет войска, что возложено было на полицейскую экспедицию.

Ближайшее же наблюдение за музыкантской капеллой было поручено полицеймейстеру г. Екатеринодара есаулу Голубу.

Затем войсковой атаман совместно с членами войсковой канцелярии производил всем обучающимся экзамен по третям года, и успешность обучения каждого отмечалась в именном списке.

В мае месяце полицеймейстер есаул Голуб в особом рапорте донес войсковой канцелярии, что из числа собранных для обучения в войсковую духовую инструментальную музыку 37 человек казаков и мальчиков, у некоторых имеются здесь же в городе семейства, а другие, не имеющие ни семейств и никакого обзаведения, а также и сироты, крайне нуждаются по своей бедности в одежде и обуви и уже неоднократно обращались к нему за вспомоществованием на этот предмет, но ввиду полного отсутствия у него для этой цели средств, он просил канцелярию сделать распоряжение о снабжении их одеждой и обувью.

Только в октябре 1812 г. канцелярия разрешила обучающимся казакам крайне бедного состояния, а также и сиротам, впредь до окончательного их обучения, производить все нужное обмундирование и обувь по положению регулярной музыки, а остальным всем для вспомоществования выдавать по 12 р. в год жалованья. Кроме того, предписано было полицейской экспедиции на счет войсковой суммы пошить всем музыкантам для летнего времени парусиновые мундиры, как то: куртки и шаровары, а для холодного времени (для парадов и праздничных дней) из сукна мундиры с шароварами и шапками.

Летняя форма должна была носиться два года, а зимняя – пять лет, причем бережение мундиров в чистоте и опрятности возложено было также на полицеймейстера.

Форма для музыкантов, утвержденная указом Войсковой Канцелярии от 29 октября 1813 года, была следующая: куртка и шаровары из синего фабричного сукна, причем воротник должен быть стоячий, и застегиваться куртка должна была крючками от воротника до пояса, а шаровары должны были носиться на подтяжках; шапка круглая с черным околышем, меньше трех с половиною вершков, причем верх был из красного сукна, пояс из красной китайки, шинель из серого простого сукна со стоячим воротником.

Для приобретения материала для обмундирования был командирован в г. Ростов есаул Минас Христофоров. Шитье же обмундирования зимнего и летнего, а также и сапог произведено было арестантами в остроге и обошлось в 2132 р. 87 коп.

На третий месяц своего пребывания в Екатеринодаре майор Цых обратился в войсковую канцелярию с просьбой приказать отыскать ему квартиру по крайней мере в два покая с кухней, чтобы он не имел надобности ходить по чужим обедам, а также мог доставить себе необходимый отдых и спокойствие во внеслужебное время, так

как предположенная для него квартира в том помещении, где занимались музыканты, для которых предполагалось там же поставить палатку, не годится для жилья ввиду того, что крыша сильно протекает.

Кроме того, он просил ту же канцелярию отпустить ему 10 рублей на покупку шелка, из которого можно было бы весьма удобно сучить квинты и заменить ими при обучении на скрипках дорогие римские струны, стоившие в Москве 50 коп., и которых из привезенного из Москвы запаса осталось уже очень немного.

В августе зачислены в хор по собственному желанию неслужащие казаки куреня Корсунского Денис Воинский и Каневского – Петр Вильшанский.

Тогда же заведующий музыкантской капеллой есаул Голуб просил Войсковую канцелярию, ввиду малой способности к музыке учеников, обучавшихся игре на скрипках, и в особенности частых их болезнях, доставить в войсковую музыку пять хороших мальчиков, преимущественно из куреня Щербиновского, или же разрешить ему для этой надобности воспользоваться войсковыми певчими, так как последние, узнав основательно музыку, могли бы еще лучше усовершенствоваться в своей прямой специальности, т. е. в пении.

В том же году есаул Заславский, бывший в то время в Москве, купил там по распоряжению Войсковой канцелярии для войска конные литавры самого лучшего качества и привез их с собою в Екатеринодар.

К сожалению, полное отсутствие сведений о музыке до 1831 года лишает нас возможности проследить этот период жизни хора.

Долго ли был майор Цых во главе войсковой музыки? кто сменил его? каковы были успехи самого хора? Все это покрыто мраком неизвестности.

С 4 октября 1826 года в должность капельмейстера назначен был урядник (впоследствии войсковой старшина в отставке) Павел Павлович Родионенко. Родионенко, родом казак куреня Иркиевского, вступил в ряды войсковой духовой музыки еще 1 марта 1812 г. мальчиком 15 лет от роду. Видимо, способности его по музыке были незаурядны, так как войсковое правительство, желая сократить большие расходы войска на жалованье вольным капельмейстерам, отправило его 25 сентября 1825 года в Харьков к известному в то время виртуозу Витковскому, бывшему профессором Харьковской музыкальной школы, для приготовления его в войсковые капельмейстеры.

Но, очевидно, музыкальное образование Родионенко не было вполне закончено, и уже через год, т. е. 4 октября 1826 года войсковое начальство назначает его капельмейстером войсковой духовой музыки.

К 1-му января 1831 года на содержание войсковой духовой музыки со времени ее основания была истрачена войском следующая сумма:

- 1) жалованье вольнонаемным
капельмейстерам 14491 р. 62 к.
- 2) жалованье музыкантам по числу
от 30 до 53 человек 7493 р.
- 3) на продовольствие музыкантам
и капельмейстеру
израсходовано провианта 17859 р. 55 к.
- 4) на постройку музыкантам зимних
и летних мундиров, шинелей и обуви 20601 р. 27 к.

5) за это время куплено музыкального инструмента, на починку его, струны; заплачено за обучение музыканта Родионенко в Харькове, выдано ему же на прогоны и путевое довольствие, равно и чиновникам, которые были командированы для отыскания капельмейстеров и для покупки инструментов 8571 р. 53 к.

6) отпущено для музыкальной школы и по договору капельмейстерам дров, для починки в школе окон и на прочие по школе издержки 209 р. 95 к.

Всего на сумму 69136 р. 92 к.

А всего истрачено войском на певческий хор и войсковую духовую музыку со дня их формирования и по 1-е января 1831 года..... 110639 р. 77 к.

III

О музыкантском хоре

Вскоре, по вступлении в должность наказного атамана генерала Заводовского, главнокомандующий в то время войсками отдельного Кавказского корпуса генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, в особой записке предметам, требующим особого внимания и мер к исправлению разного рода недостатков в войске Черноморском, полученной генералом Заводовским в конце 1830 года, между прочим обращал его внимание на то, что суммы на содержание музыки и певчих употребляются без начальственного утверждения, т. е. самовольно и притом, по его мнению, расходуются в очень большом количестве против положенного.

Генерал Заводовский в своем рапорте по этому поводу в апреле 1831 года, донося графу Паскевичу о тогдашнем состоянии войсковых хоров и суммах, истраченных на них со дня их учреждения, представил при этом новые штаты, выработанные им, и просил, в видах поддержания и улучшения этих полезных для войска учреждений, утвердить эти штаты.

Состояние же хоров, как видно из этого рапорта, было очень неважное, в особенности войсковой музыки.

До вступления в должность наказного атамана генерала Заводовского общее состояние певческого и музыкантского хоров, а также их содержание из войсковых сумм ежегодно было следующее:

1) войсковая музыкальная капелла формировалась из малолетков войска Черноморского, способных к военной службе, по проверке способности их к музыкальному искусству войсковым капельмейстером, и в звании музыкантов казаки эти утверждались Войсковою Канцеляриею.

2) На продовольствие музыкантов, в общем числе от 36—40 человек, производилась указная дача провианта, что в общем ежегодно обходилось войску в среднем по 1679 р. 12 к.

3) Обмундирование для музыкантов строилось по числу наличных людей в

капелле с назначением ему сроков: мундиру форменному суконному с шароварами, шинели, летней парусиновой куртке с шароварами и кушаку – три года, рубахе, порткам и сапогам – один год и ежегодно стоило войску приблизительно 711 руб. 22 коп.

4) Обучение музыкантов, ввиду неимения свободного войскового здания для этой цели, происходило в собственном доме войскового капельмейстера Родионенко и притом бесплатно.

Войсковой певческий хор также формировался из казаков и малолетков войска Черноморского по выбору войскового регента, в звание певчих зачислялись они распоряжением Войсковой Канцелярии. На продовольствие певческого хора, кроме регента, которому производилось из войсковых сумм жалованье по 600 р. в год, по числу певчих от 18 до 29 человек, выдавалась также указная дача провианта, что стоило войску в среднем ежегодно 1007 руб. 471/2 коп.

Обмундирование певчих так же, как и в музыкальной капелле, строилось на счет войска и обходилось ежегодно в среднем 556 р. 62/3 коп.

Занятия по тем же причинам, как и в музыке, велись в доме регента хорунжего Пентюхова, и также помещение ничего не стоило войску.

Далее в том же рапорте генерал Заводовский отзывался о певческом хоре с похвалою, а о войсковой музыке высказался, что она не соответствует цели ее учреждения и состоит в худом положении. Инструмент не полный и почти весь по давности лет пришел в полную негодность. Познания же капельмейстера Родионенко, по его мнению, были весьма ограничены, и оттого музыканты не знали своего дела.

Приговор по отношению урядника Родионенко очень суровый, но вряд ли вполне справедливый, так как он и после этого продолжал оставаться в роли капельмейстера до мая 1844 года, т. е. почти все то время, когда в войске был генерал Заводовский.

Генерал Заводовский, находя со своей стороны существование в войске певческого хора и духовой музыки крайне необходимым и полезным ввиду влияния и на самую нравственность народную, а также уже затраченных на них значительных войсковых сумм, признавал упразднение их невозможным и весьма нежелательным.

Для улучшения же их теперешнего состояния он считал крайне необходимым немедленно принять следующие меры:

1) ввиду неопределенного постоянного состава певческого хора и музыки назначить в тот и другой хоры такое число людей, которое было бы вполне достаточно для лучшей постановки дела их.

2) Чтобы достигнуть усовершенствования музыки, необходимо нужно снабдить ее новым инструментом и нанять хорошего капельмейстера, для чего назначить ему такое жалованье, чтобы на это место мог поступить вполне соответствующий капельмейстер.

В заключение своего ходатайства он присовокуплял, что выбранные в певческий хор и музыку люди никак не будут чувствовать отягощения, так как, хотя жалованье по штату предполагается назначить незначительное, но посторонними способами они будут вполне обеспечены, а также и их семейства, да к тому же и назначаться в хоры будут казаки и малолетки преимущественно из осиротевших и не имеющих своей оседлости.

В певческий хор, кроме регента <...>, должно быть назначено 32 певчих, по 8 человек на каждый голос. <...>

Провиант для певчих и музыкантов отпускать из войска в указанной даче;

обмундирование должно производиться также от войска по срокам, а именно: куртка и шаровары на два года, шинели и фуражки – на три года; сапог на год по две пары и по две рубашки.

Строений для помещений хора и музыки пока не назначается, а по упразднении военно-временного госпиталя для них имеют быть отведены кирпичные флигеля из числа имеющихся в Екатеринодарской крепости.

Какая судьба постигла это ходатайство генерала Заводовского, из дел Войскового Архива выяснить не пришлось по неимению каких-либо сведений за это время.

IV

О певческом хоре

Первого апреля 1818 года, как уже раньше нами было упомянуто, в должность регента войскового певческого хора был назначен урядник Гавриил Григорьевич Пентюхов, который и управлял этим хором в продолжение 20 лет.

Службу свою он начал еще мальчиком в рядах певческого хора; 9 ноября 1828 года, 33 лет от роду, он произведен за усердие по службе в первый офицерский чин – хорунжего; 12 апреля 1833 г. – в сотники и 29 мая 1839 года – в есаулы.

Долголетняя служба его в должности регента была крайне плодотворна для хора; последний им был прекрасно организован; имелись чудные, выдающиеся голоса, и пение было поставлено на высокую степень совершенства, так что даже Наказный Атаман генерал Заводовский, человек крайне требовательный и суровый, но вместе с тем большой знаток и ценитель пения, всегда отзывался о певческом хоре с большой похвалой, а регента Пентюхова за его великолепное знание дела и доведение хора до совершенства быстро выдвигал по служебной лестнице.

Такая великолепная постановка Пентюховым войскового хора, конечно, была известна далеко за пределами войска, и когда в 1838 году командир отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Головин I-й пожелал усовершенствовать певческий хор при корпусной церкви в Тифлисе, то было предписано войсковому начальству немедленно командировать с этой целью войскового регента Пентюхова и четырех лучших певчих из хора в гор. Тифлис.

В ноябре того же года сотник Пентюхов, урядники Иван Гупало и Ефим Фисечко и казаки Арефий Жагло и Михаил Кравченко, лучшие певчие по голосам и обучению и хорошего поведения, уже выехали в г. Тифлис.

Пентюхова приказано было командировать только на несколько месяцев, а певчих – на год-два, но 7 февраля 1840 г. есаул Пентюхов, давно уже страдавший чахоткою, умер от этой болезни в Тифлисе.

С 1 мая 1839 года регентом был назначен тоже сотник Матвей Гаврилович Пентюхов, пробывший в этой должности до 20 июня 1843 года. Этот Пентюхов также начал свою первоначальную службу в рядах хора в звании казака с 1 января 1820 года и продолжал ее до 19 апреля 1836 года, когда был произведен в хорунжие и перешел после этого в строй.

5 апреля 1843 г. он подал прошение об увольнении его от должности войскового регента, и хор после него временно был поручен помощнику его, из басов, уряднику Климу Белому.

С 1 января 1843 года вступило в действие новое положение о Черноморском

казачьем войске, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное в 1-й день июля 1842 года. Согласно штату № 6 этого положения было назначено в войсковых капеллах: капельмейстеров – 2, певчих – 36 и музыкантов – 24. <...>

При введении новых штатов певчих было только 27 чел., а музыкантов 40 чел., следовательно певчих недоставало – 9 чел., а музыкантов было сверх комплекта 16 человек. Вследствие этого было отдано приказание капельмейстеру сотнику Родионенко из числа музыкантов избрать в войсковую музыку штатное число – 24 чел., а остальные сверхкомплектные были распределены в трубачи: в конно-артиллерийскую № 11 батарею – 4 чел., и в конные полки: 1-й – 2 чел., 2-й – 2 чел., и 5-й – 5 чел. Регенту же приказано было теперь же добрать недостающих до штата 9 чел. в певческий хор.

Певческий и музыкантский хоры согласно § 27 нового положения должны были состоять в распоряжении Исполнительной экспедиции, которая и заведовала выдачей жалованья, продовольствия и обмундирования. <...>

Это содержание, все в совокупности, должно было отчисляться полностью из штатной суммы, по третям года, на наличных чинов для раздачи им по принадлежности, и при этом из этого же содержания, для обеспечения средств к исправному, через каждые два года, обмундированию певчих и музыкантов, при всякой раздаче им денег должно было делаться отчисление с каждого. <...>

Эти денежные отчисления, будучи неприкосновенною собственностью певчих и музыкантов, в количестве каждому принадлежащем, должны были храниться в Войсковом Казначействе и через каждые два года употребляться на постройку: певчим – суконных кафтанов с камлотовыми жилетками, суконных же шаровар, шапки, шинели, фуражки и пояса; музыкантам: куртки (Довбышу с галунами, а прочим с выкладками из басона), шаровар, шинели, шапки, фуражки и кожаного пояса. Сверх того для войскового Довбыша парадный кафтан с архалуком, по образцу конных полков, с тамбур-мажорскими выкладками, как употребляющийся не часто и только при церемониалах и парадных случаях, должен был строиться через несколько лет, по усмотрению, из экономической суммы музыкантской капеллы.

Частные же заигранные деньги должны были записываться в особую шнуровую книгу и по окончании каждой трети представляться в Войсковое Правление, а в последней трети года должна была представляться и книга. Эти деньги должны были храниться в Войсковом Казначействе и расходоваться на снабжение музыкантского хора нужными вещами, и в случае большого дохода их, то и на улучшение содержания хора.

Настоящая мера введена была временно, в виде опыта, на срок по 1 января 1845 года.

В начале 1844 года было сделано объявление в С. Петербургских Сенатских Ведомостях о вызове капельмейстеров для войсковых певческого и музыкантского хоров, и тогда же было предписано полковнику Кухаренко, командированному по войсковой надобности в г. Москву, озаботиться всеми мерами о подыскании хороших капельмейстеров, и, если бы таковые им были подысканы, то он уполномочивался заключить с ними условия и представить их на предварительное рассмотрение в Войсковое Правление.

Но так как из регентов никто не пожелал ехать в Екатеринодар, то и. д. Наказного Атамана генерал-майор Рашпиль, во избежание расстройств хора без опытного руководителя, поручил исполнение должности регента при церкви Екатеринодарской

Богадельни о. Гавриилу Донецкому, и о. Донецкий принял на себя управление хором 5 октября 1844 года.

Священник Донецкий, будучи слабого здоровья и считая для себя крайне тягостным вести одному занятия в хоре, ввиду постоянного отсутствия на этих занятиях помощника своего, войскового урядника Клима Белого, в октябре 1845 г. просил Войсковое Правление назначить вместо Белого урядника Арефия Жагло как более соответствующего по своим познаниям этому месту.

Тем более, что в это время как раз были набраны в хор новые ученики, которые, хотя и были несколько уже обучены, но для доведения их до полного совершенства, ввиду необходимого улучшения хора, с ними нужно было почти непрерывно вести занятия под руководством скрипки, а урядник Жагло, кроме прекрасного голоса, обладал еще и способностью играть на скрипке.

9 ноября это ходатайство священника Донецкого было уважено Войсковым Правлением, и урядник Жагло был назначен к нему помощником, а урядник Белый уволен из хора.

Священник Донецкий по причине усилившейся у него болезни прошением от 5 декабря 1845 г. просил Войсковое Правление освободить его от должности по управлению певческим хором и назначить на его место другое лицо, но Войсковое Правление, ввиду отсутствия желающих, просило его остаться впредь до приискания нового регента.

В сентябре 1846 года священник Донецкий умер, и хор снова остался без регента, под временным управлением помощника регента урядника Жагло.

В конце ноября того же года войсковой капельмейстер Кривоносов, представив Наказному Атаману аттестат, выданный ему Таганрогским Градоначальником действительным статским советником бароном Франком, в том, что он, Кривоносов, отправлял должность регента Таганрогской дворцовой церкви с 1 июня 1841 года по 1 ноября 1843 года с особенным усердием и успехом, предлагал принять на себя управление войсковым певческим хором и притом безвозмездно. Наказный Атаман выразил свое согласие на это и поручил Кривоносову принять певческий хор от урядника Жагло на предложенных им условиях, т. е. безвозмездно.

Ввиду неимения для войскового певческого хора собственного здания, по распоряжению и. д. Наказного Атамана генерала Рашпиля, было куплено с этой целью плановое место длиною 18 саж. и шириною 11 саж. у вдовы казачки Татьяны Буланой <...>.

На приобретенном плановом месте к августу 1847 г. был выстроен Войсковым Старшиною Корсуном турлучный дом со службами к нему, и, наконец, после 37-летних скитаний певческий хор имел свое помещение. В октябре дом был освидетельствован и принят особой комиссией совместно с Войсковым Архитектором Черником, причем комиссия нашла, что постройка эта как видом, так и чистотою отделки и хорошою прочностью произведена во всем согласно с утвержденным планом. <...>

Для присмотра и наблюдения за чистотою в помещениях хора были назначены по распоряжению Войскового Правления два казака внутренней службы, сменявшиеся через год, с выдачей им указной дачи провианта в муке и крупе на счет войска.

В апреле 1847 года Войсковое Правление вошло с особым представлением к Командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Заводовскому, в котором просило разрешить выдачу по 300 р. в год войсковому капельмейстеру Кривоносову, взявшему на себя и обучение певческого хора, в

вознаграждение за труды его по этому занятию.

Конечно, выдача эта производилась бы только в том случае, если бы Кривоносов оказался полезным для хора, в противном случае по истечении года ему будет отказано.

При этом Войсковое Правление обосновывалось на том, что по сделанной в феврале 1844 г. публикации в Петербурге и Москве никто из регентов, кроме Кривоносова, не явился, и едва ли в будущем кто согласится прибыть для обучения хора на постоянное жительство в Черноморию из опасения к здешнему климату и господствующей здесь в летнее время болезни лихорадки, а если бы кто и нашелся, то, вероятно, за пожертвование находиться в здешнем климате, несомненно, потребовал бы за учение хора и слишком дорогую плату, что для войска было бы невыгодно; если же явился бы кто и за теперешнюю плату, то не иначе, как с посредственными способностями, и, следовательно, для войскового хора не принес бы никакой пользы.

Дабы в будущем избежать больших расходов по найму регентов и вместе с тем обеспечить хор на долгое время своими хорошими регентами, Войсковое Правление особенно ходатайствовало перед командующим войсками, чтобы он разрешил теперь же выбрать из певческого хора двух певчих с лучшими способностями и послать их для усовершенствования и обучения регентскому искусству с потребным от войска содержанием в Придворную певческую капеллу. В данном случае, если войску и приходилось понести известные расходы, то они будут не так уже значительны и притом единовременны, польза же от этого для войска несомненна, и расходы эти окупятся бы сторицей.

Генерал Заводовский в ответ на это представление сообщил Наказному Атаману, что назначение Кривоносова к обучению певческого хора он находит совершенно неудобным, так как капельмейстер этот едва ли успевает управляться и с имеющейся у него музыкою и трубами и, следовательно, за отсутствием свободного у него времени будет для певческого хора совершенно бесполезен; что же касается отправления двух певчих в Придворную капеллу, то это, по его мнению, не представляет собою верных выгод и сопряжено для войска со значительными издержками, которые от случайных чисто причин могут и не вознаградиться, поэтому он не согласился одобрить и эту меру.

Затем генерал Заводовский рекомендовал пригласить на должность регента недавно посвященного в священники к Войсковой соборной церкви о. Иоанна Эрастова, бывшего до этого регентом Ставропольского архиерейского певческого хора.

Вскоре после этого и сам священник Эрастов в прошении своем от 19 августа 1847 года просил и. д. Наказного Атамана определить его на вакантную должность регента певческого хора, на что генерал Рашпиль дал свое согласие, и священник Эрастов 17 ноября того же года был допущен к управлению певческим хором.

По принятии хора о. Иоанн Эрастов обнаружил, что недостает очень много нот, принадлежащих хору, и, по словам певчих, находившихся у наследников бывшего регента, есаула Пентюхова, почему эти ноты по приказанию Наказного Атамана были отобраны чрез полицию и сданы по описи священнику Эрастову.

В конце 1859 года ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить, чтобы во время присутствия особ ВЫСОЧАЙШЕЙ ФАМИЛИИ в епархиальных соборах или в церквях во всех случаях употребляемо было при богослужении только придворное пение, за исключением тех церквей, в которых искони ведутся другие напевы. Во

исполнение этой монаршей воли директор Придворной певческой капеллы свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генерал-майор Львов, положив на ноты все духовно-музыкальные сочинения, какие поются в придворных церквах при всех богослужениях во весь круг года, составил обиход в 2-х частях и в дополнение к нему в 1850 году издал еще 3-ю часть – краткий ирмологий.

Все три части этих нот по распоряжению Войскового Правления были выписаны тогда же из Петербурга и переданы в ведение священника Эрастова для руководства им в нужных случаях.

В 1853 году Наказный Атаман Кавказского Линейного войска ходатайствовал перед Наместником Кавказа о разрешении отправлять в придворную певческую капеллу по три или четыре человека певчих из разных полков вверенного ему войска для приготовления в регенты. Наместник отклонил это ходатайство, положив на нем следующую резолюцию: «полагал бы полезнее и дешевле посылать этих певчих в г. Екатеринодар, где войсковые певчие поют превосходно, в чем я лично убедился, при том же пребывание казаков в придворной певческой капелле было бы несовместимо с их званием».

Вместе с этим предложено было и. д. Наказного Атамана Кухаренко донести, что стоило бы содержание этих певчих Кавказского войска в г. Екатеринодаре для изучения церковного пения.

По справке оказалось, что содержание певчего обходится в год войску для одного взрослого человека на квартиру, продовольствие, обмундирование и жалованье – 50 р., а мальчика – 45 р. Но, кажется, предположение это не было приведено в исполнение; по крайней мере, из дел нигде не видно, чтобы Кавказское Линейное войско присылало своих певчих для обучения в г. Екатеринодар.

В видах более правильного наблюдения и управления войсковыми певческим и музыкантским хорами и. д. Наказного Атамана полковник Кухаренко установил должность директора этих хоров с обязательством отчетностей за них, по примеру директорства по части садоводства, и 5 ноября 1852 года назначил на эту должность ассессора гражданской экспедиции Войскового Правления подполковника Кравчину.

Но недолго, однако, просуществовало это нововведение, и в сентябре 1853 года должность эта была упразднена по приказанию Командующего войсками генерала Заводовского, предложившего на будущее время больше не заводить в войске вымышленных должностей и званий, а руководствоваться на этот предмет войсковым положением 1842 года.

К пасхе 1853 года весь певческий хор по приказанию генерала Заводовского был обмундирован по новой форме, состоявшей из: кафтана светло-синего сукна с воротником из черного плиса, с откидными рукавами и грудью из алого сукна; подбой на этих рукавах из шелковой материи серизового цвета; темно-синих суконных шаровар и шапки обыкновенной с алым верхом.

Священник Эрастов в апреле 1853 года донес в Войсковое Дежурство, что некоторые из мальчиков певческого хора спали с голосов, а другие близки к тому. Для замены их новыми он просил разрешить произвести выбор мальчиков в возрасте от 8–11 лет, имеющих хорошие голоса, и при этом, ввиду частого изменения и порчи детских голосов, происходящих как от возраста, так и от внешних причин – от болезней, простуды и других подобных, просил разрешить выбирать только грамотных, что прежде всегда дозволялось, так как каждому известно, что для изучения вокальной музыки предварительно нужно знать, хотя немного, чтение, на

изучение которого приходится употреблять больше времени, чем на изучение первоначального пения. Благодаря этому, при всякой перемене детских голосов, не имея возможности заменить их тотчас же новыми, расстраивается и соразмерность голосов хора, и хор не может в пении достигать той гармонии, которая происходит от отчетливого состава голосов.

Ввиду этого Войсковое Дежурство предписало окружным начальникам округов Таманского, Екатеринодарского и Ейского одновременно с командируемыми на очередную службу казаками высылать в то же время: в ст. Полтавскую – на 9 мая, Екатеринодарскую – на 8 мая и ст. Уманскую – на 5 мая всех недорослей круглых сирот для выбора из них способных к пению. К этому же времени священнику Эрастову предложено командировать в ст. Полтавскую и Уманскую кого-либо из певчих для выбора, а в Екатеринодаре выбор учеников произвести лично.

В начале 1854 года, с ВЫСОЧАЙШЕГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволения, было объявлено, что все частные лица, имеющие хоры певчих и нуждающиеся в регентах, могут присылать для обучения на звание регентов учеников в Императорскую придворную певческую капеллу на следующих условиях: 1) присылаемые для приготовления в регенты должны быть не моложе 18 лет от роду и иметь о церковной нотной музыке некоторое понятие, 2) они должны быть снабжены приличной одеждой, скрипкой, камертоном и деньгами 30 руб. сер. на покупку нот, 3) за годичное обучение вносить плату в 30 руб. сер. Обучение регентов имеет три различных курса: меньший, средний и высший. Годичная оплата за каждый курс назначена следующая: за меньший – 30 р. сер., за средний – 150 р. сер. и за высший – 300 р. сер. Время, которое ученик должен пробыть в капелле, будет зависеть от его способностей и старания.

Ввиду этого войско, по-прежнему заботясь об обеспечении певческого хора своими регентами, вновь возбудило свое ходатайство о посылке на счет войска в придворную капеллу двух певчих из войскового хора для приготовления в регенты, и, наконец, ходатайство это было удовлетворено. Военный Совет по представлению Командующего отдельным Кавказским корпусом разрешил отправить в Придворную капеллу двух человек для образования из них регентов с отнесением потребующихся на это издержек в течение трех лет на ежегодные остатки от сметных сумм войска.

14 марта 1855 года было предписано священнику Эрастову избрать из числа певчих двух человек, способных для предназначенной цели как в голосах, так и в здоровье, причем один должен быть тенор, а другой бас, но по неизвестным причинам посылка этих певчих затянулась на целых два года, и только в конце 1857 года были выбраны урядник ст. Елизаветинской Моисей Варфоломеев Терпилец и казак ст. Переяславской Митрофан Никитин Бирик и отправлены в Петербург, куда они и прибыли 20 января 1858 года. <...>

Наказный Атаман генерал Филипсон обратил внимание, что в по-последнее время войсковая певческая капелла, славившаяся всегда искусством пения, начала изменять своей прежней славе и постепенно приходит в упадок благодаря тому обстоятельству, что управляющий ею священник Эрастов, при всем его знании музыкального искусства и усердии, будучи часто отвлекаем исполнением треб как по своему приходу, так и по кордонной линии, не имел достаточного времени на занятие с певчими.

Желая сохранить певческий хор по-прежнему в должном виде, генерал Филипсон предписал Войсковому Правлению 3 марта 1856 года священника Эрастова уволить от этой должности, а регентом хора назначить хорунжего Ермолу.

Но назначение это было не совсем удачно, так как уже через год после этого назначения полицеймейстер г. Екатеринодара Калери в рапорте своем от 17 сентября 1857 года донес Войсковому Правлению, что регент сотник Ермола часто находится в болезненном состоянии, а если и бывал здоров, то слабо и лениво занимался своими обязанностями, почему певчие ничему не учились, а праздно бродили по городу, нередко производя дебоши и скандалы.

Действительно, войсковой хор, возбуждавший в недавнее время такой восторг и удовольствие всех слышавших его, видимо для всех приходил в упадок и слабел в своем музыкальном устройстве. Желая со своей стороны поддержать это войсковое учреждение, составлявшее одно из лучших украшений церковного богослужения, и для устранения дальнейшего его расстройств, Калери просил Войсковое Правление сотника Ермолу как больного человека уволить, а на место его снова определить священника Эрастова, управлявшего до этого всегда с отличным успехом и прекрасно во всех отношениях поставившего хор. На запрос Войскового Правления по этому поводу священник Эрастов, со своей стороны, изъявил полное согласие, почему Войсковое Правление указом от 31 октября 1858 г. снова допустило его к управлению хором, а сотника Ермолу уволило как неспособного и больного человека.

Принимая должность регента на тех же условиях, какими пользовался и прежде, священник Эрастов просил только, чтобы войсковое правительство, со своей стороны, оказало все свое содействие, какое окажется нужным для того, чтобы поставить хор на приличную ему степень усовершенствования. Сам же он, по случаю отчисления своего от исполнения треб по Кордонной линии, ничем теперь не может быть отвлекаем от занятий с певчими.

Священник Эрастов, вступивши в управление певческим хором, нашел его, хотя и в штатном составе из 36 человек, но в полном расстройстве, причем оказалось много совершенно безголосых, которых нужно было немедленно заменить новыми. Кроме того, вместо двух человек, отправленных в Придворную капеллу, никого не было назначено, почему Эрастов просил разрешения Наказного Атамана занять их место новыми певчими, так как они для воспитания своего получали от войска особое содержание, независимое от средств, отпускавшихся на хор.

В 1859 году урядник Терпилец и казак Бирик, командированные в Придворную певческую капеллу для приготовления в регенты, окончили свое образование с успехом, и им были выданы аттестаты 2 разряда.

И. д. Наказного Атамана генерал Кусаков, ввиду окончания Терпильцем и Бириком курса, признавая теперь излишним нанимать постороннего регента для управления певческим хором, предложил Войсковому Правлению допустить урядника Терпильца к исправлению должности регента Войскового хора, а священника Эрастова вовсе уволить от этой должности.

2 ноября 1859 г. урядник Терпилец принял в свое управление хор, а помощником к нему назначен был окончивший вместе с ним курс казак Митрофан Бирик <...>.

Генерал Кусаков в письме своем на имя директора Придворной певческой капеллы 28 июня 1860 г. сообщил, что с возвращением урядника Терпильца в Екатеринодар Войсковой певческий хор значительно улучшился в отношении методы пения, но крайний недостаток нотных книг, необходимых для обучения певчих, лишает всякой возможности довести хор этот до возможной степени совершенства, почему он просил выслать эти книги из магазина при капелле, и в конце ноября того же года просимые ноты были высланы в певческий хор.

В 1860 году Войсковое Правление, имея в виду, что форменное обмундирование,

построенное в последний раз в 1856 году музыкантам и певчим, совершенно уже изношено и настоятельно требует замены новым, что войсковым музыкантам назначено обмундирование по определению самого Войскового Правления, форма же одежды для певчих присвоена на основании приказа Командующего войсками генерала от кавалерии Заводовского, и что все это обмундирование строится на счет самих певчих и музыкантов, признало необходимым ввиду увеличившейся на все дороговизны и скудости получаемого ими содержания, по возможности, упростить форменную одежду певчих и музыкантов.

Присвоенное для музыкантов обмундирование обходилось весьма недорого и было сходно с обмундированием музыкантов пеших батальонов войска Черноморского; одежда же певчих, не имея ничего общего с мундирною одеждою ни пеших батальонов, ни конных полков, обходится им очень дорого.

Поэтому Войсковое Правление признало необходимым форму обмундирования музыкантов оставить прежнюю, с тем, однако же, чтобы на плечевых погонах кафтана и шинели были высечены буквы «В.М.» (Войсковой музыкант) и чтобы, кроме плечевых музыкантских знаков, ни грудь, ни рукава, ни спинка кафтана не были обшиваемы белую тесьмою.

Певчим же выработано было следующее обмундирование: кафтан синего сукна с красною выпушкою на воротнике и обшлагах и с плечевыми погонами из красного сукна с высечкою на них букв «В.П.» (Войсковой певчий), шаровары из синего сукна, шинель (пальто) из серого солдатского сукна с такими же плечевыми погонами и буквами на них, как и на кафтане; для лета – фуражку из синего сукна с таким же околышем и одною выпушкою из красного сукна, а для зимы – шапка из черного курпея с верхом из синего сукна.

Командующий войсками граф Евдокимов в октябре 1860 года одобрил это упрощение и изменение формы обмундирования для войсковых музыкантов и певчих.

V

О музыкантском хоре

В марте 1834 года, с разрешения Войсковой Канцелярии, были куплены капельмейстером Родионенко новые инструменты у торговца г. Екатеринодара Мирона Шаповалова, а именно: 2 кларнета-бе с адурными коленами, 2 кларнета-це с цедурными коленами, 2 больших флейты с коленами, 1 пикколо-флейта черного дерева, 4 пикколо пальмового дерева це, де и еф и затем тростей и камыша – 1 ф. на сумму 368 руб.

В ноябре 1839 г. капельмейстер хорунжий Родионенко доносил в Войсковую Канцелярию, что инструментальная музыка, существующая с давнего времени при войсковой духовой музыке, при всех его трудах и желании не может быть усовершенствована по неимению в ней самых необходимых инструментов, как то: контрабаса, хороших скрипок и метронома и просил выписать их, а также и для духовой музыки: одну пару труб с полными машинами, одну пару настоящих турецких тарелок, камышу морского для тростей, скрипичных смычков, колочков для скрипок, канифоли и нот.

В числе нот он просил приобрести:

- 1) 10 увертюр лучших сочинителей для полной инструментальной и духовой

музыки;

- 2) 5 увертюры для духовой музыки;
- 3) 2 попури – соч. Гуммеля;
- 4) 10 скорых и 5 тихих маршей;
- 5) 10 новейших полонезов, 15 вальсов и котильонов, 10 мазурок и 2 галопада.

Кроме того, одну кларнетную школу с полными экзерцициями и одну простую школу для хроматических тромбонов о 3-х педалях.

Войсковая Канцелярия поручила приобрести все это в Москве подполковнику Табанцу, но он купил только 10 ф. канифоли, 3 ф. камышу, 12 скрипичных колков и 10 шт. гобойных тростей (остальные же предметы по неизвестной причине им не были куплены).

Ввиду этого уже в следующем 1840 году хорунжий Родионенко снова вошел с ходатайством о приобретении нового инструмента, так как весь старый, за самым небольшим исключением, пришел в полную негодность, при этом он представил в Войсковую Канцелярию опись старому инструменту с отметками о его состоянии; интересно отметить, что в этой описи в числе 9 негодных кавалерийских труб с кистями сделана следующая отметка: «из числа этих труб четыре, по необходимости, имеют употребление при наказании преступников».

Старый инструмент, требующий починки, был починен жившим в Екатеринодаре крестьянином Кузьмой Маркиным под руководством самого капельмейстера Родионенко. Починка была произведена хорошо и достаточно прочно.

Новый же инструмент был куплен в марте 1841 года в Москве подполковником Кухаренко у московского музыкального мастера Владимира Орлова, при этом были куплены 13 партитур разных пьес для музыки.

Войсковая Канцелярия указом от 30 ноября 1840 года предписала капельмейстеру сотнику Родионенко, чтобы из полученной платы за частную игру одну половину обращать в войсковой доход на пополнение издержек на содержание музыки, а одну треть обращать в пользу капельмейстера за труды. <...>

12 мая 1844 года Воронежской губернии, города Богучара 3 гильдии купец Петр Кривоносов подал прошение в Войсковое Правление, в котором изложил, что он, имея за собою 20-летнюю практику как регентскую при придворной церкви в г. Таганроге, так и капельмейстерскую у помещиков войска Донского, ротмистра Серебрякова и графа Орлова-Денисова, желает принять на себя должность по управлению обоими войсковыми хорами, певческим и музыкантским <...>.

На основании этого с ним был заключен 19 мая 1844 года следующий контракт: по принятии Войсковой капеллы Кривоносов обязывался обучить музыкантов войсковой духовой инструментальной музыке в числе 24 человек и сверх комплекта обучать и тех, которые будут назначены на место выбывающих по разным случаям из хора. Обучением музыке он должен был заниматься ежедневно по три часа в день, кроме дней воскресных, праздничных и торжественных.

В должности капельмейстера он обязывался пробыть пять лет, если по истечении первого года музыка будет доведена до совершенства, в противном случае Войсковое Правление имело право устранить его от должности.

Кроме того, Кривоносов, согласно разрешению Военного Министра, обязывался обучать и назначенных по штату Черноморского войска трубачей, барабанщиков и горнистов Л.-Гв. Черноморского дивизиона, полковых, батальонных и конно-артиллерийской бригады.

Контракт с Кривоносовым был заключен с разрешения Военного Министра, предписавшего вместе с тем Войсковому Правлению по прошествии первого года донести ему об успехе занятий этого капельмейстера с музыкантами хора и в особенности с трубачами.

Согласно тому же контракту капельмейстер Кривоносов должен был состоять в непосредственном ведении и распоряжении Наказного Атамана и Начальника Штаба и обязывался исполнять все их приказания, а равно и предписания Войскового Правления в отношении к духовой инструментальной музыке.

Бывший же капельмейстер сотник Родионенко 15 мая 1844 года отчислен в 5 пеший батальон и предписанием Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории за нечаянное убийство из ружья артиллерии подпоручика Борисова предан военному суду.

В январе 1845 г. капельмейстер Кривоносов в рапорте своем просил Войсковое Правление, чтобы выслуживших 25-летний срок музыкантов оставлять в хоре еще на пять лет, дабы за это время можно было возможно лучше приспособить новых музыкантов, тогда музыка всегда будет в полном комплекте и не будет расстраиваться; кроме того, он просил, чтобы разрешено было на место выслуживающих 25-летний срок и уходящих из хора заблаговременно назначить мальчиков в возрасте 15 лет преимущественно из жителей ст. Екатеринодарской для предварительного обучения их игре.

И. д. Наказного Атамана генерал Рашпиль по представлению Войскового Правления решил оставить 8 музыкантов, выслуживших 25-летний срок, еще на пять лет на прежнем положении. Относительно же набора мальчиков из станицы Екатеринодарской предписано было сделать этот выбор самому капельмейстеру Кривоносову с тем, чтобы содержание им производилось из штатной музыкантской суммы, остающейся собственно для снабжения музыки нужными вещами.

Кривоносов выбрал 8 мальчиков для приготовления в музыканты, и им было положено содержание по 15 руб. сер. каждому в год.

По докладу об этом Командующему войсками генерал-лейтенанту Заводовскому последним было предписано на будущее время принять к руководству следующее:

1) обучающихся в музыкантском хоре восемь мальчиков удовлетворить содержанием за 1845 и 1846 годы из денег, заигранных у частных лиц.

2) Впредь постоянно восемь мальчиков, преимущественно из сирот, обучать при музыке, в виде резерва для ее комплектования и ими постепенно замещать вакансии музыкантов, выслуживающих узаконенные лета и вообще убывающих из хора по разным другим случаям.

3) Так как оклад для содержания по 15 руб. в год слишком скуден и недостаточен, то им с 1 января 1847 года производить содержание по 21 руб. сер. в год каждому.

4) Потребный на это расход в 168 руб. сер. отнести на деньги, приобретаемые игрой войсковой музыки от частных лиц, а в случае недостатка этих денег восполнять из остатков штатной суммы, хранящейся для потребности музыки.

По прошествии года со дня прибытия Кривоносова в Екатеринодар Войсковое Правление для проверки музыкального образования духовой и инструментальной музыки, а равно и трубачей, барабанщиков и горнистов назначило войсковую комиссию из асессора Войскового Правления есаула Бабича, полицеймейстера гор. Екатеринодара подполковника Шарапа и стряпчего Екатеринодарского округа коллежского асессора Петрова. Кроме того, комиссия от себя уже должна была

пригласить опытных по музыкальной части лиц, преимущественно из служивших прежде в войсковой музыке офицеров, и в назначенное время проэкзаменовать во всех новых познаниях музыкантов, трубачей, барабанщиков и горнистов.

Испытание, произведенное комиссией, происходило 22 сентября 1846 года, причем ею был составлен особый экзаменный лист, который и был представлен потом в Войсковое Правление. Вот этот любопытный документ:

«Экзаменный лист»

«На основании указа Войскового Правления Черноморского казачьего войска № 9773 мы, нижеподписавшиеся, пригласив к себе опытных по части музыкальной чиновников, служивших в нижних чинах в войсковой духовой музыке, есаула Москаленко и сотника Артюхова, экзаменовали в познаниях в игре войсковую духовую и инструментальную музыку, трубачей от конных сего войска полков, обучаемых капельмейстером Кривоносовым, причем оказалось, что музыка на всех инструментах играет хорошо и каждый из них знает свое дело, равно трубачи имеют хорошее познание, особливо в военных сигналах и повестках, и капельмейстер Кривоносов занимается обучением их с должным старанием и усердием, барабанщиков же и горнистов мы не экзаменовали по случаю нахождения их при своих командах. В сем подписом нашим удостоверяем. Екатеринодар, 22 сентября 1846 г.»

Ввиду отсутствия помещения для обучения музыкантов на новом инструменте бывший капельмейстер, сотник Родионенко, еще в 1841 году просил Войсковое Правление приспособить для этой цели дом старой полиции и старую казарму внутри двора для помещения бездомовных музыкантов.

Назначенная для этого комиссия, ввиду крайней ветхости этих построек, которые починять было бесполезно и слишком дорого, признала более выгодным построить на этом месте новый большой дом о двух половинах, в котором могли бы заниматься музыканты и храниться инструмент.

Но постройка эта почему-то не была произведена до 1845 года, когда уже капельмейстер Кривоносов вновь возбудил вопрос об отводе помещения для обучения музыкантов, так как отведенный небольшой домик на Екатеринодарской площади не мог служить для этого, будучи расположен против самой церкви, в которой происходило всегдашнее служение, и Наказным Атаманом по этой причине было запрещено заниматься в этом доме.

Неимение помещения отражалось крайне вредно на правильности обучения музыкантов. Временно на летнее время музыкантам были выданы три больших палатки; и. д. Наказного Атамана генерал Рашпиль, осмотрев помещения старой полиции, признал их также совершенно негодными по тесноте и ветхости, постройку же нового здания на этом месте не разрешил, потому что здесь предполагалось к постройке здание для войсковой почтовой конторы, а приказал полицеймейстеру, войсковому старшине Кордовскому, приискать и купить для этой цели другое плановое место.

Такое место вскоре было куплено войсковым старшиною Кордовским у казачки Бурой ценою за 43 руб. сер. Купленное место находилось в 3-м квартале города и имело в длину 41 саж. и в ширину 21 саж. Здесь был построен к осени 1846 года дом со службами по плану, составленному есаулом Шираем, и музыканты имели теперь свое собственное помещение. <...>

В докладной записке от 28 февраля 1848 года капельмейстер Кривоносов, излагая печальное состояние имеющегося в наличности инструмента, доносил Войсковому Правлению, что из имеющегося духового и инструментального инструмента, кроме одной скрипки, альты, виолончели и контрабаса, нет ни одного способного к игре, так как инструмент от долговременного употребления и по неимению до этого времени удобного помещения для хранения, весь перепорчен, а именно: поломан, погнут и раздут, да кроме того этот инструмент старой конструкции, так что современных пьес на нем совершенно играть невозможно, потому что он без педалей. Между тем, теперь

все пьесы пишутся для педальных инструментов, и поэтому имеющийся инструмент никак невозможно согласить в строй, ибо он так фальшив, что при всех стараниях капельмейстера невозможно ни одной пьесы сыграть правильно, а многие пьесы совершенно оставлены, потому что исполнять их без педалей невозможно. Затем, наличного инструмента недостает на всех, так что некоторым мальчикам, которые уже подучились, не на чем играть в хоре.

Комиссия, осматривавшая музыкальный инструмент, нашла, что некоторая часть старого, по исправлении, еще может быть годна для обучения, большая же часть совершенно не годна даже после починки, почему комиссия, согласно указаниям капельмейстера, признала необходимым купить новый инструмент, а именно:

- 1) Кларнетов це-дурных.....6
- 2) Кларнетов А-Б колен.....6
- 3) Пикколо-кларнетов Эф2
- 4) Пикколо-кларнетов Dis.....2
- 5) Флейт больших с 10 клапанами2
- 6) Терция-флейта с 6 клапанами1
- 7) Октава-флейта с 6 клапанами1
- 8) Кварт-флейта с 6 клапанами1
- 9) Басит-горн с 17 клапанами.....2
- 10) Басит-басов1
- 11) Фаготов с 9 клапанами2
- 12) Английский рожок с 12 клапанами1
- 13) Контр-фагот с 7 клапанами1
- 14) Скрипок.....6
- 15) Смычков.....7
- 16) Барабан медный1
- 17) Труб-принципал с клапанами2
- 18) Корно-бас-це.....1
- 19) Валторн с педалью
и восемью внутренними машинами.....4
- 20) Альт эф.....1
- 21) Контрабас це тромбон1
и кроме того исправить 11 медных инструментов.

Ходатайство войскового начальства о приобретении нового инструмента для музыкального хора было разрешено Главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом в начале 1850 года.

Для покупки инструмента командирован был в гор. Одессу капельмейстер Кривоносов, причем ему приказано было по прибытии явиться к градоначальнику, тайному советнику Казначееву и при содействии его купить весь инструмент самого лучшего качества. Вместе с этим было послано письмо градоначальнику с просьбой оказать с его стороны всевозможное содействие капельмейстеру Кривоносову в приискании и покупке инструмента за выгодную для войска цену.

20 июня Кривоносов выехал в Одессу и по прибытии туда при содействии

одесского градоначальника и тамошнего полицеймейстера приискал и купил весь инструмент у инструментального мастера Ивана Мерца за цену 2114 р. 10 коп. сер.

<...>

Ввиду отсутствия войсковых сумм в войске Кавказском и неимении возможности иметь за счет войска вольнонаемного капельмейстера для обучения трубачей в полках и батареях этого войска, Главнокомандующий корпусом, по ходатайству Наказного Атамана, генерала Круковского, приказал трубачей Линейного войска 1, 2, 3, 4 и 5 бригад и 13 конно-артиллерийской батареи отправить для обучения в Черноморское войско к войсковому капельмейстеру Кривоносову, причем запросить последнего, на каких условиях он может их обучать. Кривоносов охотно принял на себя обучение этих трубачей и, ввиду бедности линейного войска, пожелал это сделать без всякой платы за труды; только просил в один раз присылать не более 52 человек для обучения.

К маю 1849 года трубачи были им вполне обучены и на испытании, произведенном им 20 июня в Ставрополе Наказным Атаманом, генералом Круковским, оказались имеющими хорошие познания в своем деле.

Ввиду окончания в 1849 году пятилетнего контракта и на запрос Войскового Правления, не пожелает ли капельмейстер Кривоносов продолжать свою службу и дальше в войске, но с понижением теперешней платы, Кривоносов объяснил, что ему было очень тяжело ежегодно обучать вновь до 200 человек трубачей, барабанщиков и горнистов, но он, желая послужить войску сверх данного им обязательства по контракту, не щадил здоровья и сил и надеялся, что за его обширные и тягостные труды войско на новый срок добавит ему жалованье, надеясь, что и теперь, ввиду предыдущей его службы, войско не откажет ему в прибавке, он соглашался принять на себя еще на пять лет управление хорами на прежних условиях <...>.

Войсковое Правление, принимая во внимание усердие Кривоносова, оказанное им в прошедшие пять лет в обучении войсковой музыки, обширные познания его в этом занятии, доказанные опытом, а равно и безвозмездное обучение за это время трубачей, барабанщиков и горнистов, а главное, отсутствие в данное время других лиц, желающих занять эту должность, положило заключить с ним новый контракт еще на пять лет, с платой ему 1400 рублей сер. в год.

Но командующий войсками генерал Заводовский не согласился с этими условиями ввиду дорогой платы и предложил войску подыскать другого капельмейстера, а Кривоносова уволить.

Ввиду неимения нового капельмейстера Кривоносов по предложению Войскового Правления остался на время, до приискания нового капельмейстера, за прежнюю плату и пробыл еще в войске до сентября 1852 года.

22 сентября 1852 года войском был нанят новый капельмейстер отставной комиссар 14 класса Яков Тарабарев сроком на один год по 800 рублей сер. в год с тем, что если занятия его по части музыки в продолжение года покажут видимый успех и улучшение хора, то в таком случае он может заключить новый контракт на несколько лет сряду с прибавлением жалованья.

Вследствие недостаточного числа мальчиков, бывших при хоре в виде резерва для пополнения музыки, Наказным Атаманом было разрешено в октябре 1852 года капельмейстеру Тарабареву избрать еще 4 мальчиков не старше 16 лет от роду и притом круглых сирот или же бездомовных, так что с этого времени резерв состоял из 12 мальчиков.

В 1853 году согласно положению Военного Совета, ВЫСОЧАЙШЕ

утвержденного 13 апреля 1851 г., были заведены в войске, на счет войсковой суммы, кавалерийские pedalные трубы на один хор в 20 человек <...>.

В хоре этом должны были играть трубачи от конных полков, обучающиеся при музыкальной капелле, а чтобы pedalная музыка не могла приходить в упадок за переменою на льготу и по другим случаям приученных к ней трубачей, то по распоряжению генерала Заводовского было назначено из певческого хора 6 человек певчих для изучения игры на pedalной музыке. Эти же певчие должны были постоянно служить учителями игры на pedalной музыке для переменяющихся трубачей. Общее управление этим хором было поручено войсковому капельмейстеру.

Так как годичный срок капельмейстеру Тарабареву кончился 22 сентября 1853 года, то Войсковое Правление заблаговременно запросило Тарабарева, согласен ли он будет и на дальнейшее время исполнять настоящую должность и за какую плату.

<...>

В это время есаул 5-го пешего батальона Родионенко, бывший в войске раньше капельмейстером, заявил, что он желает принять на себя бесплатно обучение хора трубачей на кавалерийских pedalных трубах, а также и всех прочих трубачей, горнистов и барабанщиков строевых частей войска. Почему Наказный Атаман поручил есаулу Родионенко обучение всех трубачей, горнистов и барабанщиков, а Тарабарева решил оставить и на дальнейшее время капельмейстером войсковой духовой и инструментальной музыки за плату в 400 р. сер. в год. Такое решение значительно сберегало войсковые суммы, но капельмейстер Тарабарев скончался от болезни 14 октября, и хор остался без капельмейстера.

Генерал Заводовский в проезд свой через Ольгинское укрепление по докладе ему о смерти Тарабарева лично приказал капеллу войсковой духовой и инструментальной музыки с резервом из 12 мальчиков, а также всех трубачей, горнистов и барабанщиков впредь до отыскания другого вольного капельмейстера поручить в управление бывшему в прежнее время войсковым капельмейстером есаулу 5-го пешего батальона Родионенко.

По предложению Наказного Атамана генерала Филипсона есаул Родионенко был назначен капельмейстером всей войсковой музыки с 4 марта 1856 года.

Это назначение было утверждено 11 февраля 1858 года Командующим войсками на Кавказской линии.

Учрежденная в войске на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления кавалерийская pedalная музыка (один хор в 20 человек) на первое время по распоряжению войскового начальства была сформирована из молодых казаков, жителей города Екатеринодара и ближайших станиц. Благодаря заботливости и трудам есаула Родионенко, музыканты эти в течение трех лет прекрасно были обучены играть на кавалерийском pedalном инструменте всякого рода марши и другие пьесы и танцы и часто играли в Благородном собрании. В дальнейшем можно было ожидать от этого хора еще лучших успехов, но, к сожалению, в 1857 г. было отдано распоряжение музыкантов этих распустить и на будущее время набирать в эту музыку трубачей, ежегодно командируемых от конных полков для изучения сигналов; трубачи эти были часто старых лет и даже неграмотные, часто не понимавшие не только нот, но даже и названия инструмента, которых при всем желании и усердии в течение года едва ли можно было приучить несколько к маршевой игре; затем через год они снова переменялись другими в том же роде, и благодаря этому начинавший кое-как к концу года налаживаться хор снова расстраивался.

Ввиду такого печального состояния pedalной музыки есаул Родионенко в мае

1858 года просил в отмену этого последнего распоряжения сформировать педальную музыку на прежних основаниях, т. е. из малолетков гор. Екатеринодара и ближайших к нему станиц с определением им жалованья и обмундирования, но это ходатайство оставлено было Наказным Атаманом без уважения.

В том же 1858 году есаул Родионенко по приказанию Наказного Атамана приступил к приготовлению войсковых музыкантов и в особенности кавалерийской медной музыки стройной игре по случаю предстоящего проезда через Екатеринодар ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МИХАИЛА И НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧЕЙ. При этом к обучению кавалерийской музыке встретилось сильное затруднение по случаю прикомандирования музыкантов от полков только

в мае месяце, почему Родионенко просил разрешения у Наказного Атамана прикомандировать на это время всех музыкантов, бывших уже в педальной музыке в 1854, 1855 и 1856 годах. Наказный Атаман разрешил, и музыканты эти были вызваны со льготы, причем после проезда ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ они должны были опять быть спущены на льготу.

Заведующий Исполнительной экспедицией есаул Изюмский рапортом от 7 августа 1859 года просил о выписке для войсковой музыки нового инструмента, починке старого и продаже пришедшего в негодность.

Но ввиду перемен, происшедших в это время по случаю соединения Черноморского и Кавказского казачьих войск в одно Кубанское, только через два года, т. е. в 1861 году и. д. Наказного Атамана генерал Иванов, осмотрев лично инструмент в войсковом хоре, нашел, что он от давнего употребления пришел совершенно в негодность и настоятельно требует замены новым. Поэтому генерал Иванов приказал выписать новый инструмент согласно ведомости, представленной есаулом Изюмским, <...>. Выбор и покупку всего инструмента он поручил произвести отставному войсковому старшине Солянику в Одессе в магазине инструментального мастера Мерца, у которого войско покупало уже в 1850 году.

Для выбора и приема инструментов этих и присмотра за ними в пути он приказал назначить в помощь войсковому старшине Солянику двух лучших музыкантов из войскового оркестра, а на проезд их туда и обратно и на содержание в Одессе выдать 200 р. сер. из войсковой экстраординарной суммы.

За инструментом были командированы урядники Диомид Крикун и Авксентий Малахов.

Кроме того, генерал Иванов в особом письме на имя Мерца просил его выбрать инструмент возможно лучший, и если означенной суммы не хватит, то этим не стесняться. Оркестровка приобретаемых духовых инструментов соображена капельмейстером войсковой духовой музыки по числу 32 музыкантов. Скрипка, альт и прочее требуются вдобавок к имеющимся уже в хоре инструментам бальной музыки. Затем, так как г. Мерцу лично уже известны были неполнота и неправильная оркестровка старой войсковой музыки, а также небольшое искусство теперешнего капельмейстера, то Наказный Атаман просил обратить особенное внимание на выбор духовых инструментов, назначенных войсковым капельмейстером к покупке, и если Мерц найдет нужным убавить что-нибудь лишнее, вышедшее уже из употребления, или заменить один инструмент другим, или же прибавить недостающее необходимое, то он его уполномочивает сделать это; одним словом, нужно аранжировать музыку так, чтобы ее можно было слушать с удовольствием.

Посылаемый старый инструмент просил исправить и настроить так, чтобы тон

его вполне подходил под новые покупаемые у него инструменты, а также не отказал найти для войсковой духовой и бальной музыки вполне опытного и добросовестного капельмейстера. <...>

В декабре 1861 года Наказный Атаман за отличные успехи, оказанные войсковыми музыкантами при переформировании войсковой музыки, и в поощрение их на будущее время назначил им в награду из экстраординарной суммы 20 р. сер. с выдачей их музыкантам по его личному назначению. Это была, кажется, первая денежная награда, которая была выдана музыкантам войскового хора.

1 ноября 1861 года есаул Родионенко был уволен от должности войскового капельмейстера по старости, дряхлости и испорченности зрения.

С первых дней существования войскового музыкантского хора Павел Павлович Родионенко 1 марта 1812 года вступил в ряды этого хора еще юношей, почти отроком, полным сил и здоровья и через пятьдесят лет службы, из коих сорок лет проведено им бессменно в хоре, покинул этот хор дряхлым и почти лишенным зрения стариком: крепко любил он искусство и с честью послужил родному войску на протяжении полувековой своей службы. Уже в молодых годах в нем заметна была горячая любовь к музыке, и он резко выделяется из среды своих товарищей талантливостью и способностями в этом искусстве, так что в 1825 году войсковое начальство, желая уменьшить расходы войска по найму вольных капельмейстеров и в то же время иметь своего капельмейстера, посылает Павла Павловича в Харьков к известному виртуозу Витковскому для усовершенствования в музыкальном деле и впоследствии управления войсковым музыкантским хором. Там он пробыл только один год и по распоряжению войскового начальства принужден был возвратиться обратно в войско, не закончив, к сожалению, своего музыкального образования.

По возвращении из Харькова в войско он 4 октября 1826 года по воле начальства назначается капельмейстером войсковой музыки, следовательно, достигает, так сказать, венца своей служебной карьеры. Капельмейстером войсковой музыки он пробыл двадцать пять с половиною лет, правда, не беспрерывно, так как 15 мая 1844 года он на несколько лет переходит в 5-й пеший батальон, но в октябре 1853 года по распоряжению генерала Заводовского он снова становится во главе войсковой музыки и в течение еще восьми лет с честью ведет ее по пути усовершенствования, пока, наконец, расшатанные силы и надорванное здоровье не заставляют его поневоле удалиться от любимого дела на покой.

Много энергии, сил и труда положил Павел Павлович на развитие, поддержание и усовершенствование горячо им любимого музыкального искусства в родном войске, и хотя, к сожалению, он не обладал вполне законченным музыкальным образованием, тем не менее очевидно он много и успешно работал сам над своим усовершенствованием и в течение долгого времени отлично вел и совершенствовал войсковую музыку.

Да будет всегда памятна в войсковом и музыкантском хоре его полувековая деятельность на пользу и процветание этого же хора.

1 марта 1862 года войском приглашен на должность капельмейстера австрийско-подданный Иван Францович Галашек. По условию, заключенному им на один год, за плату 1200 рублей, он обязался, кроме обучения войсковой музыки, быть инструктором барабанщиков и горнистов пеших батальонов и трубачей конных полков и заботиться, чтобы они твердо и правильно усвоили марши, сигналы и проч.; принял на себя также практическое обучение войскового певческого хора концертами и другими музыкальными сочинениями с аккомпанементом оркестра и без него.

К службе Галашек относился очень усердно и неутомимо и в течение своей годичной службы в войске весьма успешно поставил музыкантский хор, несколько расстроенный за последний год службы есаула Родионенко, так как последний ввиду состояния своего здоровья не мог уже так тщательно управлять хором, как в прежнее время.

В этом же году Наказный Атаман, озабочиваясь состоянием и улучшением войсковых хоров, предложил Войсковому Правлению пересмотреть положение о них и выработать новые нормы, более отвечающие современным условиям их службы и жизни.

<...>

Войсковое Правление, обсудивши эти вопросы, выработало следующие изменения:

1) певчим, музыкантам и ученикам, независимо от выдачи указанного провианта, приварочных денег каждому по 5 р. 21 1/2 коп. и квартирных по 6 р. 85 коп., производить жалованье по разрядам <...>.

Достойные на получение 1-го и 2-го окладов жалованья должны были избираться из среды хоров самими певчими и музыкантами, в присутствии регента и капельмейстера, а утверждались бы Наказным Атаманом; разрядные списки должны были представляться на утверждение регентом и капельмейстером чрез каждое полугодие.

2) Раздачу жалованья производить не по третям года, а помесечно.

3) Остающиеся затем свободными от певчих – 202 р. 60 к., музыкантов – 326 р. 50 к. и учеников – 56 р., всего 585 р. 10 к., равно от могущего быть в хорах некомплекта и заработанные деньги певчими и музыкантами у частных лиц должны быть записаны заведующим хорами в особую денежную приходо-расходную книгу, куда записать и оставшиеся к январю 1862 г. – 2477 р. 55 к. сер.

4) Из наличной суммы, кроме покупки для хоров вещей и других расходов по улучшению их быта во всех отношениях, назначать, с утверждения Наказного Атамана, в награду деньги тем из певчих и музыкантов, которые своими способностями, усердием к службе и добрым поведением будут заслуживать этого поощрения.

5) Вычет из жалованья певчих и музыкантов на обмундирование прекратить и делать им постройку обмундирования на счет суммы, сберегаемой на снабжение хоров, как выше объяснено, вещами (585 р. 10 к.) в год. Числящийся же за ними долг в 543 р. 40 1/2 к. сложить. Если бы в будущем не хватало на это запасного капитала, то в таком случае производить удержание из жалованья, но не более 3 рублей в год с каждого певчего, музыканта и ученика.

Кроме того, Наказный Атаман вошел с ходатайством к Главнокомандующему о разрешении: 1) добавить к имеющимся уже 18 ученикам еще 42, т. е. по числу певчих и музыкантов, на каждого по одному; 2) на содержание войсковых хоров, вместо отпускаемых из войсковых сумм 2666 руб. 10 к., отпускать 4500 руб. сер. в год; и 3) на ремонт инструментов, покупку нот и проч. отпускать особо из войскового капитала по 400 р. в год, как это делается в войске Донском.

Главнокомандующий армией, имея в виду, что доходы Кубанского казачьего войска недостаточны на покрытие текущих расходов и что хор певчих до этого времени обходился без учеников и был удовлетворителен, не изъявил согласия на добавление учеников в певческий и музыкантский хоры, а также и на добавку на содержание хоров, до тех пор, пока не позволят этого доходы войска.

По распоряжению Наказного Атамана 27 июня 1862 г. состоящий при нем для особых поручений войсковой старшина Языков был назначен Заведующим войсковыми хорами, причем в его ведение были переданы все имущество хоров и денежные суммы.

В начале октября 1861 года по распоряжению командующего войсками в Кубанской области графа Евдокимова войсковой музыкантский хор бывшего Кавказского казачьего войска, состоявший при штабе войск Кубанской области в г. Ставрополе в составе 35 чел. музыкантов со всем инструментом и прочим имуществом хора, был передан командированному Наказным Атаманом Кубанского казачьего войска помощнику старшего адъютанта хорунжему Петрюку и доставлен последним в г. Екатеринодар, где он поступил в общий состав музыки Кубанского казачьего войска.

<...>

1 марта 1863 года капельмейстер Галашек ушел с должности, а 4 марта принял хор в управление фон-Стадлинг, пробывший всего четыре месяца; его сменил 12 июля того же года саксонский подданный Циммерман, но и этот последний пробыл всего только до 1 января 1864 года. По условию оба эти капельмейстера обязаны были сверх 24 человек, составлявших оркестр пехотного строя, и 18 учеников обучать еще 35 человек, составлявших оркестр духовой музыки кавалерийского строя, и 5 ч. учеников и, кроме того, обучать музыкантов бального оркестра.

К празднику Рождества Христова в 1863 г. выдано было с разрешения Наказного Атамана в награду музыкантам и певчим, отличившимся особым усердием, знанием своего дела и поведением, 346 р. сер.

По распоряжению Наказного Атамана войсковой старшина Языков, 7 января 1864 года, сдал заведывание обоим музыкантским хорам и певческой капеллы со всем принадлежащим к ним имуществом и денежными суммами адъютанту Наказного Атамана, Северского драгунского полка поручику барону Унгерн-Штернбергу.

Наказный Атаман граф Сумароков-Эльстон, находя подчинение войсковых музыкантских хоров Войсковому Правлению несоответствующим, так как они по прямому своему назначению принадлежат к военному составу войска, приказал хоры эти передать в непосредственное ведение Войсового Дежурства со всем инструментом, имуществом и денежными суммами.

Передача эта состоялась в апреле 1865 года.

Тогда же граф Сумароков-Эльстон заведывание музыкантскими хорами поручил адъютанту своему, сотнику Орловскому, вместо есаула барона Унгерн-Штернберга; заведывание же певческим хором возложено было им на личного своего адъютанта, есаула Пентюхова.

VI

О певческом хоре

В сентябре 1861 года войсковой певческий хор при проезде через гор. Екатеринодар ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го удостоился исполнять в присутствии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА некоторые песни, преимущественно малороссийские, за что был осчастливлен МОНАРШИМ вниманием и одобрением, причем ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволил милостиво отметить стройность пения

войскового хора и выдающиеся голоса, имеющиеся в хоре.

Это МОНАРШЕЕ внимание и одобрение лучше всего указывают на то обстоятельство, что войсковой певческий хор в то время находился на высокой степени совершенства.

В мае 1862 года Наказный Атаман генерал Иванов, имея в виду, что урядники Терпилец и Бибик, стоящие во главе певческого хора, не закончили полного курса и потому для занятия места регента окончательно не подготовлены, и в то же время озабочиваясь поддержанием и развитием певческого хора, удостоенного ВЫСОЧАЙШЕГО одобрения, просил разрешения у главнокомандующего Кавказской армией об отправлении в Петербург на полный курс в ИМПЕРАТОРСКУЮ придворную капеллу двух способных певчих для приготовления их в регенты.

Военный Совет в конце 1863 года разрешил отправить двух певчих в придворную капеллу с отнесением необходимого на это в течение трех лет расхода <...>.

Вследствие этого разрешения были выбраны из хора два певчих: урядник Константин Белинский и казак Трофим Бондаревский, оба 18 лет от роду, и к августу 1864 г. отправлены в Петербург.

Но уже в конце декабря этого же года директор придворной капеллы уведомил Войсковое Правление, что урядник Константин Белинский, при всем его старании и прилежании, оказался вовсе неспособным к изучению этого трудного регентского искусства, почему он и был возвращен обратно в войско; вместо же него Наказный Атаман приказал другого не посылать в капеллу.

Казак Трофим Бондаревский с успехом окончил положенный в капелле трехлетний курс и 9 августа 1867 года прибыл обратно в войско.

Чувствуемая войсковым певческим хором крайняя необходимость в способном деятельном регенте и невозможность отыскать такого из среды местного населения была близко принята к сердцу Наказным Атаманом графом Сумароковым-Эльстоном, и он в апреле 1864 г. просил в особом письме директора придворной капеллы оказать свое содействие и прислать в войсковой хор опытного регента <...>.

Директор Бахметьев вскоре ответил, что за предлагаемую плату никто не изъявил желания ехать по причине отдаленности края и ограниченной платы за труд.

Тогда Наказный Атаман просил сообщить, на каких именно условиях можно выписать хорошего и вполне знающего регента.

Только 15 сентября Бахметьев уведомил Наказного Атамана, что место регента в войсковом хоре желает занять окончивший регентский курс учитель пения Московского Синодального хора Михаил Лебедев <...>.

За отсутствием Наказного Атамана Войсковое Правление 15 ноября отзывом сообщило директору певческой капеллы, что на условия войско согласно и просит его заключить с Лебедевым условие, добавив: «пункт 3-й – что Лебедев обязан не только управлять ныне существующим хором, но обучать и вновь набираемых мальчиков и вообще обязан поставить войсковой хор на приличную степень совершенства». <...>

По прибытии Лебедева в Екатеринодар для него и для обучения певческого хора по распоряжению Войскового Правления приискана была квартира у диакона войскового собора Погорелова, заключающая в себе три покоя: один большой для занятия уроков и нотных пений, один для обучения мальчиков и третий с особою кухнею для жилья Лебедева с семейством <...>.

В ноябре 1865 года певчий урядник Алексей Середа, окончивший службу и получивший полную отставку, изъявил желание по-прежнему продолжать службу в хоре, если ему будет назначено жалованье в год не менее 120 рублей. Лебедев, ценя

его способности, голос и особенное преимущество перед другими певчими, просил Войсковое Правление об оставлении урядника Середы как крайне необходимого в хоре. Просьба эта была уважена Войсковым Правлением, и урядник Середа был оставлен по-прежнему в хоре в качестве вольнонаемного <...>.

21 июня 1866 г. есаул Пентюхов, ввиду прикомандирования его к Канцелярии помощника начальника области по управлению горцами, был уволен от заведывания певческим хором, а ассессор Исполнительной экспедиции войсковой старшина Вареник был назначен на его место.

В конце 1866 года по требованию Окружного Штаба вместо находящегося в певческом хоре при дворцовой церкви в Тифлисе урядника Кубанского казачьего войска Безбородова, заболевшего грыжею, был командирован в Тифлис Михаил Погорелый, певший первым тенором и составлявший лучшее украшение войскового хора.

К сожалению, эти командировки певчих в Тифлис, начавшиеся в первый раз с 1839 года, часто лишали войсковой певческий хор лучших голосов и нередко даже ставили его в затруднительное положение, так как с уходом хороших голосов терялась общая гармония в исполнении, и регенту опять приходилось разыскивать новые выдающиеся голоса, работать над ними, не покладая рук, доводя их до совершенства в исполнении, и затем при первом же случае, по требованию из Тифлиса, снова их терять. Работа поистине неблагодарная, тяжело отзывавшаяся и на хоре, и на регенте, и такая система продолжается и до настоящих дней.

В лице нового регента Лебедева войско приобрело крупную силу и незаурядного регента. Большой знаток пения, неутомимый труженик, любящий свое дело и отдающий ему все свои силы, Лебедев уже через два года поставил войсковой певческий хор в отличное состояние, так что при посещении 16 мая 1867 года города Екатеринодара Главнокомандующим Кавказской армией Великим Князем Константином Николаевичем войсковой хор и регент Лебедев за отличное исполнение были удостоены милостивого внимания и похвалы от ЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

Труды, положенные Лебедевым на усовершенствование певческого хора, были очень велики и немаловажны; нередко по целым дням он бился с хором, чтобы достигнуть возможно более совершенного исполнения какого-нибудь песнопения.

Много также помогал ему в этом деле и помощник его урядник Митрофан Бибики, который, зная отлично ноты, служил большой помощью регенту, в особенности при обучении поступающих в хор мальчиков и даже взрослых, большею частью совершенно неграмотных.

Подобная неутомимая и самоотверженная работа не могла не обратить на себя внимания войскового начальства, и регент Лебедев был удостоен ВЫСОЧАЙШЕЙ награды пожалованием ему ордена Св. Станислава 3-й степени, а урядник Бибики единовременной денежной награды в 100 рублей.

Усиленная работа и непривычный климат быстро подорвали и без того некрепкое здоровье Лебедева; в конце февраля 1870 года болезнь его усилилась настолько, что он принужден был лечь в постель, подавши 5 марта рапорт с просьбой освободить его от службы в хоре по вечерам до выздоровления, а 17 апреля он скончался, оставив жену с новорожденным ребенком без всяких средств к жизни.

Заведывание хором временно возложено было на урядника Бибики. По ходатайству же ассессора исполнительной экспедиции войскового старшины Вареника, во внимание к бедственному положению вдовы умершего регента Лебедева, ей было выдано в единовременное пособие на выезд в г. Москву 100 р. сер.

Недолго пробыл Лебедев в должности регента, всего пять лет, но его деятельность для певческого хора была очень и очень заметна. Хор был поставлен великолепно, и за время управления им регента Лебедева о нем можно было отзываться только с похвалой.

Лебедев после себя оставил несколько рукописных духовно-музыкальных и светских собственных сочинений (канты).

Урядник же Бибики оставил после себя сборник рукописных народных, по преимуществу, кубанских песен, в гармонизации того времени.

В том же 1870 году на место регента приглашен был казак войска Донского Федор Михайлович Дунин, с жалованьем 500 руб. в год и бесплатной квартирой в войсковом здании.

VII

О музыкантском хоре

В начале 1867 года вместо сотника Орловского заведующим музыкантскими хорами был назначен хорунжий Короленко, пробывший до сентября того же года, когда в заведование вступил поручик (сотник) Мамонов.

В феврале 1868 года капельмейстер Ветрник в особом докладе, выясняя нужды хора, просил о назначении ему помощника в лице бывшего старостой бального хора урядника Диомида Крикуна, с жалованьем ему по 300 р. в год, кроме ежегодных наградных. Личность этого последнего довольно интересна, чтобы пройти его молчанием, а потому мы несколько на нем остановимся.

Урядник ст. Полтавской Диомид Ильич Крикун поступил на службу 1 января 1849 года в войсковой музыкантский хор, в урядники произведен 8 апреля 1851 года. От природы очень даровитый и любящий музыкальное искусство, он много работал над собственным образованием по этой части и стал крайне полезным для войскового хора. В конце 1850 года он выдвигается, благодаря своим способностям, на должность старосты хора. По выслуге 15 лет, положенных для полевой службы, он 5 января 1865 года был перечислен в разряд внутреннеслужащих по войску, но привязанность к любимому делу удерживает его на службе, и он ходатайствует перед высшим начальством о зачислении его по-прежнему в полевой состав, что ему и было разрешено 19 сентября 1867 года.

Ввиду ходатайства капельмейстера Ветрника и заведующего хорами хорунжего Джумайло Начальник Штаба разрешил 16 сентября 1868 года увеличить содержание старосте уряднику Крикуну за труды его по занятиям с учениками музыкантских хоров до 300 р. в год и производство этого содержания начать с 1 августа 1868 года; 16 ноября 1870 года урядник Крикун произведен в хорунжие и по распоряжению Наказного Атамана назначен преподавателем пения и музыки в Кубанской учительской семинарии, где и состоял с января 1871 года по 1 января 1872 года.

11 августа 1875 года он был назначен заведующим войсковым музыкантским хором, в каковой должности он пробыл до июня 1887 года.

За это время он получил 30 марта 1877 года чин сотника, а 15 мая 1883 года произведен в есаулы.

После капельмейстера Китлера он три года управлял музыкантским хором, состоя в то же время и заведующим этого же хора.

В 1870 году во главе войскового музыкантского хора снова становится капельмейстер Иван Францович Галашек и пробыл на этом месте до 16 декабря 1873 года. Галашек был маленького роста, и хотя был довольно способный капельмейстер, но человек был крайне вспыльчивый, грубый и злой неимоверно. Так, например, во время парадов, концертов и других публичных выступлений музыкантского хора, не говоря уже о домашних занятиях, он за самое малейшее упущение кого-либо из музыкантов мгновенно подымал разъяренный крик, извергая при этом целые потоки самой отборной ругани, часто нецензурной, и вступал с виновником даже в рукопашный бой, нисколько не стесняясь присутствием многочисленной публики.

Эта постоянная брань, придирки и кулачная расправа, нередко до крови, глубоко возмущали музыкантов, которые неоднократно просили его прекратить побои, но Галашек слушать ничего не хотел и по-прежнему продолжал избивать музыкантов.

Тогда они решили разделаться с ним; с этой целью как-то ночью несколько человек музыкантов пришли к нему в помещение во время сна и, взяв его с постели в одном белье, понесли на соседний пустой двор, весь заросший бурьяном, и хотели бросить его в колодец, а сверху засыпать землей. Когда Галашек узнал ожидавшую его печальную участь, то он бросился перед ними на колени и со слезами просил пощадить его жизнь, дав при этом честное слово прекратить избивание музыкантов, обращаться с ними по-человечески и никому ни слова не говорить о том, как они с ним хотели разделаться.

Музыканты помиловали его. Вскоре после этого случая этот зверь-капельмейстер покинул войсковой хор и перешел, кажется, в Крымский пехотный полк.

Во время капельмейстера Галашека Наказный Атаман генерал Цакни обратил внимание, что бальный хор исполняет салонные пьесы крайне невнимательно, что музыканты нередко берут ноты фальшиво, не выдерживают счета и пауз, отчего нарушается стройность и гармония целого оркестра.

Сверх того замечался неуспех в обучении музыкантских хоров вообще, так как репертуар, разученный ими к приезду Главнокомандующего Кавказской армией Его Высочества Великого Князя Михаила Николаевича, оставался почти без пополнения новыми пьесами, а малочисленные пьесы прежнего репертуара, между которыми некоторые отличались высокими достоинствами, не повторялись и музыкантами забыты.

Ввиду этих дефектов начальник штаба приказал Галашеку обратить на это особое внимание и усилить свои занятия с музыкантами, чтобы войсковые музыкантские хоры не утрачивали той отличной репутации, которой они постоянно пользовались. Чтобы удобнее следить за ходом и успехом занятий, Галашеку приказано было также делать расписания этих занятий на каждую неделю вперед, и расписание это по истечении недели, в воскресенье утром присылать со старостой к начальнику штаба за своею подписью.

Кроме того, заведующий хорами есаул Ясинский составил по приказанию начальника штаба следующее распределение занятий в войсковых музыкантских хорах.

Практические упражнения назначены были летом: от 7 до 10 ч. утра занятия с оркестром и с 4-30 до 7 вечера – с учениками; зимою: с 8 до 11 утра – с оркестром и с 2 до 4-30 вечера – с учениками.

В те дни, накануне которых музыканты бывали заняты игрою на вечерах, утром назначались занятия с учениками и после обеда – с оркестрами. В субботу же и по праздничным дням занятий не назначалось.

16 декабря 1877 года есаул Ясинский по приказанию начальника штаба принял от капельмейстера Галашека находившиеся у последнего на руках ноты, музыкальный инструмент и вещи и лично приступил к занятиям с музыкантским хором.

Еще в 1872 году генерал Цакни совместно с Наказным Атаманом Терского казачьего войска возбудил ходатайство об увеличении денежных отпусков на содержание певческого и музыкантского хоров, а в Терском – одного музыкантского хора, но командующий армией нашел, что эти представления в отношении определения новых окладов жалованья и других отпусков на содержание хоров заключали в себе много несогласий, почему и не могли быть им возбуждены перед военным министром. В видах же урегулирования денежных отпусков просил снова пересмотреть это представление. При этом для упрощения расчетов по содержанию певческого и музыкантского хоров предлагал принять за основание порядок, допущенный на этот предмет приказом по военному ведомству 1872 г. № 168 в войске Донском, где музыкантам и певчим войсковых хоров все отпуска заменены одним окладом без раздробления его на мелкие расходы.

31 января 1873 года Наказный Атаман, представляя проект штатов войсковых хоров, докладывал вместе с этим, что проект этот составлен согласно указаний, данных командующим армиею, и применительно к штатам в войске Донском, но так как в строевом составе Кубанского войска состоят два, в 3-х комплектах, пластунские батальона, то поэтому в проект штата он счел необходимым включить два хора музыкантов: кавалерийский и пехотный.

28 августа того же года Начальник Штаба округа генерал-лейтенант Свистунов сообщил Наказному Атаману, что Главнокомандующий армиею, ввиду незначительного числа в войске строевых пеших частей, заведение двух хоров, пехотного и кавалерийского, признал излишним и рекомендовал оставить только один кавалерийский хор.

Сменивший генерала Цакни новый Наказный Атаман генерал Кармалин по-прежнему настаивал в своем ходатайстве от 9 мая 1874 года об оставлении двух хоров, так как в войске эти хоры существуют на основании двух ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных актов, именно: а) по положению о бывшем Черноморском казачьем войске (1 июня 1842 года штат № 6) пехотный хор из 24 музыкантов и 18 учеников и б) по мнению Войскового Совета, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 13 августа 1851 года, кавалерийский хор из 20 человек с педальными кавалерийскими трубами.

Затем, при образовании Кубанского войска из бывшего Черноморского войска и 6 бригад Кавказского Линейного войска в 1860 году положение войсковой музыки улучшилось в личном составе причислением части линейного кавалерийского хора. Бывшими с того времени Наказными Атаманами признавалось вполне рациональным оставить оба хора, так как войско выставляет на службу значительное число как конных, так и пеших строевых частей. Наконец, и по введении нового положения о воинской повинности, изменения относительно музыкантов не последовало. Поэтому в войске постепенно заведен и полный комплект музыкального инструмента для пехотного и кавалерийского хоров.

Кроме того, ближайшее ознакомление генерала Кармалина со свойствами и способностями Кубанского казачьего населения приводило его к убеждению в пользе распространения среди кубанцев музыкального образования, существенно влияющего вместе с другими умственно-образовательными мерами на смягчение нравов и на развитие тех богатых способностей, которыми одарены кубанские и особенно бывшие черноморские казаки.

Поддержание существующих уже двух музыкантских и одного певческого хоров и обеспечение комплектования их правильно обученными учениками из малолеток и мальчиков, по мнению генерала Кармалина, возможно еще было и потому, что казаки, обученные музыкальному искусству, обеспечивают себе и своим семьям средства к жизни в такой же мере, как и все обучавшиеся всякому другому полезному ремеслу.

Расход же из войскового капитала на содержание музыкантских и певческого хоров по проектируемому штату не мог казаться преувеличенным ввиду несомненно полезной его производительности, хотя бы он и превышал даже расход, допущенный на этот предмет в войске Донском.

Но и это ходатайство, столь богато мотивированное, не имело успеха, и Главнокомандующий армией признавал вполне достаточным иметь в войске один кавалерийский хор из 30 музыкантов и 15 учеников.

Однако генерал Кармалин и на этот раз не сложил оружия и 27 июня 1874 года возбудил новое ходатайство об оставлении двух хоров, на что тогда же последовал ответ из Управления иррегулярных войск, что преобразование хоров должно быть отложено ввиду больших на это расходов до более благоприятного времени.

10 июля 1874 года Войсковым Штабом был заключен контракт на три года, т. е. по 16 июля 1877 года, с капельмейстером прусско-подданным Лоренцом Китлером, после чего приказом по Кубанскому войску есаул Ясинский был освобожден от капельмейстерских обязанностей <...>. Затем, по окончании трехлетнего срока, Китлер был оставлен еще на два года и пробыл в войске до 16 июля 1879 года на тех же условиях.

При капельмейстере Китлере, способном музыканте, довольно хорошо был поставлен бальный оркестр войскового хора.

Начальник Штаба, неоднократно лично убедясь, что служебные отправления в музыкантских хорах идут не в должном порядке, приказал составить «инструкцию для заведывания войсковыми музыкантскими хорами по командной, хозяйственной и искусственной частям». Эта инструкция была утверждена Наказным Атаманом 10 июля 1874 г.

Затем Начальник Штаба предписал заведующему хорами во всем точно руководствоваться этой инструкцией.

Занятия с музыкантами и учениками должны производиться ежедневно от 8 до 11 ч. утра и от 4–6 вечера, кроме праздничных и табельных дней. Во время этих занятий заведующий хорами обязательно должен был находиться в казарме, где занимались музыканты.

При требовании музыкантов для частной игры заведующий должен был каждый раз особой запиской испрашивать разрешения у Начальника Штаба или его помощника; причем в записке должно быть подробно обозначено: кто требует, в каком числе музыкантов, куда именно, на сколько часов и какая уговорная плата. Без этого разрешения он не имел права никуда посылать музыкантов для игры, кроме клуба в показанные дни собраний.

Начальник Штаба полковник Гурчин в докладе своем Наказному Атаману от 7 октября 1875 года, сопоставляя оклады содержания музыкантов штатного хора с таковыми же музыкантов кавалерийского хора, находил, что последние получают всего содержания каждый на 34 р. 99 коп. в год больше, чем штатный музыкант. Хотя эта выдача и была законной, но при одинаковых условиях службы и потребностях на обмундирование тех и других музыкантов такое положение дела находил он не вполне справедливым.

По рассмотрении этого доклада Наказный Атаман, признав вполне справедливым доводы полковника Гурчина, приказал на будущее время принять к исполнению следующее:

1) музыкантам, числящимся в штатном составе хора, производить к положенному по штату им жалованью добавки с тем, чтобы содержание это с добавкой равнялось жалованью, ремонтным деньгам и деньгам вместо фуража, высылаемым от полков и выдаваемым числящимся в оных чинах хора.

2) Упомянутые добавки выдавать из $\frac{2}{3}$ заигрываемой хорами суммы, с выпискою денег по книге об этом источнике действительным расходом за прослуженное время. Выдачу добавок начать с 1 октября.

3) Пособия в виде наград из остатков от упомянутого источника назначать по одному разу в конце каждого года только лучшим музыкантам как поощрение долговременной службы в хоре, усердия и способности.

Ввиду предполагаемого упразднения Кубанского учебного дивизиона Главнокомандующий Кавказской армией приказал (отзыв Начальника Окружного Штаба 30 декабря 1875 г.) положенную по штату этого дивизиона трубаческую команду постоянного и переменного состава, в видах обеспечения приготовления трубачей для конных полков, содержать на прежнем основании с прикомандированием ее к войсковому музыкантскому хору и с производством ей содержания согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 13 мая 1867 года положения об учебном дивизионе, из суммы, ассигнуемой по войсковой смете на содержание учебного дивизиона. Всей команды было 34 человека, и она, согласно приказа по войсковому штабу, была передана в апреле 1876 года в ведение заведующего войсковыми музыкантскими хорами хорунжего Крикуна.

Так как при войсковом музыкантском хоре не имелось помещения для трубаческой команды, то с разрешения главнокомандующего армией был нанят частный дом за 180 руб. в год у отставного есаула Долинского.

В мае 1877 г. начальник штаба генерал Гурчин поручил своему помощнику подполковнику Залесскому обревизовать войсковые музыкантские хоры.

Подполковник Залесский по окончании поручения представил свой доклад, в котором обрисовал крайне незавидное состояние хоров в материальном отношении.

До 1 октября 1875 года чины войскового музыкантского хора штатного и командированного составов получали содержание по разрядам; с указанного же срока порядок этот был изменен, и установлено, чтобы прикомандированным от конных полков выдавалось все то денежное довольствие, которое на них высылали полки, штатные же получали свое отпускаемое из войсковых сумм содержание, и, кроме того, каждый такую добавку из заигранной суммы (собственно, $\frac{2}{3}$ этой суммы) хора, чтобы содержание всех штатных было одинаково и равнялось содержанию прикомандированных.

Таким образом, все чины хоров, т. е. 42 штатных и 40 прикомандированных, всего 82 чел. получали одинаковое содержание, по окладу подходящее к бывшему содержанию музыкантов 1-го разряда.

Годичный (за 1876 год) опыт существования введенного в 1875 году порядка в довольствии музыкантов привел к крайне невеселым результатам <...>.

За расходом всей суммы ($\frac{2}{3}$) на указанную надобность ни одному музыканту не могло быть выдано денежное пособие (§ 22 инструкции), так что в течение 1876 года и староста музыкантского хора, на котором лежат особенные обязанности, и лучшие музыканты и ученики-малолетки получили совершенно одинаковое содержание.

Ввиду изложенного подполковник Залесский считал крайне необходимым не только освободить заигранную сумму от расходов на добавление содержания и дать этой сумме надлежащее назначение: на пособие музыкантам при обмундировании и на награды, выдачу последних лучше производить по-прежнему два раза в год, но и содержание хоров положить, как это было прежде, по разрядам; разделение на разряды, несомненно, вызывает соревнование по службе и между прочим послужило бы для учеников одним из лучших побудительных средств к усердию в занятиях, а следовательно и к скорейшему поступлению в состав хоров.

На жалование и прочее довольствие чинов штатного и прикомандированного составов следовало определить только ту сумму, какая составит: а) из поступающей на содержание 42 штатных музыкантов и б) высылаемой полками на довольствие 40 чел. прикомандированных, и содержание выдавать им по разрядам, установив оклады разрядов одинаковыми как для штатных, так и для прикомандированных.

На содержание 42 музыкантов штатного состава отпускается из войсковых сумм 1856 р. 50 $\frac{1}{2}$ коп. и на 40 чел. прикомандированных от конных полков получается всех видов довольствия – 2760 р., а всего два хора 4616 р. 50 $\frac{1}{2}$ коп.

<...>

Наименьший оклад содержания назначался им музыкантам 3-го разряда – исключительно ученикам, но при этом необходимо иметь в виду, что содержание казака, находящегося на службе в конном полку в пределах войска, составляет всего сумму 30 р. 86 коп. <...>

Наказный Атаман вполне согласился с этим докладом и разрешил привести новое положение в действие с 1 мая 1877 года, причем жалование назначено было, по определению Начальника Штаба, следующее: старосте – 80 р., 21 музыканту 1-го разряда по 70 р. каждому, 44 чел. 2-го разряда – по 55 руб. и 16 чел. 3-го разряда по 40 руб. в год.

Этот порядок содержания в музыкантских хорах просуществовал до конца 1884 года, когда он, по докладу Начальника Штаба, полковника Залесского, от 2 ноября 1884 года, был видоизменен в следующем виде:

Старосте Музыкантам 1 разряда —» 2 —» —» 3 —» Ученикам	Число лиц	Одному в год		Всем в год	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
	1	120	—	120	—
	15	96	—	1440	—
	20	72	—	1440	—
	12	42	—	504	—
	12	27	—	324	—
Итого	60	—	—	3828	—

Кроме того, остающимся на сверхсрочной службе, для поощрения, из музыкантской суммы разрешено выдавать добавочное вознаграждение, в размере от 12 р. до 36 р. в год каждому, а равно по-прежнему выдавать по 3 раза в год денежные награды.

В 1882 году был приглашен капельмейстером Эйфус, опытный дирижер и знаток своего дела, он очень хорошо поставил духовой хор.

7 марта 1884 года был нанят бывший капельмейстер музыки Гвардейского экипажа Эрнст Богданович Ферстер сроком на два года. Он был уже в преклонных летах и довольно ленив, так что за два года разучил с оркестром 7 только пьес; почему контракт с ним и не был возобновлен по окончании срока.

В 1881 году во дворе войскового музыкантского хора сгорела казарма, где помещались нижние чины, прикомандированные к хору от конных полков. По неимению свободного войскового здания, по распоряжению войскового штаба, для них было нанято помещение у мещанина Велетхого сроком на два года по 150 руб. в год. Затем, ввиду неисправности этого помещения, было нанято другое на Красной улице у наследников Бердина за 200 р. в год, и на этом месте хор помещался до 21 сентября 1887 года.

Для певческого же хора было нанято помещение у сотника Шарапа за плату 300 руб. в год.

5 марта 1886 года был заключен контракт с капельмейстером Адольфом Федоровичем Гартунгом на один год по 1200 р., да 400 р. из суммы войскового музыкантского хора и 10% вознаграждения из денег, заигранных тем же хором.

В этом же году был выписан из музыкального магазина Циммермана новый инструмент для бального оркестра на 2570 р., а в 1884 году медный инструмент от фирмы Червенного на 2964 р. 50 коп.

В июне 1887 г. заведующим хором был назначен хорунжий Головатый вместо есаула Крикуна.

С 10 марта того же года временно был нанят капельмейстер, веймарский подданный Фридрих-Эдуард Кольбе, а 1 июня с ним был заключен контракт на один год, но 29 марта 1888 года Кольбе, по расстроенному здоровью, оставил должность капельмейстера.

Вместо Кольбе 5 июля был нанят на один год артист Императорских театров – капельмейстер Карл Федорович Кестнер.

1 августа 1888 года был назначен заведующим музыкантским хором подъесаул Чаун.

В приказе по Военному Ведомству 7 октября 1887 г. № 235 был объявлен новый штат войсковых певческого и музыкантского хоров Кубанского войска, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный 23 сентября 1887 года <...>.

Новый штат должен был, согласно приказа по войсковому штабу, быть введен в действие с 1 января 1888 года, причем заведующий музыкантским хором, хорунжий Головатый, был назначен заведовать и певческим хором, который он должен был принять от экзекутора Войскового Штаба, титулярного советника Силютина, при этом было введено и новое распределение окладов жалованья:

**Распределение
нижних чинов войсковых музыкантского и певческого хоров
по разрядам окладов жалованья с 1-го января 1888 года:**

	Число душ	Жалованья в год

I. Музыкантский хор:		р.	к.
Фельдфебель	1	24	–
Музыкантов старшего разряда	24	10	65
Музыкантов младшего разряда	11	3	45
Учеников	18	3	75
II. Певческий хор:			
Фельдфебель	1	24	–
Певчих старшего разряда	18	10	65
Певчих младшего разряда	5	3	45
Учеников	12	3	75

Кроме жалования чинам музыкантского и певческого хоров производится все прочее содержание, указанное в положении об этих хорах.

<...>

В 1889 году войсковой музыкантский хор был нанят для игры на Кисловодской группе Кавказских минеральных вод на время с 1 июня по 15 сентября за плату по 30 руб. в день. Играть оркестр должен был в парке три часа каждый день <...>.

В этом году музыкантский хор был также нанят для игры на минеральных водах в Железноводске на время с 20 мая по 15 сентября в составе 45 человек музыкантов; условия те же, что и в прошлом году. <...>

По ходатайству заведующего хорами подъесаула Казбанова было разрешено Начальником Штаба выписать на 1891 год журналов и книг для хоров на 77 руб.

Были выписаны следующие журналы: «Нувеллист», «Баян», «Русский Цитрист», «Музыкальное образование», «Чтение для солдат», «Досуг и Дело» и «Вокруг света» и от Березовского книг на 14 р.

<...>

Заведующим войсковыми хорами назначен с 1 ноября 1890 года подъесаул Казбанов вместо есаула Чауна.

Весною 1891 года антрепренер городских садов гг. Симферополя и Ялты просил дать войсковой оркестр для игры на садовых эстрадах этих садов с 21 апреля по 1 октября, но командующий войсками не изъявил на это согласия, так как командирование оркестра за пределы округа могло состояться только с разрешения Военного Министра, а в 1890 году на подобное же ходатайство о командировании Терского войскового хора в г. Ялту военный министр отказал.

Войсковой хор в этот сезон играл опять на минеральных водах на Кисловодской группе с 1 июня по 15 сентября на тех же условиях, что и в прошлом году.

Во время пребывания на минеральных водах между капельмейстером Кестнером и подъесаулом Казбановым произошли резкие несогласия, которые пришлось примирять войсковому начальству. Кестнер писал помощнику начальника штаба, что Казбанов обидел его и не давал ему заниматься с хором в те часы, когда он, Кестнер, находил бы это нужным, при этом называл его на «ты» и угрожал ему, будто бы, кулаками. Казбанов же, в свою очередь, телеграфировал начальнику штаба, что Кестнер за зиму не подготовил репертуара для летнего сезона, и публика якобы недовольна игрою оркестра и управлением самого капельмейстера, и будто Кестнер

мешается в его распоряжения по заведыванию хором.

В январе 1892 года умер Наказный Атаман генерал-лейтенант Леонов, и чинами войсковых хоров, с разрешения начальника штаба, был возложен на его гроб венок с соответствующей надписью.

Командированный по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению полковник Баранов, осматривая 23 января помещение нижних чинов обоих хоров, заметил, что у музыкантов кровати были деревянные и самого разнообразного типа, крайне неудобные для казармы, так как занимают много места, и в них легко могут размножаться клопы, а также на некоторых ученических кроватях совсем не было тюфяков. Ввиду этого подьесаул Казбанов, с разрешения начальника штаба, приобрел для музыкантов 50 железных кроватей, а для учеников 18 матрасов <...>.

Для поддержания дисциплины и внутреннего порядка между нижними чинами команд войсковых музыкантского и певческого хоров и. д. Наказного Атамана, по представлению Начальника Штаба генерала Чарковского, разрешил должности фельдфебелей хоров заместить строевыми фельдфебелями или вахмистрами, отбывшими обязательный срок службы в строю, с жалованьем им по 200 р. в год и прочего довольствия из штатных сумм хоров, наравне с музыкантами и певчими первого разряда, но с тем, чтобы они входили в штат хоров, а не сверхкомплектными и не пользовались материальными преимуществами сверхсрочно служащих нижних чинов. Исполнявшие же обязанности фельдфебелей в хорах нестроевые старшего разряда Бессчастный и Ткаченко, с разрешения Наказного Атамана, были оставлены на службе в качестве старост с сохранением получаемого ими содержания по 300 руб. впредь до выбытия их из хоров.

<...>

17 октября, когда музыканты около 2 ч. дня возвращались с парада и проходили мимо здания окружного суда, то из толпы людей послышался крик «бежал арестант». Один из музыкантов, нестроевой младшего разряда Иван Зинченко, тотчас же бросился к бульвару, что против Мариинского женского училища. Здесь, нагнав двух солдат с ружьями и узнав от них, что из здания окружного суда убежал арестант, Зинченко кинулся по улочке мимо училища к Кубани, а оттуда обратно через плановое место Кухаренко и здесь в саду схватил беглеца-арестанта в то время, как он лез через забор, и стащил его на землю. Арестант начал вырываться и вступил в борьбу с Зинченко, пока не подоспели на помощь товарищи-музыканты Гайдук и Таран. Тогда они вывели арестанта во двор, и здесь Зинченко сдал его караульным солдатам.

По представлению Наказного Атамана об этом молодецком поступке ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил пожаловать 23 октября 1893 года нестроевому младшего разряда Ивану Зинченко знак отличия Св. Анны и в единовременную награду 25 руб. за оказанный им подвиг самоотвержения, совершенный с опасностью для жизни при задержании бежавшего преступника <...>.

Даже мирная артистическая работа не могла угасить духа казачьего, и при первом же случае молодец-Зинченко отважно и не задумываясь бросается, чтобы выполнить свой воинский долг. Честь и слава и тому войску, в рядах которого он доблестно нес свою службу.

27 июня 1893 года с капельмейстером Кестнером был заключен на прежних условиях контракт еще на три года, т. е. по 27 июня 1896 года.

В этом году войсковой оркестр был приглашен играть в Железноводск на время с 20 мая по 1 сентября на прежних условиях, но 20 августа он был перемещен на Кисловодскую группу, на место Терского войскового хора, отозванного в г.

Владикавказ на предстоящий войсковой праздник этого войска.

<...>

К праздникам рождества Христова заведующему хорами подьесаулу Казбанову было выдано в единовременное пособие 100 руб. за отлично-усердную службу и за заботливость по заведыванию хорами и 200 руб. в награду музыкантам и певчим.

Подьесаул Казбанов, признавая полезным разнообразить и облегчить казарменную жизнь нижних чинов и малолетних в особенности, просил весною 1893 года начальника штаба разрешить устроить на заработанные суммы хоров гигантский столб, две трапеции, висячую лестницу и качели, висячие шест и канат и наклонную лестницу, что стоило бы приблизительно 100 руб., но Начальник Штаба разрешил израсходовать только 50 руб.

В начале 1894 года Ялтинский городской голова просил отпустить войсковой оркестр для игры в г. Ялту с 20 апреля по 15 октября <...>.

Командующий войсками округа отклонил ходатайство войскового начальства, и оркестр по-прежнему был нанят для игры на минеральных водах, на Ессентукской группе, с 24 июня по 1 сентября, <...>.

15 марта 1894 года капельмейстер Кестнер по приказанию Начальника Штаба был уволен от должности, а на его место нанят капельмейстер 38 драгунского Владимирского полка Адольф Христианович Бауэр с 1 марта 1894 года на один год <...>.

Неимение собственного здания хоров и неудобство помещения их в частных наемных домах крайне вредно отражалось на внутренней жизни и в особенности на занятиях, почему войсковое начальство возбудило вопрос о постройке собственного помещения для этой надобности, и в конце 1895 года утверждены были торги на постройку нового трехэтажного здания для помещения музыкантов и певчих войсковых хоров и флигеля для канцелярии хоров за поверенным екатеринодарского купца Николая Бородина дворянином Александром Нечаевым. К работам было приступлено с весны 1896 года, и уже в конце 1897 года войсковые хоры были размещены во вновь выстроенном здании.

Кроме того, по ходатайству начальника штаба генерала Гершельмана было разрешено флигель, предназначавшийся для канцелярии, приспособить для квартиры заведующего хорами, чтобы он мог лучше и возможно чаще наблюдать за занятиями и порядком в хорах.

1 марта 1896 года был возобновлен контракт с капельмейстером Бауэром еще на два года по 1 марта 1898 г. на прежних условиях.

В апреле этого же года было заключено условие с купцом Дробязкою, по которому войсковой хор нанят был для игры в городском саду в г. Екатеринодаре на время летнего сезона с обязательной игрой по 6 ч. в день. 8 августа хоры, согласно приказа по Войсковому Штабу, были приняты новым заведующим подьесаулом Ассиером от сотника Носа.

На летний сезон 1897 года войсковой хор был нанят для игры на минеральных водах и играл на двух группах: с 1 июня по 15 июля в Железноводске и с 15 июля по 15 сентября в Ессентуках. Лечащая публика той и другой группы неоднократно обращалась к директору вод Башкирову с заявлениями о неудовлетворительной игре хора. Проверив лично эти заявления, Башкиров вполне признал справедливость их, но, не признавая себя компетентным судьей в этом деле, он обратился к сведущим лицам с просьбой высказать их мнение.

По отзывам этих лиц, войсковой хор в этот сезон играл действительно

неудовлетворительно: пьесы исполнялись без вкуса, фальшиво, нестройно, хотя хор и составлен из прекрасных музыкантов и инструментов. Причины неудовлетворительности игры хора всецело должны быть отнесены к недостаткам самого капельмейстера Бауэра.

Мнение это вполне подтвердилось одним случаем, имевшим место в Ессентуках во время празднования войскового праздника Кубанского войска, когда бывший на этом празднике капельмейстер Терского войскового хора Пиорковский, за отсутствием капельмейстера Бауэра, продирижировал войсковым хором несколько пьес, которые при этом были выполнены так безукоризненно, с таким вкусом, что хор был просто неузнаваем и заслужил всеобщее одобрение присутствовавших на празднике.

Директор вод Башкиров, прощаясь в конце сезона с хором, просил заведующего хором подъесаула Ассиера доложить все это начальнику штаба и просить от имени его, что если и на будущее время войско желает присылать хор для игры на минеральных водах, то необходимо нужно удалить этого капельмейстера, и взамен него пригласить другого, более сведущего и с хорошим музыкальным вкусом дирижера.

Кроме того, Башкиров лично писал об этом Начальнику Штаба генералу Гершельману и просил его также сообщить до 1 января наступающего года, желает ли войско в будущем году нанять войсковой оркестр для игры на минеральных водах.

В ответ на это письмо генерал Гершельман сообщил Башкирову, что капельмейстер Бауэр уже им уволен от должности, и на его место приглашен с 21 ноября по рекомендации директора Московской императорской консерватории капельмейстер Махровский, который хотя еще и не испытан, но, по-видимому, будет соответствовать своему назначению.

Хотя переговоры о найме войскового оркестра велись еще некоторое время, но в письме от 20 февраля генерал Гершельман сообщил директору вод, что по изменившимся обстоятельствам войсковой музыкантский хор не может быть отпущен на летний сезон 1898 года для игры на минеральных водах.

<...>

В этом же году музыкант, нестроевой старшего разряда Павел Чернявский, был выбран для службы трубачом в Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой, и по ходатайству заведующего хорами подъесаула Ассиера ему было выдано в награду по случаю его командирования на службу в Конвой 15 рублей.

На устройство нового помещения хоров, на мебель и проч. было израсходовано 618 р. 50 коп. Капельмейстер Павел Александрович Махровский был нанят на один год с 21 ноября 1897 года по 21 ноября 1898 года за 1400 руб. и 10% с заигранной суммы.

26 февраля 1898 года был подписан контракт с Екатеринодарским городским управлением, по которому войсковой оркестр в составе 25 музыкантов должен был играть четыре месяца в городском саду с 1 мая по 1 сентября <...>.

По ходатайству заведующего хорами 20 июля, с разрешения начальника штаба, было выдано 50 руб. старосте музыкантского хора Нестору Безсчастному в награду за его отлично-усердную и особо полезную службу в хоре.

Приказом по войсковому штабу 23 августа № 237 разрешено выдать заведующему хорами, подъесаулу Ассиеру, 200 р. в награду за отлично-усердную службу по заведыванию хорами.

1-го ноября капельмейстер Махровский был уволен от должности, и с того числа

на его место был приглашен австрийско-подданный Иосиф Дуда <...>.

На летний сезон 1899 года войсковой хор был приглашен для игры в Екатеринодарском городском саду, в составе 25 музыкантов, с 1 мая по 1 сентября <...>.

Начальник штаба полковник Богданович в письме своем от 24 сентября 1899 г. к директору вод Башкирову писал, что войсковой оркестр под управлением нового капельмейстера, г. Дуда, значительно усовершенствовался и пополнил свой репертуар, так что мог бы принять предложение играть в будущем сезоне на Кавказских минеральных водах; кроме оркестра, он предлагал также и певческий хор, в составе 40 человек, по общим отзывам также очень хороший и под управлением опытного регента.

В ответ на это Башкиров сообщил, что хором музыки он готов воспользоваться с удовольствием, что же касается хора певчих, то ввиду отсутствия сумм он воспользоваться не может.

По контракту, заключенному 1 марта 1900 года, войсковой музыкантский хор был нанят для игры на минеральных водах с 15 мая по 15 сентября в составе не менее 45 чел. <...>. Играть оркестр должен был с 15 мая по 10 июля в Ессентуках, а с 10 июля по 15 сентября – в Железноводске.

16 мая директор вод Хвоцинский прислал Начальнику Штаба следующую телеграмму: «Вчера открытие Ессентукской группы, слышал прекрасный Кубанский оркестр, благоволите дать разрешение отделить часть оркестра для игры в Железноводске с 20 по 25 мая, пока публики еще мало».

Наказный Атаман, по докладу ему этой телеграммы, разрешил эту просьбу с тем, чтобы в Железноводск был послан для управления частью хора староста Безсчастный.

20 мая весь музыкантский хор был перевезен в полном составе по железной дороге из Ессентуков в Железноводск для игры во время открытия сезона на этой последней группе; затем, по окончании игры, часть хора в составе 26 чел. со старостой Безсчастным была доставлена в Железноводск для игры на этой группе до 25 мая, а другая часть в составе 28 чел. с подъесаулом Ассиером, капельмейстером и его помощником возвратилась в Ессентуки. Музыканты, оставленные для игры в Железноводске, были размещены в деревянном бараке на деловом дворе удобно и хорошо, там же им было отведено особое помещение для сыгровки. Подъесаул Ассиер ежедневно посещал команду в Железноводске.

23 мая оставленные в Железноводске музыканты были перевезены опять в Ессентуки, так как в Железноводск прибыл нанятый для игры хор трубачей 1-го Уманского полка.

Исполнением пьес и вообще поведением их публика Железноводской группы осталась очень довольна, что высказывали подъесаулу Ассиеру заведующий этой группой, многие офицеры и курсовые.

При переезде 12 июня войскового хора из Ессентуков в Железноводск произошло крушение вагона, в котором помещались музыканты. При этом пострадали подъесаул Ассиер и нижние чины музыкантского хора: Максим Пашенко, Михаил Ищенко, Авксентий Харченко, Иван Познышев, Георгий Заикин и Яков Гнедаш, получившие тяжелые повреждения и ушибы, хотя и не опасные для жизни, а также была разбита ценная виолончель и несколько других инструментов.

В вознаграждение потерпевших от Владикавказской железной дороги впоследствии с большим трудом удалось получить пособие: каждому нижнему чину по 25 руб. и подъесаулу Ассиеру – 50 руб. на лечение; за разбитую виолончель 400

руб. и за починку прочего поврежденного инструмента 310 р., да 105 р. 13 коп. за упаковку и пересылку для починки разного инструмента в Киев на фабрику Червенного и обратно.

1 февраля 1900 г. по контракту на один год был нанят австрийско-подданный Готлиб Ондрутчек помощником капельмейстера войскового хора для обучения учеников хора игре на скрипке и альте и ведения занятий с квартетом при разучивании оркестром пьес и во всех случаях, когда войсковой оркестр должен выходить для игры, Ондрутчек обязан был играть в составе оркестра на первой скрипке.

Если же оркестр будет разделен на две части, то он обязан управлять той частью, какая ему будет поручена: во время же болезни капельмейстера или его отсутствия обязан заменять его. <...>

Музыкантам хора были сшиты для летнего сезона во время игры на минеральных водах черкески цвета «бордо» <...>.

Кроме помощника капельмейстера Ондрутчека, в хоре состояли еще по вольному найму нестроевые старшего разряда Иван Шлык, Степан Жарко и Кузьма Захарченко, сверх штата состояло в хоре пять казаков.

<...>

В этом же году торжественно был отпразднован в хорах день двадцатипятилетия службы старосты войскового музыкантского хора Нестора Безсчастного, которому с разрешения начальника штаба был куплен за 30 р. и поднесен в подарок образ.

Начальник штаба генерал Богданович, желая поставить войсковой оркестр в музыкальном отношении на должную высоту, в качестве капельмейстера хора пригласил одного из выдающихся оперных дирижеров в России Евгения Доминиковича Эспозито. 1 марта 1901 года с ним был заключен контракт. <...>

14 апреля 1901 года музыкантский и певческий хоры под управлением г. Эспозито дали концерт в городском летнем театре. Концерт имел прекрасный успех <...>.

При этом девять лож и весь 20-й ряд были отданы в бесплатное пользование воспитанницам и ученикам городских мужской и женской гимназий, Кубанского Александровского реального училища, учительской семинарии и городского 6-классного училища.

По контракту войсковой хор был нанят для игры на летний сезон 1901 г. на Кавказские минеральные воды в составе не менее 40 музыкантов, причем с 20 мая он должен был играть в Железноводске, а с 15 июля – в Ессентуках <...>.

В конце 1901 года и начале 1902 г. войсковыми хорами под общим управлением г. Эспозито было дано девять концертов, привлекавших почти каждый раз многочисленных слушателей и имевших хороший успех <...>.

Кроме чисто внешнего успеха, они имели также очень благотворное влияние и на самих исполнителей – музыкантов и певчих, так как невольно заставляли подтягиваться и работать над усовершенствованием своих познаний.

Затем в течение двух месяцев 1901 г. певчие Шагай, Лисицын, Белый и Лещенко с разрешения начальника штаба обучались специальному пению в музыкальных классах Екатеринодарского отделения Императорского русского музыкального общества <...>.

По контракту, заключенному 22 марта 1902 г., войсковой хор был нанят для игры на Кавказские минеральные воды с 1 июня по 1 сентября в составе не менее 50-ти музыкантов. По просьбе директора вод начальник штаба разрешил продолжать еще игру хора с 1 по 15 сентября на Пятигорской группе <...>.

В конце игры на группах г. Эспозито оставил службу в хоре, и 1 сентября был нанят Александр Иванович Орлов на один год. 26 августа был нанят еще флейтист Яков Федосиевич Кузнецов на один год, кроме игры в хоре на флейте он должен был обучать музыкантов и учеников игре на флейте и кларнете, а также заменять капельмейстера, когда это понадобится.

Результаты работы хора в летний сезон этого года были очень плачевны в материальном отношении. <...>

В зимний сезон 1902–1903 г. также был дан войсковыми хорами под управлением г. Орлова целый ряд концертов, но с меньшим материальным успехом, и только концерт, данный 25 марта в бенефис г. Орлова, дал чистую прибыль <...>.

Екатеринодарская публика, видно, охладевала по каким-то причинам к концертам войсковых хоров.

С 1 января 1903 г. назначен новый заведующий войсковыми хорами, подъесаул Стрекозов, вместо подъесаула Ассиера.

Летом 1903 г. войсковой хор по-прежнему играл на Кавказских минеральных водах <...>.

В 1903 г. старое здание, выходившее на улицу и служившее для хоров цейхгаузом, по ходатайству начальника штаба и с разрешения Наказного Атамана было заново перестроено с добавлением 100 т. нового кирпича, и там устроен класс для сыгровок музыкантского хора.

<...>

Летом 1904 года войсковой хор играл на Кавказских минеральных водах: с 1 июня по 15 июля в Кисловодске и с 15 июля по 15 сентября в Ессентуках <...>.

1 ноября 1904 г. капельмейстером войскового хора был нанят итальянско-подданный Михаил-Феликс Сиринано <...>.

В декабре 1904 г. Екатеринодарский городской голова просил оставить на летний сезон 1905 г. войсковой оркестр в городе для игры в городском саду <...>, но войсковой оркестр был еще в октябре этого же года нанят для игры на минеральных водах на лето 1905 г. <...>, и Наказный Атаман отклонил это предложение.

Согласно штата, объявленного в приказе по военному ведомству за 1887 г. № 235, в войсковых хорах положено: музыкантов – 36 и певчих – 36 человек, и на содержание их отпускается из войскового капитала по 108000 рублей в год. <...> Войсковое начальство признало необходимым увеличить ныне установленную штатную сумму еще на 1500 руб. и вошло с ходатайством о разрешении этой добавки.

Ходатайство это положением военного совета, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 13 апреля 1907 года, было разрешено в утвердительном смысле, причем отпуск дополнительный 1500 р. ежегодно из войскового капитала должен начаться с 1 января 1906 г.

1 октября 1906 года, по ходатайству начальника штаба и с разрешения Наказного Атамана, открыто при войсковых хорах двухклассное училище с двумя отделениями на первое время для обучения в нем музыкантов и певчих. Училище это открыто с целью поднятия успеха в обучении музыке и пению, потому что музыканты и певчие, развиваясь общеобразовательными предметами в училище, могли легче и с большим пониманием усваивать первоначальное обучение каждый по своей специальности и тем скорее становиться в ряды хора и оркестра; ставши же в ряды этих последних, они могли проявлять большую любознательность к музыке и пению и понимание идей разучиваемых ими вокально-музыкальных пьес. При этом значительно облегчалась и самая работа регента или капельмейстера при разучивании пьес,

исполнение музыкальных произведений могло быть более сознательным и совершенным.

В училище было два преподавателя: один по общеобразовательным предметам, а другой – законоучитель <...>.

Утверждение же этого училища попечителем Кавказского учебного округа последовало 19 октября того же года.

1 октября был нанят на место Сиринажно новый капельмейстер, коллежский регистратор Константин Августович Воут. Он пробыл в хоре до декабря 1908 г., когда был уволен от должности. Как дирижер Воут был хороший, но отличался некоторой ленью, в особенности при обучении молодых музыкантов.

В 1907 году от войсковых хоров были командированы в С.-Петербург для усовершенствования нестроевые старшего разряда: Никифор Яблонов-ский и Яков Тараненко; из них Тараненко, по окончании регентских курсов и возвращении в войско, назначен с 1 января 1910 г. регентом войскового певческого хора, а Яблоновский состоит капельмейстером в 1-м Екатеринодарском Кошевого Чепеги полку.

В летние сезоны 1907, 1908 и 1909 годов войсковой музыкантский хор был нанят для игры в Екатеринодарском городском саду <...>.

Так как в последнее время войсковой оркестр стал, в силу своего развития, по преимуществу струнным, хотя в то ж время он должен быть и духовым для игры в необходимых случаях при войсках. Таким образом войсковой хор собственно должен был бы состоять из двух хоров: струнного и духового, но достигнуть этого при наличности настоящих хоров и множества инструментов струнного оркестра невозможно, так как музыкантам пришлось бы одновременно обучаться на двух инструментах – струнном и духовом, участвуя таким образом в двух оркестрах.

Но при нынешних коротких сроках это является делом труднодостижимым. Для этого, прежде всего, не хватило бы времени, а главное – такие музыканты, не имея амбушюра и основательной выучки, присущей музыканту, играющему только на одном инструменте, физически не могли бы играть непрерывно более 5–10 минут вследствие опухоли губ, что конечно влекло бы за собой расстройство оркестра.

Устранить же этот недостаток соответствующим увеличением штатного состава хора в данное время и по многим основательным причинам являлось невозможным.

Все это не могло не заботить высшее войсковое начальство, почему с согласия Наказного Атамана генерала Бабыча решено было увеличить штат хора по примеру Терского казачьего войска, на счет строевых частей, выставляемых войском, взяв по шести человек от 8 полков, расположенных в Кавказском округе, т. е. всего 48 чел., что признано вполне достаточным для сформирования вполне приличного военного оркестра.

Означенные шесть человек предположено было прикомандировать не одновременно, а в течение 3-х лет, начиная с 1 января 1909 года, ежегодно по 2 человека. Выбор этих казаков должен был производиться в войске, а полкам будут лишь сообщаться фамилии казаков, зачисленных в штат хора. Полки же, со своей стороны, должны выслать в войсковой штаб все причитающееся для этих казаков довольствие.

Для обучения этого оркестра с 10 июля 1909 года приглашен Франц Матвеевич Лоос, опытный и заслуженный капельмейстер и большой знаток своего дела. С 1 января 1911 года хор доведен до полного состава и настолько подготовлен, что его игра производит приятное впечатление; в недалеком же будущем можно надеяться,

что, благодаря трудам и знанию нынешнего своего руководителя, хор будет доведен до надлежащей степени совершенства.

<...>

1 февраля 1909 года был нанят капельмейстером войскового штатного хора губернский секретарь Константин Николаевич Стефанович сроком на один год <...>.

С первых же дней своего появления в хоре Стефанович встретил к себе холодное и недружелюбное отношение со стороны заведующего хором подъесаула Сивцова, что, конечно, ставило его в полное недоумение и отчасти отражалось на правильной работе хора.

Во время служебной поездки начальника штаба генерала Кияшко в г. Тифлис подъесаул Сивцов, по собственной инициативе, доложил Наказному Атаману, что если Стефанович останется и дальше во главе хора, то могут получиться нежелательные результаты во время летней игры в Екатеринодарском городском саду и даже возможно, что придется отказаться от контракта до истечения срока. Во избежание подобных обстоятельств он послал в г. Воронеж вахмистра хора Белого с письмом к капельмейстеру г. Эспозито, уже бывшему раньше в войсковом хоре, желая знать, на каких условиях он мог бы возвратиться к прежней своей службе в войсковом хоре.

Эспозито сообщил телеграммой, что хотя он почти и приглашен уже на лето в Киев, но мог бы приехать и в Екатеринодар <...>.

Наказный Атаман в резолюции своей на телеграмме Эспозито приказал капельмейстера Стефановича уволить и заместить его г. Эспозито <...>. Ввиду этого Стефанович 21 апреля был уволен от службы, а Эспозито вступил в исполнение своих обязанностей.

С первых же дней своего прибытия в хор Эспозито нашел, что симфонический оркестр слабо подготовлен к исполнению летнего репертуара и без усиления его хотя бы несколькими старыми опытными музыкантами будет плохо играть в городском саду, между тем первое впечатление, какое получит публика, очень важно для хора.

Поэтому, с разрешения Наказного Атамана, были зачислены в войсковой оркестр вольнонаемными бывшие музыканты хора: виолончелист Дробязка, первый скрипач Белик, первая флейта Кузнецов, первый гобоист Кожура и два контрабасиста Воронин и Диброва – всего шесть человек <...>.

Относительно же своего дальнейшего пребывания в хоре после 20-го сентября г. Эспозито просил установить ему вознаграждение в 30% от заигранной хором суммы, кроме положенного штатного жалованья. Наказный Атаман изъявил на это согласие.

2-го декабря 1909 года был заключен договор между Войсковым Штабом и Екатеринодарской городской управой; по этому договору войсковой хор в составе не менее 60 чел., включая и трех солистов с капельмейстером, на летний сезон 1910 года обязался играть в городском саду с 20 апреля по 20 сентября, по три часа ежедневно; оркестр должен быть симфонический.

Программу имеющих быть исполненными №№ музыкальных пьес капельмейстер составляет на каждый месяц и сообщает садовой комиссии; затем весь намеченный репертуар должен быть сыгран в течение сезона; ежедневные музыкальные программы должны состоять не менее, как из 15 музыкальных пьес, в трех отделениях, в следующем порядке:

- а) по понедельникам – музыка легкого жанра
- б) по вторникам – русские и славянские композиторы
- в) по средам – латинских композиторов

- г) по четвергам – выступление солистов и чисто симфоническая музыка
 - д) по пятницам – произведения немецких и северных композиторов
 - е) по субботам – смешанная программа
 - ж) по воскресеньям – праздничная.
- <...>

На летний сезон нынешнего года (1911. – **Прим. ред.**) войсковой оркестр приглашен для игры в г. Ставрополь за 12.500 руб.

VIII

О певческом хоре

После смерти регента Лебедева на его место был приглашен в августе 1870 года Федор Михайлович Дунин, стоявший во главе певческого хора почти шестнадцать лет – до апреля 1886 года.

Сам Дунин – человек внушительной и красивой наружности, высокий и стройный, обладал довольно недурным баритоном и пользовался в обществе большим успехом как знаток своего дела. При нем в хоре существовала очень строгая дисциплина, и учитель он был строгий и требовательный; злые языки говорили даже, что порой любил и физическое внушение, но ноты при нем певчие знали очень твердо, так как он как энергичный и настойчивый человек, видимо, умел добиться своего.

Отвечая требованиям того времени, пение при Дунине отличалось стройностью, мощностью, торжественностью и даже легкой крикливостью, так как в то время тихое пение не признавалось и не было любимо публикой.

Пение хора в войсковом соборе всегда привлекало массу молящихся. Желавших послушать прекрасное исполнение хором молитвенных песнопений; в особенности же хор славился исполнением концертов Бортнянского и других. Существовало даже в то время в Екатеринодаре выражение: «идти на концерт», так как немалая часть интеллигенции шла в церковь слушать только концерт, мало интересуясь остальным пением обедни, хотя и последнее почти всегда исполнялось безукоризненно и хорошо.

Во все время управления Дуниным войсковым хором последний всегда находился на высокой степени совершенства; правда, временами он слегка приупадал от чисто внешних, не зависящих от Дунина условий, но это продолжалось обыкновенно недолго, набирались в хор новые голоса, дело по-прежнему налаживалось, и хор по-прежнему становился безукоризненным.

Последнее время своей службы в войсковом хоре Дунин занимал также место регента в Кубанском Александровском реальном училище, где поставил хор также очень хорошо; кроме того, он состоял еще преподавателем классного пения в Екатеринодарском духовном училище.

Вообще это была крупная сила в вокальном мире, и память о нем сохраняется в войске и до настоящих дней как об образцовом и талантливом регенте.

28 мая 1876 года певческий хор также поступил в ведение Войскового Штаба; заведующим хором в это время был сотник Погорелов; 1-го августа 1878 года его заменил сотник Образ, а с 24 ноября того же года заведующим хором был назначен экзекутор Войскового Штаба коллежский регистратор Селютин, пробывший в этой должности до 1 января 1888 года, когда, согласно новому штату 1887 года, отдельная

должность заведующего певческим хором была упразднена, и оба хора, музыкантский и певческий, были поручены одному заведующему, хорунжему Головатому.

С 1 мая 1886 года регентом певческого хора приглашен был Михаил Стефанович Городецкий, пробывший в этой должности до 1-го февраля 1891 г. Городецкий регентское образование, также как и Дунин, получил в С.-Петербургской консерватории и был человек очень способный, но, к сожалению, пагубная страсть к запою нередко отвлекала его от хора почти на целый месяц, и если хор продолжал оставаться по-прежнему в хорошем виде, то только благодаря неустойчивой и энергичной работе очень способного и даровитого старосты хора Акима Мовчана, который заменял на это время Городецкого.

В сентябре 1888 года, во время приезда ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III с АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬЕЙ в войско, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО осчастливил своею благодарностью войсковой певческий хор за отличное исполнение им музыкальных программ и, обратив МОНАРШЕЕ внимание на штатное его устройство, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ изволил повелеть озаботиться расширением и улучшением этого хора.

Во исполнение этой ВЫСОЧАЙШЕЙ воли войсковым начальством были выработаны новые положение и штат певческого хора и представлены в августе 1889 года на утверждение.

<...>

Положением военного совета, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 17 сентября 1891 года, постановлено:

1) увеличить состав войскового певческого хора Кубанского казачьего войска двенадцатью певчими, оставив без изменения положенное ныне по штату число учеников.

2) Соответственно сему: а) добавить – 1800 руб. к штатному отпуску на содержание певчих, б) увеличить сумму, отпускаемую ныне на ремонт пюпитров и мебели в школе и на учебные пособия хору, на 50 руб., в) увеличить денежный отпуск на отопление и освещение хора на 46 р. 56 к., г) к отпускаемой сумме на наем помещения добавить 162 руб.

Согласно этого положения хор должен был состоять из 36 певчих и 12 учеников.

Из числа добавленных певчих приказом по войсковому штабу назначено: 2 чел. – в 1-й разряд, 3 чел. – во 2-й разряд и 7 чел. – в 3-й разряд.

29 марта 1891 года нанят был для певческого хора регент, окончивший курс в Московской практической академии коммерческих наук и в регентском классе Придворной капеллы, Александровский 2-й гильдии купец Сергей Григорьевич Семенов на один год <...>.

По прошествии года Семенов, желая остаться еще на три года, просил прибавить ему жалованья или же доплату за занятия грамотностью, но Наказный Атаман не согласился, почему Семенов оставил место, а временное управление хором поручено было фельдфебелю хора Ткаченко.

По уходе Семенова войсковой штаб приглашал бывшего регента Городецкого занять место, но последний ответил из Нижнего Новгорода, что теперь он приехать не может, тогда по контракту, заключенному 1-го июня 1892 года, был нанят регентом бывший учителем пения и музыки в Ладожской учительской семинарии и имеющий от Придворной певческой капеллы диплом на звание регента Григорий Митрофанович Концевич на один год <...>.

Григорий Митрофанович Концевич, родом казак станицы

Старонижестеблиевской, в 1883 году окончил курс в учительской семинарии на звание учителя 2-классного училища, но пробыв несколько лет учителем, он в 1887 году поступает на регентские курсы при ИМПЕРАТОРСКОЙ Придворной капелле, где с полным успехом прошел 3-х годичный курс. По окончании курса он продолжил свою службу в семинарии до 1892 г., когда 1 октября занял место регента в войсковом певческом хоре, на котором и пробыл свыше 14 лет. Столь долгая служба не могла не отразиться на работе войскового хора и была благотворна по своим результатам.

С вступления его в должность из года в год работа хора все увеличивалась больше и больше. Вследствие ежегодных требований взрослых певчих в Тифлис и Петербург войсковое начальство вменило в обязанность регенту Концевичу собирать певчих по станицам Кубанского войска, готовить и куда ежегодно их командировать от 6–8 человек. По условию вменялось ему в обязанность вести школу грамоты по курсу одноклассных училищ. При нем, кроме обязательных занятий, певчие, по преимуществу дети, занимались игрою не только на скрипках, но и на духовых медных и деревянных инструментах. По просьбе Концевича и с разрешения Начальника Штаба было отпущено несколько музыкальных инструментов: флейты, корнеты, кларнеты, барабаны, скрипки и другие. Был составлен даже небольшой оркестр, человек 20–25 с участием взрослых певчих, самого регента (скрипка) и помощника Ткаченко (тоже скрипка). Этот оркестр настолько усовершенствовался, что однажды в день Покрова Богородицы 1 октября, празднуемый ежегодно войсковым певческим хором, имел возможность встретить все штабное начальство во главе с Начальником Штаба в своем помещении на крепостной площади торжественным маршем под управлением Концевича, чем немало удивил всех и доставил большое удовольствие. После молебна, во время завтрака, оркестр вполне самостоятельно играл легкие пьесы. Многие из этих певчих-музыкантов по спадке голоса были зачислены в войсковой музыкантский хор, и некоторые служат и до настоящего времени в нем.

Умственному развитию и воспитанию уделялось особенное внимание.

Некоторые взрослые и отчасти мальчики, желая получить свидетельство на станичного регента за подписью регента и заведующего войсковыми хорами, кроме того, что изучали еще регентское дело: элементарную теорию музыки, сольфеджио, начало гармонии, церковный устав, знакомились с церковно-музыкальной и светско-музыкальной литературой, дирижированием хором. Многие из них, окончив действительную службу в хоре и имея вышеназванное свидетельство в знании первоначального регентского искусства, приглашались регентами в разные станицы и получают вознаграждение за свой труд от 300–700 руб. в год.

Войсковой хор совершенствовался с каждым годом, благодаря заботливому вниманию начальника штаба и заведующего хорами подъясаула Ассиера.

Хор и оркестр часто выступали публично на семейных вечерах в войсковом Собрании отдельно и вместе, привлекая почти всегда массу слушателей, не только членов Собрания, но и посторонних слушателей. Хор ежегодно давал духовные и светские платные концерты.

Кроме того, улучшению хора много способствовали поездки (на свой счет) регента Концевича в Петербург, Москву, Киев, Ростов, Воронеж для ознакомления с лучшими хорами, репертуаром, постановкой и проч. Все, что было лучшего в других хорах, по возвращении тотчас же применялось Концевичем и в войсковом хоре.

1-го октября 1906 г. Григорий Митрофанович Концевич ушел из войскового певческого хора; при его прощании с хором певчие поднесли ему глубоко

прочувствованный адрес. Григорием Митрофановичем за последнее время издано пять выпусков малороссийских песен на 3 однородных голоса и для смешанного хора, которые рекомендованы приказом по Кубанскому казачьему войску 1910 г. № 37 к приобретению в хоры из казаков приготовительного разряда, в войсковых частях, в народной школе и к непременно выписке во все станичные правления и школы. Кроме того Григорий Митрофанович Концевич, ввиду его прежних заслуг войску, приглашен войском 1 октября 1910 г. в качестве учителя пения при войсковом певческом хоре и собирателя кубанских песен, в каковой должности он состоит и в настоящее время.

С 20 ноября 1906 года был приглашен регентом певческого хора Николай Дмитриевич Лебедев, кончивший регентские курсы по второму разряду при Придворной певческой капелле. Он пробыл в хоре около двух лет. Талантливый музыкант и хороший дирижер, он недурно владел скрипкой и фортепьяно, но отсутствие общего образования, педагогической подготовки, нравственной дисциплины в хоре и не регулярное занятие с певчими, значительно портило хор в музыкальном отношении.

На место Лебедева 1 сентября 1908 года был приглашен профессор пения и заслуженный артист ИМПЕРАТОРСКИХ театров Иван Васильевич Матчинский; он прослужил в хоре всего девять месяцев, но при нем знаменитый войсковой хор окончательно пал. Сам он, быть может, был и прекрасный солист и профессор по постановке голоса, но отсутствие регентских теоретических и практических познаний и сильное увлечение басовой партией (сам он обладал довольно сильным басом) вызывало в слушателях неудовольствие излишне крикливым исполнением. Об эстетическом наслаждении не могло быть и речи.

С 4-го июля 1909 года и по настоящее время заведующим войсковым певческим и музыкантским хорами состоит подъяесаул Иван Терентьевич Бабаев.

С 1-го января 1910 года и по настоящее время регентом состоит Яков Михеевич Тараненко, казак станицы Новонижестеблиевской и ученик Концевича, он с детства поступил в ряды хора, в котором и провел много лет. За его выдающиеся способности и любовь к пению войско командировало его в С.-Петербург, где он в течение двух лет прошел регентские курсы Смоленского и кончил регентом 2-го разряда.

Прислушиваясь к лучшим хорам Петербурга, он, очевидно, усвоил манеру пения одного из лучших столичных хоров, Александро-Невской Лавры, и перенял некоторые приемы дирижирования у И. Я. Тернова (регент Лаврского хора). Новое направление духовных композиторов оставило заметный след. Хор заметно улучшается. Тихое, довольно стройное пение в соборе, в строго церковном стиле, дало хору новую оригинальную физиономию.

Заключение

Прошло сто лет, и в течение этого времени войсковые музыкантский и певческий хоры, несомненно, дали музыкальную подготовку огромному количеству казаков, и поэтому они имели и имеют громадное воспитательное значение как музыкально-образовательные учреждения; в то же время в этот долгий период времени они являлись большей частью единственным удовлетворением эстетической потребности лиц войскового сословия, в силу чего значение их для жизни войска увеличивается еще больше как учреждения музыкально-художественного.

Их мощная песня и прекрасная игра нередко услаждала часы короткого досуга и успокаивала утомленные и наболевшие души войсковых бойцов-богатырей, не

смыкавших часто по целым дням и ночам глаз, зорко следивших за хищным противником, ежечасно, чуть не ежеминутно стремившимся прорваться сквозь тонкую передовую линию нашей кордонной линии для грабежа и разбоя в наших почти беззащитных селениях внутри Черномории.

В те далекие времена вся бывшая Черномория нередко стояла, как один человек, на военном положении; это была не мирная, цветущая страна, как мы видим теперь, а был как бы один общий военный лагерь. Все жило одной мыслью, одной общей идеей – отразить жестокого и коварного врага, спасти свои семьи и благосостояние... Все остальное, казалось, было чуждо и почти недоступно суровой боевой казачьей натуре.

Но и в эту тяжелую, боевую страду душа утомленного бойца просила иногда другой пищи, не столь кровавой и жестокой, как ежедневные бои и стычки с разъяренным противником. И этой пищей являлись наши войсковые хоры. Идя в праздник в войсковую соборную церковь и слушая чудные напевы дивного войскового хора, каждый невольно отрешался от житейских тревог и волнений, как бы внутренне очищался и становился лучше; это были минуты высокого наслаждения, дававшие возможность снова целыми месяцами напрягать свои силы в непрерывной борьбе на боевых линиях. Другим местом в Екатеринодаре, где можно отдохнуть и повеселиться, было войсковое собрание, где играла духовая музыка, под звуки которой лихо отплясывала войсковая молодежь, а иногда и старики.

В то время офицеры, танцуя на балах в войсковом собрании, всегда должны были иметь наготове полное вооружение и лошадей, так как нередко случалось, что в самый разгар танцев гремела внезапно сторожевая пушка, давая знать о нападении черкесов, и офицеры, оставив своих дам, мчались к своим частям. Летом же единственным местом для гуляний был чудный войсковой сад с массой могучих дубов и акаций и широкими тенистыми аллеями, где также играла несколько раз в неделю войсковая музыка и этим скрашивала, хотя отчасти, беспокойную пограничную жизнь.

В первой половине столетней жизни хоров капельмейстерами и регентами были большей частью войсковые лица, и репертуар хоров долгое время состоял по преимуществу из малороссийских пьес.

С наплывом же в Екатеринодар иногородних жителей и с развитием жизни вообще явилось требование и на пьесы другого времени; тогда вальсы, кадрили, марши и покурри приобрели полное господство и почти вытеснили малороссийскую музыку; хотя певческий хор и до наших дней неизменно придерживается большей частью малороссийского репертуара.

Появление же с шестидесятых годов во главе музыкальных хоров капельмейстеров из немцев, чехов и итальянцев окончательно отклонило музыку от родного малороссийского направления, что очень жаль, так как не мешало бы, пользуясь лучшим иноземным, не забывать и своего.

Наши предки-черноморцы, создавшие войсковые хоры, бесспорно заслуживают большой признательности и глубокой благодарности своих потомков. Они правильно оценили и поняли воспитательное значение музыки и пения для казачьего населения и чутко подметили присущую природе казака-черноморца любовь к ней, почему, создавая хоры, они тем самым создали великое благодеяние для казаков, предоставив многим из них хороший заработок, и вместе с тем дали эстетическое наслаждение для всего казачьего населения.

Природе почти каждого человека, а малоросса в особенности, дороги, понятны и приятны музыка и пение.

За свое столетнее существование войсковые хоры выпустили не одну тысячу вполне обученных музыкантов и певчих, которые, возвратясь домой, не оставили своего любимого дела и продолжали его в станицах, собирая вокруг себя любителей музыки и пения и создавая этим небольшие оркестры и певческие хоры, которые имеются теперь почти в каждой станице.

Если в отдаленное от нас суровое время признавалось воспитательное значение войсковых хоров, то в настоящее время указанное значение их является бесспорным и очевидным.

Необходимо, чтобы войсковые музыкально-художественные и вместе с тем учебно-музыкальные войсковые учреждения – войсковой певческий и музыкантский хоры – встретили новое столетие своего существования при новой внутренней организации, которая не допустила бы их унизиться до музыкально-ремесленных учреждений, а, напротив, подняла бы их в соответствии требованиям искусства и века.

Необходимость существования всякого учреждения обуславливается именно его способностью удовлетворять нуждам окружающего его общества, и если учреждение будет отставать от века и потому не в силах будет удовлетворять требованиям общества, то тогда и самое его существование является бесполезным и никому не нужным.

В последнее время Наказный Атаман генерал-лейтенант Бабыч и начальник штаба генерал-майор Кияшко много сделали на пути поднятия хоров, и дай Бог, чтобы в будущем как они сами, так и их преемники не останавливались на этом и продолжали дело развития хоров в надлежащем направлении.

Приложение 1-е

СПИСОК заведывавших войсковыми музыкантскими и певческими хорами

№№ по порядку	Чин, имя, отчество и фамилия	
1	Войсковой Старшина Языков Дмитрий Николаевич	С 27 июня 1862 г. по 7 января 1864 г.
2	Есаул барон Унгерн-Штернберг Михаил Леонардович	С 7 января 1864 г. по апрель 1865 г.
3	Сотник Орловский Дорофей Иванович	Заведующий музыкантскими хорами с 1865 г.
4	Есаул Пентюхов Алексей Гаврилович	Заведующий певческим хором с апреля 1865 г. до 1875 г.
5	Войсковой Старшина Вареник Василий Степанович	Заведующий певческим хором с 21 июня 1866 г. по 21-е июня 1866 г.
6	Хорунжий Короленко Прокофий Петрович	Заведующий музыкантским хором с 21 июня 1866 г. до 1875 г.

7	Сотник Мамонов	Заведующий музыкантским хором с сентября 1867 г. по сентябрь 1868 г.
№№ по порядку	Чин, имя, отчество и фамилия	
8	Хорунжий Джумайло	Заведующий музыкантским хором с сентября 1867 г. по 1-е января 1871 г.
9	Есаул Ясинский Алексей Родионович	Заведующий музыкантским хором с 1 января 1871 г. по 11 августа 1875 г.
10	Хорунжий Крикун Диомид Ильич	Заведующий музыкантским хором с 11 августа 1875 г. по июнь 1887 г.
11	Коллежский Ассессор Черный	Заведующий певческим хором с 1875 г. по 26 июня 1876 г.
12	Сотник Погорелов Андрей Павлович	Заведующий певческим хором с 26 июня 1876 г. по 1 августа 1878 г.
13	Сотник Образ Никита Васильевич	Заведующий певческим хором с 1 августа по 24 ноября 1878 г.
14	Колл. Регистратор Селютин Гавриил Иванович	Заведующий певческим хором с 24 ноября 1878 г. по 1 января 1888 г.
15	Хорунжий Головатый Сергей Клеофастович	Заведующий с июня 1887 г. музыкантским хором, а с 1 января 1888 г. музыкантским и певческим хорами по 1889 г.
16	Подъесаул Чаун Антон Григорьевич	С 1889 г. по 1 ноября 1890 г.
17	Подъесаул Казбанов Афанасий Семенович	С 1 ноября 1890 г. по 1895 г.
18	Сотник Нос Степан Никифорович	С 1 сентября 1908 г. по 1 сентября 1909 г.
19	Подъесаул Ассиер Михаил Андреевич	С 20 августа 1896 г. по 2 января 1903 г.
20	Подъесаул Стрекозов Иван Степанович	С 2 января 1903 г. по 1 октября 1908 г.
21	Подъесаул Сивцов Владимир Федорович	С 1 октября 1908 г. по 4 июля 1909 г.
22	Подъесаул Бабаев Иван Терентьевич	С 4 июля 1909 г. и по настоящее время.

Примечание. С первых дней существования войсковые хоры были в заведовании полицеймейстеров г. Екатеринодара и Полицейской экспедиции.

С введением положения 1842 г. они были переданы в ведение Исполнительной экспедиции Войскового Правления и подчинены Ассесору этой экспедиции.

С 27 июня 1862 г. был назначен особый заведующий обоими хорами. В апреле 1865 г. было назначено два заведующих хорами: один – певческим, а другой – музыкантским, и такой порядок велся до 1 января 1888 г., когда заведывание опять соединили в одном лице, что продолжается и до настоящего дня.

Приложение 2-е

**СПИСОК
регентам, управляющим войсковым певческим хором
с 1-го октября 1810 г. по 1-е января 1911 года**

№№ по порядку	Чин, имя, отчество и фамилия	
1	Дворянин Гречинский Константин	С 1 октября 1810 г. по 26 июля 1815 года.
2	Казак Курганов	С 1 января 1816 г. по 1 января 1818 года.
3	Урядник (впоследствии есаул) Пентюхов Гавриил Григорьевич	С 1 апреля 1818 г. по 9 ноября 1838 года.
4	Сотник Пентюхов Матвей Гаврилович	С 1 мая 1839 г. по 20-е июня 1843 года.
5	Священник Донецкий о. Гавриил	С 5 октября 1844 г. по сентябрь 1846 г. (умер).
6	Богучарский 3-й гильдии купец Кривоносов Петр	С 18 ноября 1846 г. по 17 ноября 1847 года.
7	Священник Эрастов о. Иоанн	С 17 ноября 1847 г. по 3 марта 1856 года.
8	Сотник Ермола Михаил Абрамович	С 3 марта 1856 г. по 31 октября 1857 года.
9	Священник Эрастов о. Иоанн (вторично)	С 31 октября 1857 г. по 2 ноября 1859 года.

10	Урядник Терпилец Моисей Варфоломеевич	С 2 ноября 1859 г. по декабрь 1864 года.
11	Учитель пения Лебедев Михаил	С декабря 1864 г. по 17 апреля 1870 года (умер).
12	Регент Дунин Федор Михайлович	С августа 1870 по апрель 1886 года.
13	Регент Городецкий Михаил	С 1 мая 1886 г. по 1 февраля 1891 года.
14	Губарев Андрей (временно)	С 4 февраля 1891 г. по 29 марта 1891 года.
15	Регент Семенов Сергей Григорьевич	С 29 марта 1891 г. по 15 августа 1892 года.
№№ по поря дку	Чин, имя, отчество и фамилия	
16	Регент Концевич Григорий Митрофанович	С 1 июня 1892 г. по 1 октября 1906 года.
17	Унтер-офицер запаса армии Лебедев Николай Дмитриевич	С 20 ноября 1906 г. по 1 сентября 1908 года.
18	Профессор пения Матчинский Иван Васильевич	С 1 сентября 1908 г. по 1 сентября 1909 года.
19	Нестроевой старшего разряда Тараненко Яков Михеевич	С 1 января 1910 г. и по настоящее время.
Примечание. В числе регентов из казачьего сословия были: Курганов, урядник Пентюхов, сотник Пентюхов, священник Донецкий, сотник Ермола, урядник Терпилец и Тараненко.		

Приложение 3-е

СПИСОК
капельмейстеров, управлявших войсковыми
музыкантскими хорами с 1 февраля 1812 г. по 1 января 1911 г.

№№	Чин, имя, отчество и фамилия	
1	Отставной майор Цых Франц Антонович	С 1 февраля 1812 г.
2	Урядник (впоследствии войсковой старшина в	С 4 октября 1826 г. по 15 мая 1844 года.

	отставке) Родионенко Павел Павлович	
3	Богучарский 3-й гильдии купец Кривонос Петр	С 19 мая 1844 г. по 22 сентября 1852 года.
4	Отставной комиссар 14 кл. Тарабарев Яков	С 22 сентября 1852 г. по 14 октября 1853 г. (умер).
5	Есаул 5 пеш. батальона Родионенко Павел Павлович (вторично)	С 25 октября 1853 г. по 1 марта 1862 года.
6	Австрийско-подданный чех Галашек Иван Францович	С 1 марта 1863 г. по 1 марта 1865 года.
7	Капельмейстер фон-Стадлинг	С 4 марта 1863 г. по 4 июня 1863 года.
8	Сакс.-подданный Циммерман	С 12 июня 1863 г. по 1 января 1864 года.
№№	Чин, имя, отчество и фамилия	
9	Капельмейстер Ветрник	С 1 января 1864 г. по 1870 год.
10	Австр.-подданный чех Галашек Иван Францович (вторично)	С 1870 г. по 16 декабря 1873 года.
11	Есаул Ясинский Алексей Родионович	С 16 декабря 1873 г. по 16 июля 1874 года.
12	Прусско-подданный Китлер Лоренц Вильгельмович	С 16 июля 1874 г. по 16 июля 1879 года.
13	Хорунжий Крикун Диомид Ильич	С 16 июля 1879 г. по 1882 год.
14	Капельмейстер Эйфус	С 1882 г. по 7 марта 1884 года.
15	Капельмейстер Ферстер Эрнст Богданович	С 7 марта 1884 г. по март 1886 года.
16	Капельмейстер Гартунг Адольф Федорович	С 5 марта 1886 г. по 5 марта 1887 года.
17	Веймарско-подданный Кольбе Фридрих-Эдуард	С 1 июня 1887 г. по 29 марта 1888 года.
18	Артист Императорских театров Кестнер Карл Федорович	С 5 июня 1888 г. по 15 марта 1894 года.
19	Капельмейстер Бауэр Адольф Христианович	С 1 марта 1894 г. по 21 ноября 1897 года.
20	Потомственный почет. гражданин Махровский Павел Александрович	С 21 ноября 1897 г. по 1 ноября 1898 года.

21	Австр.-подданный Дуда Иосиф	С 1 ноября 1898 г. по 1 марта 1901 года.
22	Итальянско-подданный Эспозито Евгений Доминикович	С 1 марта 1901 г. по 1 сентября 1902 года.
23	С.-Петербургский мещанин Орлов Александр Иванович	С 1 сентября 1902 г. по 16 октября 1904 года.
24	Итальянско-подданный Сирина Михаил Феликсович	С 16 октября 1904 г. по 1 октября 1906 года.
25	Коллежский регистратор Воут Константин Августович	С 1 октября 1906 г. по 1 октября 1908 года.
26	Саксонско-подданный Гольферт Макс Эрастович	С 1 декабря 1908 г. по 1 февраля 1909 года.
27	Губернский секретарь Стефанович Константин Константинович	С 1 февраля 1909 г. по 21 апреля 1909 года.
28	Итальянско-подданный Эспозито Евгений Доминикович (вторично)	С 20 апреля 1909 г. по настоящее время (струнным хором).
№№	Чин, имя, отчество и фамилия	
29	Австрийско-подданный коллежский регистратор Лоос Франц Матвеевич	С 10 июля 1909 г. по настоящее время (духовым хором).
Примечание. Казачьего сословия был только один есаул Павел Павлович Родионенко, прослуживший более 25 лет в должности капельмейстера. Сколько лет был майор Цых и кто после него был до 1826 г., сведений не добыто.		

Приложение 4-е

ИМЕННОЙ СПИСОК
обучающимся в войсковой инструментальной и духовой музыке
казакам и мальчикам с означением имеющих и не имеющих семейства

Составлен 17 мая 1812 года

№№	Имя и фамилия		
Кларнетчики:			
1	Хижняк Корней	Женат.	Казаки по полку не записанные.
2	Герасименко Андрей	Из сирот.	
3	Топчий Иван	Женат.	Полка Есаула Плохого.
4	Казуб Василий	Из переселенцев.	Малолеток.

Флейтаверсы:			
5	Кагарлицкий Степан	Неимеющий достатка.	Казачи полка Ес. Котляревского.
6	Бурнос Иван	»	
7	Максименко Федор	»	
8	Москаленко Симон	»	
Волторнисты:			
9	Носак Трофим	Из сирот.	Мальчики.
10	Курило Андрей	Отец отставной.	
Фаготчики:			
11	Малахов Макар	Женат.	Казак полка Войск. полк. Лисенко.
12	Курило Игнат	Из переселенцев.	
Гобойчисты:			
13	Шпак Самуил	Отец отставной.	Казак полка Ес. Борзыкова.
14	Жук Михаил	Из сирот.	
Скрипачи:			
15	Малахов Тарас	Из сирот.	Мальчики.
16	Шалашов Иван	»	
17	Кулеш Даниил	Отец состоит в полку Ес. Симакова.	
№№	Имя и фамилия		
18	Садовский Марк	Из сирот.	Мальчики.
19	Беловоленко Игнат	»	
20	Зайченко Яков	»	
Альт:			
21	Москаленко Яков	Из сирот.	Мальчик.
Басисты:			
22	Гусаренко Григорий	Неимеющие достатка.	Из малолетков.
23	Хижняк Максим		
Литаврщик:			
24	Зарицкий Павел	Женат.	
Трубачи:			
25	Тарасенко Василий	Из сирот.	

26	Зеленский Семен		Казак полка Ес. Симакова.
Трубачи:			
27	Яловый Самуил		Казак полка Войсков. полк. Лисенко.
28	Тарапат Дмитрий	Отец отставной.	
29	Симоненко Тимофей	»	
30	Барановский Онуфрий	Из сирот.	
31	Петровский Демьян	Отец отставной.	
32	Артюхов Павел	Из переселенцев.	
33	Левицкий Максим	Из сирот.	
34	Сосюра Кондрат	Отец отставной.	
Бобонщик:			
35	Орлов Юрий	Из сирот.	Из обер-офицерских детей.
Полицеймейстер Голуб. Примечание. К сожалению, списка певчих первого хора добыть не пришлось			

Приложение 5-е

ИМЕННОЙ СПИСОК
войсковым духовым музыкантам, состоящим налицо

Составлен 25 января 1834 года

№№	Имя и фамилия
	Урядники:
1	Москаленко Симон
2	Пустовойт Федор
№№	Имя и фамилия
3	Кухаренко Андрей
4	Озирный Артем
5	Белинский Иван
№№	Имя и фамилия
6	Гапон Авраам
7	Белинский Трофим
8	Родионенко Григорий

9	Носак Трофим
10	Петровский Демьян
11	Кондратенко Павел
12	Лазаренко Иван
13	Кондратенко Василий
14	Мармута Василий
15	Марк Садовский
16	Курилко Иван
17	Орда Гавриил
18	Колесников Касьян
	<i>Казаки:</i>
19	Галушка Константин
20	Сидоренко Кузьма
21	Денисенко Влас
22	Верещака Василий
23	Зинченко Яков
24	Дикий Михаил
№№	Имя и фамилия
25	Дрига Яков
26	Яковенко Григорий
27	Котляров Андрей
28	Цмак Федор
29	Сердюк Антон
30	Чернолес Кондрат
31	Мороз Иосиф
32	Морока Ефим
33	Кулеш Даниил
34	Василевский Петр
35	Шевченко Сила
36	Красницкий Игнат
37	Невмивака Влас
38	Шелест Леонтий
39	Шренко Трофим

40	Островский Владимир
41	Орел Захарий
42	Верещака Петр
43	Крамаренко Иван
44	Панченко Алексей

Приложение 6-е

СПИСОК
нижним чинам Кубанского войскового симфонического оркестра

Составлен 10 июня 1911 года

№№	Звание, имя и фамилия	Какой станицы
	1-е СКРИПАЧИ:	
	<i>Вольнонаемные:</i>	
1	Яков Романович Яблоновский	175 р. в мес.
2	Александр Васильевич Копылов	45 р. в мес.
	<i>Сверхсрочнослужащие:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
3	Нестор Безсчастный	Полтавской.
4	Федор Жарко	Каневской.
5	Петр Разоряя	Бакинской.
№№	Звание, имя и фамилия	Какой станицы
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
6	Иван Шеремет	Ирклиевской.
7	Георгий Губа	Курчанской.
	Казак	
8	Роман Дьяченко	Старонижестеблиевско й.
	2-е СКРИПАЧИ:	
	<i>Сверхсрочнослужащие:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
9	Иван Давиденко	Староминской.
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
10	Филипп Яцук	Славянской.

	Казаки:	
11	Виталий Легин	Иркиевской.
12	Владимир Безсчастный	Полтавской.
	Малолетки:	
13	Кирилл Слепко	Неберджаевской.
14	Семен Перепелица	Новотитаровской.
15	Герасим Соловьев	Ладожской.
16	Григорий Дурнев	Рождественской.
	Малолетки-ученики:	
17	Павел Ковтун	Марьянской.
18	Лаврентий Иваненко	Варениковской.
	АЛЬТИСТЫ:	
	<i>Вольнонаемный</i>	
19	Макс Эрнестович Гольферт	100 р. в мес., помощник дирижера
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
20	Яков Половинка	Уманской.
21	Владимир Панчишный	Динской.
	Казак	
22	Максим Дурнев	Рождественской.
	Малолеток	
23	Федор Шкаруба	Васюринской.
№№	Звание, имя и фамилия	Какой станицы
	Малолеток-ученик	
24	Игнат Лысенко	Полтавской.
	ВИОЛОНЧЕЛИСТЫ:	
	<i>Вольнонаемные:</i>	
25	Георгий Леонтьевич Неплюев	85 р. в мес.
26	Иван Ильич Алексеенко	50 р. в мес.
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
27	Козьма Мирный	Платнировской.
	Малолетки-ученики:	

28	Василий Ляшенко	Пластуновской.
29	Степан Кожура	Георгие-Афипской.
30	Петр Шатохин	Новопокровской.
	КОНТРБАСИСТЫ:	
	<i>Вольнонаемный</i>	
31	Игнат Иванович Воронин	55 р. в мес.
	<i>Сверхсрочнослужащий</i>	
	Нестроев. старшего разряда	
32	Андрей Кодаш	Васюринской.
	<i>Ученики штатные:</i>	
	Малолетки:	
33	Исаакий Педус	Брюховецкой.
34	Аким Безбородов	Раздольной.
	<i>Ученик сверхштатный</i>	
	Малолеток	
35	Максим Алексеев	Марьянской.
	ФЛЕЙТИСТЫ:	
	<i>Вольнонаемный:</i>	
36	Иван Григорьевич Шлык	70 р. в мес.
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Казаки:	
37	Михаил Андриенко	Раздольной.
38	Платон Остриков	Ладожской.
	Малолеток-музыкант	
39	Конон Ержов	Челбасской.
№№	Звание, имя и фамилия	Какой станицы
	ГОБОИСТЫ:	
	<i>Сверхсрочнослужащий</i>	
	Нестроев. старшего разряда	
40	Никита Потапов	Анастасиевской.
	Ученики-малолетки:	
41	Федор Звягинцев	Темнолесской.
	<i>Сверхштатные:</i>	

42	Митрофан Гнедаш	Азовской.
43	Федор Попов	Бакинской.
	КЛАРНЕТИСТЫ:	
	<i>Сверхсрочнослужащие:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
44	Николай Божко	Неберджаевской.
45	Захарий Герасименко	Челбасской.
	Казак	
46	Захарий Мухопатов	Курганной.
	Ученик сверхштатный	
47	Иван Бутов	Нижнебаканской.
	ФАГОТИСТЫ:	
	<i>Вольнонаемный</i>	
48	Моисей Васильевич Пузанов	50 р. в мес.
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
49	Григорий Подсвиров	Георгиевской.
	Казак	
50	Дмитрий Ковтун	Марьянской.
	Ученик	
51	Федор Емельянов	Николаевской.
	ВОЛТОРНИСТЫ:	
	Нестроев. старшего разряда:	
	<i>Сверхсрочнослужащий</i>	
52	Михаил Новомирский	Каладжинской.
	<i>Обязательной службы</i>	
53	Федот Денисенко	Нововеличковской.
№№	Звание, имя и фамилия	Какой станицы
	Малолетки:	
54	Николай Соболев	Новонижестеблиевская .
55	Савва Диброва	Пашковской.
	<i>Ученик сверхштатный</i>	

56	Андрей Остриков	Ладожской.
	ТРУБАЧИ:	
	<i>Вольнонаемный</i>	
57	Василий Георгиевич Мунтян	70 р. в мес.
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Казаки:	
58	Андрей Вовк	Новоджерелиевской.
59	Козьма Иваненков	Хоперской.
	<i>Ученик сверхштатный</i>	
	Малолеток	
60	Тимофей Гончар	Пашковской.
	ТРОМБОНИСТЫ:	
	<i>Сверхсрочнослужащий</i>	
	Нестроев. старшего разряда	
61	Михаил Ищенко	Новонижестеблиевско й.
	<i>Обязательной службы</i>	
	Казак	
62	Николай Харланов	Рождественской.
	<i>Ученики штатные:</i>	
	Малолетки:	
63	Павел Шишка	Хут. Сасыкского.
64	Павел Евтушенко	Полтавской.
	ТРУБИСТ:	
	<i>Ученик штатный:</i>	
	Малолеток	
65	Алексей Конев	Ладожской.
	УДАРНЫЕ:	
	<i>Сверхсрочнослужащий:</i>	
	Нестроев. старшего разряда:	
66	Карп Безкровный	Ахтырской.
	Малолетки штатные:	
67	Матвей Яковец	Северской.
68	Захарий Созданов	Новодонецкой.

СПИСОК
нижним чинам Кубанского войскового духового оркестра

Составлен 10 июня 1911 года

№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	<i>Сверхсрочнослужащий</i>	
	Штаб-трубач	
1	Дмитрий Бочаров	Усть-Джегутинской
	КОРНЕТИСТЫ: <i>Сверхсрочнослужащий</i> Нестроев. старшего разряда	
2	Иван Овчинников	Пензенской
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Казаки:	
3	Павел Артеменко	Мингрельской
4	Епифан Колбаса	Мартанской
5	Петр Диброва	Пашковской
6	Андрей Сивочка	Новотитаровской
7	Василий Романько	Елисаветинской
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
8	Дмитрий Борисенко	Баталпашинской
9	Ефим Степаненко	Должанской
	<i>Сверхштатные казаки:</i>	
10	Григорий Кирьян	Старокорсунской
11	Павел Кочкалда	Медведовской
	ФЛЕЙТИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда	
12	Влас Марченко	Мартанской
	<i>Сверхштатный ученик</i>	
13	Платон Солодилов	Ладожской
	ГОБОИСТЫ:	
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Казак	

14	Яков Лось	Николаевской
	КЛАРНЕТИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старшего разряда	
15	Архип Горб	Пластуновской
№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	Приказный	
16	Алексей Дьяченко	Марьянской
	Казак	
17	Ананий Ковтун	То же
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Малолетки:	
18	Михаил Тарасов	Отрадной
19	Павел Михайленко	Пашковской
20	Ерофей Шпак	То же
21	Павел Бугаев	Елисаветинской
	<i>Сверхштатные ученики:</i>	
	Казаки:	
22	Дмитрий Сливень	Марьянской
23	Степан Пивень	То же
	ТЕНОРЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Приказный	
24	Николай Мусиенко	Васюринской
	Нестроевые старшего разряда:	
25	Семен Чаплыгин	Николаевской
26	Григорий Ластовина	Новотитаровской
	Казак	
27	Афанасий Забора	Мингрельской
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Казаки:	
28	Ефим Журавель	Пашковской
29	Семен Скрипка	Елисаветинской

	БАРИТОНИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы</i>	
	Казак	
30	Ефим Фисенко	
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Казаки:	
31	Сергей Васильченко	Новонижестеблиевской
32	Харитон Шевела	Пашковской
	БАС-ТРОМБОН:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	Нестроев. старш. разряда:	
33	Поликарп Дубина	Динской
	ТРОМБОНИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старш. разряда	
34	Яков Чепела	Старомышастовской
	Казак	
35	Василий Селютин	Николаевской
	ВАЛТОРНИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Нестроев. старш. разряда	
36	Павел Нитипин	Лабинской
	Казаки:	
37	Карп Талалай	Мингрельской
38	Степан Гайдук	Динской
	<i>Не состоящий на действительной службе</i>	
	Казак	
39	Николай Бекетов	Николаевской
	ТРУБАЧИ:	
	<i>Обязательной службы</i>	
	Казак	

40	Федор Брусенцов	Раздольной
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Казаки:	
41	Иван Дамницкий	Мингрельской
42	Евтихий Дейнега	Пашковской
43	Петр Бурула	То же
	<i>Сверхштатный ученик</i>	
44	Иван Зинченко	Медведовской
	БАСИСТЫ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Казаки:	
45	Павел Победа	Пашковской
46	Михаил Гречка	Новонижестеблиевской
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
47	Иван Гергель	Пашковской
48	Лука Фисенко	Новонижестеблиевской
49	Ефим Андриец	То же
№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	Малолеток	
50	Пантелеймон Изюмский	Переяславской
	<i>Сверхштатный ученик</i>	
	Казак	
51	Владимир Слива	Марьянской
	УДАРНЫЕ:	
	<i>Обязательной службы:</i>	
	Казаки:	
52	Василий Шаповал	Пашковской
53	Илья Алексеев	Марьянской
54	Семен Подварко	Елисаветинской
	<i>Сверхштатный ученик:</i>	
	Малолеток	
55	Степан Диброва	Пашковской

СПИСОК
нижним чинам Кубанского войскового певческого хора

№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	<i>Дисканты:</i>	
	Малолетки-штатные:	
1	Иустин Емцев	Новомалороссийской
2	Емельян Романько	Елисаветинской
3	Петр Костенко	Курчанской
4	Иосиф Яриш	Марьянской
5	Александр Сергиенко	Старомышастовской
6	Давид Самусь	Пашковской
7	Константин Касимов	Григориполисской
8	Михаил Белоконь	Новомышастовской
9	Федор Белоконь	То же
10	Петр Зайвый	Марьянской
11	Федор Яковенко	Старомышастовской
12	Иван Федорченко	Курчанской
13	Сергей Волга	Верхнебаканской
14	Федор Волга	То же
	Сверхштатные:	
15	Иван Височин	Ладожской
№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
16	Алексей Примин	Усть-Лабинской
	<i>Альты:</i>	
	Малолетки-штатные:	
17	Петр Гноевский	Курчанской
18	Михаил Бигдай	Елисаветинской
19	Михаил Зюзин	Ильской
20	Алексей Широкий	Елисаветинской
21	Петр Пергать	Марьянской
22	Яков Чинченко	То же
23	Пантелеймон Савоцкий	Пашковской
24	Иосиф Сема	Бжедуховской
25	Павел Головатенко	Саратовской
	Сверхштатные:	

26	Федор Нестеренко	Северской
27	Яков Ярема	Бжедуховской
28	Яков Сидоренко	Пашковской
29	Федор Кривонос	Дядьковской
30	Федор Некрасов	Урупской
	Воспитанник хоров	
31	Петр Слюсарев	Севастопольской
	Теноры:	
	Сверхсрочнослужащий:	
	<i>Приказный</i>	
32	Иван Голик	Должанской
	Обязательной службы:	
	<i>Нестроев. старшего разряда:</i>	
33	Иван Бекетов	Николаевской
34	Михаил Чепига	Уманской
35	Никифор Сулим	Хутора Марьянского
36	Матвей Остриков	Ладожской
	Казаки:	
37	Игнат Труфанов	Успенской
38	Иван Кузенко	Некрасовской
39	Яков Лашко	Старонижестеблиевской
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
40	Семен Тарасов	Николаевской
41	Яков Безценный	Челбасской
42	Лука Авилов	Славянской
№№	Звания, имена и фамилии	Какой станицы
	Помощник регента	
	<i>Нестроев. старшего разряда</i>	
43	Алексей Ганжа	Старолеушковской
	Басы:	
	<i>Нестроев. старшего разряда</i>	
	Сверхсрочнослужащий	
44	Филипп Ульячено	Сергиевской
	<i>Писарь</i>	

45	Иван Тыщенко	Славянской
	Обязательной службы	
46	Иван Залезняк	Медведовской
	Казаки:	
47	Иван Чипченко	Марьянской
48	Козьма Жаботинский	Воронежской
49	Андрей Гаврик	Новомихайловской
50	Роман Хохлач	Варениковской
51	Матвей Ермолаенко	Благовещенской
52	Иван Бурлай	Пластуновской
	<i>Не состоящие на действительной службе:</i>	
	Казак	
53	Александр Авдеев	Некрасовской
	Сверхсрочнослужащий	
	Фельдфебель хоров	
	<i>Подхорунжий</i>	
54	Исаакий Опомах	Пашковской

Есаул Ив. Ив. Кияшко

Прощай, мий край, дэ я родывся,
Дэ пэрву жизнь свою выдав.
Дэ козаком на свит явився,
Родной Кубани присягав.

Дэ диды, праиды служилы
У пользу Русьскому Царю.
За Русь головки положили,
Колы нужна – отдам свою.

Настав тяжелый час розлуки,
Я йду за Родину служить.
Змогли диды, зумиють внуки
Живот за веру положить.

Казачья песня,
записанная в станице Старонижестеблиевской¹

¹ Станица Старонижестеблиевская – родина первого художественного руководителя Кубанского казачьего хора Г. М. Концевича

Материалы и очерки

Ирина БОНДАРЬ

Линия жизни. Подвиг архивариуса И. И. Кияшко

Линия жизни. Подвиг архивариуса И. И. Кияшко

рикомандированный в январе 1898 г. к войсковому архиву, сотник Иван Иванович Кияшко вряд ли предполагал, что именно ему предстоит спасти архивное наследие кубанского казачества, передавая его через многовластие грядущих революций и кровавые события Гражданской войны в новую эпоху, и что эта пыльная, тяжелая и неблагодарная архивная работа станет главным делом его жизни. Почти пять лет он трудился в войсковом архиве под руководством П.П. Короленко, а после его отставки приказом по войску 2 июля 1902 г. в чине подьесаула был назначен войсковым архивариусом. Через шесть лет службы в архиве, в 1908 г., он будет произведен в есаулы.

Доархивный период биографии И.И. Кияшко типичен для казачьего офицера и представляет собой сплошной компромат с точки зрения комиссий по чистке служащих советских учреждений начала 1920-х годов. Поэтому не случайно в его анкетах и характеристиках советского времени многие детали пропущены и акцент сделан именно на архивной службе. К сожалению, и послужные списки дореволюционных лет не дают полной биографической информации, так как отражают, прежде всего, военную карьеру Кияшко. Что же о нем известно из этих немногочисленных документов?

Родился Иван Иванович Кияшко 27 мая 1864 г. в г. Екатеринодаре, точнее – в станице Екатеринодарской, вошедшей в черту города, после расселения которой семья Кияшко была причислена к юрту станицы Иркилевской. Происходил «из дворян Кубанского казачьего войска», его отец хорунжий И.А. Кияшко был писарем военного суда, затем секретарем полиции г. Екатеринодара. Он умер от чахотки в возрасте 44 лет. Семья с тремя детьми осталась в бедственном положении, тем не менее, как отмечал И.И. Кияшко в своей автобиографии, «мать употребляла все свои силы, чтобы дать нам образование». Сыновья – Андрей и Иван – обучались в Кубанской войсковой гимназии, но Иван Кияшко прошел только 6 классов, полного курса не окончил «за неимением средств»¹. Поступил на службу в 1-й Екатеринодарский конный полк казаком, из полка в августе 1884 г. был командирован на учебу в Ставропольское казачье юнкерское училище, после окончания которого произведен в подхорунжие и продолжил службу в Екатеринодарском, а затем Таманском и Полтавском конных полках Кубанского казачьего войска.

Послужной список И.И. Кияшко детально описывает все ступени его службы, включая командировки по краю и за его пределами (по военным делам, по истреблению саранчи в юртах станиц Мартанской и Троицкой, «по принятию мер к прекращению черной эпизоотии в ст. Славянской») ¹. За несение службы в Закаспийской области (которая считалась три дня за четыре) в составе Закаспийской казачьей конной бригады И.И. Кияшко был награжден Бухарским орденом серебряной звезды 1-й степени (1898 г.). Имел он и другие отличия: за

участие в торжественном смотре казачьего войска во время путешествия в 1888 г. по Кубани императора Александра III с семейством И.И. Кияшко был «всемилоостивейше пожалован денежным пособием в размере двухмесячного оклада жалования», а в 1896 г. удостоен серебряных медалей в память царствования императора Александра III и в память коронования императора Николая II. В 1897 г. за отличия по службе был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, и уже будучи войсковым архивариусом, награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1906 г.) и Св. Станислава 2-й степени (1910 г.) В августе – сентябре 1896 г. И.И. Кияшко в составе депутации от 1-го Таманского полка принимал участие в торжествах в Екатеринодаре, посвященных 200-летию Кубанского казачьего войска. Безусловно, это событие, отмечавшееся с большим размахом, с историческими и этнографическими реалиями и декорациями, всколыхнуло интерес к истории края и произвело большое впечатление на всех присутствовавших ².

Неоднократно в период военной службы И.И. Кияшко доводилось исполнять должности, требовавшие знания делопроизводства: он заведовал административным участком Таманского полкового округа, был делопроизводителем полкового суда, исполнял должности полкового и бригадного адъютанта. В 1889 г. ему было поручено составление истории 2-го Таманского полка, и в ходе этой работы, продолжавшейся до конца 1891 г., он впервые обратился к историческим документам. Заведование войсковым архивом Иван Иванович принял в возрасте 38 лет, имея опыт работы с текущими и архивными документами и хорошо зная жизнь Кубанского казачьего войска.

В архиве для него открылся безбрежный мир кубанской истории, глубокий и еще мало изученный. Такое ощущение соприкосновения с вечными ценностями возникает у каждого неравнодушного человека при работе с архивными документами. Но архивариус не просто проникается осознанием значения документов, он несет прямую ответственность за них. И Кияшко энергично продолжил дело П.П. Короленко, добиваясь воплощения в жизнь многих идей своего предшественника.

Одной из неотложных задач было спасение станичных архивов. Их беспрепятственно губили или мыши, или пожары, или нерадение станичных администраций. По этим причинам редко где сохранялись архивы со времени основания станиц. К разбору архивов станичные правления относились формально, составляя описи без учета исторического значения документов. Так, например, станичное правление ст. Пшехской в 1897 г. из архива с документами за период 1863–1880 гг. оставило только четыре дела – с копиями приказов и циркуляров по войску, а остальные 757 дел, характеризующих жизнь станицы со дня ее основания («О переселенцах для водворения в станицу», «О станичной школе», «Об иногородних» и т.д.), отправило на аукционный торг, как бумагу. Фунт исторических документов продавался по копейке, и за списанные дела Пшехского станичного правления в доход войска поступило 3 рубля 70 копеек. Станица осталась без своей истории. Подобная ситуация была типичной, при ревизии станиц их архивы обнаруживались «в самом плачевном виде».

В 1905 г. И.И. Кияшко возбудил ходатайство о концентрации станичных архивов в одном месте и о присылке их описей для рассмотрения в войсковой архив. Но тогдашнее руководство войскового штаба встретило этот проект «несочувственно». Впоследствии, уже после революции, в одной из своих докладных записок о проблемах архива И.И. Кияшко писал, что нахождение архива в ведении и финансировании войскового штаба «не было благоприятно для самого архива, так как у штаба были свои задачи, а у архива другие, и последние были всегда в загоне... Нужды архива не принимались почти никем во внимание, помещений было недостаточно, имевшиеся три сарая для хранения дел забиты до отказа, штат служащих был маленький и еле-еле мог выполнять текущую работу по выдаче всевозможного рода справок, на архивную же работу не хватало ни рук, ни времени» ¹.

Тем не менее войсковой архивариус продолжал свои хлопоты о станичных архивах и в 1908 г. благодаря родственным отношениям с новым начальником штаба генерал-майором А.И. Кияшко ² сумел решить этот вопрос положительно. 26 апреля 1908 г. по Кубанскому казачьему войску был издан приказ ¹ 186 о передаче в войсковой архив по описям всех архивных дел станичных и хуторских правлений Кубанской области, пересмотре этих дел в архиве и оставлении на вечное хранение всех дел, «имеющих для будущего времени интерес в военно-историческом и бытовом отношении» ¹.

Для новых поступлений архиву передавалось одно из зданий войсковой больницы и выделялись суммы на устройство в нем стеллажей.

С августа 1908 по сентябрь 1909 г. Иван Иванович Кияшко, не оставляя других обязанностей по архиву, занимался приемом дел. В течение года в войсковой архив было принято по описям свыше полумиллиона дел из 274 станичных и хуторских правлений. Наиболее полно были представлены архивы из Закубанья. Станицы бывшего Черноморского войска и Старой линии сдали дела преимущественно за поздние годы, а за ранний

период архивов не сохранили. Особенно мало дел поступило из станиц Ейского отдела, и Кияшко даже выехал в командировку для личного осмотра станичных архивов на месте, но ему «с грустью пришлось убедиться, что эти архивы действительно потеряны для истории». Тем не менее он привез из командировки 9199 дополнительно разысканных им дел. О том, как происходил этот, пожалуй, самый масштабный за все время комплектования кубанских архивов прием дел, можно судить из воспоминаний самого Ивана Ивановича Кияшко, который в своем «Обзоре архивов Кубанской области» писал:

«Столь успешный ход работ по приему в течение только одного года 274 станичных и хуторских архивов в количестве 514 508 дел и книг мог быть достигнут только благодаря крайне напряженной, честной, дружной и неутомимой работе всех чинов войскового архива, как постоянного состава, так равно и прикомандированных к нему офицеров. Трудоспособность всего состава служащих войскового архива была положительно изумительна. Несмотря на новизну поначалу самого дела, а также крайне неблагоприятную обстановку, так как всю эту работу пришлось провести в самых невозможных условиях: в маленьких, тесных помещениях, почти без чистого воздуха, благодаря громадному количеству пыли, получавшейся от сдаваемых дел и большому скоплению народа (нередко бывало за один раз от 18–20 человек), в иные дни буквально дышать было нечем; летом же работа эта отягчалась еще удручающей жарой того года – несмотря на все это, все служащие войскового архива, как один человек работали, проникшись важностью возложенной на них задачи, не покладая рук, и результат их работы налицо.

В деле приема станичных архивов участвовали: сам войсковой архивариус И.И. Кияшко, помощник его П.Г. Федоренко и прикомандированные офицеры: есаулы Мариан Генрихович Поплавский и Владимир Федорович Матюшев, подъесаул Иван Васильевич Бабич и сотник Иван Иванович Калебердинский, а также писари архива Яков Федоренко, Игнат Победенный, Максим Бездырев и Аким Лебедев»¹.

Следует сказать, что приемом станичных документов комплектование войскового архива не завершилось. Никому из кубанских архивистов прошлых лет и настоящего времени не довелось принять в архивы столько дел, сколько их прошло через руки Ивана Ивановича Кияшко. Только за период с июля 1902 по май 1920 г. он лично собрал для Архивного фонда Кубани, по его собственным подсчетам, свыше 1 млн. дел (для сравнения: П.П. Короленко было принято в архив 233 345 дел). «Собрано почти все, что уцелело в войске из архивного материала», – отмечал И.И. Кияшко. Этот абсолютный рекорд комплектования не превзойден до сих пор.

Движимый благородной целью спасти архивное наследие края, И.И. Кияшко, конечно, понимал, что безмерно прибавляет себе работы. Столь крупное пополнение поставило войсковой архив в непростые условия, особенно после начала Первой мировой войны, когда прикомандированные офицеры были отправлены на фронт. И.И. Кияшко об этом вспоминал так:

«С уходом в 1914 году офицеров на войну войсковой архив снова очутился в критическом положении, так как с приемом станичных дел работа по справкам возросла чрезмерно, и наличный состав войскового архива, состоящий только из архивариуса и его помощника, еле мог с нею справляться; кроме того, на архив возлагались еще и другие служебные поручения, например, составление исторических справок по разным предметам и даже составление целых многотомных работ вроде «Боевой хроники Кубанского казачьего войска 1696–1914 гг.» и проч. Поневоле пришлось отложить дальнейшие работы по улучшению архива, а дела, поступающие на хранение в архив, продолжали все прибывать и прибывать, так что пришлось складывать их даже в помещении архивной канцелярии за неимением свободного места в сараях, где обычно хранятся сдаваемые дела. Всего принято было с открытия Кубанского войскового архива до 1 января 1919 года свыше 800 тысяч дел, а весной того же года, по распоряжению члена краевого правительства по военным делам в войсковой архив [поступили] еще дела эвакуированного во время настоящей войны из гор. Тифлиса архива канцелярии бывшего наместника на Кавказе в количестве приблизительно до 600 тысяч дел, а может быть и больше; точно определить общей цифры этих дел невозможно, так как они переданы без описей»².

Все это громадное собрание дел, размещенных, в основном, в четырех приспособленных флигелях, И.И. Кияшко содержал в образцовом (насколько это было возможно) порядке и знал свой архив так хорошо, что, по свидетельству очевидцев, любое дело по выбору исследователя могло быть найдено в архиве и выдано в

течение 10–15 минут³.

По инициативе И.И. Кияшко в 1910 г. при войсковом архиве была устроена научно-справочная библиотека, необходимая для составления исторических справок. Архивные материалы в этот период широко публиковались в «Кубанских сборниках», изданиях Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), «Кубанских областных ведомостях». Историческое краеведение переживало подъем. Особый интерес, в том числе на официальном уровне, вызывала история казачества. В архивах активно выявляла документы рабочая группа, созданная Ф.А. Щербиной, составлявшим по заданию войскового штаба историю Кубанского казачьего войска.

Внес свою лепту в историческое летописание и войсковой архивариус И.И. Кияшко. Им были написаны биографии К.В. Россинского, П.Д. Бабыча, А.Ф. Бурсака, опубликован именной список кубанских казаков (на 6500 персоналий), погибших в сражениях в 1797–1908 гг., издан труд по истории войскового певческого хора. Эти и другие работы И.И. Кияшко используются историками и краеведами и в наше время, они основательны, выверены по архивным источникам и написаны с любовью к Кубани.

Любовь к своему краю, Отечеству определила судьбу Ивана Ивановича Кияшко на переломе эпох, в смутное время Гражданской войны и трудный период становления советской власти. Свой гражданский долг он видел в том, чтобы сохранить вверенный ему архив. Он не мог его бросить, оставить бесхозным, беззащитным, не мог уйти вслед за Кубанским казачьим войском в эмиграцию. И фактически, и юридически, по документам, Иван Иванович Кияшко стал последним войсковым архивариусом досоветской эпохи и первым официальным советским архивным работником на Кубани.

После февральской, а затем Октябрьской революций 1917 г. войсковой архив некоторое время оставался «на прежнем положении». Советская власть пришла в Екатеринодар только 14 марта (по новому стилю) 1918 г., когда краевое правительственное и добровольческие части без боя оставили город. В апреле здесь была провозглашена Кубанская советская социалистическая республика, которая в течение лета 1918 г. претерпела еще несколько преобразований: с 30 мая – Кубано-Черноморская, а с 7 июля – Северо-Кавказская социалистическая республика с центром в Екатеринодаре.

Положение в крае было нестабильным. Апрельское наступление корниловских войск на Екатеринодар было отбито, но по границам Кубани продолжалась гражданская война. «Революционный порядок» стихийно выливался в грабежи и бесчинства, уголовники и анархисты наводнили город. Между Центральным исполнительным комитетом провозглашенной республики и военным командованием красных частей разворачивался острый междоусобный конфликт, получивший трагическую развязку уже за пределами Кубани, когда в октябре 1918 г. в Пятигорске по приказу главкома И.Л. Сорокина была расстреляна группа партийных и советских руководителей – А.А. Рубин, В. Крайний (М.И. Шнейдерман), М.Ф. Власов, С.А. Дунаевский и др., а затем арестован и убит сам И.Л. Сорокин. Эту сложную обстановку усугубляли экономический кризис, инфляция, проведение национализации недвижимого имущества и изъятия «излишков»

у «граждан буржуазного класса», а также распространение холеры, потоки беженцев... Казалось бы, войсковой архив при этом всеобщем смятении жизненного уклада должна была ожидать печальная участь. Тем не менее, как отмечал впоследствии сам И.И. Кияшко, «в 1918 году при советской власти архив продолжал все время правильно функционировать»¹. Более того, его статус был повышен. 8 мая 1918 г. приказом по Комиссариату внутренних дел Кубанской советской республики за № 21 войсковой архив был объявлен достоянием республики и передан со всеми делами, обстановкой и полным составом служащих в ведение Комиссариата внутренних дел, затем приказом по тому же комиссариату от 28 мая 1918 г. за № 28 наименован Главным архивом Кубано-Черноморской советской республики. Иван Иванович Кияшко приказом по Комиссариату внутренних дел был назначен архивариусом Главного архива республики².

Каким образом ему удалось узаконить положение архива при новой власти, история умалчивает. Известно лишь, что, далекий от политических партий и течений, И.И. Кияшко в 1918 г. вступил в профсоюз тружеников пера и впоследствии в анкетах на вопрос о своей профессии до 1917 г. и сословном положении указывал: «Труженик пера, казачье сословие»³. Идею, что войсковой архив носит вневедомственный характер и «может считаться сердцевинной всего кубанского архивного богатства», он отстаивал всегда. Все его внимание в тот период, как потом отмечалось в одном из документов, «при тогдашнем напряженном положении было обращено на охрану архивных фондов»⁴.

В августе 1918 г. деникинские войска вновь заняли Екатеринодар. Возобновили свою деятельность краевое правительственное, Рада, учреждения Кубанского казачьего войска, в ведение войскового штаба которого вновь перешел и «главный архив республики» вместе со своим бессменным архивариусом. Впоследствии, уже при советской власти, в отчетах и обзорах Кубано-Черноморского архивного бюро для освещения этого

«крамольного», «контрреволюционного» периода истории архива использовалась хитроумная формулировка:

«По взятии же Екатеринодара в августе 1918 г. войсками добровольческой армии и Рады он (архив. – Ред.) был как бы забыт и находился в положении забытого вплоть до вторичного занятия Екатеринодара советскими войсками в марте 1920 г.»¹.

Однако именно в этот период И.И. Кияшко пытается реформировать свой «как бы забытый архив» и направляет председателю Кубанского краевого правительства предложения, полностью созвучные декрету Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»! Знал ли войсковой архивариус об этом судьбоносном для архивного дела законодательном акте советской власти или основывался на идеях, ранее выдвигавшихся передовой интеллигенцией и, в частности, Союзом российских архивных деятелей (РАД), – не столь важно. Весь его многолетний опыт архивной работы и, главное, осознание реальной угрозы гибели архивов подвигали Ивана Ивановича Кияшко к такому шагу. В октябре и ноябре 1918 г. он составил два обстоятельных доклада, в которых осветил историю формирования войскового архива, значение его документальных фондов и сформулировал свои предложения по архивной реформе, настоятельно необходимой «в интересах настоящего и будущего поколений кубанских казаков и других жителей края».

И.И. Кияшко предлагал «теперь же выделить войсковой архив в совершенно самостоятельное учреждение», наименовать его «*Кубанский главный (или центральный) войсковой архив*», назначить такой штат служащих, который смог бы справляться не только с текущей работой (по выдаче справок и приему дел), но и занимался разработкой дел, их переплетом и другими необходимыми архивными работами. При этом Кияшко расписывал должностные обязанности предполагаемых сотрудников, особенно выделяя роль «*экзекутора*», который будет наблюдать за правильностью подкладки дел после использования обратно в связки, контролировать работу писарей и, кроме того, вести «хозяйственную часть».

«Вообще, – писал И.И. Кияшко, – архивное дело требует очень опытных и всесторонне знающих свое дело служащих, почему желательно было бы дать им такое содержание, чтобы материально обеспечить их возможно лучшие и этим удержать их возможно дольше на службе, что только послужит и пользе самого дела, потому что архивное дело не любит частой перемены служащих»².

Подробно описывая занимаемые архивом помещения и их неудобства (разбросанность, тесноту, отсутствие отопления зимой, слабую освещенность – «*здание ¹ 2 с передней части имеет трое широких дверей, и с этой стороны еще можно различить подписи на делах; прочие же стороны и такого освещения не имеют, так как ни дверей, ни окон там нет, если не считать за таковые узенькие амбразуры, еле пропускающие при ясной погоде едва заметный свет на стеллажи с делами, при котором различить надписи даже на связках затруднительно...*»), И.И. Кияшко предлагал «выстроить новое теплое архивное здание, согласно с указаниями гигиены и закона», чтобы не только разместить в нем все наличные архивные дела, но и иметь свободное, запасное помещение для новых поступлений примерно на 500 тысяч дел.

Во втором своем докладе, направленном в краевое правительство в ноябре 1918 г., И.И. Кияшко указывает, что возникшие в новый период истории архивы различных административных, судебных, полицейских, финансовых, учебных, благотворительных, промышленных и иных учреждений с накоплением в них дел перемещались из канцелярий в «дешевые хранилища», в результате «документальное народное имущество очутилось в сырых, холодных и темных подвалах, на чердаках и в сараях», где документы стали «гибнуть массами от сырости, огня, крыс, частного расхищения и официальной передачи старьевщикам и на бумажные фабрики». Только централизация архивного дела может спасти их. На Кубани, считал И.И. Кияшко, она уже почти осуществлена в виде войскового архива, собравшего документы за 135 лет почти всех войсковых учреждений. Он предлагал «серьезно подумать о прошлой, настоящей и будущей постановке архивного дела у нас на Кубани, сравнить прошлое с настоящим и преобразовать современную архивную службу в войске и крае».

Для этого, по его мнению, необходимо было издать «особое повеление» Рады и краевого правительства о назначении комиссии из представителей разных ведомств и ученых специалистов для детальной разработки проекта архивной реформы на Кубани, суть которой И.И. Кияшко видел в издании ряда законов: о немедленном прекращении уничтожения архивных дел во всех учреждениях и ведомствах края; об учреждении центрального

органа по управлению и наблюдению за архивным делом в Кубанском крае; о помещении государственных архивных материалов в особые здания, «специально построенных и приспособленных для хранения рукописных материалов и научных занятий». Он предлагал «теперь же освободить войсковой архив, как центральный, от зависимости войсковому штабу», учредить ученую комиссию для научного обследования, описания и издания архивных материалов. И.И. Кияшко убеждал власти не экономить на архивах и исходить «из понятия о государственных архивах как хранилищах более ценного народного имущества, нежели содержание государственных казначейств, потому что деньги теряются и вновь наживаются, а письменные памятники народной истории, раз потерянные, не могут быть куплены и приобретены вновь никакой ценою и никакими трудами»¹.

Но эти прекрасные слова были написаны не в лучший час кубанской истории. Доклады И.И. Кияшко действительно оказались забытыми: их поместили в дело войскового штаба, озаглавленное «Разная переписка».

17 марта (по новому стилю) 1920 г. в Екатеринодар вновь вошли красные войска. Части 9-й армии уличными боями оттеснили белых из города за Кубань. 18 марта 1920 г. в Екатеринодаре и Кубанской области была введена в действие Конституция РСФСР. Всю гражданскую власть взял в свои руки временный Кубанский исполнительный комитет, который 27 марта передал полномочия Кубанскому (Кубано-Черноморскому) областному ревкому.

И вновь Иван Иванович Кияшко сделал свой выбор: он остался на своем посту, с архивом. Причем весь его немногочисленный штат продолжал работать. В отчете, подготовленном в августе 1920 г. для Архивной комиссии, об этих днях марта 1920 г. говорилось следующее:

«В момент вступления советской власти в гор. Екатеринодар (17 марта с/г) и некоторое время спустя служащие войск. и гражд. отд[еления] Архива занимались составлением алфавитно-предметного указателя к общей описи делам кошевых и войсковых атаманов бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск и Кубанского казачьего войска (1783–1899 гг.), каковой доведен до литеры «Д»...»¹.

И уже 21 марта 1920 г., то есть на четвертый день после установления в городе советской власти, И.И. Кияшко обращается с ходатайством к председателю временного Кубанского исполнительного комитета, в котором вновь разъясняет историю и значение войскового архива, ссылаясь на его статус главного архива республики при советской власти в 1918 г. и, в частности, пишет:

«Бывший войсковой архив Кубанского казачьего войска является чисто народным достоянием всего Кубанского края и высокоценным и весьма богатым хранилищем старинных письменных материалов... Все дела архива в настоящее время в количестве свыше полутора миллиона дел размещены в трех зданиях на больничной площади, в подвалах бывшего войскового собрания (угол Екатерининской и Бурсаковской ул.), подвории Румянцева на Новом базаре и одном из сараев артиллерийского арсенала близ больничной площади... В настоящее время все служащие архива также находятся на своих местах и продолжают по-прежнему свою работу. В штате архива состоят: архивариус, два помощника, пять писцов и сторож – все налицо.

Докладывая о всем вышеизложенном, считаю долгом своим, в видах сохранения этого высокоценного народного достояния от порчи и уничтожения, просить Вашего распоряжения о сохранении неприкосновенным и на будущее время для науки и жизни этого богатейшего собрания письменных материалов родной старины Кубанского края, а также соответствующих указаний о дальнейшей работе архива»².

Почти два месяца И.И. Кияшко и его сотрудники продолжали исполнять свои обязанности, не получая никакого жалованья. В мае 1920 г. с учреждением Архивной комиссии началась новая эра в истории кубанских архивов. В архивном строительстве начала 1920-х годов И.И. Кияшко принял самое деятельное участие.

В мае 1920 г. в созданную при областном отделе народного образования Архивную комиссию,

возглавляемую Б.М. Городецким, «до выработки постоянных штатов» было зачислено 11 человек «во главе с И.И. Кияшко, заведующим бывшим войсковым архивом»¹. В июне Кияшко заболел брюшным тифом, но после выздоровления вновь включился в работу комиссии, реорганизованной в октябре 1920 г. в Кубано-Черноморское областное Архивное управление, занимая должность заведующего войсковым и гражданским отделением, а впоследствии, после административных и ведомственных реорганизаций, – архивиста в окружном Архивном бюро. В октябре 1920 г. он читал курс лекций «Обзор архивов Кубанской области» на курсах архивистов, открывшихся при Архивном управлении, в сентябре 1921 г. принимал участие вместе с заведующим управлением Б.М. Городецким в работе первого краевого съезда работников по музейно-архивному делу в г. Ростове-на-Дону и председательствовал в архивной секции этого съезда.

Долгожданные перемены в архивном деле вдохновили Кияшко, он надеялся, что теперь «архивное дело двинется вперед гигантскими шагами и выйдет наконец-то на то почетное место, какое оно должно по праву и справедливости давно уже занимать»². Для этого он трудился не покладая рук, выполняя огромную черновую работу по спасению архивов, перемещению и централизации документов, практическому созданию Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ), о котором пойдет речь дальше. Кияшко пользовался известностью и уважением в культурной и научной среде, его хорошо знали не только по публикациям, но и как члена Общества любителей изучения Кубанской области (с 1908 г.), Одесского общества истории и древностей (с 1911 г.), Кубанского статистического комитета, общества любителей казачьей старины, а также как члена секции географии и этнографии Совета обследования и изучения Кубанского края.

Но в партиях он не состоял. И по этому поводу пришлось объясняться.

*«Что касается моего политического мировоззрения, – писал И.И. Кияшко в августе 1920 г., – то я всегда горячо любил и люблю свободу русского народа, веря, что только тот народ способен идти вперед и развиваться, который свободен; в партиях никаких раньше не состоял и теперь не числюсь, так как ввиду моей занятости и даже заваленности любимой работой не имею на это положительно свободного времени; числиться только по имени в какой-либо партии считаю недостойным для себя; отдаться же работе более или менее напряженной, чтобы быть полезным членом, а не трутнем, не имею времени, да и годы мои и состояние здоровья не позволяют этого»*³.

В декабре 1920 г., заполняя соответствующий пункт анкеты, он написал: «Глубоко убежден, что в недалеком будущем над нашей Родиной воссияет заря свободной трудовой жизни, и Советская Россия с почетом займет свое место среди остальных государств мира»¹.

И хотя И.И. Кияшко при заполнении анкет был предельно осторожен и ничего не сообщал о своих родственниках, кроме жены, Нины Константиновны, находившейся на его иждивении, политика вмешивалась в его жизнь неоднократно и бесцеремонно. Но судьба, не без помощи добрых людей, его хранила.

При общей регистрации бывших офицеров по ходатайству заведующего областным отделом народного образования Иван Иванович Кияшко получил от особой комиссии особого отдела 9-й армии удостоверение о том, что к исполнению им служебных обязанностей в качестве заведующего отделением Архивной комиссии препятствий не встречается.

Но в августе 1920 г. вновь была объявлена регистрация всех бывших белых офицеров в возрасте до 65 лет – на этот раз по линии Краснодарского отдельского военкомата. Коллеги И.И. Кияшко (который ко времени установления советской власти имел звание полковника) обратились с ходатайством в Главархив, в Москву, «о содействии перед кем следует о снятии теперь и на будущее время т. Кияшко с учета как бывшего офицера вследствие неспособности его к военной службе по летам и состоянию здоровья и равно как ценного и трудно заменимого работника по местной старине»². При этом в письме, подписанном С.М. Грамматикаки, управделами Архивного управления, подробно излагались заслуги И.И. Кияшко, перечислялись его научные труды и, в частности, указывалось, что «в настоящее время т. Кияшко разрабатывает материалы о состоянии древностей, остатков старины и народного быта в Кубанском крае в 1912 году, полученные по разосланной анкете в 1911 году через местные административные органы станичного самоуправления. Материалы эти очень интересны по содержанию и снабжены большим числом карт, планов, чертежей, фотографий и т. п.».

Добавим к этому, что на рабочем столе Кияшко ждали завершения и другие его, так и не опубликованные, труды: «Почти закончена в трех томах работа списков всех награжденных войсковых жителей; составлено пока

два тома «Боевой хроники Кубанского казачьего войска с 1696 г. по 1840 г. включительно», этой последней работы предполагается составить еще 5–6 томов, – писал И.И. Кияшко в одном из своих докладов, – материалы к ней печатные и письменные имеются у меня в изобилии, но по независящим от меня обстоятельствам продолжение этой работы временно мною приостановлено. Не вполне еще закончены: 1) Черноморцы в Севастополе в 1854–1855 годах; 2) Черноморцы-пластуны; 3) ст. Суворовская; 4) ст. Павловская; 5) описание старинных предметов и других памятников в Кубанской области и др.»¹.

Но, конечно, не для военной службы вызывали И.И. Кияшко в военкомат и особые отделы. Принадлежность к «контрреволюционному» сословию и Кубанскому казачьему войску превращали престарелого архивариуса в подозрительную личность. 27 февраля 1921 г. он был арестован Кубано-Черноморской ЧК по обвинению «в контрреволюции, выразившейся в вербовке бывших офицеров и оказании помощи бело-зеленым»². На следующий день в его доме в Краснодаре по улице Котляревской (Седина), 35 был произведен обыск. Вместе с Кияшко по данному делу привлекалось еще пять человек, якобы связанных с контрреволюционной организацией «Круг спасения Кубани».

Предъявленные обвинения Иван Иванович Кияшко не признал и на дальнейших допросах «откровенно не сознался, а показал: может быть, я и говорил, но по старой памяти забыл». Однако следователь нашел улики достаточными и в своем заключении от 25 марта 1921 г. предложил пятерых из шести обвиняемых, включая «дворянина Кияшко Ивана, признать врагами народа и расстрелять».

Однако судьба действительно Кияшко хранила. Уполномоченный ЧК Леонид Искрицкий (назовем здесь с благодарностью имя этого человека!), пересмотрев обвинительный материал, написал к нему «особое мнение», в котором доказательно изложил, что дело полностью сфальсифицировано недобросовестными агентами наружного наблюдения, спойвшими одного из «контрреволюционеров», который «под влиянием опьянения» и согласился на сбор пожертвований для бело-зеленых банд. Остальные же лица, в том числе и И.И. Кияшко, были просто вписаны (без их ведома, разумеется) в сценарий участников застолья. В действиях агентов Л. Искрицкий усмотрел грубое нарушение инструкций ВЧК. Приговор не состоялся. И, хотя уполномоченный предлагал, освободив арестованных, отправить их от греха подальше за пределы Кубани, как «элементы, политически неблагонадежные», для поселения на жительство в одной из центральных губерний России сроком на два года, 13 июня 1921 г. И.И. Кияшко был отпущен из ЧК под подписку, а 7 июля подписка была аннулирована. Думается, что не последнюю роль в этом сыграли дружные ходатайства в ЧК его коллег по Архивному управлению.

Кроме этого уголовного дела за ¹ 3850, в 1921 г. в производстве областной ЧК на Ивана Ивановича Кияшко числилось еще одно дело, за ¹ 5155, по которому 12 августа 1921 г. коллегия Кубчека также вынесла примирительное решение. Подробностей дела не сохранилось, и о каких вещах в протоколе коллегии говорится, мы не знаем (возможно, что-то было изъято у Кияшко при его аресте или в ходе кампаний по «ущемлению буржуазии»), однако записано в документе следующее¹:

«Слушали: дело 5 155 по обвинению Кияшко Ивана Ивановича в хранении вещей.

Постановили: принимая во внимание, что Кияшко как вредный элемент уже наказан властью трудящихся за совершенное преступление, в дальнейшем дело прекратить и вещи сдать в соответствующее учреждение».

А «вредный элемент» продолжал самоотверженно работать, несмотря на все случившиеся с ним неприятности и пошатнувшееся здоровье (16 июня 1921 г., после того как Кияшко отпустили из ЧК, заведующий Архивным управлением профессор Б.М. Городецкий обратился в областную больницу с просьбой оказать содействие в лечении Ивана Ивановича в связи с обострившимся катаром желудка и «полным истощением его организма»²). Благодаря повышенному вниманию к нему со стороны карательных органов и всевозможных комиссий, «чистящих» соваппарат, в делах Архивного управления отложилось много характеристик, писем, ходатайств, объясняющих деятельность и заслуги И.И. Кияшко.

Напряженная ситуация сложилась в апреле 1923 г., когда Архивное бюро получило приказ по общему отделу Кубчероблисполкома об увольнении с 4 апреля со службы четырех самых опытных, но беспартийных работников, в том числе и Кияшко. Несмотря на то что основанием к приказу было не подлежащее обсуждению постановление ведомственной комиссии по чистке кадров, заведующий Архивным бюро И.Ф. Чирцев написал решительный протест, в котором просил облисполком пересмотреть постановление комиссии или же отсрочить увольнение названных сотрудников до замены их новыми, подготовленными. Он указывал, что «для работы в

архивах нужен особый навык, приобретаемый продолжительностью работы в них, а также теоретическая подготовка, нужна преемственность в работе» и что при столь массовом увольнении опытных кадров «Кубано-Черномор-

ское бюро должно временно замереть и заняться не работой в архивах, а подготовкой новых работников»¹. Первой к этому письму была приложена характеристика на И.И. Кияшко. И увольнения отменили. При почти десятикратном сокращении штатов, происшедшем за период с 1920 по 1924 г. (с 64 до 7 человек), Иван Иванович оставался на работе бессменно при своей должности.

Из 12 сотрудников войскового отделения к этому времени после проведенных сокращений остались только двое – сам заведующий и сторож. Между тем отделение, не считая уже имевшихся огромных войсковых архивных фондов, непрерывно пополнялось вновь сдаваемыми архивами гражданских учреждений и частей Красной Армии и для обслуживания и выдачи справок затрачивало много усилий. «Требовать от такого штата сотрудников отделения продуктивности работы казалось бы странным и даже невозможным, – писал заведующий Архивным бюро И.Ф. Чирцев в Кубано-Черноморский облисполком в ноябре 1923 г. – Но благодаря тому, что это отделение возглавляет собою такой опытный архивист, как тов. Кияшко, до сего времени не было никаких недоразумений, работа проходит совершенно гладко и почти без большой задержки... Ввиду вышеизложенного прошу облисполком, принимая во внимание многолетнюю работу т. Кияшко в архивах и его высокую, а для Кубани и единственную квалификацию в архивном деле, перевести его в разряд сотрудников, получающих усиленное содержание»¹.

«Он на Кубани единственный» – такая оценка применительно к Кияшко в отношении его знания войсковых архивов дана и в поручительстве, подписанном И.Ф. Чирцевым в сентябре 1923 г. В этом документе заведующий подтверждал политическую лояльность Ивана Ивановича:

«Работая с ним с октября 1920 г. по сентябрь 1922 г. в одинаковых должностях, а с сентября 1922 г. будучи его непосредственным начальством, я не заметил с его стороны никаких [выступлений] против власти Советов и полагаю, что он не может быть заподозрен в контрреволюционных намерениях».

О том, какими трудами удавалось Ивану Ивановичу Кияшко в одиночку обеспечивать обслуживание более чем полуторамиллионного комплекса архивных дел, находящихся в нескольких, далеких друг от друга и неотапливаемых, помещениях, остается только догадываться. Весной 1923 г. он заболел воспалением легких и попал в больницу. Случались и производственные травмы. Об одном таком эпизоде говорится в его служебной записке, посланной 18 марта 1923 г. И.Ф. Чирцеву:

«Уважаемый Иван Федорович!

Вчера, занося дело в областной архив, я при входе в последний наткнулся в темноте на дела, споткнулся и повредил себе спину; после чего еле добрал домой и сейчас лежу в постели. Посылаю Вам с т. Белым рапорт об обнаруженных им делах, остальное он доложит на словах.

Завтра постараюсь как-нибудь прийти в отделение.

Уваж. Вас Ив. Кияшко»².

В июле – сентябре 1924 г. И.И. Кияшко выполнил еще одну большую и физически трудную работу – прием дел ликвидированного после упразднения Кубано-Черноморской области областного продовольственного комитета. Архив облпродкома насчитывал около 20 тысяч дел и был сосредоточен в крайне тесном помещении, заваленном делами буквально до отказа, в здании по ул. Гимназической, 51, где размещался Адыгейский облисполком, настаивавший на быстрейшем освобождении помещений. Там же и происходил прием дел, подлежавших перевозке в хранилище Архив-

ного бюро по ул. Комсомольской, 30. За два месяца напряженной работы И.И. Кияшко принял по 356 описям 19 279 дел этой крупнейшей организации за 1920–1924 гг., находящихся в 1867 связках, одном сундуке, двух корзинах, 9 ящиках и 26 мешках, и дополнительно еще 39 мешков и 118 пачек¹.

Когда же Архивное бюро приступило к перевозке принятых дел, «со стороны Адыгейского облисполкома было заявлено, что дела архбюро перевозить может, а оборудование – нельзя, и около входа в архивохранилище был поставлен сторож»². Началась тяжба за вывоз полок, без которых разместить фонд облпродкома, востребованный для различных справок, было невозможно...

Таких забот у И.И. Кияшко и его коллег было много. В 1925 г. здоровье Ивана Ивановича совсем ухудшилось, он много болел. Но до последнего своего дня оставался в штате бюро и в списках сотрудников был единственным, у кого датой зачисления в должность значилось 17 марта 1920 г. – день установления советской

власти в Екатеринодаре³.

Его не стало 20 октября 1925 г. В записи о смерти причиной значится «хронический катар» кишечника⁴. В Архивном бюро Кияшко никем не заменили. Подоспело очередное сокращение, и освободившаяся должность Ивана Ивановича в штатах на 1926 г. была упразднена. «Никого не пришлось увольнять», – писал заведующий бюро И.Ф. Чирцев, сожалея о потере опытного коллеги⁵.

...Вскоре после смерти И.И. Кияшко его вдова, Нина Константиновна, (урожденная Косолап) передала в Кубанское окружное архивное бюро его «печатные и писанные труды», в связи с чем заведующий бюро И.Ф. Чирцев направил ей 13 января 1926 г. письменную благодарность⁶.

Ныне в фонде Р-1700 в госархиве Краснодарского края мы находим многие служебные документы И.И. Кияшко, рукописные и машинописные тексты его докладов о войсковом архиве, обзоры архивов Кубанской области. А вот рукописи неопубликованных исторических трудов Ивана Ивановича и многочисленные материалы, собранные к ним, очевидно, канули в небытие. Но имя последнего войскового архивариуса в истории Кубани осталось навсегда. И в летопись кубанских архивов его следует вписать золотыми буквами, вместе с цитатой из автобиографии И.И. Кияшко, в которой он, как бы обращаясь к потомкам из далекого от нас августа 1920 г., писал:

«В продолжении своей свыше чем 25-летней службы при бывшем войсковом архиве мною употреблялись все средства для улучшения, обогащения и пополнения нашего войскового архива, невзирая на непреодолимые подчас препятствия к этому: отсутствие свободных зданий для хранения дел, средств и проч. Неудачи в этом деле меня не озлобляли и не ослабляли энергии в проведении намеченной мною цели. Любя дорогое для меня архивное дело, я всегда думал: «не удалось сейчас, подождем, быть может, удастся потом», и, выжидая благоприятных обстоятельств, часто достигал своего. Добрую и лучшую часть своей жизни положил я на это дело и с нравственным удовлетворением могу теперь оглянуться назад и заявить, что четверть века не даром я проработал...»

Сноски

¹ ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. л. Д. 145. Л. 6–7.

¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 774. Л. 270–273.

² См. об этом: Екатеринодар – Краснодар 1793–1993... Краснодар: Кн. изд-во, 1993. С. 209–210.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 7. Л. 5 іа.

² *Аіадаіае Еааііае÷ Еёуеі (1857–1917) – нòадаіае адаіа Еааіа Еааіае÷а Еёуеі. Іеі÷её Іаеіаіеіа аіаіа о÷еёуа è Аеааіеі Аіадаіеуіаіа оòаа. Сааааіае еадаіадае÷аіеіа іаеіа іаеіаеіаіа оòаа аіеіа Саеаіеіеіеіа іаеаіае, о÷аіаіаае а дааіа еіеіеіа іі оіаіаіаеіаіае адаіаеу і Іадаіае è Адаіаіеіаіаіа. Са аіаіа іòе÷еу а даіаіаіаіаіаіа аіеіа 1904–1905 аа. іаіеіаааіа а ааіадае-іаеіаіа. А 1908–1912 аа. – іа÷аеуіеё аіеіаіаіаіа оòаа Еааіаіеіаіа еаа÷аааі аіеіа. Н іадаіа 1912 а. – аіаіаіае ааааіаіаіа è іаеаіаіа адаіаіа Саааеаеуіаіаіа еаа÷аааі аіеіа. А 1917 а. а÷еіа ааіадае-еаеаіаіаіа – еіаіаеа 1-е Оòеаіаіаіаіаіа еаа÷аае аеаеіа è іаеаіаіа адаіаіа Налеаа÷аіаіаіа еаа÷аааі аіеіа. А ааеаааа 1917 а. оаеа а Оаеаіаіа аіеуааеаіаіа. Ні.: А.Е. Оёоаі. Іаеіаааіаіаіа іаі Аіадаіа Еааіае÷ Еёуеі. Нòауаа адаіаіа // Діаіаіаіаіа еіа аіаіа еіа. 2003. ¹ 3*

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 18. Л. 9 іа.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 18. Л. 10 іа.

² Оаі аа. Л. 12, 12 іа.

³ Оаі аа. Л. 8 іа.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 6. Л. 8 іа.

² Там же. Оі. 1. Д. 17. Л. 1 іа. Д. 85. Л. 7, 7 іа.

³ Там же. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 2. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 17. Л. 7–8.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 17. Л. 1 іа.

² ААЕЕ. Ф. 396. Оі. 5. Д. 102. Л. 224–229.

¹ ААЕЕ. Ф. 396. Оі. 5. Д. 102. Л. 238 іа.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 5. Л. 3.

² Там же. Д. 6. Л. 8–9.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 2.

² Там же. Оі. 1. Д. 18. Л. 16.

³ Там же. Оі. 1. Д. 145. Л. 3.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 6. Л. 27 іа.

² Там же. Д. 145. Л. 13–14 іа.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1ē. Д. 145. Л. 1 іа.

² Çāāpū ē āāēāā ī āāīmō ŷīēçīāō ēñīēūçīāāīū īāōāōēāēū āōōēāā ÓŌŃÁ ÐФ ī ēðāñīāāðñēñō ēðāp.

¹ Αἰπῶααδῶαἰἰἰἰἰ ὁ÷δᾱᾱᾱἰἰἰἰ «Ōāīōð āīēōīāīōāōēē īāāēēāē ēñōīðēē ēðāñīī-āāðñēñāī ēðāy» (āāēāā ŌĀĪĒĒĒ). Ф. 1. Оі. 1. Д. 113. Л. 34 іа.

² ААЕЕ. Ō. Д-1700. īī. 1ē. Ā. 5. Ē. 300.

¹ ААЕЕ. Ō. Д-1700. īī. 1ē. Д. 22. Л. 85–87.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1ē. Д. 22. Л. 303–303 іа.

² Там же. Л. 59.

¹ ААЕЕ. Ф. Д-1700. Оі. 1. Д. 155. Л. 47. Д. 151. Л. 7, 8.

² Там же. Д. 151. Л. 72, 72 іа.

³ Там же. Ā. 192. Ē. 183.

⁴ Там же. Ā. 226. Ē. 123, 123 іа.

⁵ Там же. Ā. 192. Ē. 136.

⁶ Там же. Ā. 205. Ē. 22.

Степан ЕРЕМЕНКО

Войсковой певческий хор

В <...> тот период, о котором идет речь, хором руководил священник И. Эрастов, уделявший значительное внимание освоению так называемого «Обихода» – годового цикла духовного песнопения, знакомство с которым было обязательным для церковных хоров России. Следует напомнить также, что при Эрастове войсковое начальство стало направлять наиболее способных певцов в Петербург на регентские курсы Придворной певческой капеллы. Первыми счастливыми оказались Моисей Терпилец и Митрофан Библик, поступившие на курсы в 1857 году.

В период обучения посланцев далекой Кубани на регентских курсах управляющим и руководителем Придворной капеллы был известный скрипач и композитор А.Ф. Львов. По его инициативе мальчиков капеллы стали обучать игре на оркестровых музыкальных инструментах. Наряду с теоретическими знаниями и практическими навыками учащиеся имели возможность знакомиться с произведениями крупной формы в исполнении капеллы и других хоровых коллективов столицы.

Известно, что Придворная капелла давала ежегодно два-три открытых концерта хоровой музыки. Терпилец и Библик впервые услышали в ее исполнении оратории «Времена года», «Сотворение мира» Гайдна, «Реквием» Моцарта, «Оду к радости» из 9-й симфонии Бетховена, ряд месс Керубини, хоровые концерты Бортнянского и Березовского. Памятным для них событием было открытие в 1858 году Исаакиевского собора, на котором под управлением А. Львова выступил тысячный хор во главе с Придворной капеллой и хором регентских курсов. В этом грандиозном богослужении-молебне интонационно чисто и стройно были исполнены сложные восьмиголосные композиции с соблюдением ярких динамических оттенков и темповых отклонений.

Тесным и плодотворным для молодых кубанцев было общение с замечательными хоровыми дирижерами и педагогами капеллы Г. Ломакиным и П. Воротниковым.

Вполне вероятно также, что наши земляки неоднократно слышали превосходное пение знаменитой капеллы графа Д. Шереметева, дирижером которой был их любимый учитель и друг молодежи Гавриил Якимович Ломакин.

Во всяком случае, вернулись они в Екатеринодар наполненными яркими впечатлениями столичной музыкальной жизни и с аттестатами регентов второго разряда. Встреча была радостной, волнующей. Расспросам и рассказам не было конца. А потом началась нелегкая хормейстерская работа М. Терпильца в качестве руководителя войскового хора и М. Бибика – как его помощника. За сравнительно короткий срок молодым регентам удалось улучшить общую дисциплину в хоре и качество звучания. В письме к директору Придворной капеллы от 28 июня 1860 года генерал Кусаков отмечал, что певческий хор «значительно улучшился в отношении метода пения», но для дальнейшего совершенствования его мастерства желательно расширить репертуарные возможности коллектива. И в конце сентября этого же года руководство капеллы переслало войсковому хору целый ряд хоровых партитур как светского, так и духовного содержания.

В сентябре 1861 года войсковой хор слышал император Александр II, останавливавшийся на некоторое время в Екатеринодаре. Исполнялись в основном малороссийские (украинские) песни. Ему понравилось звучание хора, и наказный атаман Кубанского войска генерал Иванов, используя положительный отзыв царя, ходатайствует перед вышестоящими органами о направлении на регентские курсы в капеллу еще двух певчих. При проверке музыкально-вокальных данных на курсах был оставлен казак Трофим Бондаревский, а урядник К. Белинский вернулся в войско. В отличие от М. Терпильца и М. Бибика, Т. Бондаревский окончил трехлетний курс обучения и 9 августа 1867 года вернулся в Екатеринодар.

Пока Т. Бондаревский учился, наказный атаман Ф.Н. Сумароков-Эльстон вел переписку с директором Придворной капеллы Н.И. Бахметевым и просил его рекомендовать регента для войскового певческого хора. И Бахметев прислал учителя пения Московского Синодального хора М. Лебедева, окончившего регентские курсы. За два года работы в хоре М. Лебедев добился значительных успехов, за кропотливую и добросовестную работу он был награжден орденом Станислава третьей степени, а его помощнику М. Бибику была вручена денежная премия. <...>

В воспоминаниях одного из бывших воспитанников хора К. Живило с большой теплотой говорится о регенте М. Лебедеве, который в первую очередь добился размещения приезжих мальчиков в помещении-интернате, при нем их начали обучать русской грамматике и музыкальной грамоте. Хористы любили М. Лебедева за его внимание, доброту и требовательность. В период его работы в репертуаре хора появились довольно сложные светские и духовные сочинения и даже двуххорные духовные концерты. Большую помощь ему оказывал М.Н. Бибик, обучая хоровому пению мальчиков и неграмотных взрослых певчих.

Непосильная работа подорвала здоровье М. Лебедева, и в 1870 году он умирает, оставив несколько рукописных светских и духовных сочинений.

В том же году на должность регента хора был приглашен казак войска Донского Ф.М. Дунин, окончивший Петербургскую консерваторию. Будучи очень требовательным к себе и своей работе, он и в хоре установил строгую дисциплину. Под его руководством хор пел стройно, мощно, торжественно, с некоторой крикливостью, так как тихое пение в то время не всегда имело успех и слушать его не умели. Среди любителей пения хор пользовался широкой популярностью. Особенно хорошо исполнялись произведения Д.С. Бортнянского и М.С. Березовского, а также

народные песни.

Запомнился екатеринодарцам блестящий концерт хора, состоявшийся 30 марта 1880 года в актовом зале гимназии. Программу его первого отделения составили пятиголосный концерт Львова «Преклони, Господи», херувимские песни Чайковского, Бахметева и два номера («День предстанет», «Лакримоза») из «Реквиема» Моцарта. Восхищаясь достоинствами моцартовской музыки, местная газета писала, что «...все мельчайшие оттенки этих пьес, представляющих много неуловимых для обыкновенных слушателей вокальных трудностей, переданы были с таким умением, оценить которое могут только знатоки классической музыки»¹. Успех второго отделения, в котором прозвучали светские произведения Д. Славянского, П. Воротникова и других авторов, разделил женский хор гимназии, исполнивший романс Рубинштейна «Пела, пела пташечка» и хор из оперы Даргомыжского «Рогдана».

Постепенно круг концертной деятельности певческого хора расширялся как в самом Екатеринодаре, так и на гастролях в курортной зоне Минеральных вод. Его репертуар пополнился сочинениями Глинки, Бетховена, Мендельсона, Шумана, русскими и украинскими народными песнями в обработках М. Бибика, А. Бигдая, Г. Концевича, Н. Лысенко. Концерты хора, как правило, были платными. Кубанскому войсковому правлению становится выгодно улучшать состав хора и повышать его исполнительское мастерство, так как это давало прибыль казне войска. <...>

В 1888 году был утвержден новый штат хора. В сравнении с предыдущим хор увеличился на 12 человек. Изменение в составе хора, естественно, сказалось на общем звучании коллектива и на его исполнительских возможностях.

Изучая газетные рецензии о концертах Кубанского войскового хора, можно ошибиться в выводах о состоянии общего и музыкального образования в нем. Не дают полной картины и очерки истории войсковых певческого и музыкантского хоров И.И. Кияшко. Нельзя, конечно, огульно сказать, что в хоре в деле воспитания и образования все обстояло плохо, но в целом картина была неудовлетворительной. Разучивание произведений проводилось с голоса или скрипки. Хористы не всегда имели элементарные понятия о музыкальной грамоте, не говоря уже о теории хорового пения. В газете «Кубанские областные ведомости» (№ 18 за 1882 г.) отмечалось, что хор пел лишь гамму, а по музыкальной грамоте знал только размер такта. Певчие старшего поколения, прослужив в хоре около двадцати лет, оставались зачастую неграмотными. Мальчики, прибывшие из станиц, жили на частных квартирах, а городские – у родителей. Взрослые певчие много времени уделяли игре в карты и выпивкам, а мальчики-певчие были предоставлены самим себе. <...>

Хор в праздники делился на две части и в полухорных составах шел поздравлять жителей города, проживавших по ул. Красной. За поздравления хористы получали различные подношения: деньги, продукты, сладости, а затем взрослые заходили в трактиры, духаны, погребки и т. п. Ни войсковое начальство, ни заведующий хорами не пресекали эти «походы», а в итоге они способствовали ухудшению дисциплины и качества звучания хора. Никто не заботился о том, чтобы мальчики читали доступную литературу и разумно проводили свой досуг. И если наиболее пытливым из них удавалось достать какую-либо книгу, то это было большим счастьем для всех юных певчих. Чаще всего это были календари. Журнал «Детское чтение» и детская художественная литература были редкими гостями у ребят.

В штаб Кубанского войска художественная литература приходила, но о ее дальнейшей судьбе никто не заботился, и книги оставались лежать на складе, иногда

даже нераспакованные. <...>

Отбор мальчиков в войсковой хор проводился в строго приказном порядке. Регент приезжал в станицу, где по требованию атамана в правление вызывалось десять – пятнадцать мальчиков и их под скрипку заставляли спеть тот или иной звук или песню. Если музыкальные данные какого-либо мальчика устраивали регента, то родителям сообщалось об этом. Иногда мальчиков забирали в хор без согласия родителей. Автор воспоминаний К. Живило о своем пребывании в хоре заметил: «На казачат смотрели как на рабов...»¹.

Для пения в церкви утренней службы мальчики должны были рано просыпаться и идти в собор через весь город. В зимнее время на улицах города было столько грязи, что можно было проехать лишь на лошади, и мальчикам приходилось пробираться дворами и огородами, перелезая через десятки заборов и отбиваясь от целых свор разбуженных собак.

Где-то в 70-х годах XIX века наряду с мальчиками-казачатами в войсковой хор начали принимать и мальчиков из семей иногородних, что, конечно, намного увеличило возможности выбора лучших голосов в хоре.

Взрослые певчие в основном проходили действительную военную службу в войсковом хоре. Для детей же казарменная обстановка была очень тяжелой, а если учесть, что они в хоре не получали ни общего, ни достаточного музыкального образования и никаких умений, то им лучше было бы оставаться в своей семье.

Когда же голос у мальчиков менялся (мутировал) или ухудшался от непосильной нагрузки и отсутствия правильной постановки голоса, дети и подростки исключались из хора. Такова судьба мальчиков-певчих была не только в войсковом хоре, но и во всех хорах России.

Чтобы лучше представить положение мальчиков в хорах царской России XIX века, достаточно познакомиться с высказыванием Н.А. Римского-Корсакова о состоянии обучения и воспитания в Петербургской капелле, одним из руководителей которой он был с 1883 по 1893 год.

«Безграмотных... мальчиков, забитых и невоспитанных, кое-как обучаемых игре на скрипке, виолончели и фортепиано, при спадении голоса большей частью постигала печальная участь. Их увольняли из капеллы, снабдив некоторой выслуженной ими суммой денег, на все стороны, невежественных и неприученных к труду. Из них выходили писцы, прислуга, провинциальные певчие, а в лучших случаях невежественные регенты или мелкие чиновники. Многие спивались и пропадали... Весь строй учебного дела, как по инструментальному классу, так и по регентской специальности, установленный автором «Боже царя храни» Львовым, никуда не годился. Надо было все переделывать или, лучше сказать, создать новое»¹.

Музыкально-теоретические занятия как со взрослыми, так и с детьми проводились по инициативе руководителей хоров и не являлись обязательными. Аналогичное положение было и в войсковом хоре, где из многих регентов в XIX веке только М.И. Лебедев углубляет и расширяет познания певчих по музыкальной грамоте. А в одном из ведущих хоров России, в Придворной капелле, лишь М.И. Глинка, став преподавателем капеллы (1837–1839 гг.), с большим энтузиазмом взялся за вокальное и теоретическое образование малолетних и взрослых певчих.

«...Я взялся учить их музыке, т. е. чтению нот, и исправить интонацию, по-русски – выверить голоса... Когда в первый раз явился я для преподавания с мелом в руке, мало нашлось охотников; большая часть больших певчих стояла поодаль с видом недоверчивым и даже некоторые из них усмехались. Я, не обращая на это внимания,

принялся за дело так усердно и, скажу, даже ловко, что после нескольких уроков все почти большие певчие, даже и такие, у которых были частные и казенные уроки, приходили ко мне на лекции»².

В этой записи композитора обращает на себя внимание то значение, которое он придавал сознательному пению по нотам, и тщательности интонации, являющейся основой хорового пения.

Передовые музыканты России видели необходимость перестройки системы обучения в хоровых коллективах, являвшихся школами регентов и учителей пения. Кроме музыкально-теоретического обучения необходимо было введение общеобразовательных дисциплин, игры на музыкальных инструментах, трудовое воспитание. В период деятельности в Петербургской капелле М.А. Балакирева и Н.А. Римского-Корсакова там открылись общеобразовательные классы для малолетних певчих, было хорошо поставлено профессиональное музыкальное образование, организован оркестровый класс, большое внимание уделялось регентскому классу. Аналогичные мероприятия проводились в эти же годы в Московском Синодальном хоре (В.Н. Орлов, С.В. Смоленский, А.Д. Кастальский), в капелле графа Шереметева (Г.Я. Ломакин) и др.

Если в Москве и Петербурге эти положительные реформы с большим трудом пробивали себе дорогу, то что же можно было сказать о Екатеринодаре – провинциальном городе... Все прогрессивные нововведения доходили сюда с большим опозданием, да и некому было их поддерживать и проводить в жизнь. Если и были отдельные попытки изучения нотной грамоты, то они не поддерживались другими регентами, к тому же регенты часто менялись, некоторые пьянствовали, а основную работу за них вели старосты или наиболее опытные певцы из состава хора.

Прогрессивную роль в дальнейшей деятельности Войскового певческого хора сыграл Г.М. Концевич.

Уроженец станицы Старонижестеблиевской Кубанской области, Г. Концевич с детских лет полюбил народные песни, исполнявшиеся в процессе сельскохозяйственных работ, в часы досуга, в казачьих сотнях, в праздничном застолье.

Врожденная старательность и незаурядные природные данные способствовали тому, что Гриша успешно окончил станичное училище, а затем Кубанскую войсковую учительскую семинарию. За время обучения в семинарии он повысил уровень музыкальных знаний, продолжил обучение игре на скрипке и фисгармонии.

Несмотря на успехи в работе с учениками народной школы станицы Тенгинской, Григорий Митрофанович ощущал недостаток музыкально-теоретических знаний.

И в 1889 году он поступает на регентские курсы при Петербургской придворной певческой капелле. Во главе этого замечательного коллектива в это время были известные русские композиторы М.А. Балакирев (управляющий) и Н.А. Римский-Корсаков (пом. управляющего).

Гармонию, контрапункт и фугу преподавал известный русский композитор и дирижер профессор Петербургской консерватории А.К. Лядов. Дирижирование и церковное пение вел русский хоровой дирижер, композитор и педагог Е.С. Азеев. Незабываемыми для начинающего музыканта стали уроки с преподавателями: А.И. Пузыревским (история музыки), Н.А. Соколовым, И.А. Вишневым, М.Р. Щиглевым (теория музыки и сольфеджио) и др.

Григорий Митрофанович был очевидцем первых представлений опер «Князь Игорь» А. Бородина (23.10.1890 г.) и «Пиковая дама» П. Чайковского (07.12.1890 г.).

Неизгладимое впечатление оставили оперные спектакли «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» М. Глинки, «Русалка» А. Даргомыжского, «Майская ночь» и «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова, «Борис Годунов» и «Хованщина» М. Мусоргского. Удивительным и запоминающимся было дирижерское искусство Э.Ф. Направника – капельмейстера Мариинского театра оперы и балета.

Приобщение к насыщенной музыкальной жизни Петербурга, к исполнительскому мастерству известных коллективов – Мариинского театра оперы и балета, Придворной певческой капеллы, капелл графов Шереметевых и Д.А. Агренева-Славянского, хора А.А. Архангельского и др. – оказало благотворное влияние на формирование музыкально-художественных взглядов молодого музыканта.

В 1891 году с аттестатом регента 2-го разряда Г.М. Концевич возвращается в Кубанскую учительскую семинарию, активно включается в работу с хором, оркестром, много внимания уделяет кубанскому фольклору. По его поручению каждый семинарист в дни летних каникул записывал в своих станицах песни, исполнявшиеся в сельском быту.

В 1892 году Григория Митрофановича приглашают на должность регента Войскового певческого хора. Для 29-летнего музыканта это было большой честью и свидетельствовало о вере в его способности и педагогический талант. На первых порах он добивается существенных изменений в деле общего и музыкального образования певчих и улучшения для них бытовых условий, а следовательно, и качества их работы. Тех элементарных знаний и навыков по работе с хором, которые получали наиболее способные и пытливые певчие, было явно недостаточно. Г.М. Концевич вводит систематическое обучение детей в объеме одноклассного училища. Кроме общеобразовательных предметов, дети и некоторые взрослые обучались игре на скрипке, а также на деревянных и медных духовых инструментах. Желавшие получить свидетельство на звание станичного регента, как взрослые, так и дети, должны были изучать элементарную теорию музыки, сольфеджио, начальный курс гармонии, церковный устав, церковную и светскую хоровую литературу, дирижирование хором. Все это дало возможность казакам после окончания службы в хоре, а мальчикам – после мутации работать регентами в церковных хорах и учителями пения в общеобразовательных школах. Время и усилия руководителей войскового хора, затраченные на обучение хористов, не пропадали впустую, а отсутствие на Кубани специальных учебных заведений по подготовке регентов и учителей пения в какой-то мере восполнялось деятельностью войскового хора.

Большая работа проводилась Г.М. Концевичем по отбору голосов в станицах Кубанской области и по их подготовке не только для войскового хора, а и для откомандирования наиболее способных и с хорошими голосами певчих в Тифлис (в хор Кавказского военного округа) и Петербург (в Придворную певческую капеллу). Ежегодно нужно было отобрать, обучить и отослать около 6–10 певцов.

Г.М. Концевича не вполне удовлетворяло состояние учебной и хоровой работы в войсковом хоре, и он за свой счет едет в Петербург, Москву, Киев, Ростов-на-Дону, Воронеж, где знакомится с постановкой работы в лучших хоровых коллективах, с их репертуаром, и все лучшее он внедряет в Кубанском войсковом хоре.

В период его деятельности для войсковых хоров было выстроено трехэтажное здание-интернат, в котором разместились певческий хор, духовой и симфонический оркестры (в этом здании, по ул. Шаумяна¹, № 64, в настоящее время располагается педучилище № 2. – С. Е.).

Большое внимание Г.М. Концевич уделял записям и обработкам украинских народных песен, бытовавшим на Кубани. <...>

В последнее десятилетие XIX века в войсковом хоре намного вырос уровень исполнительского мастерства. В печати неоднократно появляются заметки и статьи о светских и духовных концертах, как совместно с оркестром, так и одним певческим хором. Благодаря целенаправленным поискам регента Г.М. Концевича хор обогатился новыми произведениями.

В концерте 3 марта 1896 года (автор статьи называет этот концерт «состязанием между инструментальным и вокальным хором») хор исполнял разнообразную программу. «На состязании пальму первенства получил вокальный хор. Все свои номера хор исполнял хорошо: верно, стройно, эффектно, с разнообразными оттенками... Г. Концевич, как видно, вполне мастер своего дела, а хор, находящийся под его управлением, хорошо дисциплинирован в музыкальном отношении»². В этом концерте были исполнены: сербская и галицкая песни (автор обработок в рецензии не указан), большая хоровая сцена из оперы Р. Вагнера «Моряк-скиталец», «Серенада» Ф. Абта и др.

Отрадно отметить, что 1 октября в войсковом хоре был свой праздник, который ежегодно отмечался. В этот день обычно прибывали из соседних станиц и жившие в г. Екатеринодаре певцы и музыканты, проходившие когда-то службу в хорах. Совместными силами давался большой концерт хоровой и оркестровой музыки, после чего устраивался торжественный ужин. В результате хор не порывал связи с бывшими своими питомцами и оказывал им методическую и практическую помощь. Улучшается в хоре работа и просветительского плана. С 1891 года для хоров выписываются журналы: «Нувеллист», «Баян», «Русский цитрист», «Музыкальное образование», «Чтение для солдата», «Досуг и дело», «Вокруг света» и художественная литература различных авторов.

С 1 октября 1906 года при войсковых хорах открывается двухклассное училище с двумя отделениями в нем для музыкантов и певчих. Все эти мероприятия намного расширили кругозор хористов и музыкантов. С открытием в г. Екатеринодаре музыкальных классов при отделении Русского музыкального общества некоторых певцов направляют туда на учебу по постановке голоса.

Уход из хора Г. Концевича (1906 г.) очень взволновал певцов. Во время прощания они преподнесли ему глубоко прочувствованный адрес. Трудным было расставание и для Григория Митрофановича: ведь войсковой хор для него стал второй семьей.

Уход любимого педагога, регента сказался на дисциплине в хоре и качестве звучания. К тому же на должность регента приглашались не соответствующие этой должности руководители. <...>

В 1907 году на имя начальника штаба Кавказского военного округа было направлено ходатайство о разрешении торжественно отметить 100-летний юбилей войсковых хоров – лучших музыкальных коллективов Кубани и Северного Кавказа. <...>

27 июля 1907 года в газете «Кубанские областные ведомости» печатается открытое письмо П. Махровского (одного из первых директоров Екатеринодарского отделения Русского музыкального общества) к служащим и служившим в войсковых певческом и музыкантском хорах, чтобы они написали свои отзывы о коллективах и впечатления от пребывания в них. Кроме того, автора письма интересовали данные о бывших хористах и музыкантах: их возраст, сколько лет были в войсковых хорах, чем занимаются, участие в музыкальной жизни станиц и т. п.

Все эти данные были необходимы для написания книги о деятельности хора и оркестра за 100 лет. Заслуживает внимания статья, напечатанная в газете «Кубанские областные ведомости» от 18 августа 1907 года, «Мои воспоминания из пребывания в войсковом хоре». Автор воспоминаний К. Живило, проходивший когда-то службу в войсковом певческом хоре, подробно, просто и красочно описал весь период пребывания в хоре – от проверки музыкально-вокальных данных до творческой работы в коллективе. Подробно освещается вопрос о состоянии музыкально-учебного и певческого дела, отношение к пению детей, взрослых певчих, руководителей и войскового начальства, религиозные предрассудки и быт в коллективе.

Архивные материалы и воспоминания певцов и музыкантов были вполне достаточными для написания книги И.И. Кияшко «Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска (1811–1911 годы)».

В 1909 году после окончания учебы в регентском училище С. Смоленского (в Петербурге) в Екатеринодар возвратился Я.М. Тараненко. Уроженец станицы Гривенской, он с 8 лет пел в войсковом хоре, затем работал учителем пения в войсковой учительской семинарии, от Кубанского войска получил направление на учебу. Обучаясь в регентском училище, он как губка впитывал все лучшее в музыкально-хоровом мире Петербурга, критически взвешивая все увиденное и услышанное. По манере пения на него большое впечатление произвел хор Александро-Невской лавры. В начале XX века в большинстве хоров России вводится спокойное, тихое и выразительное пение. Я.М. Тараненко распространяет эту манеру в войсковой хор, в корне изменив его динамический и тембровый облик.

Музыкальная общественность Екатеринодара в этот период активно готовилась отметить две даты: 100-летие со дня смерти И. Гайдна и 100-летие войсковых хоров. И Яков Михеевич активно включился в эту ответственную и довольно сложную работу.

В концертную программу первого юбилея вошла оратория И. Гайдна «Сотворение мира». Исполнение такого жанра, как оратория, в условиях Екатеринодара – событие весьма примечательное. <...>

Для исполнения оратории были объединены хоры и оркестры Кубанского войска и музыкального училища. Хор состоял из 60 певцов. Солистами выступили Ю.Е. Соломко (сопрано), М.М. Тамбиев (тенор), А.И. Глинский (бас). Дирижер – Е.Д. Эспозито, хормейстер – Я.М. Тараненко. Первое исполнение оратории И. Гайдна «Сотворение мира» состоялось 19 декабря 1909 года (второе – 4 апреля 1910 г.). «День 19 декабря, – писал рецензент N.N., – может быть назван историческим днем. Честь первой постановки в России полностью оратории «Сотворение мира» остается за г. Эспозито и Екатеринодаром... Проследите по газетным известиям, и вы увидите, что во многих городах по случаю столетней годовщины смерти Гайдна исполнялись только отдельные небольшие арии из этой оратории». Похвально отзывается рецензент и о выступлениях сольных исполнителей: «Мягкий, нежный голос г-жи Ю.Е. Соломко вполне соответствует роли Габриэля. Особенно ей удалось исполнение № 9 из 5-го дня творения... Г.г. М.М. Тамбиев и А.И. Глинский хорошо известны екатеринодарской публике, чтобы о их исполнении подробно распространяться. С большим подъемом и оживлением, но без всяких «вокальных эффектов и выкрикиваний», исполнены ими роли Уриэля и Рафаэля...»¹. Также выразительно прозвучали ансамблевые, хоровые, оркестровые номера постановки. Ее участники вполне справились с исполнительскими задачами, заключенными в оратории.

Для подготовки к празднованию 100-летнего юбилея войсковых хоров

начальником штаба Кубанского казачьего войска была назначена комиссия из представителей от штаба и музыкантов г. Екатеринодара. От музыкальной общественности в ее состав вошли: капельмейстеры войскового симфонического и духового оркестров Е.Д. Эспозито и Ф.М. Лоос, регент войскового хора Я.М. Тараненко, бывший регент войскового хора Г.М. Концевич и Г.В. Доброскок – сотрудник Екатеринодарской библиотеки им. А.С. Пушкина.

Юбилейная комиссия выработала определенный план и сроки проведения празднования:

1. Праздновать юбилей хоров 1 мая 1911 года.

2. Выпустить юбилейный жетон для вручения в дни праздника всем служащим и служившим в хорах.

3. Ежегодно отчислять из заработанных коллективами денежных сумм 2–3% для двух войсковых стипендий. (Одна стипендия – им. К. Россинского, инициатора создания войскового певческого хора, должна была быть на регентских курсах при Петербургской певческой капелле для продолжения учебы одаренных певчих. Вторая стипендия – им. генерала Бурсака, наказного атамана Кубанского казачьего войска в годы организации хоров, – при Петербургской консерватории для способных оркестрантов.)

4. Поручить композиторам Кубани написать юбилейный марш для оркестра и юбилейную кантату для хора.

5. На торжества пригласить всех служивших когда-то в войсковых хорах, хоры наместника на Кавказе (г. Тифлис) и Терского казачьего войска (г. Ставрополь) и все певческие хоры г. Екатеринодара.

6. Написать пьесу-мелодраму о жизни запорожцев и казаков Кубанского казачьего войска, осуществив ее постановку силами войсковых хоров. Пьеса должна отразить ряд важных исторических этапов из прошлой и настоящей жизни казачества, как-то:

- а) взятие крепости Измаил и смерть кошевого атамана С. Белого;

- б) поездка атамана А. Головатого к императрице Екатерине II за получением жалованной грамоты на право поселения запорожцев в Прикубанье;

- в) праздник в Слободзее¹ по поводу получения жалованной грамоты;

- г) прибытие первых запорожцев на Таманский полуостров и на место будущего г. Екатеринодара;

- д) трудности пограничной службы в первые годы пребывания на Кубани. (За сочинение пьесы взялся Г. Доброскок.)

7. Празднование провести в течение 3 дней.

8. Обратиться в Екатеринодарскую управу за финансовой помощью для оплаты расходов, связанных с праздником. (Так как хоры обслуживали в большинстве своем г. Екатеринодар, то управа обязана была помочь.)

9. В дни праздника усилить хор и оркестр прибывшими хористами и музыкантами.

Используя 100-летний юбилей коллективов, руководство хора и оркестра поднимает вопрос о пересмотре штатного расписания коллективов. По существующему положению от 1887 года о войсковых хорах (с дополнениями и изменениями от 1891 и 1907 гг.) штат оркестра состоял из 36 музыкантов и 18 учеников, а хор – из 36 певчих и 12 учеников.

В связи с изменением запросов публики, появлением крупных музыкально-хоровых форм и активной концертной деятельностью на больших эстрадах существовавшие штаты не соответствовали духу и требованиям времени. Высказывается логичное требование, чтобы симфонический оркестр состоял из 67 музыкантов, а хор – из 45 певчих, не считая учеников.

Кроме несоответствия штатного расписания были и другие трудности, мешавшие плодотворной работе коллектива. Одной из причин, тормозивших набор одаренных мальчиков, было плохое состояние общего образования при войсковых хорах. Мальчики проходили курс всего лишь 2-классного училища, тогда как в эти годы в городах и станицах Кубани были почти везде 4- и 6-классные училища. Не все родители решались отдавать своих ребят в хоры, так как слишком мало прав давало пребывание в хорах для дальнейшей работы по музыкальной специальности.

Если в XIX веке знаний в объеме 2-классного училища и минимума – музыкальных было вполне достаточно для работы в хоре или в оркестре, то в XX веке этого было мало. Поступивших в хоры мальчиков ничто не связывало и ни к чему не обязывало, и они могли свободно и в любой момент оставить учебу. Одной из важных причин являлась низкая оплата труда капельмейстеров и регентов в хорах, а объем работы к этому времени значительно увеличился, и появилась настоятельная необходимость введения в штат помощников капельмейстера и регента.

Для решения этих вопросов нужна была реорганизация в хорах:

1. Двухклассное училище необходимо было расширить до 6-классного.

2. Упорядочить музыкально-теоретическую работу. По специализации надо было дать мальчикам такой объем теоретических знаний и практических навыков, чтобы они после обучения в хорах могли свободно работать в качестве регентов в церквях и учителей пения в учебных заведениях области.

3. Ввести 20–25 войсковых стипендий при Екатеринодарском музыкальном училище для продолжения обучения наиболее способных певцов и оркестрантов за счет войска. Эти мероприятия, наверняка, заинтересовали бы родителей мальчиков, и они с большей охотой отдавали бы ребят в хор.

Празднование 100-летнего юбилея заставило руководство посмотреть на пройденный путь хоров, взвесить все положительное и отрицательное в их работе и наметить пути дальнейшей их деятельности.

На праздник приехало 366 бывших питомцев хора и оркестра от 129 станиц Кубанской области. Торжества прошли согласно намеченному плану, но не в мае, а в сентябре. Перенос с 1 мая на сентябрь был вызван, вероятно, тем, что войсковые власти боялись устраивать торжества в день Международного смотра боевых сил трудящихся. К тому же осенью 1911 года казачество Кубани отмечало еще одну торжественную дату – открытие памятника первым запорожцам, высадившимся в Тамани.

Юбилейным торжествам предшествовал ряд традиционных богослужений, на которых певческим хором исполнялись довольно сложные и художественно яркие произведения. Среди них особый интерес у присутствовавших вызвали сочинения П. Чайковского «Литургия Иоанна Златоуста», «Блажен муж», «Свете тихий», «Хвалите имя Господне», Д. Бортнянского «Тебя Бога хвалим», А. Кастальского «Великое славословие».

По заранее разработанному церемониалу 26 сентября праздничная колонна направилась от Александро-Невского собора по ул. Красной до Крепостной площади.

Колонна формировалась следующим образом: во главе ее шел с войсковыми регалиями взвод 1-го Екатеринодарского полка; за ним чинно следовали бывшие певчие и музыканты войсковых хоров, сводная сотня писарей, сельскохозяйственная, военно-ремесленная и военно-фельдшерская школы, Александровское реальное училище, 1-я Кубанская учительская семинария; завершали колонну хор певчих и духовой оркестр. Екатеринодарцы очень тепло приветствовали участников шествия.

После благодарственного молебна был прочитан приказ по Кубанскому казачьему войску, в котором, в частности, говорилось: «За свое столетнее существование они (войсковые хоры. – С. Е.) выпустили не одну тысячу вполне обученных певчих и музыкантов, которые, возвратясь домой, не оставили своего любимого дела, продолжали его в станицах, собирая вокруг себя любителей музыки и пения, и создавая этим небольшие оркестры и певческие хоры, которые имеются теперь почти в каждой станице и прививают населению хорошие и облагораживающие вкусы»¹.

В адрес руководителей Кубанского войска и войсковых хоров от Екатеринодарского городского управления было зачитано письмо-благодарность, на небольшую выдержку из которого нельзя не обратить внимания: «Заняв с первых же дней своего существования положение такого высококультурного и единственного в своем роде учреждения, Войсковые хоры в течение длинного ряда лет были также и единственным источником, из которого население получало сведущих в музыке людей, разносивших зачатки музыкальных знаний по всему краю, причем наибольшая доля культурно-просветительной работы хоров приходилась и приходится на гор. Екатеринодар. Кроме непосредственного пользования хорами при церковных службах, при исполнении треб, на концертах, вечерах, парадах и в Городском саду, население города из среды питомцев хора постоянно имело и в настоящее время имеет учителей пения в начальных и средних учебных заведениях, учителей инструментальной музыки, регентов церковных хоров, сведущих в музыке граждан, вносящих порядок и содержание в музыкальный обиход домашней жизни»¹.

В заключение всем бывшим и находившимся на службе певчим и музыкантам были вручены памятные брошюры и юбилейные жетоны.

С Крепостной площади все причастные к юбилею войсковых хоров направились в городской сад, где за праздничным столом допоздна звучали воспоминания и казачьи песни.

27 сентября в Зимнем театре силами войсковых хора и оркестра был дан большой юбилейный концерт («юбилейное музыкальное утро»). Сводным певческим хором и симфоническим оркестром была исполнена «Юбилейная кантата» Е. Эспозито на слова Г. Концевича, дважды пришлось петь «Щедривку» Г. Концевича, бурными аплодисментами всех присутствующих было отмечено исполнение торжественной увертюры «1812 год» П. Чайковского.

Кульминацией 100-летнего юбилея войсковых хоров был спектакль Г.В. Доброскока «Казацьки прадиды», показанный многочисленным гостям торжества вечером 27 сентября в том же Зимнем театре Гуренкова и Балденкова. В рецензии корреспондента «Кубанского курьера» (№ 891 от 29.09.1911 г.) отмечалось: «Несомненно, пьеса много выиграла, благодаря трудам талантливого Е.Д. Эспозито, написавшего для «Казацких прадидов» специальную музыку, изобилующую мотивами времен Запорожской вольницы, когда казацкая песня была так трогательна и, вместе, могуча... Оркестр и хор звучали стройно».

Несмотря на то что исполнителями всех ролей в пьесе были артисты-любители, режиссеру О.З. Суслову удалось передать содержание «Казацких прадидов» на

уровне высокого профессионализма.

Еще не успели отзвучать торжества, посвященные 100-летию хора и оркестра, а утром 28 сентября пароходы «Полезный» и «Удобный» отплыли в Тамань. В торжественной церемонии открытия памятника участвовали: наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.П. Бабыч, представители войскового штаба во главе с его начальником генерал-майором А. И. Кияшко, большая группа духовенства во главе с архиепископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафодором, станичные атаманы и атаманы отделов области, казачий сбор станицы Таманской, гости от Донского и Терского казачеств, войсковые оркестры и певческий хор, участники спектакля «Казацьки прадиды», взвод конвойцев, конная сотня 2-го Таманского полка, сотня пластунов 9-го пластунского батальона, школьники-казачата (в казачьей форме), школьники-иногородние (в морской форме), колонна девочек от женской школы и, конечно же, жители станицы Таманской.

Естественно, что в Тамань были доставлены войсковые регалии, подаренные Екатериной II на новоселье: войсковое знамя, жалованная грамота, солонка, блюдо, серебряные трубы, литавры, а также насеки, булавы, перначи, юбилейное войсковое знамя от Николая II.

Пятого октября, после литургии в Вознесенской церкви, состоялся довольно яркий церемониал открытия памятника. После снятия покрывала был отслужен традиционный благодарственный молебен, а затем состоялся парад участников торжества. На лицевой стороне пьедестала памятника надпись: «Первым Запорожцам, высадившимся у Тамани 25-го августа 1792 г. под командой полковника Саввы Белого.

Сооружен в 1911 году благодарными их потомками, казаками Кубанского казачьего войска, по мысли Таманского станичного общества, в память столетия со дня высадки».

На одной из сторон пьедестала помещены полностью слова песни А. Головатого, войскового судьи войска верных казаков черноморских, «Ой, годи нам журытыся...».

Шестого октября в специально построенном небольшом деревянном летнем театре состоялся спектакль Доброскока «Казацьки прадиды». В 20 часов 30 минут все места в зрительном зале были заняты. Строители предвидели такое положение и оставили открытой заднюю стенку временного театра. Это позволило многим желающим послушать спектакль, устроившись, как говорят, на свежем воздухе.

Перед зрителями предстали яркие картины из жизни предков кубанских казаков, начиная от возрождения запорожского войска в лице верных черноморских казаков и кончая сценками из жизни кубанцев в условиях пограничной службы в необжитом еще Кубанском крае. Созданию ярких персонажей (А. Суворова, С. Белого, А. Головатого, З. Чепеги и др.) способствовала не только самозабвенная игра артистов-любителей, но и яркие костюмы, замечательные певческие голоса, оркестровое сопровождение, красочные декорации.

Далеко за полночь закончился этот замечательный спектакль, а затем были массовое гулянье у памятника, на берегу моря, фейерверк, песни. Седьмого октября в 10 часов состоялось музыкально-вокальное утро из трех отделений. <...>

Торжества по случаю 100-летия войсковых хоров и в Тамани явились смотрами творческих достижений и возможностей войсковых хоров.

<...> В ноябре 1912 г. Тараненко оставил войсковой хор и перешел на преподавательскую работу в учительскую семинарию. С ведома вышестоящих лиц Якову Михеевичу было разрешено 3 и 4 ноября дать прощальные концерты духовной

музыки в Александро-Невском соборе.

В программу концерта, состоявшегося 3 ноября, вошли следующие произведения: «Блажен муж» А. Архангельского, «Свете тихий» Я. Тараненко, «От юности моя» Кедрова, «Воскресение Христово» П. Чайковского, «Ирмосы» (8-й глас) А. Львова, «Величай душе моя, Господи» А. Архангельского, «Великое славословие» А. Кастальского.

Произведения, исполненные 4 ноября: «Благослови душе моя, Господи» А. Никольского, «Единородный сыне» А. Гречанинова, «Святой боже» и «Сугубая ектения» П. Чайковского, «Верую», «Милость мира» и «Достойно есть» П. Чайковского, «Отче наш» Корганова, «Утвердися, сердце мое» (двуххорный концерт) Д. Бортнянского (26. С. 58).

С 1913 года работу в войсковом певческом хоре возглавил регент А.Т. Сорокин, проработавший в Киево-Никольском архиерейском хоре в течение 10 лет, что, безусловно, также сказалось на репертуаре хора. С первых же дней работы регент А.Т. Сорокин обновляет состав хора свежими силами.

Началась 1-я мировая война. Я. Тараненко призывают в армию и поручают в одной из воинских частей организовать хор. В хороших певческих голосах недостатка не было, и вскоре о концертах армейского коллектива стало известно не только в станицах Кубани, но и в Екатеринодаре. И в мае 1917 года дается распоряжение войскового руководства о переводе Я. Тараненко в войсковой хор.

В середине 1917 года коллектив выезжает с концертами в район Кавказских минеральных вод. Один из концертов состоялся в станице Тихорецкой. В газете «Вольная Кубань» (от 21 июля 1917 г.) отмечалось: «Дивные чистые голоса хористов и глубоко продуманное художественное исполнение произведений под руководством высокоталантливого регента Я.М. Тараненко вызвали у публики долго несмолкавшие аплодисменты...видна опытная, талантливая рука руководителя. В исполнении, кроме школы, проявляется и художественная индивидуальность вдохновителя».

В этом концерте были исполнены: хоровая поэма «Украина» Г. Давидовского, хор «Волга» Я. Тараненко, русская народная песня «Вниз по матушке по Волге» и др. В концерте, состоявшемся в Екатеринодаре в здании армянского училища 16 августа 1917 года, были исполнены: фантазия на украинские темы «Кобза», хоровая поэма «Украина» Г. Давидовского, хор «Ноченька» из оперы «Демон» А. Рубинштейна и др.¹

Сложнейшие политические и экономические условия этого периода не могли не повлиять на положение дел в войсковом хоре.

И не случайно Я.М. Тараненко неоднократно обращается в вышестоящие инстанции с докладными записками, в которых отмечает, что обещания по улучшению материально-бытовых условий в хоре остаются на бумаге. Коллектив с помощью платных концертов еле-еле сводит концы с концами. Так продолжалось до 1920 года. <...>

Несмотря на неровность в качественном состоянии Войскового певческого хора за более чем 100-летний период существования, деятельность его трудно переоценить. В первую очередь нужно отметить огромную роль хора в деле пропаганды хоровой музыки, как в крае, так и за его пределами. Не менее важна роль войскового хора в подготовке учителей пения для школ и регентов для церковных хоров Кубанской области и Ставрополья. Через войсковой певческий хор и его руководителей на Кубань находили себе путь прогрессивные педагогические и методические веяния. Большинство регентов хора проходило учебу в Петербургской певческой капелле или в Московском синодальном училище, в которых в XIX и начале XX века вели

педагогическую и практическую деятельность передовые русские музыканты и композиторы: М. Балакирев, А. Аренский, С. Смоленский, Г. Ломакин, М. Климов, М. Глинка, Н. Римский-Корсаков, П. Чесноков, В. Орлов, А. Кастальский, С. Ляпунов и др. Безусловно, и репертуар для войскового хора регенты черпали из этих первоклассных коллективов.

Сноски

- ¹ Из книги А.А. Слепова и С.И. Еременко «Музыка и музыканты Екатеринодара»: статьи и очерки. Краснодар: Эоловы струны, 2005. 176 с.
- ¹ Живило К.: Мои воспоминания о пребывании в войсковом певческом хоре // Кубанские областные ведомости. 1907. 18 авг.
- ¹ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Госмузиздат, 1935.
- ² Глинка М. И. Записки. М.: Академия, 1930. С. 183.
- ¹ Ныне ул. Рахпилевская. – Прим. ред.
- ² Концерт войсковых хоров // Кубанские областные ведомости. 1896. 5 марта.
- ¹ N.N. Оратория // Кубанские областные ведомости. 1909. 24 дек.
- ¹ Слободзея – административный центр черноморских казаков.
- ¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 10017. Л. 78.
- ¹ Орлов П. Описание торжеств в ст. Таманской по поводу открытия 5 октября 1911 года памятника первым запорожцам. Екатеринодар, 1912. Л. 162.
- ¹ Вольная Кубань. 1917. 13 авг.

Степан ЕРЕМЕНКО

Кубанский хор в советские годы

Кубано-Черноморский певческий хор

и Кубанский мужской вокальный квартет

(1917–1932 гг.)

За годы Советской власти профессиональные хоры Кубани неоднократно меняли организационную структуру, количественный состав и манеру пения: от хора с академической манерой пения (Кубано-Черноморский государственный певческий хор) до русского народного (Государственный Кубанский казачий хор), от вокального ансамбля (Кубанский мужской вокальный квартет) до ансамбля песни и пляски (Государственный ансамбль песни и пляски кубанских казаков). Каждый из названных коллективов сыграл определенную положительную роль в деле пропаганды песенно-хорового наследия, в патриотическом и музыкально-эстетическом воспитании советских людей на том или ином историческом этапе.

В период восстановления народного хозяйства, перестройки системы народного образования и культуры профессиональный коллектив необходим как агитатор, пропагандист и боец за новое искусство. Хоровая самодеятельность была еще слабой и малочисленной, да и задачи стояли несколько иные. Широкую и регулярную пропаганду лучших произведений музыкальной классики, народного творчества и советских композиторов мог осуществлять только профессиональный коллектив. Бывший Войсковой хор в марте 1918 г. преобразуется в Советский, а с 21 апреля 1920-го – в Кубано-Черноморский певческий хор и передается в ведение подотдела искусств облоно. А если учесть, что Кубань по территории равна среднему

государству Европы и с некоторыми районами было плохое транспортное сообщение, то одного коллектива для широкого общения жителей с хоровым искусством было явно мало. Кубано-Черноморский отдел народного образования создает профессиональные хоры по всех отделах и округах Кубани¹.

К сожалению, материалов о деятельности окружных и отдельных государственных певческих хоров не сохранилось. Но, изучая направления работы Кубано-Черноморского областного певческого хора, можно с уверенностью сказать, что они проделали большую музыкально-воспитательную и пропагандистскую работу. Их расформирование было связано в первую очередь с хозяйственными затруднениями в стране и на Кубани в частности. Достаточно сказать, что в 1920 г. выпуск промышленной продукции по всей Кубани составлял 25 процентов к довоенному уровню, почти в два раза сократились посевные площади, значительно снизилась урожайность, почти наполовину уменьшилось поголовье скота и т. д. И даже в этих неимоверно трудных условиях профессиональный коллектив не только сохраняется, но и укрепляется.

На одном из первых заседаний художественного совета Кубано-Черноморского певческого хора 25 мая 1920 г. был решен вопрос об изменении его структуры. Если Войсковой хор в силу церковных традиций состоял из мальчиков и мужчин, то художественный совет решил укомплектовать партии сопрано и альты женскими голосами. Такая перестройка была вызвана тем обстоятельством, что хор стал концертным и при нем не было общеобразовательной и музыкальной школ для обучения детей.

Новые творческие задачи повлекли за собой изменение и манеры пения. Если для большей части духовных сочинений была приемлема приглушенная манера, то для революционных и многих русских народных песен, для произведений советских композиторов с их чеканным, бодрым ритмом необходим был светлый, полетный звук. Я. Тараненко много сил и энергии тратит на работу над дыханием, звукообразованием, дикцией, интонацией. И помогает ему в этом непосредственно репертуар, условия концертных выступлений и всеобщий творческий подъем как участников хора, так и слушателей, чутко реагирующих на каждое исполненное произведение.

Количественный (около 80 человек) и качественный состав хора давал возможность включать в репертуар произведения любой сложности. В каждом концерте хора обязательно исполнялись революционные песни, в пение которых зачастую включались все присутствующие.

Задачи коллектива на новом этапе деятельности руководитель хора Я. Тараненко изложил в докладной записке в адрес подотдела искусств от 8 сентября 1920 г.: «Кубано-Черноморский государственный хор должен быть музыкально-культурно-просветительным учреждением для всей Кубано-Черноморской области... хор должен выступать в самостоятельных концертах, как в Екатеринодаре, так и по области, и не только в городах, но и в станицах»¹. Новый коллектив не только пропагандировал лучшие сочинения народного и композиторского творчества, но и являлся образцом исполнительского мастерства, к которому должны были стремиться отдельные государственные и самодеятельные хоровые коллективы. Для более равномерного обслуживания населения Кубани был разработан специальный график концертных выступлений в Краснодаре и по области: хор должен был еженедельно выступать в центре города, в его окраинных районах, один раз в месяц давать концерты для каждого профессионального союза в отдельности. Концертные поездки по станицам

проводились в осенне-весенний период.

Большой популярностью у слушателей пользовались народные и авторские песни о Гражданской войне и о легендарных полководцах («Гулял по Уралу Чапаев-герой», партизанские песни «Не вейтесь, чайки, над морем» и «По долинам и по взгорьям», «Марш Буденного» Дм. Покрасса, «Проводы» Д. Васильева-Буглая, «Держи, товарищ, порох сухим» Г. Лобачева, «Конная Буденного» А. Давиденко и др.), обработки русских и украинских народных песен («Вниз по матушке по Волге» в обработке А. Глазунова, «Кума», «Рыболов», «Ты, рябинушка», «Не одна в поле дороженька пролегла», «Стенька Разин» в обработке А. Кастальского, «Утушка луговая» в обработке А. Александрова, «Степь Моздокская», «Ой, чи чула», «Песнь крестьянки» в обработке Г. Лобачева и др.).

В летнем концертном сезоне 1921 г. хор принял участие в постановке оперы Н. Римского-Корсакова «Снегурочка» и неоднократно выступал в концертах совместно с государственным симфоническим оркестром.

Финансовое положение коллектива в 1920–1921 гг. было очень тяжелым. Заработная плата задерживалась или выплачивалась частично, курс рубля часто менялся, и полученные деньги не всегда могли удовлетворить самые минимальные запросы хористов и их семей. На общем собрании государственных симфонического оркестра и хора 7 июля 1921 г. в присутствии представителей от областного союза работников искусства и облополитпросвета обсуждался вопрос о дальнейшем существовании коллективов.

Собрание постановило: с 10 июля 1921 г. распустить симфонический оркестр, а после очередного отпуска – и певческий хор. Так в связи с очень трудным хозяйственным положением области профессиональные коллективы прекратили свое существование.

Место хора в деле пропаганды вокально-хоровой музыки в конце 20 – начале 30-х годов занял Кубанский мужской вокальный квартет. Бессменным руководителем его и исполнителем партии второго баса был талантливый певец и хормейстер А. Авдеев. Квартет был организован в 1925 г. по инициативе А. Хоперского. Областной профессиональный союз работников искусств поддержал это ценное начинание и способствовал творческому росту и деятельности молодого коллектива.

Первые же выступления квартета привлекли внимание музыкальной общественности и любителей хоровой музыки. По поводу одного из концертов в Краснодаре газета «Красное знамя» сообщала: «Работа Кубанского квартета, которую он показал на концерте 18 апреля, обширна по размаху и, несомненно, весьма значительна с художественно-исполнительской стороны... Квартет под опытным руководством Авдеева имеет готовый репертуар, в который входят русские, украинские и кубанские народные песни. Художественно-просветительное значение квартета бесспорно» (1926. 27 апреля. С. 5).

Большинство концертов начиналось русской народной песней «Узник» в обработке для мужского 4-голосного хора А. Туренкова. Заслуженной любовью у исполнителей и слушателей пользовались русские народные песни: «Эй, ухнем» в обработке А. Рубцова, «Вниз по матушке по Волге», «Не белы снега» в обработке М. Щиглева, «Жил-был мужичок» и «Лапти» в обработке Н. Преображенского, «Былина об Илье Муромце» в переложении Н. Кедрова и др.

Значительное место в репертуаре занимали украинские и кубанские песни («Диброва» в обработке Я. Степового, «Двенадцать косарив» в обработке К. Богуславского, «Ты, Кубань, ты – наша родина» в обработке Л. Авдеева, «Заповит» в

обработке К. Стеценко, «Ой, у лузи, лузи» в обработке Н. Преображенского, «Щэдрьк-вэдрьк» в обработке Г. Концевича и др.), а также сочинения советских композиторов («На смерть В. И. Ленина» Н. Преображенского, «Волга» Я. Тараненко, «Прометей» К. Стеценко, «Конная Буденного» Янина, «В шахте» и «Горняцкий марш» Э. Черкасского). Включались в репертуар квартета произведения русской и зарубежной хоровой и камерной музыки («Тройка» Э. Направника, «Жук и роза» В. Фейта, «Тайна» и «Какая ночь» Ф. Шуберта, «Лотос» Р. Шумана, «Серенада» Ф. Абта, «Озеро спит» Г. Пфейля и др.).

С 1927 г. квартет ежегодно выезжает на гастроли по стране. И всюду, где бы он ни выступал, в его адрес говорилось и писалось много теплых слов. Вот некоторые из многочисленных отзывов.

«Концерты Кубанского квартета перед рабочей аудиторией проходят с шумным успехом. Музыкальная критика в лице профессора Брауде объясняет этот успех тем, что Кубанский квартет создает исключительную картину звуковой насыщенности в обрисовке украинского и русского быта»¹.

«...Седьмая сотня концертов в течение четырех лет своего существования, устраиваемая ансамблем преимущественно в рабочих районах, клубах и казармах, красноречиво говорит о широком успехе среди трудящихся и необходимости грозненскому УЗП всестороннего его использования на промыслах, в заврайоне, в клубах...»².

«Концерты Северо-Кавказского квартета – чрезвычайно крупное событие в музыкально-вокальной жизни Ташкента. Квартет все время остается цельным, единым организмом, несмотря на то что он свое исполнение дает не по бездушному метроному и не под дирижерскую палочку»³.

Все это свидетельствует о том, что профессионально-творческий уровень Кубанского вокального квартета был очень высоким, а его пропагандистско-воспитательное и художественно-эстетическое влияние на рабочие массы – весьма активным и действенным.

Концертная деятельность вокального квартета имела большое значение не только для Кубани, но и для многих районов страны. За семь лет плодотворной работы коллектив выступил перед слушателями центральной России, Украины, Северного Кавказа, Средней Азии. Тщательный анализ имеющихся рецензий и документов показал, что большая часть концертов проводилась перед рабочей аудиторией. Репертуар квартета составлялся с таким расчетом, чтобы он был близок и понятен каждому присутствующему в зрительном зале.

Большой заслугой этого камерного ансамбля было то обстоятельство, что в его репертуаре в основном были хоровые произведения. И это, пожалуй, явилось одним из факторов, способствовавших неизменному успеху Кубанского вокального квартета, концерты которого посетили сотни тысяч слушателей. Не менее важной была музыкально-пропагандистская роль этого спаянного и высокохудожественного коллектива.

Государственный ансамбль песни и пляски кубанских казаков (1937–1961 гг.)

Наиболее плодотворной и продолжительной была деятельность Государственного ансамбля песни и пляски кубанских казаков, настоятельная потребность в котором

назрела к середине 30-х гг. Первая и вторая пятилетки обеспечили построение материально-технической базы социализма, улучшилось благосостояние населения, повысился образовательный и культурный уровень тружеников города и деревни. Коммунистическая партия и Советское правительство увеличивают ассигнования на культурные нужды, уделяют большое внимание музыкально-эстетическому воспитанию народа.

25 июля 1936 г. постановлением президиума Азово-Черноморского крайисполкома создается Кубанский казачий хор. Из 800 участников – активистов художественной самодеятельности, приехавших на конкурс, комиссия отобрала 40 человек. Молодой коллектив возглавили опытные хормейстеры и знатоки местного фольклора Г. Концевич и Я. Тараненко. В феврале 1937 г. в помещении музыкального училища хор начал работать над концертной программой.

Одной из главных трудностей в творческой работе хора явилось то обстоятельство, что большинство певцов, несмотря на хорошие вокальные данные, не имели даже среднего общего и никакого музыкального образования. Следовательно, наряду с работой над репертуаром необходимо было немедленно приступить к занятиям по музыкальной грамоте и сольфеджио, систематически проводить беседы по общественно-политическим вопросам и по расширению кругозора хористов. Без этого невозможно было ожидать в будущем художественно-полноценной работы, соответствующей задачам и духу времени. Я. Тараненко выбрал наиболее правильный путь, включив в первую программу революционные и кубанские народные песни как наиболее близкие слушателям и исполнителям. Значительным событием для участников молодого хора была творческая встреча с прославленной Украинской заслуженной хоровой капеллой «Думка», руководимой талантливым музыкантом заслуженным артистом УССР Н. Городовенко. Посещение репетиций и концертов капеллы дало возможность начинающему коллективу ближе познакомиться с украинским профессиональным хоровым искусством, в какой-то мере родственным кубанскому.

Дирижер капеллы «Думка» А. Сорока на встрече сказал: «Только у нас, на советской земле... возможен такой пышный расцвет искусства. Мы рады, что в замечательный венок народного искусства нашей Родины вплетен еще один прекрасный цветок – Кубанский казачий хор»¹.

Музыкальная общественность и любители хорового пения с интересом следили за всеми сообщениями в печати о работе Кубанского казачьего хора и с нетерпением ждали его выступлений.

30 июня 1937 г. состоялся первый концерт хора в актовом зале Кубанского сельскохозяйственного института (ныне университет). Газета «Красное знамя» с большой теплотой отметила выступление коллектива. В программу концерта вошли революционные и старинные казачьи песни, «Хор крестьян» из оперы П. Чайковского «Евгений Онегин», хор «От края и до края» из оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» и другие произведения. Особенно тепло были приняты слушателями «Слава советским пилотам» А. Гедике, «Анчар» А. Аренского, кубанские народные песни «Ты, Кубань, ты – наша родина» и «Щэдрьк-вэдрьк» (1937. 2 июля).

Для широкой слушательской аудитории Краснодара были даны концерты 23 и 24 июля в летнем театре в парке имени М. Горького. Коллектив с успехом выдержал экзамен на художественную зрелость, показав в народных песнях казачий колорит, выразительность и картинность, а там, где было необходимо, – мощь и искрометный юмор.

Программа концерта, подготовленная за очень короткий срок (4 месяца), безусловно, имела некоторые недоработки и упущения: почти все второе отделение состояло из народных песен в обработке для хора только Г. Концевича, что наложило определенный отпечаток на все отделение, несмотря на разнохарактерность и хорошее исполнение песен; большинство народных песен – украинского происхождения, тогда как кубанских и, особенно, современных было мало.

С первых же месяцев своего существования Кубанскому казачьему хору повезло на встречи: не успели забыться концерты капеллы «Думка», как в июне 1937 г. в Краснодар приезжает Донской казачий хор, гастролировавший по городам и станицам Кубани.

С 30 июля по 10 августа 1937 г. Кубанский хор выступал перед многотысячной аудиторией тружеников станиц Динской, Пластуновской, Васюринской и Усть-Лабинской. В конце августа коллектив побывал с концертами в городах Анапе, Геленджике, Сочи, Новороссийске, Майкопе, Армавире, Тихорецке и Ростове-на-Дону. После каждого выступления с местными жителями обсуждались программы и концертные костюмы.

В каждом городе и станице местные власти и культурно-просветительные организации стремились, чтобы выступления хора удалось послушать как можно большему числу жителей. Периодическая печать отмечала, что эти концерты являлись своего рода праздником для жителей Кубани.

В январе 1938 г. по решению краевого комитета ВКП(б) численный состав хора был увеличен до 70 человек и его преобразовали в Государственный ансамбль песни и пляски кубанских казаков. Этот вид исполнительства, появившийся в первые годы Советской власти, до наших дней является популярной и оправдавшей себя формой творчества. Как нельзя лучше ее можно было использовать в казачьих коллективах, где песня и танец всегда были неразрывно связаны.

И снова кропотливая работа над обновлением репертуара, над выучиванием произведений со вновь поступившими. А затем почти ежедневные концерты по станицам и городам Кубани. Приходилось только восхищаться тем, как вчерашние пахари, доярки, полеводы радовали своим искусством многие тысячи слушателей.

Большая заслуга в успехе коллектива принадлежала художественному руководителю ансамбля Я. Тараненко. Имея богатейший опыт работы с профессиональными хорами, обладая незаурядными организаторскими и музыкальными данными, он смело и уверенно вел коллектив к художественному совершенству и мастерству. «В каждом движении Тараненко была отражена исполняемая песня, – отмечала газета «Большевик Кубани». – Он не просто дирижировал, а вкладывал в каждый взмах руки душу, если можно так выразиться. Он жил исполняемой песней...» (1938. 27 июля). И молодые певцы, отобранные на конкурсах, попав под начало талантливого руководителя, самозабвенно включались в активный творческий процесс.

Программы концертов составлялись продуманно. Каждое выступление ансамбля имело большое воспитывающее влияние. В газете «Кировец» по этому поводу говорилось, что весь исполняемый репертуар «волнует зрителя и воодушевляет в нем мужество, героизм и решимость к защите прекрасной Родины» (1938. 8 мая).

В осенне-зимний концертный сезон 1938/39 г. прошли гастролы ансамбля по Украине. Здесь также почти в каждой рецензии отмечалось: удачный подбор репертуара, его многоплановость (русские, украинские, белорусские, грузинские, кубанские народные песни, произведения советских композиторов, русская и

зарубежная классика), творческая дисциплинированность, чистота интонации, отличный строй, свежесть звучания. Радовали кубанские огневые пляски. А все эти качества в целом гарантировали успех ансамбля у любой слушательской аудитории: в городах, в студенческих, рабочих или сельских клубах.

Подводя итоги гастролей ансамбля по Украине, Краснодарский краевой отдел по делам искусств в приказе от 28 марта 1939 г. отмечал весьма значительные успехи коллектива. Были объявлены благодарности художественному руководителю Я. Тараненко, многим артистам хора и танцевальной группы.

Кроме плановых учебных занятий и концертных выступлений в коллективе осуществлялась большая политико-воспитательная работа: регулярно читались лекции о международном положении и о событиях в нашей стране, коммунисты и комсомольцы изучали историю Коммунистической партии, в любых условиях выпускалась стенная газета «За советскую песню» и т. п. Все это способствовало более осознанному и глубокому изучению произведений. К маю 1939 г. ансамбль имел в своем репертуаре три полные концертные программы, что позволяло на одной концертной площадке давать большее количество концертов, знакомить слушателей с лучшими образцами хоровой музыки и песенно-танцевальным искусством Кубани, демонстрировать довольно широкий диапазон исполнительских возможностей коллектива.

В августе 1939 г. в Москве проводился смотр-отчет ансамблей песни и пляски РСФСР. Кубанцы выступили на концертной эстраде Центрального парка имени М. Горького, в городском парке культуры Подольска Московской области, приняли участие в представлениях на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В заключительном концерте смотра, состоявшемся 19 августа в Колонном зале Дома союзов, Ансамблем песни и пляски кубанских казаков были исполнены: «Гимн партии большевиков» А. Александрова, «Проводы казака-кубанца в Красную Армию» Я. Тараненко, украинская народная песня «По бережку», кубанская народная песня «Та туман яром катится» и кубанская пляска «Казачок».

В рецензии на этот концерт выступление кубанцев не осталось незамеченным: «Удачно выступает ансамбль кубанских казаков. С исключительной силой и мастерством исполняет он «Гимн партии большевиков» (музыка Александрова). Прекрасно исполнение кубанских и украинских шуточных песен»¹.

Отмечая высокий художественно-исполнительский уровень хора и танцевальной группы, жюри смотра обратило внимание дирекции ансамбля на то обстоятельство, что коллектив очень много гастролирует за пределами края и мало бывает в Краснодаре, где можно было бы более тщательно поработать над репертуаром и дать артистам возможность отдохнуть.

Осенью 1939 г. Ансамбль песни и пляски кубанских казаков обслуживал жителей западных областей Белоруссии. Эта трудная и ответственная работа коллектива была отмечена Управлением по делам искусств при СНК РСФСР. В приказе от 29 декабря 1939 г. всему коллективу ансамбля объявляется благодарность. Кроме того, начальнику отдела по делам искусств при Краснодарском крайисполкоме предлагается активнее ходатайствовать о выделении постоянного помещения для репетиционной работы ансамбля и об улучшении жилищно-бытовых условий его работников. Особо указывалось на ограничение гастролей коллектива за пределами края (не более 6 месяцев в год).

13 апреля 1940 г. в Управлении по делам искусств при СНК РСФСР состоялось обсуждение деятельности Краснодарского краевого отдела искусств, на котором

оценивалась и работа ансамбля кубанских казаков. Начальник краевого отдела искусств И. Никитин сообщил о большом успехе коллектива во время гастролей по Дальнему Востоку.

Характеризуя музыкальную жизнь Краснодарского края, начальник отдела музыкальных учреждений России Л. Христиансен (ныне известный фольклорист, профессор Саратовской консерватории) сказал: «Светлое пятно в музыкальной работе Краснодара – это Кубанский ансамбль.

Для его творчества характерны... теснейшая связь с фольклором, настоящее проникновение в дух народной казачьей песни, умение взять манеру казачьего пения и хорошее репертуарное направление, умение идти впереди. Гимн партии был открыт Кубанским ансамблем. Он очень хорошо его исполняет, лучше, чем Александровский ансамбль... Он сумел понять дух и мощь этого произведения, лучшего исполнения я не слышал»¹. Об этом мы читаем и в одной из рецензий: «Но наибольший успех имела... прекрасная песня «Гимн партии большевиков» Александрова. Могущество, сила и в то же время величайшая гармоничность – вот что отличает и само произведение и его замечательное исполнение»².

Ансамбль песни и пляски кубанских казаков очень часто выступал с концертами по краевому радио. 11 августа 1939 г. его выступление транслировалось по всей стране, а 13 августа – для радиослушателей Англии.

В сентябре 1940 г. композиторы Я. Тараненко и Л. Книппер вместе с писателем А. Первенцевым и поэтом Я. Смеляковым закончили работу над хоровой поэмой «Дума о Кочубее». Поэма состояла из десяти хоровых песен: «Ты, Кубань, ты – наша родина», «Кони бьют копытами», «Ой, що ж то за ворон», «Засвистали козаченьки», «Песня о Кочубее» и др. Комиссия одобрила как музыкальную сторону произведения, так и качество его исполнения. Как отмечалось в одном из документов Комитета по делам искусств, включение поэмы в репертуар коллектива способствовало более полному раскрытию исполнительских возможностей ансамбля песни и пляски, а яркий образ героя Гражданской войны И. Кочубея сыграл определенную роль в патриотическом воспитании молодежи.

Газета «Большевик» отмечала: «В музыке «Думы» много свежести, правдивости, простоты и народности. Композитор Я. Тараненко с большим вкусом и чувством стиля отобрал и обработал кубанские народные напевы и создал ряд собственных оригинальных мелодий. Постановка «Думы о Кочубее» – большое событие в жизни ансамбля. Это наиболее вдохновенное и значительное произведение в его репертуаре на родную нам кубанскую тематику» (1940. 26 сент.).

Где бы ни исполнялась «Дума о Кочубее», везде она находила теплый прием и отзвук в сердцах советских людей. На имя Я. Тараненко присылались письма, авторы которых восхищались как самим произведением, так и его исполнением. В 1941 г. у Я. Тараненко возникла мысль написать хоровую поэму о колхозной Кубани. Краевой отдел искусств поддержал это намерение и рекомендовал композитору привлечь к работе писателей и поэтов Кубани. Но планам не суждено было осуществиться. Началась война.

Ансамбль был расформирован. Приказ Комитета по делам искусств о продолжении деятельности коллектива был получен с опозданием. Вновь собрать артистов оказалось уже невозможным, так как мужской состав его был призван в ряды Красной Армии.

Буквально с первых же дней освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков здесь началась активная деятельность концертного бюро (с 20 февраля

1943 г.), вокруг которого формируются полупрофессиональные коллективы и концертные бригады. Они вели активную работу по обслуживанию воинов Красной Армии и тружеников тыла, но заметного следа в развитии музыкальной культуры края не оставили.

Весной 1944 г. в условиях продолжавшейся войны с фашизмом возобновил свою работу Ансамбль песни и пляски кубанских казаков. Сам этот факт говорит об огромном внимании партии и правительства к культурному строительству, к музыкально-эстетической работе среди населения.

С середины сентября 1944 г. ансамбль возобновил концертную деятельность. Сложные условия работы, текучесть кадров художественных руководителей (не всегда знакомых со спецификой кубанского хорового пения) тормозили рост мастерства ансамбля и формирование его художественно-исполнительского почерка.

Настоящее возрождение ансамбля началось с приходом на должность художественного руководителя П. Лысоконя, сумевшего построить работу коллектива с учетом лучших традиций, выработанных в Войсковом хоре и ансамбле кубанских казаков (за довоенный период), с учетом целей и задач современности.

П. Лысоконь увеличил состав ансамбля с 34 до 56 исполнителей. Наряду с квалифицированными певцами в хор пришли молодежь и демобилизованные воины. Потребовалось много труда и умения, чтобы ансамбль в кратчайший срок включился в концертную деятельность. В первых же концертах в исполнении обновленного коллектива зазвучали популярные на Кубани песни «Тиха Кубань» в обработке Г. Давидовского, «Ты, Кубань, ты наша Родина» в обработке Е. Волика, «Так-сяк», «Из-за лесу» и «Камыш трищить» в обработке Г. Концевича, «Детина, детинушка», «Ой, да потихохоньку», «Ой, зацвила рожь» в обработке Г. Карнауха и др. Многие годы в репертуаре хора были песни местных композиторов: «Проводы казака в Красную Армию» Я. Тараненко, «Клятва пластуна» Е. Волика, а также произведения «Кубань-река» В. Соловьева-Седого, «Донская казачья» З. Левиной, «Казаки, казаченьки» М. Блантера, «Славься, Отчизна» В. Белого и др. Как видим, основная тематическая направленность концертных программ – пропаганда произведений о Родине, Кубани, казачестве. Содержание большинства произведений пока еще связано с отгремевшей войной.

А уже в конце 1945 – начале 1946 г. в программу включаются сложные сочинения: «Слава Красной Армии» А. Новикова, «Легенда» Н. Леонтовича, кантата «Шевченко» К. Стеценко, «Что смолкнул веселия глас» и «Соловушка» П. Чайковского, «Восход солнца» С. Танеева, «Кантата о Кубани» Г. Плотниченко, «Закувала та сыва зозуля» П. Нищинского и др.

Обширный, разнообразный и довольно сложный репертуар, а также успехи ансамбля в период гастролей позволяют считать, что исполнительский уровень коллектива в течение 1945 г. значительно вырос, и этому, безусловно, способствовала деятельность художественного руководителя П. Лысоконя и его помощников М. Савина и И. Бушуева. Ансамбль превратился в творческий коллектив, способный эмоционально и на высоком художественном уровне пропагандировать лучшие произведения народного и композиторского творчества. Руководители ансамбля большое внимание уделяли записям и обработкам кубанских народных песен.

О довольно высоком профессионально-исполнительском уровне ансамбля в 1946–1947 гг. говорят такие факты: коллектив был приглашен на торжества по случаю празднования 800-летия Москвы и успешно выступил в Колонном зале Дома союзов, в Центральном Доме работников искусств, на концертных эстрадах в парке имени М.

Горького, Измайловском парке и в Сокольниках. 5 сентября 1947 г. концерт ансамбля транслировался по первой программе Всесоюзного радио. Получена благодарность от Комитета по делам искусств при СНК СССР за концерт для его сотрудников. В дни празднования 30-летия Октября кубанцы выступали в Большом зале Ленинградской филармонии, в Смольном. По просьбе концертных организаций Латвии ансамбль вторично выехал на гастроли по республике и непосредственно в Ригу.

В отчете ансамбля за 1947–1948 гг. указывалось, что «впервые за 10 лет существования коллектив был признан всей общественностью как крепкая художественная единица и по распоряжению начальника Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР... ансамбль должен выехать на Первомайские торжества в Москву»¹.

Руководству и артистам коллектива было предельно ясным направление их деятельности: средствами музыкального искусства способствовать воспитанию советских людей в духе беззаветной преданности идеям Коммунистической партии, вдохновлять трудящихся на самоотверженный труд по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства страны.

Нельзя не упомянуть, что значительной помехой, оказавшей отрицательное влияние на качество работы ансамбля, был «бригадный» метод концертных выступлений. Суть его заключалась в том, что коллектив для концертов делился на два мини-ансамбля.

Если учесть, что за весь послевоенный период хоровая группа редко когда состояла из более чем 30 певцов и что даже в полном ее составе с большим трудом удавалось добиться слитного, компактного звучания, то станет ясным, насколько усложнялась эта работа с группами в 12–15 человек. Во время выступлений полухоров ярче ощущалась неуравновешенность партий, труднее было достичь динамического и тембрового ансамбля, произведения звучали бледно и неубедительно. Глубокое понимание художественных задач, стоявших перед коллективом, помогло руководству ансамбля доказать несостоятельность этого «метода» концертной деятельности и отвергнуть его.

В октябре 1949 г. П. Лысоконь оставил работу в ансамбле. Должность художественного руководителя в течение трех лет исполняли (в разное время) хормейстеры И. Бушуев и Е. Лукин.

В 1952 г. ансамбль возглавил талантливый музыкант заслуженный артист Таджикской ССР П. Мирошниченко. Уроженец Приморско-Ахтарска, до Московской консерватории окончивший музыкальную школу и музыкальный техникум в Краснодаре, П. Мирошниченко отлично знал особенности народно-песенного творчества Кубани. Это помогло ему, несмотря на приход в ансамбль молодых певцов, относительно быстро восстановить художественный уровень коллектива.

Начиная с лета 1952 г. ансамбль продолжил гастрольные поездки по стране, маршруты которых были проложены в предшествующие годы. В ходе гастролей постепенно обновляется и усложняется репертуар. Хоровая группа успешно справляется с такими произведениями, как хоровая сюита «Родная Кубань» А. Мосолова, «На старом кургане» Вик. Калинникова, «Песня о партии» Б. Александрова, хор из оперы Э. Направника «Нижегородцы» и др.

Самыми значительными выступлениями этого периода были концерты в Ленинграде (Центральный парк имени С. М. Кирова, Летний театр, Измайловский сад), на родине Н. Римского-Корсакова в Тихвине и в Москве (парк имени А. А. Жданова, ВДНХ, Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького), в

которых ансамбль широко познакомил москвичей и ленинградцев с песенно-танцевальным искусством Кубани.

В марте 1955 г. П. Мирошниченко по состоянию здоровья перешел на преподавательскую работу в Краснодарское музыкальное училище. Художественное руководство было поручено В. Малышеву, работавшему в должности хормейстера ансамбля с декабря 1953 г.

В период работы В. Малышева (1955–1961 гг.) происходит радикальная перестройка структуры ансамбля. В начале 1956 г. хоровая группа была укомплектована только мужскими голосами. В. Малышев сумел в короткий срок отобрать и выучить с хором наиболее популярные, самобытные и художественно ценные произведения, написанные или обработанные специально для мужского состава. В первую программу вошли «Песня о партии» Б. Александрова, «Походная песня», «У поли могила» и «Песня кочубеевцев» И. Дзержинского, «Жди солдата» Б. Мокроусова, «Едут новоселы» Е. Родыгина, кубанские народные песни «Ты, Кубань, ты наша родина», «Едет казак из дальнего края», «Солнце село за горою дальней», «Ой, на горке, на горе крутой» в обработке П. Мирошниченко и др. Многие песни, взятые в репертуар ансамбля, очень динамичны в исполнении, и, слушая их, представляешь движущиеся конные полки то в походе, то в боевой атаке. «Удмуртская правда» о концертах кубанцев писала: «Молодость, жизнерадостность, темперамент и большое мастерство – все это создает коллективу заслуженный успех» (1956. 24 июля. С. 3).

Художественный руководитель к тому же творчески подошел к репертуару, стремясь показать каждую песню не в статичном исполнении, а как маленькую сценку. Известные всем революционные песни «Смело, товарищи, в ногу», «Смело мы в бой пойдем», «Варшавянка», будучи театрализованы, как бы приблизили слушателей к далеким годам борьбы с самодержавием и иностранной интервенцией. В одной из рецензий на концерт ансамбля описывается исполнение песни «Смело, товарищи, в ногу»: «До слуха зрителя одновременно доносится далекий запев песни квартетом... и четкие, ритмичные, многошумные шаги, впечатление которых производит музыка и хор. И вот песня, кажется, приближается, нарастает и звучит с огромной силой, на сцене всплывает красное знамя «За власть Советов»¹.

С большим мастерством коллектив исполняет «Ноченьку» из оперы А. Рубинштейна «Демон», «Закувала та сыва зозуля» П. Нищинского, «Песню Еремки» из оперы А. Серова «Вражья сила» и др.

Вдумчивая и кропотливая работа всего коллектива способствовала тому, что ансамбль и в новом составе пользовался популярностью. Его выступления приносили людям радость и эстетическое удовлетворение. И даже в городах Прибалтийских республик, где многие самодеятельные коллективы поют на уровне профессиональных, концерты ансамбля кубанских казаков превращались в музыкальный праздник.

В январе 1960 г. в соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР коллектив расформировывается, а в марте этого же года на базе краевого театра народного творчества создается межколхозный ансамбль. С мая 1960 г. возобновились, и довольно удачно, выступления коллектива в новом качестве: хор теперь состоял из мужских и женских голосов, а музыкальное сопровождение осуществлял оркестр народных инструментов. Межколхозный ансамбль песни и танца в течение короткого времени провел большую работу, а во время его пребывания в Москве был снят телевизионный фильм-концерт. В конце года коллектив передается в распоряжение и на бюджет «Крайколхозстрою», а с февраля

1961 г. снова расформировывается, и теперь уже окончательно.

Злоключения Кубанского ансамбля явились в определенной мере результатом бытовавших в конце 50 – начале 60-х годов вульгарно-социологических взглядов на роль профессионального и самодеятельного искусства. В этот период в России было сокращено десять профессиональных коллективов, а огромная деятельность по эстетическому воспитанию и пропаганде музыкально-хорового наследия была возложена в основном на любительские хоры. При этом не учитывалось, что задачи, стоящие перед профессиональным и самодеятельным искусством, различны, а ликвидация профессиональных музыкальных коллективов нанесет ущерб и развитию художественной самодеятельности.

Кубанский казачий хор (1969–1977 гг.)

Расформирование Ансамбля песни и пляски кубанских казаков вызвало у широкой общественности недоумение. В местной и центральной периодической печати неоднократно появлялись статьи, в краевые организации приходили письма с одним вопросом: почему замолк Кубанский ансамбль песни и пляски? Статьи и письма писали любители музыки и музыканты, поэты и фольклористы, рабочие и крестьяне.

Учитывая многочисленные просьбы и пожелания рабочих, колхозников, интеллигенции, Краснодарский краевой комитет КПСС и крайисполком ходатайствуют перед Советом Министров РСФСР о создании на Кубани профессионального хора. В обращении, в частности, указывалось, что такой коллектив на Кубани необходим не только как пропагандист хоровой музыки, но и как методический центр всей художественной самодеятельности.

В начале 1969 г. было дано разрешение на создание Кубанского народного хора. На должность художественного руководителя приглашается заслуженный деятель искусств РСФСР С. Чернобай, проработавший в течение 15 лет в Государственном Северном русском народном хоре. С. Чернобай – уроженец Ставропольского края, с детских лет знаком с южнорусским говором и манерой пения, окончил дирижерско-хоровой факультет Московского музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Танцевальную группу возглавил заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарской АССР Г. Гальперин, в прошлом руководитель известного в стране ансамбля народного танца «Кабардинка».

Началу непосредственной творческой работы с коллективом предшествовал большой подготовительный период. Руководители хора познакомились с документами по истории Кубани, отобрали много народных танцев и песен. Для получения этих данных они побывали в музее, в архиве, в библиотеке имени А. С. Пушкина, в Доме народного творчества; встречались с местными музыкантами и знатоками кубанского фольклора, исполнителями народных песен и танцев; прослушали сотни метров пленки с записями народных песен. Большое внимание было уделено изучению старинных обрядов, обычаев, костюмов.

В период комплектования хора был объявлен конкурс, в котором приняло участие свыше двух тысяч любителей народного песенного и танцевального искусства. Конкурсная комиссия отобрала 45 певцов, 24 танцора и 5 баянистов. Средний возраст артистов был 22–23 года, большинство из них в прошлом участники художественной самодеятельности, почти все комсомольцы, около 80 процентов – жители колхозных станиц и хуторов Кубани. В короткий срок молодым артистам необходимо было усвоить вокально-хоровые навыки, большой музыкально-песенный и

хореографический материал, овладеть элементами актерского мастерства. Им помог в этом опыт, приобретенный в художественной самодеятельности, большая любовь к искусству и энтузиазм в работе. Первый концерт хора был дан в колхозе Тихорецкого района. От тружеников полей коллектив услышал первые аплодисменты, похвалы и замечания, что принесло несомненную пользу артистам и руководству. Премьера хора состоялась 6 ноября 1969 г. после торжественного собрания, посвященного 52-й годовщине Октябрьской революции. А 10 ноября был дан большой концерт для широкой аудитории любителей хорового пения Краснодара.

Первые выступления хора порадовали слушателей. В программу концерта вошли старинные и современные казачьи песни в обработке советских композиторов и произведения кубанских авторов (Г. Плотниченко, С. Чернобая). Красочная хороводная сюита «Летние игры» познакомила слушателей с календарно-обрядовыми песнями и хороводами, прославляющими труд хлебороба. Захватила всех присутствовавших в зале сцена проводов казака в армию, получившая впечатляющую форму музыкального обряда, отраженного в песнях и танцах. В мелодии песни, которую исполнял мужской хор («За Кубанью огонь горит»), звучали решительные интонации, тогда как в пении женского хора («Пошли наши казаченьки») слышны скорбные причитания. Руководители хора в этой сцене удачно использовали песню, танец, костюмы, освещение.

Несмотря на огромную работу, проделанную с хором, нельзя было не обратить внимания на то, что руководителю еще не удалось добиться тембровой слитности в партиях (группах), интонационной остроты, ясной дикции, необходимого для народного хора динамического ансамбля между подголосками и основными партиями.

Значительно лучше звучала мужская группа хора, как в эмоциональном отношении, так и с точки зрения вокально-хоровой техники.

Хорошо показала себя в концертах танцевальная группа (балетмейстер Г. Гальперин). Музыковед А. Слепов в рецензии на премьеру Кубанского казачьего хора писал о танцевальной группе: «С казачьей лихостью и кавказским темпераментом пронеслась, подобно «коннице кубанских джигитов», стремительная и зажигательная военная пляска «Лихачи»¹.

За концертный сезон 1969/70 г. значительно улучшилось звучание хора, некоторые произведения были заменены более яркими и самобытными. С успехом прошли концерты хора в Ростове-на-Дону, Свердловске, Ульяновске, городах Подмосковья и в Москве. С огромным волнением коллектив готовился к ответственным выступлениям в концертных залах Октябрьском и имени П. Чайковского.

Незабываемой была встреча Кубанского хора с земляком-космонавтом В. Горбатко. В Звездном городке артисты посмотрели кинофильм о первом герое космоса Ю. Гагарине и познакомили космонавтов, их семьи и научных сотрудников с песенно-танцевальным искусством Кубани.

Министерство культуры СССР оказало доверие молодому Кубанскому хору, рекомендовав его на VII Международный фестиваль фольклорных коллективов, состоявшийся летом 1971 г. в болгарском городе Бургасе. Жюри фестиваля и слушатели тепло приняли посланцев России. «С большим подъемом, вдохновенно и эмоционально провели концерт артисты Кубани. Особенным успехом пользовались песни «Ты, Кубань, ты наша родина», «Вспомним, братцы» (песня времен турецкой войны), болгарская песня «Зелен явор», танцы «Лихачи», «Полька-костырка», «Казачий пляс» и, конечно, «Шопское хоро» – так отметила газета «Советская

Кубань» (1970. 12 сентября) выступление хора в Болгарии.

Кубанский казачий хор был награжден памятной медалью и дипломом Оргкомитета VII Международного фестиваля фольклорных коллективов. Кроме концертов и творческих встреч с болгарскими трудящимися, артистам Кубанского хора навсегда запомнилось посещение знаменитой Шипки, где на памятнике русским солдатам, сражавшимся за свободу Болгарии, есть названия и кубанских полков. С огромным волнением потомки героев Шипки возложили на могилу венки.

В октябре 1972 г. краснодарцы познакомились со второй программой хора, оказавшейся более разнообразной по охвату песенных жанров, однако более пестрой и менее компактной в сравнении с первой.

Как почти в каждой концертной программе, одни произведения прозвучали более законченно, другие нуждались в доработке и, наконец, третьи (как «Хазбулат») вызывали сомнения: стоит ли их включать в репертуар государственного профессионального коллектива? В целом же хор пока не имел своего самобытного облика (особенно хоровая группа). И основная причина, пожалуй, заключалась в том, что художественно-исполнительское направление Кубанского хора было однотипным с целым рядом профессиональных русских народных хоров; слабо велась работа по более глубокому изучению специфики песенно-танцевального творчества края.

В октябре 1974 г. Кубанский казачий хор возглавил В. Захарченко – уроженец станицы Дядьковской Краснодарского края. Свой путь музыканта и ученого В. Захарченко начал в школьной самодеятельности, затем была учеба в Краснодарском музыкально-педагогическом училище, в Новосибирской консерватории, служба в аспирантуре Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, работа в должности главного хормейстера Сибирского народного хора. Работу художественного руководителя Кубанского хора В. Захарченко совмещает с композиторским творчеством, научно-исследовательской и общественной деятельностью, с частыми выездами в фольклорные экспедиции. Только за 1975 г. им записаны более тысячи кубанских народных песен, некоторые из них уже расшифрованы, обработаны и включены в репертуар хора.

Не прекращая концертной деятельности, хор под руководством В. Захарченко готовил новую программу. Премьерная работа В. Захарченко стала этапной в истории коллектива.

Концертный зал краевого театра оперетты не смог вместить всех желающих послушать выступление хора. В рецензии на концерт музыковед В. Комиссинский писал: «Научный подход к изучению и отбору музыкального фольклора нашего края, высокие художественные достоинства включенных в программу народных песен свидетельствуют о просветительских целях, которые преследует художественное руководство Кубанского казачьего хора»¹.

В концерте прозвучали песни станиц Дядьковской, Кавказской, Казанской, Темиргоевской, Кирпильской, Некрасовской и других, образуя яркий, многоцветный букет произведений самобытного народного творчества. В программу были включены также современные народные песни и произведения советских композиторов.

Насыщенными для Кубанского казачьего хора были последние два года. Волнующим событием стал 1-й Всероссийский смотр профессиональных русских народных хоров, на котором коллектив был удостоен звания лауреата и диплома I степени. Ход и результаты смотра широко освещались в центральной печати. В журнале «Советская музыка» (1976. № 6. С. 66), в частности, отмечалось: «Победа Государственного Кубанского казачьего хора была неожиданной, но тем более

впечатляющей. Выступление кубанцев отличалось своеобразием и даже, можно сказать, творческой дерзостью. Их концерт оказался не похожим ни на один из показанных на смотре... Подлинный песенный фольклор Кубани предстал во всем своем музыкально-поэтическом и жанровом разнообразии».

Жюри Всероссийского смотра (председатель – народный артист СССР профессор В. Соколов) отметило высокую идейность программы, богатство и разнообразие исполненного кубанского фольклора, захватывающую эмоциональность исполнения песен и плясок.

Звания дипломантов Всероссийского смотра-конкурса были удостоены: главный хормейстер В. Мамай, артисты хора А. Лизвинский, В. Сушков, М. Мищенко, В. Фролова, солист танцевальной группы В. Захаров.

За участие в торжественном концерте 4 марта 1976 г. для делегатов и гостей XXV съезда КПСС Кубанскому хору была объявлена благодарность и вручена Почетная грамота Министерства культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры.

Незабываемыми для артистов Кубанского хора стали гастроли в ГДР (апрель – май 1976 г.), проходившие в канун IX съезда Социалистической единой партии Германии. Концерты состоялись в различных городах страны (Берлине, Лейпциге, Дрездене, Карл-Маркс-Штадте и др.), на них побывало более 20 тысяч слушателей. Наиболее ответственными были выступления на открытии Дворца съездов республики и на концерте, посвященном Дню освобождения от фашизма. На этих торжествах присутствовали члены Политбюро ЦК СЕПГ, в том числе Э. Хонеккер и В. Штоф. Многие центральные газеты высоко оценили выступления хора. Как концерты, так и каждая встреча с трудящимися ГДР имели большое культурное и общественно-политическое значение, они способствовали укреплению чувства солидарности между советским и немецким народами.

Одним из интересных событий в жизни Кубанского казачьего хора стало участие коллектива в Днях литературы и искусства РСФСР в Узбекистане. Самобытность кубанских песен и танцев, высокий уровень мастерства, искренность и задушевность исполнения репертуара способствовали созданию в зрительных залах атмосферы братства и взаимопонимания.

За заслуги в области советского музыкального искусства Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 июня 1977 г. художественному руководителю Кубанского казачьего народного хора В. Захарченко было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Кубань богата песенно-танцевальным творчеством, героическими и трудовыми традициями, таящими в себе неиссякаемый источник тем и сюжетов. Главной задачей Кубанского казачьего хора является пропаганда лучших произведений народного и композиторского творчества нашего края с присущими им особенностями и певческой манерой.

Профессиональные хоры Советской Кубани принимали активное участие в художественном и эстетическом воспитании трудящихся края и всей страны. Значительна их роль в патриотическом воспитании. Только Ансамбль песни и пляски кубанских казаков за 24 года творческой деятельности побывал с концертами во многих республиках и областях нашей страны – от районов Западной Белоруссии и Молдавии до Владивостока, от Ленинграда и Петрозаводска до Тбилиси и Ташкента. Всего проведено около 4000 концертов, а слушали их миллионы рабочих и служащих, тружеников колхозных полей, воинов Советской Армии.

Кроме концертов непосредственно на эстрадах, ансамбль часто выступал по

краевому и Всесоюзному радио, а с 50-х годов – и по телевидению, одновременно охватывая десятки и сотни тысяч слушателей и зрителей.

Концерты кубанских коллективов в национальных республиках, а Кубанского хора – за рубежом способствовали укреплению дружбы народов СССР с другими странами. Посетители концертов расширяли свой музыкальный кругозор, слушая в исполнении профессиональных хоров Кубани произведения народного творчества, лучшие сочинения русских, советских и зарубежных композиторов.

Профессиональные хоры Советской Кубани продолжали, и продолжают в наше время, лучшие певческие традиции русского и украинского профессионального исполнительства. За исключением Кубанского казачьего хора, все коллективы пели в академической манере, дававшей возможность включать в репертуар хоровые произведения всех жанров – от народных песен до кантат и хоровых сцен из опер. Хоровые коллективы и их руководители в тесном контакте с советскими поэтами и композиторами чутко реагировали на события в стране и за рубежом.

Для самодеятельных коллективов Кубани профессиональные хоры являлись тем идеалом исполнительского мастерства, к которому они стремились в своей работе. Творческие встречи, беседы, семинары, проводившиеся во время гастролей по краю, оставляли у участников самодеятельности неизгладимое впечатление.

Многие из бывших певцов профессиональных коллективов впоследствии становились руководителями самодеятельных кружков. Так, почетное звание народных получили академические смешанные хоры колхоза «40 лет Октября» Динского района и Краснодарского мясокомбината, руководимые многие годы бывшими певцами Ансамбля песни и пляски кубанских казаков К. Парийским и И. Ищенко.

Баянист Г. Коваль, приобщившись к хоровому пению в ансамбле, многие годы руководил хором хутора Стефановского и выезжал с ним на Всероссийский смотр художественной самодеятельности в Москву. Кроме того, Г. Ковалем сочинено несколько произведений для хора, получивших известность по всей России.

Многие бывшие артисты профессиональных хоров Кубани плодотворно используют свой певческий опыт и знания в художественной самодеятельности, в работе которой они принимают участие даже в преклонном возрасте.

Солист Орловской областной филармонии А. Милаев и солист Государственного Белорусского театра оперы и балета народный артист республики А. Генералов первые навыки и умения по вокалу получили в Ансамбле песни и пляски кубанских казаков.

Перед Кубанским казачьим хором стоят ответственные задачи – развивать дальше славные традиции своих предшественников.

Сноски

¹ В первые годы Советской власти Кубано-Черноморская область делилась на два округа (Новороссийский и Туапсинский) и на семь отделов (Екатеринодарский, Лабинский, Ейский, Майкопский, Баталпащинский, Кавказский, Таманский).

¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1176. Л. 14–16.

¹ Вечерний Киев. 1928. № 75.

² Грозненский рабочий. 1928. № 75.

³ Правда Востока. 1929. 29 апр.

¹ Красное знамя. 1937. 11 июня.

¹ Известия. 1939. 23 авг.

¹ ЦГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 68. Л. 157.

² Там же. Оп. 6. Д. 13. Л. 19.

¹ ГАКК. Ф. 1460. Оп. 1. Д. 5. Л. 272.

¹ Советское казачество. 1957. 31 мая.

¹ Комсомолец Кубани. 1969. 15 ноября.

Борис БОРИСОВ
Георгий БОРИСОВ
Владимир БУРЫЛЕВ

На переломе¹ (1940 – 80-е годы)

В годы Великой Отечественной войны базой для возобновления Государственного ансамбля песни и пляски кубанских казаков стал женский ансамбль, образованный в сентябре 1943 года Я.М. Тараненко. В состав его вошли главным образом артистки довоенного ансамбля казаков...

С сентября 1944 года начинается регулярные выступления и Ансамбль песни и пляски кубанских казаков. Первое время из-за нехватки кадров приходилось принимать в ансамбль случайных людей, попадались они и среди руководителей, часто, кстати говоря, менявшихся. Все это сказывалось на качестве выступлений коллектива, на репертуаре. Порой ансамбль напоминал фронтовую концертную бригаду, программа которой была сшита из разнородных лоскутков: здесь и фронтовая песня, и пародия, и клоунада, и классическая ария. Но ансамбль был нужен зрителям, и филармония помогала ему всем, что было в ее силах. Добрую память о себе оставил работавший некоторое время художественным руководителем А.И. Могулевский.

Вот мнение одного из зрителей, побывавших на концерте ансамбля в начале 1945 года: «Он уже является сложившимся, определенно оформившимся художественным коллективом, хотя и малым по количеству участников и слабым в своих отдельных группах (тенора, например). Замечательно исполнил ансамбль ряд русских песен, причем показал и строгую стройность звучания, и стремление передать, подчеркнуть смысл произведения (даже каждой фразы в нем, каждого слова) и форму. Это особенно наглядно продемонстрировал ансамбль в глубоко лирической песне «Тонкая рябина» и героической «Гибель Варяга». Кубанские песни, однако, звучат слабее (за исключением «Камыш трещит») ... Пляски задуманы неплохо, но еще не нашли достаточно подготовленных технически исполнителей»².

Действительной реставрации наш ансамбль достигает с приходом в 1945 году на пост руководителя П.И. Лысокона, бывшего до этого художественным руководителем Донского ансамбля. Увеличивается до 68 человек состав, яснее обозначаются принципы репертуарной политики, обеспечивающие цельность и идейную направленность концертов, решительно изгоняются малохудожественные произведения. Тема отгремевшей войны во многом определяет построение выступлений: новая программа открывается своего рода гимнами – песнями «Слава Красной Армии» А. Новикова, «Слався, Отчизна» В. Белого, «Слава партии» С. Туликова. В программе много украинских и кубанских народных песен. Современность отражена песнями, близкими по тематике Кубани: «Кубань-река» В. Соловьева-

Седого, «Казаки-казаченьки» М. Блантера и др. Включаются и песни кубанских авторов – «Клятва пластуна» Е. Волика, «Проводы казака-кубанца в Красную Армию»

Я. Тараненко, героико-патриотическая сюита «Возвращение» молодого композитора Г. Плотниченко. <...>

Начиная с 1947 года в каждой программе ансамбля – песни Плотниченко. В то время появились «Казачья кантата», «Уходили в поход казаки», «Кубанская станица», чуть позже – «Сторонка милая», «Провожали девушки» и многие другие, любимые и сегодня слушателями старшего поколения.

Упорядочивая концертную деятельность ансамбля, П.И. Лысоконь старался вернуть ему тот облик, в каком коллектив впервые предстал перед слушателями в 1937 году. Характерна в этом отношении юбилейная программа 1947 года, показанная слушателям Запорожья, Тулы, Ярославля, Горького, Свердловска, Челябинска, Куйбышева, Ленинграда, Риги, Таллина, Вильнюса и Дальнего Востока. В том же году ансамбль впервые после войны выступает в Москве – в Колонном зале Дома союзов, в Центральном Доме работников искусств, на площадках парков им. Горького, Измайловского, Сокольников. За участие в торжествах, посвященных 800-летию Москвы, ансамбль отмечен благодарностью Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. В отчете по итогам гастролей появится запись: «Впервые за десять лет существования коллектив признан всей общественностью как крепкая художественная единица»¹. <...>

В 1949 году П.И. Лысоконь оставляет работу в Краснодарской филармонии. В течение последующих трех лет в коллективе меняются несколько художественных руководителей. Это отрицательно сказывается на настроении артистов, качестве их выступлений. Реорганизация, проведенная под руководством заслуженного артиста Таджикской ССР П.С. Мирошниченко, художественного руководителя ансамбля с 1952 года, способствовала улучшению сценического облика коллектива, качества репертуара. И результат не замедлил сказаться – по итогам гастролей в 1952 году наши «казаки» оказались в числе ведущих хоровых коллективов страны.

В 1955 году П.С. Мирошниченко по состоянию здоровья покидает коллектив, и художественным руководителем становится молодой талантливый хормейстер В.Н. Малышев.

Интересна была попытка Малышева возродить на базе ансамбля некоторые черты давно умолкнувшего Певческого хора Кубанского казачьего войска. Так, в 1956 году зрители увидели хор только в мужском составе (женщины принимали участие лишь в плясках). Песни народов СССР в программе уступили место кубанским казачьим, строже и академичнее стала исполнительская манера.

«Ренессанс», однако, был недолог. Колхозная Кубань, шагавшая в ногу со всей страной, не сегодня-завтра должна была «догнать и перегнать Айову», и искусство старалось не отстать от общего напряженного ритма. А тут вдруг – шаг назад, старина... Критика отметила, что «несмотря на отдельные удаchi, хор оставляет весьма посредственное впечатление... В его палитре не стало важных тембровых красок, порой не хватает сочности и силы звучания, нет полноты гармонии...»¹.

Лишь в 1958 году ансамбль вновь пересечет границу края – его встречают в Прибалтике, а в 1959-м – в Белоруссии, Ленинграде, Чечено-Ингушетии, Дагестане.

Творческое развитие ансамбля тех лет можно определить кратко: поиск своего лица, своего сценического «я». Этим оправдывались и сокращения, и увеличения штатов, и репертуарные изменения, и изменения внешнего облика артистов, тембровой палитры пения и прочие элементы реорганизации.

Критика старалась подсказать самый правильный путь.

«Он (ансамбль. – Авт.) должен освоить и популяризировать фольклор Кубани,

классические произведения русских и иностранных композиторов»².

«Хотелось бы, чтобы в репертуаре были поставлены песни и пляски стран народной демократии, братского китайского народа»³.

Художественные руководители стремились реагировать на критику. Однако формальные реорганизации, затрагивая зачастую лишь внешнюю сторону деятельности коллектива, ожидаемого успеха не приносили, так как ни артисты, ни те, кто их слушал, сути необходимых перемен не понимали.

В эпоху, когда традиционное народное пение часто считалось «устаревшим» примитивом, связанным с «реакционными» обрядами, когда многие заведующие колхозными клубами мечтали не о фольклорных ансамблях, а о симфонических оркестрах и оперных труппах, ансамбль не мог искать свое подлинное творческие «я» там, где его только и можно было найти – в глухих уголках края, где еще слышалось иногда пение старинных казачьих песен.

Желая «двигать» народ в «светлое будущее», коллектив не мог учиться у его прошлого. Да, народные песни включались в репертуар. Но в каком виде? Стерильные обработки подгоняли образ народной песни к сочинениям типа «Казачи да казаки» М. Блантера или «Казачья песня» из оперы «Поднятая целина» И. Дзержинского. Для «свежести восприятия» в концертах к ним прибавлялись вальс «Амурские волны» и песни «Я сейчас такой влюбленный» В. Мурадели, «Зайчишка лопухий» Е. Родыгина и др., пользовавшиеся успехом у невзыскательной части слушателей...

Таким и запомнился общий план Ансамбля песни и пляски кубанских казаков 50-х годов...

<...>

В 1960 году приказом Министерства культуры РСФСР Ансамбль песни и пляски кубанских казаков переводится из разряда профессиональных в самодеятельные!

Этот приказ имел свою подоплеку.

Желая блеснуть на Всесоюзной олимпиаде в Москве в 1959 году (напомним, это было время бума «художественной самодеятельности»), кубанские самодеятельные сельские хоры на время выступлений в столице были «укреплены» профессиональными певцами из состава Ансамбля казаков. «Как сейчас помню овации зала на ВДНХ, – вспоминает солист ансамбля П. Мотуз, – удивление и восторг публики, когда мы, артисты-профессионалы, запели кубанские народные песни. Голосища у нас были молодые, крепкие, поставленные – заслушаешься... А ведущая концерта объявляет нас – комбайнер колхоза такого-то, механизатор, полевод... За кулисы приходили дивиться после на «механизаторов». А высокое начальство сделало свои выводы: коль скоро такие прекрасные голоса в кубанской самодеятельности, то зачем Кубани профессиональный хор, поющий нисколько не лучше? Так вот мы и «погорели»¹.

Конечно, не этот курьезный эпизод – главная причина перемен. В конце 1950-х годов в дискуссии по вопросам развития советского искусства получила распространение точка зрения о постепенном исчезновении профессионализма, замене его самодеятельным творчеством трудящихся в эпоху коммунизма. Некоторые административные работники, как водится в таких случаях, бежали впереди паровоза. Руководствуясь мнением, согласно которому пропагандировать народное искусство следует самому народу в лице его многочисленных самодеятельных хоровых и танцевальных коллективов, ответственные лица приняли решение о расформировании десяти профессиональных русских народных хоров местного значения. Были оставлены лишь некоторые ведущие коллективы, которые среди прочих своих

достоинств представляли советское искусство за рубежом. Ансамбль кубанских казаков был переведен на попечение объединения «Крайсельхозстрой», а через полтора года прекратил концертные выступления совсем.

Но нет худа без добра. Не сумели сделать рентабельной кубанскую песню – так, может быть, лучшая доля ждет танец? И филармония, лишившись ансамбля, запутавшегося в поисках современности, создает в 1963 году танцевальный коллектив «Кубань», в состав которого вошли многие танцоры теперь уже бывшего Ансамбля песни и пляски. В творческих планах нового коллектива – стремление отразить современную Кубань, ее героическое прошлое и прекрасное будущее.

Ансамбль «Кубань» – типичное дитя 60-х годов. Главное место в его программах занимают темы сельскохозяйственного труда, освоения космоса, воспевания КПСС, «борьбы за мир», дружбы между народами. «У нас большие и интересные планы, – рассказывал его художественный руководитель Б. Лехт. – Начали мы работать над темой о кубанском герое Кочубее. Эта постановка будет иметь разделы: становление Советской власти на Кубани, мирные дни, Великая Отечественная война и Кубань, строящая коммунизм... Зритель увидит новые танцы виноградарей, нефтяников, рыбаков. В наших планах – программа танцев из балетов и опер и специальная программа танцев для детей»¹. В составе нового коллектива – 26 танцоров, 6 музыкантов, 4 администратора.

За пять месяцев 1963 года ансамбль дал 84 концерта. Его выступления видели нефтяники поселка Черноморского и станицы Абинской, жители Ейска и Сочи. В программе были и танец казаков-джигитов, и танцы, посвященные актуальным проблемам кубанского края: «Доярка и пастух», «На кукурузном поле», «Малина», «Кубанская свадебная», лирические современные «Веснушки» и «Щеголь», народные: кубинский «Вива, Куба», болгарский «Треника хоро». Исполнялась и танцевальная сюита «Дружба», состоящая из русского, азербайджанского, таджикского, армянского, молдавского, грузинского и украинского танцев.

«Это замечательный концерт! – читаем в одном из отзывов. – Это воплощение молодости, красоты, грациозности!.. Сама весна, молодость входили в концертный зал... Мы не сомневаемся, что о нем очень скоро заговорит и узнает весь Советский Союз. Счастливого плавания, друзья!»¹

Однако весь Советский Союз о «Кубани» не заговорил, и дальше края ансамбль не «уплыл». Традиции оказались сильнее новизны. Взятый курс на оперативное отражение современности средствами танца следовало подтвердить действительно новаторскими постановками. Сделать этого, однако, не удалось. Напротив, в программе все более превалировали повторы, штампы. В адрес коллектива стали раздаваться критические замечания, усилилась текучесть кадров (в том же 1963 г. на работу в ансамбль было принято 49 человек, а уволился – 41). В конце концов танцевальный ансамбль «Кубань» уходит из профессиональной концертной жизни.

<...>

С 1970 года неперменным участником Кубанский музыкальной весны становится Государственный Кубанский казачий хор, возрожденный в 1969 году.

Но каким он предстал теперь перед зрителем? Можно в нем узнать ушедший Ансамбль песни и пляски кубанских казаков? Не повторит ли он ошибок прошлого?

«Кубанский хор должен быть современным, глубоко народным и обладать высоким мастерством» – так определил основные задачи воссоздаваемого коллектива его новый художественный руководитель заслуженный деятель искусств РСФСР С.А. Чернобай.

Вспомним первые шаги Чернобая на новом посту.

Сначала был объявлен конкурс. К участию в нем приглашалась молодежь – профессионалы и участники художественной самодеятельности. За месяц было прослушано около 4000 человек! Наконец тщательный отбор окончен, и 14 марта 1969 года 44 хориста «сели за парту», начав овладевать мастерством народного пения.

«Мы только на бумаге в то время были профессионалами, – вспоминает С.А. Чернобай, – а в сущности мы были самодеятельностью. Занятия начинались в девять утра и заканчивались порой за полночь. Зная процесс становления голоса у любителей, я предупреждал ребят, что через месяц-два начнут болеть голоса. Так и случилось. Однако после временного перерыва в занятиях все нормализовалось, и больше жалоб на боли не было»².

Облик воссозданного коллектива с первых дней концертной жизни прочно закрепил Кубанский хор в семье русских народных хоров. В противоположность Ансамблю казаков 40–50-х годов, хор теперь строил стиль народного пения на основе высокой хоровой культуры. «Человеческий голос, – говорит С.А. Чернобай, – должен подчиняться законам акустики. И исключения для народных певцов здесь нет. Голос должен быть поставлен. Вот этому мы и должны обучать народных певцов»¹.

На этой методологической платформе и раскрылось понятие «современность хора». Оно прежде всего проявилось в манере пения коллектива, которая должна была учитывать то воздействие, которое современные музыкальные явления оказывают на культуру народного пения. Современное – это сплав старого и нового. «Фольклор – это диалектика, – подчеркивает С.А. Чернобай. – Мы должны войти в нашу землю, взять ее живительные соки и вынести песенные сокровища людям, придав народной песне современные интонации»².

В трудной работе по воссозданию Кубанского хора новому руководителю во многом помог опыт Государственного Северного русского народного хора. Ведь основную часть своей творческой жизни С.А. Чернобай посвятил работе в этом коллективе. И поэтому дороже других похвала коллег.

«...Прежде всего привлекает в нем свежесть, непосредственность исполнения, хотя молодым артистам еще предстоит совершенствовать свое профессиональное мастерство» – такими словами отметила художественный руководитель Северного русского народного хора народная артистка СССР Н.К. Мешко первые выступления коллектива³.

«...Молодой Кубанский хор сразу пришелся по душе... своей самобытностью, свежестью, а главное – новизной. В репертуаре молодого ансамбля нет всем приевшихся хоровых и танцевальных штампов. Действие происходит то в наши дни, то мгновенно переносится в глубокую старину...» – писал заслуженный деятель искусств РСФСР лауреат Государственной премии РСФСР композитор С. Кац⁴.

Первая программа, подготовленная С.А. Чернобаем, прозвучала 6 ноября. Хор посвятил концерт 52-й годовщине Великого Октября. В программу вошли вокально-хореографическая картинка «Летние игры», современная народная песня «Лети, наша песня», «Базар большой» (напев народный, слова В. Борисова), шуточный танец некрасовских казаков «Коленца», старинная ейская кадриль «Четыре конца», «Над Кубанью» (музыка Г. Селезнева, слова В. Бакалдина), народные песни – «Чаечка», «Вспомним, братцы», «Загорелась во поле ковылюшка», «Видно-видно», «За Кубанью огонь горит», а также «Знамя Ленина» (музыка А. Дудника), «Кубанские зори» (музыка С. Чернобая, слова В. Борисова) и другие произведения. Художественным

достижением первой программы стала стилизованная обрядовая сцена «Проводы казаков»:

*За Кубанью огонь горить,
А в Казанской дымно,
Пошли наши козаченьки,
Чуть знамена видны.*

*Они едут, все рыдают,
Назад поглядывают.
Остались наши жены
Та й дети малые...*

...Казаки, уходя на войну, клялись оружием своим защищать родину, а девушки и женщины повязывали им на руки домотканые платки – символ верности...

В программе, построенной на контрастах настроений, сопоставлении разных времен, характеров, живо воспринимались и частушки «У нас нынче день субботний», «Сашенька на базар ходила», и лирические «Сторонка степная», «Чаечка», «Лети, наша песня». Танцевальные постановки осуществил заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарской АССР Г. Гальперин. Хорошие отзывы получили костюмы, выполненные художником Л. Коротковой.

«Стремительно разворачиваются хористы, танцевальная группа, появляются на сцене ряженные, всеми цветами радуги переливаются яркие разноцветные костюмы, полноводной рекой льется народная музыка – и зал уже очарован этим коллективом»¹, – так приняли кубанцы, судя по отзывам критики, первую программу С.А. Чернобая.

С ноября 1969 по август 1970 года хор дал свыше 200 концертов для тружеников края. Приходил опыт, яснее виделись пути художественного совершенствования. Большую пользу коллективу принесло сотрудничество с кубанскими композиторами и поэтами. Активно сотрудничали с хором композиторы Г. Плотниченко, Г. Селезнев, П. Черноиваненко, Н. Хлопков, А. Дудник, В. Пономарев, поэты В. Бакалдин, И. Варавва, С. Хохлов, В. Подкопаев, музыковед А. Слепов.

Вместе с тем жизнь некоторых авторских песен тех лет оказалась краткой. Призванные отразить «сегодняшний день», песни эти, к сожалению, воплощали не традиционные черты народного творчества кубанцев, а расхожие музыкально-поэтические клише на «сельскую тему», характерные для советской массовой песни в 50–60-х годах. Но случались и удачи, рожденные в сотрудничестве с хором, которые и сегодня составляют украшение программ коллектива.

В 1970 году хор с успехом гастролирует в Москве и столичной области. <...>

А в филармонии тем временем вынашивался новый план, масштабный и «современный» – создание мюзик-холла. Первый опыт на этом пути – попытка «эстрадизации» Кубанского хора. В 1974 году в Краснодар из Москвы приглашается группа постановщиков – композитор В. Зельченко, поэт В. Семернин и балетмейстер Ю. Взоров. Фабула задуманного шоу впечатляла – провести зрителя почти через 200 лет истории Кубани: от «присутствия» при высадке первых запорожцев на Тамани в конце XVIII века до «посещения» в составе кубанской делегации Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине (1973 г.). Основные средства – массовые сцены, символизирующие «глобальные» перемены в жизни Кубани: от «танца живота» турчанки, похищаемой свирепыми черноморцами, до ликующих хороводов во имя дружбы народов... Программа в целом понравилась руководству филармонии.

Вот краткий фрагмент ее обсуждения.

«**В. Малов** (режиссер). По-моему, это интересно, свежо, оригинально. В целом замысел программы мне понравился.

А. Рашевский (директор хора). Постановочная группа поработала очень хорошо... Новое всегда будет вызывать сопротивление. Коллектив находится в поиске. Надо продолжить работу».

Звучали и сомнения:

«**В. Мамай** (солистка хора). Чувствуется, что наши постановщики не жили на Кубани... В таком плане программа не будет жить. Песни не живут, их не будут петь».

Итоги подвел директор филармонии **А. Симонов**:

«Мы ничего не потеряли, работая над этой программой, – появились профессиональные, хорошие тексты, новая музыка, стал двигаться хор, балет получил уроки талантливого педагога, за это время был создан оркестр»¹.

Правда, довольно скоро выяснилось, что «уроки талантливого педагога» обошлись филармонии примерно в 20 тысяч рублей, программа оказалась нерентабельной, и хор стал разваливаться. Было время, когда от всего оркестра в штате оставался один баянист, тоже подавший заявление об уходе, и артисты горько шутили: «А от Зельченко кантаты хор остался без зарплаты».

Правомерен вопрос: а почему вообще стал возможен подобный эксперимент с Кубанским хором? Ведь, судя по отзывам прессы, он «крепко стоял на ногах» с первых же концертов в конце 1969 года, хвалили коллектив и в Москве, и в других городах. Хорошо принимали его и в Ленинграде, на Урале, в Поволжье, Закавказье, на Украине, Севере России. А в 1971 году хор становится дипломантом международного фольклорного фестиваля «Праздник на Сълнычем Бряге» в Болгарии.

Ну, а как принимают его на Кубани?

«Шо ты нам привез, сынок? – вспоминает А. Рашевский реакцию старожилов одной из станиц на выступление хора. – Це нэ хлопцы-кубанцы, поют гарно, да нэ по-нашему...»¹

Да и в среде музыковедов, специалистов по музыкальной культуре Кубани мнения были противоречивы.

Из протокола обсуждения программы Кубанского казачьего хора художественным советом Краснодарской филармонии (13 сентября 1973 г.):

«**Г.М. Плотниченко** (председатель краевого отделения Союза композиторов РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР). Коллектив все больше и больше раскрывает свои качества как пропагандист кубанского народного искусства. Хор распелся, звучит сейчас качественней, грамотней и интересней, чем это было раньше...

В.Г. Комиссинский (музыковед, кандидат искусствоведения, член Союза композиторов СССР). Малоинтересная программа, не раскрывающая песенная богатство Кубани... Протест вызывают современные частушки. Это ведь не народный юмор, это с налетом пошлости выдумка какого-то малограмотного автора... В хоре нет ни одного яркого, запоминающегося солиста. Гришин с явно неестественным, если хотите, немужским голосом вызывает чувство удивления. Разве он имеет право олицетворять кубанца?

А.А. Слепов (музыковед, член Союза композиторов СССР). Я думаю, что хор находится на верном пути, но в самом его начале. И не дубинкой мы должны его лупить, а по-дружески направлять...

С.И. Еременко (музыковед, кандидат искусствоведения). С фольклористами

никто при создании хора не посоветовался. Очень жаль. В таком виде, мне кажется, хор звучит не по-кубански, инородно.

Н.М. Хлопков (композитор, член Союза композиторов СССР). Коллектив должен иметь свое лицо. Точное, определенное»².

Итак, ни сценическая яркость, ни ансамблевое мастерство не смогли восполнить отсутствие правдивого отражения народной песенной культуры казаков в программах хора. Филармония искала пути реформирования хора – ведь каждый его концерт пробивал в ее бюджете дыру в 1500 рублей. Рождалась спасительная мысль о сокращении штата и переименовании коллектива вновь в ансамбль песни и пляски. Руководство филармонии полагало, что «можно все загубить и с названием «хор» в составе 120 человек. Сохранить народные традиции можно и в составе ансамбля»¹. В 1974 году С.А. Чернобай оставил пост руководителя коллектива, и хор в творческом отношении оказался предоставленным самому себе. Вот тут-то коллектив и подстерегла «счастливая» идея руководства филармонии о преобразовании в мюзик-холл... О результатах эксперимента мы уже рассказали.

Но руководители филармонии по-прежнему убеждены – краю нужен мюзик-холл. И в качестве базы для него в 1976 году создается новый коллектив «Экспромт».

<...>

Наиболее яркие воспоминания о путях, пройденных филармоническими коллективами в 70-е годы, несомненно, связаны с переломом в судьбе Кубанского казачьего хора.

Разочарованный в будущем, хор впервые пристально всмотрелся в прошлое. И тут случилось чудо!..

«Да это вовсе не тот хор!» – воскликнет критик в конце 1974 года² а спустя некоторое время выразится определеннее: «Внешне хор ни в чем не изменился. Все те же черкески, бешметы, башлыки, газыри, кинжалы, плоскодонные шапки с галунами, цветная палитра женской одежды. Но по своему содержанию он стал неузнаваемым. Своими песнями он перенес нас в какой-то иной мир, иную эпоху... Они пахнут кубанской стариной... Хор живет. Он не только исполнитель, но зачастую и участник передаваемых событий»³.

Переломный рубеж в истории Государственного Кубанского казачьего хора, обозначившийся в 1974 году, связан с именем В.Г. Захарченко – уроженца станицы Дядьковской Краснодарского края.

Превосходно подготовленный Новосибирской консерваторией и аспирантурой Института имени Гнесиных, ученик великих педагогов В.Н. Минина и Е.В. Гиппиуса, обладавший к тому времени десятилетним опытом работы с Сибирским народным хором, Захарченко поистине оказался в нужное время в нужном месте.

Новые художественные принципы, привнесенные им в коллектив, требовали коренного пересмотра привычных представлений о задачах, содержании и внешнем облике народного хора, преодоления психологических барьеров и в среде артистов, и в среде людей, ответственных за судьбы кубанской музыкальной культуры.

Бытует афоризм: «В книгах мы в состоянии понять лишь то, что нам уже известно». Многие руководители Кубанского хора листали книгу полуторавековой культуры кубанского казачества, на протяжении около сорока лет выхватывая из нее отдельные цитаты, старательно делая их «перевод» в соответствии с духом времени.

Так долгое время вольно или невольно искажался образ подлинного фольклора Кубани – часть выдавалась за целое, внешнее – за суть. Столь же произвольно в

сознании многомиллионной аудитории слушателей формировался усредненный, приблизительный образ казачества, главными признаками которого становились шашки да черкески, лихой посвист да зычный говор. Все, что находилось под внешней оболочкой этой «специфики», имело более или менее точные аналоги и в академических хорах страны, и в ансамблях песни и пляски, образцом которых является Краснознаменный коллектив им. А. Александрова, и в государственных русских народных хорах. Культура кубанского казачества, в том числе музыкальная, сужалась до поверхностного местного колорита, окрашивающего знакомые сценические штампы.

Интереснейшие страницы истории края открылись слушателям в программах хора начиная с 1974 года.

Всего за несколько месяцев новый художественный руководитель коллектива записал в станицах и на хуторах Кубани более тысячи народных песен. Откуда они вдруг взялись? Что за чудесный кладезь внезапно открылся в крае, где раньше приходилось слышать жалобы на репертуарный голод Кубанского казачьего хора?

Просто в основу песенных поисков были положены иное измерение, иные критерии, иная оценка. В.Г. Захарченко попал в цель, применив на практике новое мышление, сложившееся в среде фольклористов. Кроме того, счастливый сплав личных качеств: врожденная любовь к кубанской песне, психология казака-кубанца, интуиция исследователя, опыт научной работы и азарт, творческое горение артиста – помог ему увидеть и «вынуть» из народно-песенной стихии кубанских станиц такое количество песен, о котором не догадывался никто из предшественников.

И количество их счастливо сочеталось с качеством. В методике обработки фольклорных образцов для программ хора В.Г. Захарченко опирался на передовые идеи «фольклорной волны» 70-х годов, проповедовавшей «возврат к фольклорности», к аутентичной, не искаженной обработками манере исполнения народных песен, почти буквальное копирование искусства народных мастеров-песельников. Наиболее полное сценическое воплощение эти идеи нашли тогда в деятельности Ансамбля народной музыки Росконцерта под управлением Дмитрия Покровского.

Однако подобные коллективы ограничивали свой состав, как правило, малым количеством участников – пять, семь, двенадцать человек. В таких условиях естественно выглядел отказ от многого из того, что характеризовало сложившуюся структуру профессиональных народных хоров, – деления на хоровые партии, резкого размежевания вокальной, танцевальной и инструментальной групп и т. д. В малом составе значительно легче было отказаться от «нотности» при разучивании песен, узкой специализации артистов. Возможно ли подобное в больших концертных коллективах? И первый удачный опыт такого рода был поставлен на кубанской земле.

Присмотримся к нему внимательнее.

Сам В.Г. Захарченко писал об этом так:

«Меня, практика, глубоко волнует то обстоятельство, что за последние десять лет в творческом развитии народных хоров произошел какой-то общий спад, вызванный целым рядом объективных и субъективных причин. А в настоящее время, как мне кажется, народные хоры испытывают кризисное состояние, зашли в тупик... Народные хоры в своей массе... потеряли основу истинно народного исполнительства – заразительность, став аморфными и бесстрастными. Они в принципе могут петь и очень чисто, и очень ритмично, и слаженно, но не могут донести до зала идею песни, не могут заразить публику, повести ее за собой...

И профессиональные, и самодеятельные хоры из самых разных областей все больше и больше походят друг на друга и манерой пения, и костюмами, и количественным составом хоровой, танцевальной и оркестровой групп, и принципами обработки фольклорного материала, и формами построения программ, и сценическим поведением певцов и танцоров, а в самодеятельности вдобавок ко всему – еще и репертуаром.

В самобытное творчество многих народных хоров начали проникать и все прочнее утверждаться исполнительские штампы. Поведение любого певца, поющего русскую народную песню, стереотипно и легко укладывается в схему нескольких простейших заученных движений: так повернуть голову, так сложить руки... Артисты наши превратились в манекены: женщины все в одинаковых платьях, с одинаковыми розовыми личиками, деланными улыбками. Плывут по сцене этакие степенные павушки-лебедушки в блестках, плывет по сцене этакое сусальное целомудрие. Да разве такая она в жизни, русская женщина! Не узнать ее – до того засахарили! А мужчины... безликие, невыразительные, все как один в атласных рубахах, подпоясанных кушаками...

Чем же вызвана такая безликость, такая заштампованность на сцене? Думается, прежде всего оторванностью от подлинных образцов»¹.

В.Г. Захарченко говорил артистам:

«Вот смотрите, стоит дед, ничего особенного не делает, вроде просто топчется на месте. Но вы ощущаете характер! А во всех наших замысловатых трюках характеров нет!»².

Хранители ключей от великих кладовых народной мудрости стали главным объектом учебной практики артистов. Надо было не просто копировать манеру – суть заключалась в усвоении самого творческого метода. Фольклор убедителен прежде всего правдой чувств, и в центре внимания артистов оказывался не просто репертуар мастера, который надо перенять с возможно большей точностью, но его личность, выражающая мировосприятие целого народа. В сценическом решении песен хор стремился отныне к восполнению тех моментов, которые утрачиваются при переносе фольклора на новую почву – в концертный зал. Не «дополнить несказанное народом», а возможно глубже вскрыть заключенное в песне содержание – основной принцип обработки. Но для того, чтобы увидеть это содержание во всей полноте, необходимо знать тысячи и тысячи песен, судьбу каждой из них – от рождения ее в муках и радостях своего времени до наших дней, куда принесла она опыт жизни многих поколений.

Барометром правильности избранного хором пути явилось признание широчайшей слушательской аудитории. Зрители увидели, что каждый артист хора начал жить песней – искренне, глубоко, всей душой сливаясь с ее содержанием. Не буква подлинности поразила, но сам дух ее – результат раскрепощения личности артиста в рамках фольклорной традиции. Необычными для городских слушателей красками заиграли со сцены старинные песни «За Кубанью огонь гореть», «Полно вам, снежочки, на талой земле лежать», кубанский вариант песни на слова Н.А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская» (обработка В. Захарченко). Подлинным триумфом отмечено было исполнение песни «Трава моя, трава». Впервые в истории коллектива хор активизировался пластически, превратив песню в яркое представление. Хотя в первой программе еще не были представлены обряды кубанских станиц, но в сценическом воплощении песни «Трава моя, трава» уже использовались элементы бытовых сцен, характерные для станичных праздников. В

том же ключе были решены и обрядовая свадебная «Ходила Катюша по горе крутой», шуточная «На мельничке на новой».

Безоговорочной оказалась победа Кубанского хора на I Всероссийском смотре-конкурсе русских народных хоров в конце 1975 года. Смелое исполнительское решение песен в программе кубанцев потрясло и жюри, и слушателей. «Подлинный песенный фольклор Кубани предстал во всем своем музыкально-поэтическом и жанровом разнообразии, – писал журнал «Советская музыка». – Впервые мы услышали с профессиональной сцены свадебную песню, на фоне которой звучал плач-причет невесты-сироты. Здесь не просто пели, а проживали каждую песню, как это делается в народном быту. Причем сценическое действие, сопровождавшееся шуточными и плясовыми номерами, было основано на существующих и ныне народных играх; она (программа. – *Авт.*) покорила глубоким уважением ее создателей к народному творчеству своего края, смелым утверждением правомерности сценической жизни его лучших образцов в их подлинном виде»¹.

Нелегко совмещать непрерывную концертную деятельность с лабораторной работой – фольклорными экспедициями, изучением новых песен, совершенствованием мастерства. Но эта работа, не видимая из зрительного зала, составляет главную работу коллектива. В результате кропотливого и многодневного труда родился тот свободный, лихой и чарующий облик хора, с которым ассоциируются теперь его выступления. Удивительно, но даже такие «запетые» на Кубани, Дону и Украине песни, как «Ой мий мылый варэнычків хоче...», «Ты ж мэнэ пидманула», «Роспрягайтэ, хлопци, конэй», звучат постоянно в концертных программах кубанских «казаков» свежо, молодо, зажигают темпераментом, искренностью, задором. Пожалуй, не было еще за последние года ни одного концерта хора у нас в стране, когда бы зрители не требовали исполнить «Роспрягайтэ, хлопци, конэй». В одном из многочисленных отзывов на исполнение этой песни читаем: «Динамическая устремленность ее размашистого ритма, эмоциональная открытость напева перекликаются с подобными же чертами во всем мире знаменитой “Калинки”... И, думается, можно поздравить Кубанский хор с открытием своей неповторимой “Калинки”»².

Но не только народные песни создали славу Кубанскому казачьему хору. Пляски – подлинное украшение его концертных программ.

Композиция лирического танца в сопровождении хора «Подушечка» решена в форме плясового хоровода. Естественно, непринужденно вплетаются в авторский хореографический текст (постановщик В. Модзолевский) мотивы казачьего быта.

Цельно, на одном дыхании, воспринимается танец «Из-за гор-горы едут мазуры». Каждый новый «куплет» его приносит нечто свое, обыгрывая основной мотив в бесчисленном множестве вариантов.

Поэтическим настроением в исполнении артистов хора наполняется танец «Пара за парой» (постановщик Л. Милованов). Записан он в станице Ясенской и представляет собой ряд непрерывно сменяющихся танцев: вальс, полька, плясовая, хороводная. Удачей сценического решения танца стала фигура распорядителя, который руководит действием, перестраивает ход танца, активно участвует в нем. Много лет в этой роли выступал заслуженный артист РСФСР В. Захаров, создавший незабываемый характер – задиристый, боевой – типичного вожака ватаги станичных хлопцев.

В золотом фонде танцев Кубанского казачьего хора хранятся такие подлинные жемчужины, как «Казачий пляс», «Наурская», «Русский каравай», «Из-за гор-горы

едут мазуры»...

С каждым годом расширяется география зарубежных гастролей коллектива, его активное участие в культурной жизни всей страны.

Памятны, например, концерты, проведенные в рамках культурной программы Московской Олимпиады в 1980 году, выступления на традиционном фестивале искусств «Белые ночи» в Ленинграде, поездки на международные фольклорные фестивали в Монтгийон и Канны (Франция), в Аранджеловац (Югославия).

И советская, и зарубежная пресса единодушно в оценке коллектива.

«Концерты хора – праздник народного искусства. Он начинается с первых минут, и после дружных, восторженных аплодисментов становится ясно, что и артистов, и зрителей объединяет искренняя любовь к своеобразному искусству Кубани»¹.

«Концертная программа начинается грустной, протяжной песней, пронизанной тоской по родному дому... затем ритм программы постепенно ускоряется, грусть сменяется весельем... и под восторженные аплодисменты начинаются виртуозные пляски. Буря аплодисментов прокатывается по залу... Это какое-то необычное, феерическое зрелище»².

«Сочетание высокого мастерства, простоты и тепла заставило всех присутствующих в зале влюбиться в ансамбль»³.

Когда хор возвращается домой, он не только выступает с концертами, но и обновляет программу, готовит новые номера, встречается с фольклорными коллективами края, работает с композиторами и поэтами Кубани.

В 1983 году хор побывал на гастролях в Югославии и Португалии.

Наиболее ярким событием 1984 года стала для коллектива абсолютная победа на II Всероссийском смотре профессиональных русских народных хоров.

В 1985 году – поездки в Чехословакию, Японию, ФРГ, участие в культурной программе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В 1986, 1987, 1988-м по-прежнему поездки, концерты, встречи... Стремительнее становится бег времени. Новые города, страны втягиваются в гастрольную орбиту, новые награды достойно увенчивают напряженный, неустанный творческий труд коллектива.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советского искусства и в связи с 50-летием¹ со дня первого выступления Государственный Кубанский казачий хор в 1987 году награждается орденом Дружбы народов, а его руководитель народный артист РСФСР В. Захарченко – орденом Трудового Красного Знамени.

От редакции

К сожалению, очерк братьев Борисовых и Вл. Бурылева доведен лишь до 1987 года, и за его пределами остаются последующие двадцать лет работы В.Г. Захарченко с хором.

Однако и в те первые годы деятельности В.Г. Захарченко на посту художественного руководителя, о которых пишут кубанские историки, многим было ясно, какого масштаба личность встала во главе коллектива. В 1990-е годы Кубанский казачий хор становится феноменом мировой культуры. Коллектив под руководством Захарченко покорил десятки стран на пяти континентах. Его искусство поистине потрясло мир. Залогом тому стали смелое креативное мышление Виктора Захарченко, его огромный кругозор, тонкий вкус, вдохновенный артистизм, выдающееся дирижерское мастерство, постоянное движение вперед. В 1990–2000-е годы расцветает композиторское творчество Захарченко, значение которого трудно переоценить.

Без сомнения, личность и творчество В.Г. Захарченко заслуживают отдельной книги, и она обязательно будет написана.

Сноски

- ¹ Из книги указанных авторов «Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее». Краснодар: Кн. изд-во, 1989.
- ² Концерты Краснодарской краевой филармонии // Сов. Кубань. 1945. 12 янв.
- ¹ Отчет о работе ансамбля песни и пляски кубанских казаков за 1947–1948 гг. ГАКК. Ф. 1460. Оп. 1. Д. 5.
- ¹ Данилов А. О концерте Ансамбля кубанских казаков // Красное знамя. 1956. 13 марта.
 - ² Лысокопъ П. Ансамбль песни и пляски кубанских казаков // Сов. Кубань. 1945. 22 сент.
- ³ Кардиани Б. Два ансамбля // Красное знамя. 1952. 21 мая.
- ¹ Запись беседы с П.Ф. Мотузом в феврале 1988 г., хранящаяся в архиве авторов.
- ¹ У нас в гостях – «Кубань» // Сов. Черноморье. 1963. 1 авг.
- ¹ Ансамбль танца Краснодарской краевой филармонии. ГАКК. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 42.
- ² Запись беседы с С.А. Чернобаем в мае 1985 г., хранящаяся в архиве авторов.
- ¹ Запись беседы с С.А. Чернобаем в мае 1985 г., хранящаяся в архиве авторов.
 - ² Там же.
 - ³ Барметова И. Казачьи песни // Известия: Моск. веч. вып. 1970. 10 окт.
- ⁴ Кац С. Впервые в Москве // Огонек. 1970. № 42.
- ¹ Шабунин М. Выступает Кубанский народный // Огни Кавказа (Белореченск). 1969. 22 ноября.
- ¹ Протоколы заседаний художественного совета Краснодарской краевой филармонии за 1974 г. ГАКК. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 264.
- ¹ Запись беседы с А. Рашевским в апреле 1984 г., хранящаяся в архиве авторов.
- ² Отчет о работе Краснодарской краевой филармонии за 1973–1976 гг. // ГАКК. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 253.
- ¹ Протоколы заседаний художественного совета Краснодарской краевой филармонии за 1973 г. // ГАКК. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 249.
 - ² Данилов А. Наш гость – Кубанский хор // Черноморская здравница. 1974. 19 дек.
- ³ Данилов А. В добрый путь! // Там же. 1975. 1 окт.
- ¹ Захарченко В. Давайте учиться искать! // Культурно-просветительная работа. 1980. № 8. С. 16–18.
- ² Забавских Э. Смотр русских народных хоров // Сов. музыка. 1976. № 6. С. 67.
- ¹ Забавских Э. Смотр русских народных хоров // Сов. музыка. 1976. № 6, С. 66.
- ² Комиссинский В. Многоцветье кубанской песни // Комсомолец Кубани. 1975. 24 окт.
- ¹ Антонова Т. Песни и пляски Кубани // Забайкальский рабочий. 1980. 27 дек.
 - ² Сборник статей из французских газет о гастролях Государственного Кубанского казачьего хора (на фр. яз.). Париж, 1981. Пер. В. Лазаревой.
- ³ Вечерний Любляны. Югославия. 1982. 25 мая.
- ¹ Здесь учтен только советский период деятельности хора. В 1990-е годы В.Г. Захарченко добьется законодательного признания исторической преемственности Кубанского казачьего хора по отношению к войсковому Певческому хору Кубанского казачьего войска.

Виктор ЖАДАН

Войсковой певческий хор и его роль в становлении церковного пения в Черномории и Кубанской области (XIX – начало XX в.).

Пение – сердцевина русского православного богослужения. Все распевы, звучащие в русской церкви, святы так же, как и богослужебные тексты. Они «Богодухновенны, надмирны»¹, предназначены помочь человеку войти в молитву всей душой, всем своим существом. Священнослужители подчеркивают, что церковное пение – это «мелодически расширенное и окрашенное чтение текста Богослужебного Устава»². В русской православной церкви при богослужении используется исполнение только

вокальное, без сопровождения музыкальных инструментов, как это принято в западных католической и протестантской церквях. Отцы церкви объясняли такую особенность самой природой голоса человека, способного тембром и интонациями выражать тончайшие движения человеческих чувств. В соединении с текстом вокальное исполнение церковных песнопений способно производить на слушателя «глубокое и неотразимое впечатление»³. Святой Иоанн Златоуст, объясняя значение церковного пения, писал: «Ничто не возбуждает, не окрыляет так духа, ничто так не отрешает его от земли и уз телесных, ничто так не наполняет любовью к мудрости и равнодушием к житейским делам, как пение стройное, как песнь освященная, сложенная по правилу ритма»⁴.

Пение, веками звучащее в храмах России, составляет величие, силу и честь русского православия. Самобытность и неповторимость русской церковной музыкальной культуры отмечали многие европейцы, посещавшие Россию. Например, граф Штернберг писал: «Это пение проникает до глубины души: невольно чувствуешь благоговение и побуждение к прославлению Высочайшего существа»¹. Другой путешественник – француз де Кюстин – подчеркивал: «Русский народ музыкален: в этом нельзя сомневаться, услышав его церковное пение»².

Церковные распевы, сопровождающие православное богослужение, всегда имели особый характер, ибо настраивали верующего человека к молитве чистой, «непарительной», когда мысль не уходит к душевным переживаниям, а отстраняется от них и замирает в смиренном молчании.

На Руси издревле говорили: «Церковь Божия без пения стоит», то есть она пустует, не действует.

2 августа 1810 г. отец Кирилл Россинский подает в канцелярию войска записку с предложением «для благолепнейшего богослужения при здешней соборной Церкви нужно иметь певческий хор»³. А так как церковные доходы не позволяли содержать такой хор на средства храма, то священник предлагал содержать его на войсковые деньги. 19 августа канцелярия соглашается с предложением настоятеля войскового собора и совместно с ним определяет состав хора и ежегодные расходы на его содержание. Регенту жалованье определяется в 300 рублей, двум певчим басам и двум тенорам по 100 рублей, а двум альтам и двум дискантам по 50 рублей в год. Кроме того, 100 рублей определялось для ежегодной выписки «нужнейших» нот, да еще 500 рублей для «нарядного обмундирования» певчих на 5 лет⁴.

Пока смета расходов представлялась в Одессу ближайшему начальнику Черноморского войска Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье на утверждение, отец Кирилл Россинский начал деятельно воплощать намеченное в жизнь. Приглашенный им на должность регента хора дворянин Константин Гречинский отбирал красивые голоса среди казаков и начал репетиции будущего войскового певческого хора. Первого октября 1810 г., в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, особенно почитаемой казаками, новый хор, очевидно, впервые предстал перед прихожанами войскового собора. Именно с этого дня войсковая канцелярия назначила певчим и регенту жалованье после получения из Одессы ответа с утверждением 18 января 1811 г. «мнения» отца Кирилла Россинского и сметы расходов на содержание Войскового певческого хора⁵. Да и все последующие годы существования хор певчих отмечал свой праздник именно 1 октября.

Становление хора на прочную профессиональную основу связано с именем первого регента – Константина Гречинского. Он ездил по курениям Черномории для

отбора певчих, ежегодно выписывал из Петербурга, Киева, Харькова необходимые партитуры церковного обихода (литургии, обедни, концерты, молитвы...) для постоянного расширения репертуара хора, ибо считал, что «не выучивая новых нот» певческий хор «весьма ослабевают». Только в 1813 г. нот было выписано на 210 рублей. Но главное – он кропотливо занимался с певчими, обучая их навыкам церковного пения и знанию порядка церковной службы, музыкальной грамоте, умению читать ноты. Среди его учеников были казаки Курганов и Пентюхов, возглавившие впоследствии Войсковой хор. Одной из проблем, вставших перед регентом К. Гречинским, была малочисленность штатных певчих. Восемь человек, по два в каждой партии, могли исполнять лишь простые четырехголосные сочинения, а более благозвучные восьмиголосные петь уже не могли. При болезни одного-двух певчих звучание хора теряло свое «благолепие». Поэтому в августе 1811 г. регент просит увеличить число штатных певчих еще на восемь человек. Но из-за нехватки средств ему отказали. Количество певчих в хоре было увеличено, но гораздо позже, уже после отъезда из Екатеринодара К. Гречинского, добросовестно служившего регентом по 26 июля 1815 г. К 1830 г. количество певчих составляло 20 человек, что позволило создать полнозвучный хор, способный исполнять сложные многоголосные концерты партесного пения А.Л. Веделя, С.А. Дехтерева, Д.С. Бортнянского... С годами хор войскового собора становится гордостью Черноморского войска. Многие чиновники и путешественники, посещавшие Екатеринодар тех лет, отмечали среди достопримечательностей города огромные размеры войскового собора, богатство его иконостаса и прекрасное пение церковного хора¹.

Осознавая необходимость существования хора как неперенной части богослужений в соборной церкви, войсковые власти не жалели средств на его содержание. Ведь хор оказывал еще и благоприятное воздействие на нравственное и эстетическое развитие черноморских казаков, на развитие культуры в отдаленном крае России.

Посетивший с инспекцией Черноморское войско в ноябре 1830 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом граф И.Ф. Паскевич-Эриванский указал на слишком большие расходы на содержание Войсковых хоров и притом без их «начальственного утверждения» в Тифлисе. (В 1811 г. в войске был создан и духовой оркестр со струнной группой.) Это ставило под вопрос само существование Войсковых хоров. В ответном рапорте 13 апреля 1831 г. наказной атаман Н.С. Заводовский доказывал необходимость и полезность существования в Черноморском войске музыкальных коллективов, считал, что они в будущем, «доставляя пользу в изящном», будут оказывать влияние на саму народную нравственность¹. Мало того, он просил увеличить число штатных певчих до 32 человек – по восемь в каждой партии. Здесь же приводятся все расходы войска на содержание певческого хора с 1 октября 1810 г. – всего 41 502 рубля 87 копеек.

Чтобы уже затраченные значительные средства не пропали «невозвратно», атаман просит сохранить Войсковые хоры и прислать для них «полное в руководство наставление»². То ли обстоятельство рапорта Н.С. Заводовского, то ли перевод летом 1831 г. И.Ф. Паскевича по службе с Кавказа в Польшу помогли, но устоявшаяся деятельность Войсковых хоров сохранилась без изменений.

В долгой истории церковного хора были и годы подъема, когда слава о нем расходилась далеко за пределы Черноморского (Кубанского) войска, и периоды упадка, сменявшегося новым подъемом. Такая пульсация свидетельствовала о непростой жизни коллектива, о важной роли регента как творческого руководителя

хора. За эти годы им руководили 19 музыкантов: казаки и офицеры, священники и профессор пения, купец и регенты со специальным образованием. Наибольший вклад в художественное развитие Войскового певческого хора внесли регенты: Г.Г. Пентюхов, отец Иоанн Эрастов, М.И. Лебедев, Ф.М. Дунин, М. Городецкий, Г.М. Концевич, Я.М. Тараненко, А.Т. Сорокин. Каждый оставил свой след в творческой судьбе хора, зависящий не только от музыкальных способностей и профессиональных навыков, умения подбирать голоса и создавать из них благозвучный хор, но и от способности постигать суть церковного пения, существенно отличающегося от светской вокальной музыки.

Под церковным пением в Русской православной церкви понимается пение, которое исполняется только при богослужении и предназначено только для церкви. Хотя богослужебное пение можно отнести к музыкально-вокальному искусству, тем не менее оно имеет свои собственные эстетические законы, образуя в рамках вокальной музыки, по мнению И.А. Гарднера, «автономную область»³ со своими элементами, формами и видами, медленно изменяющимися с течением времени. Церковное пение определяют, формируют слова богослужебных текстов (молитва, славословие, проповедь, поучение...), они придают музыкальным звукам точно определенные интонации, точно выраженные идеи. Это создает эмоциональную окраску логическому содержанию текста службы, соответствуя в своем эмоциональном характере «национальным особенностям восприятия идей»⁴, ритму данного языка. Музыкальная мелодия помогает глубже запечатлеть в памяти и сознании молящегося текст богослужения. Поэтому церковное пение имеет огромное значение для религиозного просвещения народа и укрепления православного миропонимания.

Музыкальное оформление богослужения подробно регулируется типиконом – Богослужебным Уставом. Он определяет место и форму исполнения текстов службы, их значение (повествование, славословие, размышление...), эмоциональный характер пения: «косно», «тихим гласом», «со сладкопением».

«Академия пения на Кубани и рассадник регентов для станиц родного казачества» – так определил суть Войскового певческого хора его последний регент Я.М. Тараненко. Действительно, в хор принимали со всех концов войска казаков с красивыми голосами, которых на Кубани всегда было много. Здесь их настойчиво обучали искусству пения и музыкальной грамоте, игре на инструментах и обиходу церковной службы, а неграмотных – еще читать и писать. Годы пребывания в хоре засчитывались как срочная служба.

По окончании певческой службы большинство казаков, уволенных на льготу, возвращались в родные станицы, где становились регентами местных церковных хоров. Зачастую бесплатно. Более грамотные певчие приглашались в станичные школы учителями пения, так как школьники пели в основном церковную музыку и патриотические песни. Власти требовали от уроков пения, чтобы они не только удовлетворяли требованиям эстетического развития, но и служили «главной цели – обучать и воспитывать подрастающее поколение в истинно религиозном и национальном русском духе»¹. Долгие годы Войсковой певческий хор оставался единственным местом, где готовили сведущих регентов станичных церковных хоров.

С начала XX в. Войсковой певческий хор выполнял еще обязанности и архиерейского хора. Помимо постоянного пения в войсковом соборе хор пел и в дни, когда совершались архиерейские службы. Приходилось хору петь и вне храма, по приглашению частных лиц. Эта практика сложилась еще в середине XIX в.

Состоятельные граждане приглашали хор за определенную плату для исполнения как духовных песнопений, так и светской музыки, казачьих песен. Причем не только в Екатеринодаре, но и по станицам. Например, в 1910 г. хор имел 76 частных приглашений, из них только три для исполнения светской музыки, а остальные для церковных песнопений. Певчие пели при 30 погребениях, 20 венчаниях, на 11 панихидах, 7 литургиях, пели четыре молебна и одно всенощное бдение. Заработок хора за год составил 1448 рублей 65 копеек. Средства эти шли на удовлетворение нужд самих певчих и регента хора. Известен факт, когда хор по приглашению атамана станицы Приморско-Ахтарской выехал на освящение нового храма и опоздал вернуться вовремя, тем самым чуть было не сорвав службу в войсковом соборе.

На рубеже XIX–XX вв. певческий хор выступал и с духовными концертами, программа которых состояла из произведений современных русских композиторов на церковные тексты, но не допущенные Святейшим Синодом к исполнению во время богослужений в храме. Эта музыка духовных сочинений шла на смену царившей тогда еще в храмах музыке итальянского ариозного стиля. Войсковой хор впервые познакомил кубанцев с церковными сочинениями П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова, Н.Н. Черепнина и В.С. Калининникова, А.Д. Кастальского и А.Т. Гречанинова, А.А. Архангельского, П.Г. Чеснокова...

Свидетельством важности для Кубани многолетней музыкально-профессиональной деятельности Войсковых хоров стало празднование в 1911 г. их столетнего юбилея. Из разных станиц Кубани были приглашены в Екатеринодар 336 бывших войсковых музыкантов и певчих. Это они помогали казакам пением и музыкой «в минуты скорби и горя рассеивать мрачные думы, а в минуты радости полнее выражать восторг и ликование»¹. Ведь Войсковые хоры были непременными участниками всех Войсковых праздников и знаменательных событий. Наказной атаман М.П. Бабыч в юбилейном приказе по Кубанскому войску (№ 277 от 26 сентября 1911 г.), отмечая значимость певческой службы казаков, подчеркивал, что многие десятилетия, приходя в войсковой собор и слушая чудесные напевы своего «дивного» церковного хора, казак «отрешался от житейских тревог, как бы внутренне очищался и набирался душевных сил снова целые месяцы бороться на боевых линиях». А когда богослужебное пение распространилось в самых отдаленных станицах и селах казачьего края, «вполне обученные певчие» Войскового хора, возвращаясь в родные станицы, не оставляли своего любимого дела – церковного пения. Собирая вокруг себя любителей пения и музыки, они прививали жителям «облагораживающие вкусы».

Таким образом, на протяжении XIX – начала XX столетия войсковой певческий хор был центром становления и развития на Кубани образцового пения, составлявшего большой пласт всего музыкального искусства России.

Сноска

¹ Трисвятое. М., 1997. С. 3.

² Протоиерей Борис Николаев. Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения. М., 1996. С. 15.

³ Протоиерей Василий Металлов. Очерки истории православного церковного пения в России. М., 1915. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

¹ Русский хор в 1792–1793 годах. Заметки графа Штернберга // Русский архив. 1880. Т. 3. С. 262.

² Записки французского путешественника де Кюстина // Русская старина. 1891. Янв. С. 170.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Ед. хр. 189. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 10 об.

¹ Например: *И. Дебу*. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб, 1829. С. 423; *М. Соболев*. Письма о войне с закубанцами // Московский телеграф. 1831. № 3. С. 405.

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 8 об.

² Там же. Л. 7, 8 об.

³ *Гарднер И.А.* Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Сергиев Посад. 1998. Т. 1. С. 116.

⁴ Там же. С. 60.

¹ Кубанские областные ведомости. 1902. 30 марта.

¹ КОВ. 1911. 9 окт.

Александр СЛЕПОВ

Войсковой музыкантский хор ¹

азаки — люди военного склада, и понятно, что в их служебном быту значительную роль играла военно-прикладная музыка. Она сопровождала их на учениях, смотрах, парадах, воодушевляла в походах, боевой обстановке, воспитывала в них мужество, стойкость, отвагу, любовь к отчизне и ненависть к врагу. Недаром Суворов говорил, что «музыка удваивает, утраивает армию». Передовые военачальники видели в строевой музыке (марши, песни, военные сигналы) важный элемент организующего, эмоционального воздействия на солдат. По мере возможностей они создавали музыкантские команды, духовые оркестры не только в армейских, но и в казачьих полках. Так было у казаков Дона, Терека, Урала. Так стало и на Кубани.

Примерно через год после основания Екатеринодарской крепости в ней проживало 500 жителей: военных, гражданских, мужчин, женщин, детей. Среди них были два музыканта. Мы знаем их имена. Это куреня Калниболоцкого казак Михайло Лата и куреня Конеливского казак Петро Пресний. Известно, что каждый из них имел собственную хату-землянку. Только не знаем занимаемой ими должности, не располагаем биографическими, профессиональными данными о них. Но можно предполагать, что оба они несли гарнизонную караульно-сигнальную службу и находились при штабе войска, поскольку Екатеринодарскую крепость первоначально населяли лица, имеющие непосредственное отношение к войсковому правлению. Вполне возможно также, что эти музыканты входили в состав конвойной сотни наказного атамана, сопровождали его в разъездах по кордонной линии, а также в походах во время войны. По всей вероятности, один из них был горнистом, а второй — конным литавристом или довыбшем, как называли его запорожцы. При необходимости они играли строевые, боевые сигналы, оповещали казаков о движении распорядка дня и т. д. Музыканта подобной специальности (трубачи, барабанщики) по штату должны были иметь конные полки. Но их крайне не хватало. Войску нужен был духовой оркестр с учебной музыкантской командой при нем. Учитывая все это, наказной атаман обратился за помощью в Министерство военных дел. Ходатайство было успешным. 22 декабря 1811 г. вышел указ Александра Первого «о заведении в Черноморском казачьем войске духовой музыки из 24 музыкантов». Несколько позднее оркестр был сформирован в Екатеринодаре и назван Войсковым музыкантским хором в отличие от Войсового певческого хора, возникшего на несколько месяцев раньше.

<...>

Летом 1896 г. оркестр никуда не выезжал. Он усердно готовил программу к 200-летию Кубанского казачьего войска. На юбилей съехались приглашенные казаки со

всех станиц, воинских частей Кубани. После зачитания Высочайшей грамоты Александра Третьего они присутствовали при открытии памятника Екатерине Второй. Для них и многочисленных гостей состоялось угощение в Атаманской Ставке с застольными тостами, поздравлениями. Были также спортивные игры, скачки, джигитовка лучших наездников войска. Художественную часть праздника заполнило искусство песенников, музыкантов, танцоров казачьих частей. Выступал также войсковой оркестр под управлением капельмейстера А. Бауэра, открывший программу «Маршем Хоперского полка». После него прозвучали увертюра из оперы «Жизнь за царя», попури на темы из оперы «Руслан и Людмила» Глинки, фантазия на темы из оперы «Пиковая дама» Чайковского, увертюра из оперы «Вильгельм Телль» Россини и др.

И еще об одном юбилее в девяностые годы. Имеется в виду участие оркестра в общегородском концерте, посвященном 100-летию со дня рождения Пушкина. Музыканты впервые исполнили блестящую концертно-виртуозную увертюру из оперы «Руслан и Людмила» Глинки. Скрипачи показали себя в ней на должном техническом уровне и сохранили ее динамизм, характер музыки до конца произведения. Это была большая победа для группы смычковых инструментов оркестра. Затем последовали номера полегче: вальс из оперы «Евгений Онегин» Чайковского, «Пушкинский марш» И. Дуды (капельмейстера оркестра) и др.

А время двигалось вперед, принося с собой новые перемены. Все увереннее и ярче заявляла о себе струнная группа оркестра. Она-то и навела на мысль о возможности появления в музыкантском хоре симфонического оркестра. Дело было заманчивым, серьезным, и для его налаживания штаб войска приглашает в Екатеринодар Е.Д. Эспозито, итальянца по национальности, бывшего дирижера Московской частной русской оперы С.И. Мамонтова. Опытный капельмейстер довольно быстро привел оркестр в надлежащий вид, подготовил ряд концертных программ и весной 1901 г. открыл в городе серию общедоступных симфонических вечеров. Поначалу исполнялись более доступные произведения, вроде увертюры из оперы «Цампа» Герольда, антрактов из оперы «Кармен» Бизе, интермеццо из оперы «Сельская честь» Масканьи, «Вакханалии» из оперы «Самсон и Далила» Сен-Санса, вальсов Вальдтейфеля и т. д. Затем появились более сложные по восприятию сочинения: увертюра «1812 год», «Итальянское каприччио», сюита из балета «Щелкунчик» Чайковского, «В Средней Азии» Бородина, сюита «Пер Гюнт» Грига и др.

Публика по-разному реагировала на новшества войскового оркестра. Отношение екатеринодарцев к нему в какой-то мере раскрывают газетные публикации той поры. В одной из них автор полагает, что «роль этих концертов не может и не должна ограничиваться удовлетворением одной только потребности публики в благородном развлечении. На наш взгляд, они могут сыграть гораздо более крупную роль, а именно – развить среди широких кругов непосвященной публики понимание серьезной музыки, вкус к ней, что особенно важно ввиду поголовного «невежества» общества в тайнах музыкального искусства. В то время как специалист, как говорится, млеет от восторга, слушая великолепнейшее исполнение музыкантом какого-либо великого музыкального произведения, профан, ничего не понимая, зевает и, с нетерпением дожидаясь конца пьесы, искренно недоумевает, что же, собственно, хорошего заключает она в себе. В других видах искусства положение профана не так беспомощно, как здесь. В поэзии, живописи, скульптуре, драматическом искусстве, архитектуре и профан может кое-как разобраться, но в серьезной музыке даже

интеллигентный человек, не получив соответствующей подготовки, чувствует себя как в лесу. А между тем непонимание красот музыки составляет большой и очень серьезный пробел в духовном развитии человека и потому попытка заполнить этот пробел заслуживает всяческого одобрения и поддержки со стороны общества...»¹.

Однако не все слушатели питали уважение к симфонической музыке. В одном из концертов в Ессентуках между дирижером и частью публики произошло неприятное столкновение. Исполнялись в основном произведения классической музыки, что не понравилось некоторым зрителям. Во время антракта они подошли к Эспозито и потребовали от него, чтобы оркестр играл для них легкие, развлекательные попури из модных опереток, веселую «шарманочную» музыку. Дирижер, конечно, отказался. Раздались крики: «Мы не за тем сюда пришли, чтобы слушать серьезную музыку!», «Вы нам должны давать то, что нам нравится!», и тому подобное. Так что и у симфонической музыки случались «бои» с ее противниками².

Но ничто уже не могло остановить жизнедеятельность нового оркестра. Ясно, что при своем зарождении он, безусловно, использовал организационный опыт работы симфонических оркестров других казачьих войск России, и в частности оркестра Донского казачьего войска, ближайшего к нам соседа. Как и они, оркестр Кубани встретил на своем пути трудности, обусловленные особенностями оркестровой службы воинских частей.

Если в духовом оркестре военные музыканты (действительной и сверхсрочной службы) полностью обеспечивали состав своего коллектива, то в симфонический оркестр войска, как правило, приглашались вольнонаемные исполнители, для игры, например, в группе смычковых инструментов. Это обстоятельство доставляло капельмейстеру немало хлопот в работе с духовиками, не обученными играть в ансамбле с музыкантами струнной группы.

После Эспозито формирование симфонического оркестра Кубанского казачьего войска успешно продолжил молодой дирижер А.И. Орлов. Как и его предшественник, он придавал особое значение совершенствованию смычковой группы коллектива, составляющей основу классического симфонического оркестра. Чтобы усилить оркестр опытными солистами-концертмейстерами, были приглашены из Ростова скрипач А. Мец и виолончелист П. Федоров – выпускники Петербургской консерватории по классам Л.С. Ауэра и А.В. Вержбиловича.

Надо сказать, что отношение екатеринодарских меломанов к Орлову было сначала более чем настороженным. Недоброжелательность к нему они не проявляли, но и не верили тому, что он сможет достичь успехов Эспозито.

Однако будущее показало, что в Екатеринодар прибыл музыкант самобытный, хорошо знающий и умело исполняющий родную ему русскую музыку. Орлов впервые познакомил город с такими выдающимися произведениями русской классики, как музыкальная картина «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, увертюра из оперы «Князь Игорь» Бородина, «Три чуда» из оперы «Сказка о царе Салтане», увертюра «Светлый праздник» Римского-Корсакова, Шестая симфония, увертюры «Ромео и Джульетта», «Гамлет», Первый фортепианный концерт с оркестром Чайковского (солист Э. Гартмут) и др.

Редакция «Русской музыкальной газеты» («РМГ») охотно печатала корреспонденции из Екатеринодара о концертах симфонического оркестра под управлением А.И. Орлова. Она видела в этом коллективе и его дирижере энтузиастов пропаганды отечественного искусства: «Программа III симфонического концерта, –

сообщает «РМГ», – как и всегда у г. Орлова, отличалась новизной и особым интересом: 1-я симфония В. Калинникова, увертюра «Король Лир» Балакирева, «Музыкальные картинки» Ипполитова-Иванова. Великое спасибо г. Орлову, благодаря его стараниям и энергии мы познакомились с теми вещами, о которых только читали. С большим увлечением была проведена симфония; в техническом отношении, за исключением некоторых деталей, она была исполнена тонко. Мы не ожидали, чтобы такая содержательная и художественная вещь была сразу понята и так сердечно принята нашей публикой. Восторгам не было конца. Все благодарили дирижера за симфонию и просили повторить ее в этом же сезоне. С удовольствием отмечаем отрядный факт, что г. Орлову удалось таки поднять вкусы нашей публики, настойчиво пропагандируя хорошую музыку. Недавно публика выразила неудовольствие по поводу поставленной листовской рапсодии № 2, «давай-де нам более содержательные вещи», а было время, когда капельмейстер Эспозито угощал нашу публику почти одними увертюрами и всякой «итальянщиной», называя свои концерты «симфоническими», и публика приходила в неописуемый восторг, но *tempora mutantur...* и слава Богу. Екатеринодар, кажется, начинает понимать и ценить значение г. Орлова, выразить благодарность которому и было целью нашей заметки»¹.

Некоторое время музыкантским хором войска, как и его симфоническим оркестром, управлял М.Ф. Сириньяно², бывший капельмейстер итальянской оперной труппы, выступавшей с гастроями в Новороссийске летом 1904 г. Он был приглашен на место А.И. Орлова, уехавшего совершенствовать свое исполнительское мастерство у знаменитого дирижера А. Никиша. Не имея достаточного опыта работы с симфоническим оркестром, Сириньяно не только не сохранил достижения своего предшественника, но и утратил их, что, естественно, вызвало неудовольствие публики и критики. Последняя высказывалась в адрес дирижера откровенно и довольно резко. Свидетельством тому являются отзывы на концерты оркестра из местной газеты «Заря», опубликованные 13 мая и 24 июня 1906 г. «По странному недоразумению, наверно, – пишет их автор Энес, – оркестр и по сие время продолжает именовать себя «симфоническим». Так, по крайней мере, печаталось аршинными буквами зимой на афишах. Почему он симфонический – Аллах его ведает? Впрочем, может быть, это недоразумение объясняется большим, сравнительно, численным количеством? Не качеством – так количеством... Оркестр, думаем, позабыл уже блаженной памяти время, когда он весьма прилично исполнял симфонии. Те времена прошли – теперь на дешевых выезжаем. Доказательством сказанного может послужить истекшая неделя игры оркестра в саду. Программа самая убогая, вся почти в духе избитого «*Zion du bal*» и проч. Так программы составлять нельзя, г. Сириньяно... Чтобы исполнять прилично наших классиков, нужно больше заниматься, а программа в большей своей части идет, очевидно, даже без репетиций! Результаты налицо». Далее автор не без горечи добавляет, что «оркестр исполняет те вещи, которые играют в цирке г. Безкорвайного». И еще: «Последние 10–15 дней были самыми неудачными в печальной эпопее выступления летом казачьего оркестра перед екатеринодарской публикой. Программа самым тщательным образом составлялась из самых шумных и бессодержательных вещей. Оркестр же как-то особенно старался фальшивить. Впрочем, не было вообще таких вещей, которые г. Сириньяно исполнял чисто. Сириньяно просил, чтобы ему указывали и на его недостатки. Это, конечно, похвально, но среди этих недостатков есть такие, которые не может не замечать человек, когда-либо бывавший в консерватории».

Так что капельмейстерская деятельность М.Ф. Сириньяно (свободного художника

Неаполитанской консерватории) в целом была признана неудовлетворительной. Его преемнику, К.А. Воуту, пришлось затратить много труда, чтобы привести симфонический оркестр войска в нормальное состояние, расширить его репертуар новыми произведениями. Среди них были: «Испанское каприччио» Римского-Корсакова, интермеццо из оперы «Дубровский» Направника, «Лезгинка» из оперы «Кавказский пленник» Кюи, «Музыкальная табакерка» Лядова, сюиты «Кавказские эскизы», «Иверия» Ипполитова-Иванова, Пятая, Седьмая симфонии, увертюра «Эгмонт» Бетховена, «Шотландская симфония» Мендельсона, увертюра «Робеспьер» Литольфа, «Прелюды» Листа, «Пляска смерти», «Алжирская сюита» Сен-Санса, фортепианный концерт Шумана (солистка М.Е. Карташевская) и др. Их исполнение вселяло уверенность в том, что оркестр развивается по верному пути. Почитатели дарования нового капельмейстера советовали ему приглашать в оркестр как можно больше толковых вольнонаемных музыкантов, как это делали и Эспозито, и Орлов. Оркестр от этого только выиграет, ибо местные казаки хорошие духовики, а по части скрипок, виолончелей подготовка у них слабее.

Пресса, местная и центральная, с уважением писала о «солидном капельмейстере», который настойчиво ищет пути совершенствования возглавляемого им коллектива. Прежде всего, хотелось видеть симфонический оркестр полностью самостоятельным в организационном отношении, чего на самом деле не было. Его духовая группа продолжала играть в войсковом духовом оркестре, которым также руководил Воут. Ясно, что совмещение подобного рода не могло быть полезным симфоническому оркестру, ни его духовой группе, ни его дирижеру. Это разные направления оркестрового исполнительства. Поэтому Воут советовал войсковому начальству разделить музыкантский хор на два оркестра: духовой и симфонический. Так и произошло в дальнейшем, но только в 1909 г., когда К.А. Воут уже не работал в Екатеринодаре¹.

Духовой оркестр возглавил опытный капельмейстер Ф.М. Лоос, а симфонический – снова Е.Д. Эспозито, приглашенный на летний концертный сезон для игры в городском саду, любимом месте отдыха екатеринодарцев. Здесь, в вечерней тишине, они, по желанию, могли слушать музыкальные произведения ежедневно. В понедельник им играли музыку легкого жанра, во вторник – русских и славянских композиторов, среда посвящалась латинским композиторам, а четверг – выступлениям солистов и чисто симфонической музыке. В пятницу исполнялись произведения немецких и северных композиторов, в субботу звучала смешанная программа, а в воскресенье – праздничная программа. Что же конкретно играли войсковые музыканты, какие сочинения услаждали слух любителей серьезной музыки? Среди крупных произведений заметным успехом пользовались Первая сюита Чайковского, Четвертая симфония Бетховена, увертюра «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, поэма «Стенька Разин» Глазунова, «Восемь русских народных песен» Лядова. Довольно часто исполнялись оркестровые номера из опер «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок», «Садко» Римского-Корсакова, «Тангейзер» Вагнера, «Аида» Верди, «Проданная невеста» Сметаны, славянские танцы Дворжака, венгерские – Брамса, норвежские – Грига и др. Вместе с оркестром в концертах выступали преподаватели музыкального училища, исполнявшие произведения для фортепиано, скрипки, виолончели, арии из классических опер. Местная пресса проявила достаточно чуткое внимание к освещению этих концертов, верно оценила их положительное значение в музыкальном просвещении жителей войскового центра, а также исполнительские достоинства оркестра, его солистов и дирижера Эспозито.

После окончания летнего сезона штаб войска и дирекция Екатеринодарского отделения ИРМО предложили Е.Д. Эспозито остаться на год-два в городе для работы с оркестром и в музыкальном училище. Тот согласился и начал репетиции оратории «Сотворение мира» Гайдна, которой музыканты Екатеринодара решили отметить столетие со дня смерти великого австрийского композитора. Ее постановка стала крупным творческим достижением местных музыкальных сил и первым знакомством екатеринодарцев с жанром ораториального искусства. Слушатели этого уникального концерта были покорены размахом, грандиозностью музыкального представления, глубиной его содержания. Ничего подобного им раньше слышать не приходилось. Поэтому, естественно, радость общения с прекрасной музыкой Гайдна у них органично сливалась с чувством гордости за своих певцов, свой оркестр, сумевших поднять столь монументальное сочинение.

Можно без преувеличения сказать, что после постановки оратории Гайдна «Сотворение мира» симфонический оркестр войска приобрел еще больший авторитет в музыкальных кругах Северного Кавказа. Его летние гастроли 1910 и 1911 гг. в Ставрополе и Пятигорске принесли ему новые успехи и славу одного из лучших оркестровых коллективов региона. Все это было особенно приятно слышать в канун большого торжества, которым Кубань собиралась отметить столетний юбилей своих войсковых хоров.

К нему готовились тщательно и долго. В честь юбилея был объявлен конкурс на сочинение марша для духового оркестра и кантаты для певческого хора. К этой дате вышли в свет сборник «Песни казаков», составленный Г.М. Концевичем из произведений репертуара войскового певческого хора, и книга И.И. Кияшко «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811–1911».

Книга содержит ряд приложений с интересными материалами. В одном из них опубликованы именные списки музыкантского хора, из которых можно узнать, что в 1834 г. он имел 44 оркестранта (с учениками), а в 1911 г. его Войсковой симфонический оркестр состоял из 68 музыкантов (с учениками), а духовой – из 55 (с учениками). Цифры показывают, что количественный рост музыкантского хора за 77 лет увеличился почти втрое. Среди приложений имеется программа юбилейного праздника, торжества которого, с активным участием симфонического и духового оркестров, проходили в Екатеринодаре и Тамани. Они подробно описаны С. Еременко в очерке «Войсковой певческий хор»¹.

Здесь, в данном очерке, хотелось бы подчеркнуть заслуги композитора Е.Д. Эспозито в музыкальном оформлении праздника и, в частности, отметить достоинства его музыки в пьесе Г.В. Доброскока «Казацьки прадиды», написанной к юбилею. Наиболее полно в вокальном отношении обрисован композитором образ Антона Головатого, в роли которого выступил екатеринодарский певец А.И. Глинский. Выразительно звучали хоры казаков-черноморцев, построенные на мотивах украинских казачьих песен.

После окончания праздника бывшие певчие, музыканты хоров, гости разъехались по родным местам. Покинул Екатеринодар и главный музыкальный руководитель праздника Е.Д. Эспозито, приглашенный по конкурсу на работу в Мариинский оперный театр столицы. Жаль было расставаться с ним. Но что поделаешь, у каждого своя судьба, своя дорога в жизни. Музыканты тепло проводили его в Петербург.

А те, кто остался служить в музыкантском хоре, продолжали свое полезное дело. Через некоторое время у них появился другой капельмейстер в лице С.А. Столермана,

прошедшего школу управления симфоническим оркестром у известного московского дирижера В.И. Сафонова. Имя Столермана уже было знакомо городским меломанам по гастролям оперной труппы госпожи А.Н. Шперлинг осенью 1909 г. на сцене только что построенного Зимнего театра. Его новоселье открыла «Аида» Верди. К оркестру вышел Столерман и поклонился публике. Зрители не знали его как музыканта, но он был первым, кто встал за дирижерский пульт их нового, прекрасного, собственного театра, и они устроили ему бурную овацию. Тот понял патриотическое настроение зала и, подняв оркестр, поклонился еще раз. Когда затихли аплодисменты, в наступившей тишине скрипки по знаку дирижера нежно запели мелодию любящей Аиды. Затем вступила зловещая тема жрецов – и началась, сперва в оркестре, затем на сцене, в пении, в гениальной музыке композитора, глубочайшая трагедия любви и человеческих судеб. Дирижер вел спектакль уверенно. Все было на должной высоте: солисты, хор, оркестр, балет. После «Аиды» шли «Демон», «Фауст», «Евгений Онегин», «Жизнь за царя», «Травиата», «Гугеноты», «Руслан и Людмила», «Тоска» и другие спектакли. Они тоже понравились зрителям. Сложилось общее впечатление, что приглашение труппы госпожи Шперлинг с дирижером Столерманом на открытие Зимнего театра было вполне удачным.

И вот снова Екатеринодар. Теперь уже С. А. Столерман – во главе Войскового симфонического оркестра. Он руководил им более пяти лет. Наиболее плодотворными оказались первые годы. Количественно оркестр вырос до 80 человек. Почти половину из них составляли вольнонаемные музыканты, отличавшиеся высокими профессиональными навыками. Солистами оркестра были свободные художники Ю.И. Ханович, Г.Ф. Тамлер (скрипка), П.А. Лукашук (виолончель), Я.С. Патчук (флейта), Я.Г. Бендер (труба). С ними, в мае 1913 г., Столерман выехал на летние гастроли в Ессентуки. Он подготовил к ним около 50 произведений. Некоторые из них исполнялись оркестром впервые: Пятая симфония, «Вариации на тему рококо» для виолончели с оркестром Чайковского, «Садко», «Шехеразада» Римского-Корсакова, сюита из балета «Ночь в Египте» Аренского, «Кедр и пальма» Вас. Калинникова, «Елка» Ребикова, «Героическая симфония» Бетховена, симфония «Юпитер» Моцарта, «Неоконченная симфония» Шуберта, симфоническая поэма «Прялка Омфалы» Сен-Санса, «Траурный марш на смерть Зигфрида» из оперы «Гибель богов» Вагнера, «Танец Саломеи» из оперы «Саломея» Р. Штрауса, «Детская сюита» Равеля, «Ученик чародея» Дюка, «Парижский карнавал» Свендсена и др.

Чтобы быть доступным для широкой публики, концерты серьезной музыки сопровождались пояснениями к исполняемым произведениям. Разумеется, были и программы, составленные из номеров легкой, развлекательной, танцевальной музыки. Довольны были все: и слушатели и музыканты.

И вот тут, в Ессентуках, произошла волнующая встреча коллектива войскового оркестра с композиторами Глазуновым и Рахманиновым. Оба они здесь отдыхали, лечились целебными водами. Им было известно, что на летней эстраде курорта играет казачий оркестр из Екатеринодара. Потом до них дошла весть, что музыканты исполняют «Утес» Рахманинова, «Торжественную увертюру» и сюиту «Из средних веков» Глазунова. Это уже вызвало желание авторов послушать свои произведения в трактовке курортного оркестра.

Встреча оставила в целом приятное впечатление. Оркестр знал, понимал и чувствовал музыку современных русских композиторов. А дирижер вел его как настоящий художник, постигший и в целом, и в деталях сущность исполняемых произведений. Было радостно встретить в провинции интересный творческий

коллектив. После концерта Александр Константинович и Сергей Васильевич подошли к оркестру. Было сказано немало добрых слов в адрес и дирижера, Самуила Александровича Столермана, и музыкантов, слушавших именитых композиторов России с подобающим уважением к ним¹.

Это был, пожалуй, самый удачный, счастливый гастрольный сезон оркестра на Кавказских минеральных водах. Через год началась война с Германией. Дела пошли хуже. Состав оркестра сократился более чем наполовину. Часть музыкантов из числа вольнонаемных призвали на службу в армию, других отправили на фронт в музыкантские команды, духовые оркестры действующей армии. Хотя оркестр и существовал, но выступал он редко, да и то в основном в военно-патриотических, благотворительных концертах, в пользу раненых и пострадавших от войны.

Однако были случаи, когда оркестр, пополнив свои ряды силами музыкального училища, успешно исполнял такие выдающиеся произведения, как «Богатырская симфония» Бородина, Пятая симфония Бетховена, концерты для фортепиано с оркестром Скрябина (солист А. Немировский), Чайковского (солист А. Дроздов), концерты для скрипки с оркестром Глазунова, Чайковского (солист Н. Вилик).

Любопытный материал о симфоническом оркестре войска опубликован в хронике журнала «Музыкальный современник» за 1916 год (Вып. 1. С. 18–21). Его безымянный автор с большой любовью рассказывает о коллективе, который «служит предметом особого внимания войскового начальства, заботливо охраняющего его от растлевающего влияния времени...».

Далее он сообщает, «что в качестве учреждения войскового симфонического оркестр, прежде всего, призван служить потребностям войска, но не как военной организации (для военных целей существует специальный, хорошо поставленный духовой оркестр), а скорее, как организации сословной»: симфонический оркестр дает регулярные концерты для посетителей войскового собрания, участвует в организуемых войском концертах, спектаклях и т. д. Это основная его функция. Другое, побочное занятие оркестра – участие в разного рода частных концертах и предприятиях, куда полностью или частью командировается оркестр своим начальством в целях заработка. Если есть в этом занятии формы, вполне отвечающие назначению и музыкальному достоинству оркестра, например, его сезонная игра на кавказских курортах, много способствующая популярности оркестра, то наряду с ними практикуется, и притом, к сожалению, в очень широких размерах, такое употребление оркестра, которое явно подрывает его престиж и распыляет его силы: я разумею постоянно практикуемое командирование оркестра – чаще всего, отдельных музыкантов – в оперетку, на балы и даже в рестораны, где несчастные музыканты обязаны до одурения играть всяческую музыкальную ерунду, утомляющую их физически и коверкающую их музыкальный вкус. Разумеется, такая форма эксплуатации оркестра заслуживает полного осуждения.

Наконец, третий вид деятельности оркестра – его участие в концертных выступлениях совместно с местным отделением Императорского Русского Музыкального Общества, и под фирмой последнего; эта деятельность не имеет ни коммерческого, ни сословного импульса. В основе ее лежат, с одной стороны, чисто художественные побуждения... а с другой – естественное желание путем взаимного обмена услуг внести улучшения в свой оркестр».

В той же статье имеются сведения о деятельности руководителя оркестра С.А. Столермана.

После февральской революции 1917 г. в Петрограде образовался Всероссийский

союз оркестрантов. Его примеру последовали другие города. В апреле того же года открылось Екатеринодарское отделение Всероссийского союза оркестрантов, которое и возглавило деятельность бывшего войскового музыкантского хора. Одному из активных организаторов этого отделения капельмейстеру М.Ф. Сириньяно было поручено руководство симфоническим оркестром. Он энергично взялся за дело и 30 апреля выступил с концертом в пользу солдатских и казачьих депутатов Екатеринодарского гарнизона. Оркестр исполнил увертюры «Эгмонт» Бетховена, «Робеспьер» Литольфа и два произведения Сириньяно – элегию «Памяти 9 января 1905 года» и апофеоз «Гимн свободе».

Не прекращалась полезная музыкально-общественная деятельность коллектива и в советское время.

Сноски

¹ Из книги А.А. Слепова и С.И. Еременко «Музыка и музыканты Екатеринодара»: статьи и очерки. Краснодар: Эоловы струны, 2005. 176 с.

¹ *Обрежний П.* О симфонических концертах // Кубанские областные ведомости. 1901. 31 окт.

² Кубанский оркестр в Ессентуках // Кубанские областные ведомости. 1901. 15 авг.

¹ *S. N.* Екатеринодар (корреспонденция) // РМГ. 1904. № 5. С. 51.

² В некоторых печатных материалах – Сиреньяно.

¹ Вернулся он на Кубань уже в другое время, когда Екатеринодар именовался Краснодаром и войскового оркестра не существовало. Но музыканты были. И Константин Августович приложил немало усилий для того, чтобы город имел симфонический оркестр. И он появился в 1927 г., когда весь мир отмечал столетие со дня смерти Людвиг ван Бетховена, оркестр под управлением Воута исполнил 3, 5, 7, 8-ю симфонии композитора. А в 1940 г., когда отмечалось столетие со дня рождения П.И. Чайковского, оркестром исполнялись все шесть симфоний композитора.

¹ См. с. 118–134 настоящей книги.

¹ *Столерман С.* Мой творческий путь за сорок лет // Радянська музика (Харьков). 1937. № 6–7, на укр. яз.

Полковник ЕЛИСЕЕВ

История войскового гимна Кубанского казачьего войска и наш полк

*Ты, Кубань, Ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдаль и вширь...*

*Мы, как дань свою покорную,
От прославленных Знамен
Шлем Тебе, Кубань-родимая,
До сырой земли поклон.*

2-е издание
Нью-Йорк, 1950 г.

От автора

Слово «гимн» – греческого происхождения и означает: восхваление, воспевание, славословие.

В древности им прославлялись боги и герои, и пелся он при народных торжествах и жертвоприношениях.

Национальный гимн – это есть торжественная песнь, славящая и воспевающая в странах абсолютизма главу ее, Короля, императора и свое Отечество, а в странах представительного образа правления – Отечество и народ. В нем есть лучшая и самая высокая народная поэзия, в котором выражаются национальные свойства народной души, отраженные в словах и в музыке. Он есть выразитель души народа, его национальных идеалов и стремлений. В нем выражается прошлое народа и государства и его порыв к будущему.

Он отражает в себе черты народного характера, укрепляет народ в минуты тяжелых испытаний, облегчает народные страдания и двигает его на подвиги в защиту своего Отечества и национальной чести, достоинства.

Гимн – это есть мощь народной души, его порыв, его национальный воспламенитель.

Со дней русской революции 1917 года, когда выпал государственный стержень – в Кубанском казачьем войске, молодая войсковая песнь-молитва: «Ты Кубань, Ты – наша Родина» – своим глубоким содержанием и заунывно-молитвенным напевом остро вошла в сердца всего кубанского казачества и пелась ими молитвенно в высокоторжественных случаях и в глубоко трагические моменты. В былых лихих полках ли, в плавнях ли, в камышах ли, в горных ли тущобах, будучи «зелеными», в широкой ли казачьей пирушке – кубанские казаки молитвенно пели эту свою войсковую песню, традиционную песнь-молитву и с пением ее, со щемящею душою, мыслями переносились они на свою Кубань-Отчизну, для которой они живут, боролись, борются и будут бороться.

Не забыта она, эта песнь-молитва и «там», на Кубани-матери. В своей статье «Ставрополь – Берлин», помещенной в журнале «Часовой» от 15 сентября 1949 г. на стр. 14, некто Ал. Алымов пишет:

«Когда Ставропольское «Утро Кавказа» (по занятии города Ставрополя немецкими войсками) выпустило специальный «Казачий номер», на 1-й странице которого красовались начальные слова традиционной кубанской песни – Гэй, Кубань, Ты – Наша Родина... – этот номер читался с амвона в храмах прилегающих к Ставрополю станиц.

Плакали вдовы казаков, зарытых в безвестных могилах... плакали дети отцов, угнанных в снежное преполарье на север... роняли горячие слезы немногие уцелевшие казаки...»

Кубанский войсковой гимн

***Ты, Кубань, Ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдаль и вширь...***

*Из далеких стран полуденных,
Из Турецкой стороны
Бьем челом Тебе, родимая,
Твои верные сыны...*

*О Тебе здесь вспоминаючи,
Песни дружно мы поем,
Про Твои станицы вольные,
Про родной Отцовский Дом...*

*О Тебе здесь вспоминаючи,
Как о Матери Родной,
На врага, на басурманина,
Мы идем на смертный бой...*

*О Тебе здесь вспоминаючи,
За Тебя-ль не постоять,
За Твою-ли Славу старую
Жизнь свою ли не отдать...*

*Мы, как дань свою покорную,
От прославленных Знамен
Шлем Тебе, Кубань Родимая,
До сырой земли поклон...*

*Священник 1-го Кавказского полка
Константин Образцов*

Из Приказа **Кубанского Войскового Атамана** от 25-го февраля 1921 года за № 14, изданного в гор. Константинополе:

«...Песня эта неоднократно играла историческую роль в жизни Кубанского Казачества... По возвращении Кубанцев в родной Край из 1-го Кубанского похода песня эта пелась во всех торжественных моментах жизни Кубанцев...

Ныне, когда мы выброшены на чужбину, пусть песня эта напоминает нам о славном боевом прошлом, о радостях побед и о тяжелых страданиях трехлетней борьбы за счастье Родины и за свою свободу, пусть напоминает она наши станицы, хаты и брошенные семьи. С этой песней мы снова пойдем освобождать родную землю.

В виду отсутствия у нас гимна и в виду того значения, которое приобрела песня **«Ты Кубань, ты наша Родина»**, приказываю впредь до рассмотрения этого вопроса в Кубанской Краевой Раде, считать ее **Войсковой Песней** и пение ее сопровождать почестями, присвоенными Народному гимну».

Подлинный подписали: Кубанский Войсковой Атаман Генерал-Майор **НАУМЕНКО** и Председатель Кубанского Правительства **Д. СКОБЦОВ**

История Кубанского войскового гимна

Не говоря уже о рядовом казачестве – редко кто из казачьей интеллигенции, даже и офицерства, знает – откуда и когда появилась эта песнь, ставшая впоследствии «Войсковым гимном Кубанского Казачьего Войска», и кто таков ее автор.

Автора давно уже нет в живых. Он расстрелян большевиками в Тифлисе еще тогда, в период их первого владычества, за свои смелые выступления против них. Это был полковой священник 1-го Кавказского полка Кубанского Казачьего Войска – отец Константин Образцов. Какого места России он уроженец, где он раньше служил, откуда он прибыл к нам – мы тогда этим как-то не интересовались, но в полк он

прибыл еще до войны 1914 года, в город Мерв Закаспийской области (Туркестан), где 1-й Кавказский полк имел постоянную «стоянку» еще со времени завоевания этого края, с 1881 года.

Отец Константин имел внешне неказистый вид и был с некоторыми недостатками и странностями. Маленького роста, слегка сгорбленный, близорукий, всегда в очках и всегда как-то всей своей неказистой фигурой, смотревший вперед и вниз, всегда с красным одутловатым и лоснящимся лицом, с худенькой рыженькой поповской косичкой на голове, с жирными и короткими пальцами на руках, в полуистоптанных сапогах – он производил на всех самое заурядное впечатление, чтобы не сказать худшее. К тому же он не отличался чистоплотностью. А если принять во внимание, что порою он не отказывал себе в лишней рюмке водки и не останавливал себя в «речах» при всех абсолютно случаях, с подчеркиваемой мыслью о какой-то «правде» – то его даже недолюбливали, слегка третировали, а казаки, в особенности его «причт», подсмеивались над ним за глаза.

Любил он при всех отправлениях своих церковных «треб» говорить проповедь, при венчании – «слово», и – если кто в них вникал – они были не лишены глубокого евангельского содержания. Говорил же он всегда с увлечением, даже как будто порою «мудрствовал».

Но наряду с этими странностями и недостатками он имел большой запас гражданского мужества, порою наивно-вызывающего. За эту свою «правду» и «смелость» он и поплатился самым ценным для себя – жизнью.

А вот один характерный случай.

В 1915 году в Турции, в селении Санжан, на Войсковом празднике, в просторной палатке командира полка на оскорбительную остроту последнего (командир полка любил подтрунивать над всеми. То был полковник Д.А. Мигузов – казак Терского Войска) отец Константин незамедлительно, в присутствии офицеров, ответил ему дерзким вызовом, и когда командир вынудил его удалиться вон – он, войдя в свою палатку, стоявшую здесь же рядом, – в оскорбленном бессилии громко запел «Отче наш...».

Офицеры вначале переглянулись между собою, улыбнулись, но... веселие как-то не пошло. Видимо, душа была на стороне священника.

С объявлением войны Отдельная Закаспийская казачья бригада (1-й Кавказский, 1-й Таманский и 4-я Кубанская казачья батарея – кроме Туркменского конного дивизиона) была переброшена в Персию, в Макинское ханство и сосредоточена в г. Маку, в 20 верстах от турецкой границы. Помню, я как-то взобрался на высокое «плато», возвышавшееся непосредственно над нашим биваком, и там случайно встретил отца Константина. Наблюдая местности и высящиеся невдалеке, словно две сахарные головы, Большой и Малый Арараты – он стал пояснять мне о библейских временах сих мест, о Ноевом ковчеге, о бывшем дне морском на нашем месте и в доказательство этого, порывшись в земле, достал оттуда несколько морских ракушек.

«А вот слово! – адам.

(«Адам» по-тюркски это значит – «человек»)).

«Почему оно имеет здесь такое нарицательное определение?»

И на эту тему он развил мне целую историю о первой колыбели человечества сих мест, последовательно, связав его с именем нашего прародителя и первого человека Адама.

Не знаю, ветхозаветная ли местность, далекое ли наше уединение от людей или мое напряженное внимание к его словам вызвали в нем поток какого-то откровения и экстаза... Я слушал его, и в моих глазах постепенно перерождался наш неказистый на вид «батюшка» и выявлялся человек с большою душою и глубоким содержанием.

18 октября ст. ст. 1914 года Турция объявила войну России, и мы на рассвете 19-го с боем перешли персидско-турецкую границу – вошли в пределы Турции и заняли ряд сел. А через два дня заняли и историческую крепость Баязет, в которой в 1877 году наши деды-кавказцы, окруженные турецкими войсками и терпя голод, по жребии резали своих строевых лошадей и ели их, пока подошла выручка.

Этот эпизод в русской военной истории известен под названием «Баязетского сидения».

С этого времени и начался наш бесконечный боевой поход по гористой и полудикой Турции, вначале интересный, а потом полон лишений и невзгод, порою, в зимний период, с долгими и нудными «сидениями» в голодных, холодных и абсолютно разрушенных курдинских «зимовниках», а большею частью – в низких и тесных палаточках.

Полк долго стоял в Баязетской долине, в истоках библейской реки Евфрата, в с. Диза, что перед знаменитым Топоризским перевалом. Несколько раз «затыкая дыры», в жестокие турецкие холода, по бездорожью, проходил опорные этапы – Диадин, Ташлы-чай-суфра, Каракилиса, избородил всю Алашкертскую долину, высылая разьезды на укрепленный турками Клыч-Гядукский перевал и проходя ими, для связи с Сарыкамышской группой, исторический Даярский проход. Два раза переваливал он через высочайший Чингильский перевал, а с весною 1915 года, когда в долинах была уже зелень, а в Игдыре, в Армении, цвели абрикосы – он, рубя просеки в снежных заносах, с боем занял Топоризский перевал, – долгое наше «бревно в глазу», и спустился в дикую долину Аббага. Здесь, форменно разметав курдов и пройдя двадцативерстное Бегрикалинское ущелье, 6 мая того же 1915 года занял город Ван – центр Турецкой Армении. Развивая дальнейшую общую стратегическую операцию, он был брошен далее на юг, в направлении к Джулямерку (Мессопотамия), наперерез войскам Халил-бея, отступавшим из Сарая, из Персии. В горных трущобах своими разьездами полк достиг здесь истоков второй библейской реки – Тигра.

Легкое затишье на фронте и необходимый отдых в благодатном Ване был нарушен неожиданным прорывом Халил-бея в направлении к Кагызману, где передовые части турок достигли даже пределов нашей государственной границы. Это заставило весь левый фланг русских войск – 4-й Армейский сводный корпус – спешно оттянуть назад, очистить всю занятую местность и вновь отойти к Баязету. В тылу зашевелились курды. Новый поход сотен полка по старым дорожкам на склоны Большого Арарата – новые пепелища, и новая кровь с обеих сторон, а затем всю бригаду спешно перебрасывают в самый Мелязгерт и после легкой боевой операции полк сотнями и дивизионами разбрасывают на десятки верст держать линию фронта против неугомонных курдов. Штаб же бригады и 1-го Кавказского полка отводятся в селение Санжан, что на левом берегу Евфрата, возле Дутаха, на трактовую дорогу Мелязгерт – Каракилиса. Здесь началось новое сидение, но более чем когда-либо тяжелое. Наступила дождливая осень 1915 г.; затем выпал снег; ударил мороз. Проходами многих войск, недавними жестокими боями вся испепеленная местность, ни деревца даже для растопки... Снег, морозы и... казаки в палатках. Началось рытье

землянок. Надгробные плиты турецких могил использовались для нужд построений... Все занесено снегом; подвоза фуража нет... Разными приспособлениями сгребали снег и доставали старую высохшую траву или неубранный хлеб и это – за версты от стоянки. От бескормицы конский состав полка погибал на глазах у всех. От холода давно погибли сотни текинских лошадей, мобилизованных в Туркестане для обоза, которые в жизни своей никогда не видели снега... Противотифозная прививка форменно положила всех казаков в их скудное ложе в палатках... Люди едва несли необходимый полковой наряд...

Все это, все эти бесконечные походы и переходы через высочайшие снежные перевалы, эти восточные извилистые каменистые тропы-дороги, по которым расстояния могут измеряться только «саатами» (часами); эти раскаленные летние жары и зимние турецкие морозы, и эта постоянная жизнь в палаточках или в разрушенных «ханах», с их дымными «тандырями» и дыроу в потолке вместо трубы; этот постоянный недостаток в продуктах и вечный фуражный голод, грязь и паразиты... а отсюда – тоска и тоска по родному краю, по родимой сторонushке, по далекой станице, по дому отчему...

Проводя все время с полком, участвуя абсолютно во всех боевых его перипетиях, живя также в своей одинокой палаточке, как и другие, тащась в хвосте колонны верхом на своей захудалой клячонке, наблюдая ежедневно и ежечасно жизнь-лишение казаков, невольно прислушивался к их разговорам, прислушивался к их заунывным песням, когда в своей палаточке в пасмурные долгие нудные вечера, без всякого освещения, съезжившись «комочком» от холода и вспоминая свою далекую цветущую богатством, милую родную Кубань – казак пел песнь ей – молитвенно и восторженно – отец Константин, как духовный отец, не мог не запечатлеть всего этого в своей чуткой и поэтической душе.

Вот тогда-то именно, в этот особенно тяжелый период жизни казаков 1-го Кавказского полка, – вот тогда-то, в 1-й год войны на Турецком фронте и зародилась эта знаменитая песнь Кубанская, которую теперь поют все, которую любят все, кто ее хотя бы один раз услышал...

Глядя на эти бесконечные голые скалы, выжженные южным солнцем; глядя на эти какие-то норы-землянки курдинских селений; переходя вброд по брюхо лошади мелкие речонки и шириною в 3–5 сажень, идя «в один-конь» по этим турецким тропам-дороженькам... Глядя на курдинский несчастный «лаваш», печенный запросто на первой попавшейся грязной жестянке... глядя на ручную «горе-мельницу» из двух плоских каких-то булыжников времен «каменного века» и видя кругом себя бесконечную бедность, узость, дикость и самую примитивную первобытную жизнь курдов, у казака невольно зародилось возвышенное и горделивое сравнение всего этого со своей милой, далекой и вольготно-богатой родиной Кубанью, и он, в повышенном экстазе своих чувств, словами автора взалкал:

*Ты Кубань, Ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдаль и вишь...
Из далеких стран полуденных,
Из Турецкой стороны,
Бьем челом, Тебе, Родимая,
Твои верные сыны...*

В томительные вечера стоянок «на биваке», в палатках ли, иль в широком кругу

сотни после вечерней «зори», в долгие переходы аллюром «шагом», когда летний зной нестерпимо жарил всех, и когда в строю позволялось ехать «вольно» – всегда 2–3 одностаничника, «съехавшись» друг к другу, наряду с воспоминаниями о былом – тянули без конца заунывную песнь старины казачьей, где – «коник вороной», «жена молодая – бабочка-бабеночка», «степь раздольная», «заря алая» и... все-все, что так связано со станичной жизнью, с домашним уютом и разгулом, иль даже «парубоцкой шаловливостью» – оттеняло настроение души казачьей – автор, подметив все это, рельефно выразил словами:

***О Тебе здесь вспоминаючи,
Песни дружно мы поем:
Про Твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом...***

Тревожное боевое время, частые бои, ежедневные разъезды в глубь курдинского расположения, среди дикой, сплошь пересеченной местности, где каждый камень-глыба сулил засаду, когда каждый казак, вкладывая ногу в стремя, всегда мог думать, что это он делает, может быть, в последний раз, и в это время он, может быть, невольно вспоминал не только родину, станицу и семью, но и... молился в душе...

Ночью по тревоге в темь «хоть глаз выколи» – офицерским разъездом в 10 коней – спешно выступаешь куда-то за 20 верст и... первая команда невольно вылетает:

«Ну, с Богом, братцы, за мною... Дозорные, вперед!».

И сам, незаметно для казаков, коротко крестишься в темноте...

Непосредственные наблюдения автора за вот такими моментами из боевой жизни казаков 1-го Кавказского полка и дали ему мысль это выразить словами:

***О Тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной –
На врага на басурманина
Мы идем на смертный бой...***

Офицеры 1-го Кавказского полка, которые во главе своих казаков, подвигами в боях на Турецком фронте в 1-й год Великой войны 1914–1915 годов дали зарождению Кубанской войсковой песни-молитвы – «Ты Кубань, Ты, Наша Родина...». Сняты в день Войскового праздника 5 Октября ст. ст. 1914 г. в г. Маку. Персия. Перечень их справа налево:

1. Ком. 6-й сотни есаул Н. А. Флейшер, казак ст. Дондуковской. В чине полковника, расстрелян красными в Армавире в 1920 году.
2. Полковой делопроизводитель, коллежский ассессор Е. Т. Чирсков, терский казак. Зверски замучен красными в марте 1918 г. после неудачного «Кавказского восстания», в котором он участия не принимал.
3. Подъесаул С. Иос. Доморацкий, из Майкопа. В чине войскового старшины поднят красными солдатами на штыки летом 1918 г. на станице Ладожская, в составе 68 кубанских офицеров, при перевозке их из тюрьмы Армавира в Екатеринодар.
4. Полковой священник отец Константин Образцов, автор гимна. Погиб от рук красных в первые же дни революции.
5. Пом. ком. полка есаул Ерыгин, казак ст. Бжедуховской. В чине войскового старшины, умер в 1916 г. в гор. Екатеринодаре.
6. Командир полка (в фуражке и кителе), полковник Д. А. Мигузов. Терский казак. Расстрелян красными на одном из островов Каспийского моря, возле Баку, в 1920 г.
7. Ком. 1-й сотни подъесаул Ф. М. Алферов, казак ст. Урупской, Георгиевский кавалер 1916 г. В чине войскового старшины, убит в конной атаке против красных под Армавиром в 1918 году.
8. Ком. 4-й сотни есаул С. Е. Калугин, казак ст. Ладожской. Ком. 1-го Кавк. полка в 1919 г. Под Царицыном, в бою потерял глаз, выбитый пулею. В чине полковника сослан на Урал в 1920 г. По старости лет возвращен на Кубань и там зверски замучен красными.
9. Полковой адъютант (в кителе и папаче) сотник И. Н. Гридин. В чине полковника сослан на Урал в 1920 году.
10. (Позади него) Полковой казначей подъесаул В. Н. Авильцев, из Майкопа. В чине полковника сослан на Урал в 1920 году.
11. Ком. 3-й сотни подъесаул Г. К. Маневский, казак ст. Царской. В чине полковника и командира Линейной бригады, смертельно ранен в бою на Маныче в апреле 1919 года. Приказ о производстве его в генералы застал его уже в гробу. Похоронен в Майкопе в ограде церкви.
12. (Позади него) Ком. 5-й сотни есаул Е. М. Успенский, казак ст. Каладжинской, родной брат Кубанского войскового атамана генерала Успенского, умершего в 1919 г. В чине полковника, убит снарядам в Белграде во время бомбардировки его немцами в последней войне.
13. Хорунжий Ф. И. Елисеев, казак ст. Кавказской. Полковник. Проживает в Северной Америке.
14. Хорунжий В. А. Поволоцкий (позади него). В чине есаула, сослан на Соловки в 1920 году.
15. Хорунжий Н. В. Леурда, казак ст. Горячий Ключ. В чине подъесаула, застрелился в Екатеринодаре в феврале 1918 года.
16. Хорунжий И. В. Маглиновский, казак ст. Брюховецкой. В чине есаула, погиб в бою в Саратовской губ. в 1919 году.

Лежат справа налево:

- 1. Хорунжий В. Н. Кулабухов, казак ст. Ново-Покровской. В чине подъесаула, умер в 1919 году.*
- 2. Помощник полкового врача, классный фельдшер Целицо. Казак. Умер в 1915 году.*
- 3. Заведующий оружием, чиновник Самойлов. Умер в 1916 году.*
- 4. Командир обоза, подъесаул П. А. Ламонов, казак ст. Кавказской. В чине есаула, сослан в Кострому в 1920 году и умер в Пензе, в плену у красных.*

Любовь казака к родине, любовь к Кубани, к «Кубани», конечно, как к
«ВОЙСКУ КУБАНСКОМУ»,
к его горделивому историческому прошлому, острое сознание всегдашней
«Войсковой Гордости»,
боязнь ее не уронить во всех боевых переделках, боязнь не опозорить седины своих
дедов (Георгиевский штандарт полк получил за взятие Девебойненской позиции перед
Эрзерумом в 1877 году) – все это, видимо, не раз выявлялось казаками в их
обыденной боевой жизни, если автор, сам не казак, запечатлел казачью мысль такими
трогательными и жертвенными словами:

***О Тебе здесь вспоминаючи,
За Тебя ль не постоять,
За Твою ли Славу Старую
Жизнь свою ли не отдать...***

И как последняя затаенная мысль-мечта всякого воина, жаждущего окончить
войну живым и со славою, мечта – принести своей родине благополучие и счастье, с
сознанием, что им лично сделано все для нее – автор, словами казачьей песни,
выразил полную сыновью преданность родине – и в экстазе своих горячих чувств к
ней он коленопреклоненно выражает ей полную свою любовь-почтение:

***Мы как дань свою покорную,
От прославленных Знамен,
Шлем Тебе, Кубань Родимая,
До сырой земли поклон...***

Эта «песнь» вышла в печати маленькою брошюркою в 6–8 страниц, вместе с
другими стихами автора, к осени 1915 года. Тогда же с собственноручною надписью
автора отца Константина, в знак приветствия назначения моего полковым адъютантом
2 ноября 1915 года, я получил ее «на память» в селении Санжан, в убогой землянке
его. Автор ее, видимо, имел в виду эту «песню» дать более значительный смысл ее
понимания, так как в заголовке стояло:

«Плач Кубанских Казаков».

Мы, офицеры, по гордости своей, тогда даже возмутились этим:

Почему «плач»?

Но 1-й Кавказский полк через несколько дней неожиданно был сменен 1-м
Лабинским полком, и мы, после 15-месячного непрерывного пребывания в полудикой
Турции, испытав нечеловеческие лишения, измотанные и обтрепанные – с
нескрываемой радостью выступили на отдых в Карс. Но отдохнуть полку не удалось.
Пробыв всего лишь несколько дней, он был спешно переброшен в г. Ольты, т. к.
началась Эрзерумская операция, закончившаяся падением этой первоклассной
турецкой крепости. Развивая успех, с непрерывными и жестокими боями полк прошел
Мема-Хатунь, Барна-Кабан, Байбурт, Хан-Дараси, закончив все это занятием далекого
и уже полувосточного города Эрзинджана, расположенного в богатой и

плодородной долине, где впервые в Турции нашли мы яблоки, груши, огурцы и даже арбузы. И далее, распространяясь в глубь Турции, дивизион полка занял город Кемах, в 60 верстах западнее Эрзинджана, по шоссе на Сивас. Это был самый далекий пункт, где только могли быть русские войска в Турции. Увлеченные такими боевыми успехами мы как-то и забыли о

«Плаче Кубанских Казаков».

И лишь к осени 1916 года, когда полк, в составе 5-й Кавказской казачьей дивизии (Закаспийская казачья бригада, с включением в нее 3-го Екатеринодарского и 3-го Линейного полков, были переименованы в 5-ю Кавказскую дивизию), абсолютно издерганный и надорванный, был вновь переброшен на продолжительный отдых в район крепости Карса – здесь впервые появилась эта песнь, уже переложенная на трогательную музыку и с восторгом подхваченная не только в сотнях нашего полка, но и в полках всей дивизии, так как глубокий смысл этой песни одинаково затронул изболевшуюся и надорванную душу каждого казака, перенесшего нечеловеческие лишения на голодном Турецком фронте и послужившую темой для автора в его

«Плаче».

Однородность невзгод Турецкого фронта, на котором из 11 первоочередных полков Кубанского Казачьего Войска участвовало девять (1-й Кавказский, 1-й Таманский, 1-й Лабинский, 1-й Черноморский, 1-й Полтавский, 1-й Уманский, 1-й Запорожский, 1-й Кубанский и 1-й Хоперский), на котором участвовали все три бригады непоколебимых в боях наших исторически прославленных кубанских пластунов, почти все Кубанские батареи, плюс несколько третьеочередных полков и отдельных сотен, а впослед-

ствии и вновь сформированная 4-я Сводно-Кубанская дивизии (Екатеринославский, Ставропольский, Адагумский и Ейский полки), оперировавшая в Персии – т. е. где участвовало почти все строевое Кубанское казачество, весь «цвет» и боевая мощь Войска, и с которыми 1-й Кавказский полк в своих боевых мытарствах имел близкое общение – поэтому становится вполне понятным, что эту трогательную «песнь-молитву» одинаково свято-стно восприняли все полки, батальоны и батареи Войска, словно песнь эта была написана исключительно о каждом из них в отдельности, отобразив именно их душу, их плач...

Далеко-далеко еще до мысли о ней как о гимне, во всех Кубанских войсковых частях – будь то казаки, поющие, как всегда, в широком кругу, иль г.г. офицеры в своем собрании – всегда они, родные и верные Кубани кубанцы, при словах последнего двустипия – снимали папахи и, продолжая петь:

***Шлем Тебе, Кубань Родимая,
До сырой земли поклон...***

кланялись ей полупоклоном торжественно и умиленно...

Этот штрих был весьма характерен для определения чувств кубанского казака к «Ней»,
к Кубани,
к КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ.

Глубокий смысл и неподдельное душевное переживание кубанского казака во время войны, выразившееся в этой песне в восхвалении своей родины Кубани, выразившееся в словах, что она ему «Родная», что она его «Вековой богатырь», что

она для него «Многоводная и раздольная» и настолько «многоводная», что в своем стихийном порыве «многоводная», она «Разлилась и вдаль и вширь...», то есть залила все, все затопила своею мощью...

Вспоминая о ней – «Из далекой Турецкой стороны», он «Ее» и там – «вспоминаяючи» в этой полуденной (южной) стороне «Ей» – «Бьет челом» как самый – «Верный сын» и что – он о ней «Песни поет» восхваляючи: «И станицы вольныя» и – «Родной отцовский дом». А перед «Смертным боем» он поет как «О матери родной», и что он за «Нее», за «Ея» «Славу старую» – готов и – «Жизнь свою ли не отдать»...

А под конец, пересилив все невзгоды и предвкушая сладость возвращения домой, – он коленопреклоненно, от себя и своего боевого Знамени – кланяется «Ей» – «До самой сырой земли»...

Здесь налицо все наилучшие и благородные порывы души воина-казака. Здесь все так ярко и выпукло: и любовь, и богатство края, и мощь «Войска», и верность ему (Войску), и дом родной, и станица вольная, и бесконечная тоска по родине, и сознание старой «Войсковой» славы, и боязнь ее уронить, эту славу, и готовность умереть ради сохранения этой «дедовской» славы, и наконец, сыновья преданность, выражавшаяся в глубоком земном молитвенно-трогательном поклоне «Ей», своей далекой родной «КУБАНИ», своему

«КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ»...

Большей и разнообразной глубины чувств к своей Родине, как проявлено здесь, найти трудно. Вот почему в год падения Императорской России, когда Царский гимн не мог быть выявлен в жизни и не мог всколыхнуть сердца казаков в их стремлении уберечь свой край от развивавшейся общерусской анархии – эта песнь-молитва священника 1-го Кавказского полка отца Константина Образцова так остро задела душу кубанского казачества, что была абсолютно всеми – фронтовиками и «дедами», штатскими и военными, рядовыми казаками и офицерами, казаками и иногородними и даже нашими гордыми и благородными соседями черкесами – в период тяжких испытаний и борьбы, кровавой борьбы

«ЗА СВОЙ ПОРОГ И УГОЛ»...

на перелом насильственного изжития казачества, в годы его физического уничтожения коммунистическою властью, когда фактически самую жизнь, кровавою смуту, сам собою поднялся вопрос

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ КАЗАЧЕСТВУ»

эта Войсковая песнь-молитва была всем населением Кубанского края воспринята как
ВОЙСКОВОЙ ГИМН
КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА,
с которым кубанское казачество воевало и... умирало...

*За Твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать...»*

Париж.

5 февраля, 1930 г.
Кубанского казачьего войска.

Полковник ЕЛИСЕЕВ
Коренной и природный казак

ОТЗЫВЫ О 1-ом ИЗДАНИИ 1930 г. ПАРИЖ

Из письма б. Донского Атамана, генерала от-кавалерии Краснова

Mr. le Colonel Elyseev.
10 rue des Cordellieres, Paris 13.

Глубокоуважаемый Господин Полковник!

Прекрасную Вашу книгу – «История Войскового Гимна Кубанского Казачьего Войска», да еще, с глубоко меня тронувшей надписью, получил. Прочел ее с громадным наслаждением. В ней так четко и красиво, тепло и любовно обрисовали Вы образ автора гимна, отца Константина Образцева и так прекрасно его истолковали.

Много казачьей мудрости в Вашем благородном гимне, полном любви к Родине.

Так хорошо, что Вы его издали и растолковали. Он стал от Ваших любовно теплых, от сердца идущих слов, еще лучше, понятнее и глубже.

Искренне уважающий и благодарный
П. КРАСНОВ.

23 марта 1930 г. № 176.
Santenу.

Офицеры 1-го Кавказского полка на отдыхе полка под Карсом, в день Войскового праздника 5 октября ст. ст. 1916 г.

Стоят справа налево:

1. Хорунжий Козьмин, казак ст. Темижбекской.
2. Сотник Щербаков, проживал в Югославии.
3. Ком. 3-й сотни войсковой старшина Г. К. Маневский.
4. Подъесаул П. И. Бабаев (сын), казак ст. Усть-Лабинской. В чине есаула, выдан красным в 1945 г. с генералом Красновым.
5. Хорунжий Катасонов, из учителей, казак ст. Ново-Покровской. Убит в бою против «зеленых» под Туапсе в 1919 году.
6. Хорунжий Кабища, казак ст. Архангельской. В чине войскового старшины, убит в бою против «зеленых» у Сочи в 1920 году.
7. Есаул П. А. Ламонов.
8. Хорунжий Трубицын, казак ст. Расшеватской, умер в 1919 году.

Сидят на скамьях, справа налево:

1. Младший полковой врач, лекарь В. И. Жуков, казак ст. Лабинской.
2. Хорунжий Субботин, казак ст. Ильинской. Умер в Париже в 1930 году.
3. Полковой делопроизводитель, надворный советник Е. Т. Чирсков. Терский казак.
4. Ком. 1-й сотни войсковой старшина Ф. М. Алферов.
5. Ком. 2-й сотни войсковой старшина А. П. Пучков (с сыном из Майкопа). В чине полковника сослан на Урал в 1920 году.
6. Командир полка полковник Эльмурза Асламбекович Мистулов, казак из осетин-мусульман Терского войска. Георгиевский кавалер и кавалер золотого оружия с русско-японской войны 1904–1905 гг. В чине генерала и Командующего фронтом терских казаков в 1918 г. Застрелен в ноябре месяце того же года на своем посту.
7. Пом. ком. полка войсковой старшина С. Е. Калугин.
8. Пом. ком. полка войсковой старшина И. Т. Бабаев (отец). Казак ст. Усть-Лабинской. В чине полковника, проживает в Греции.
9. Ком. 4-й сотни подъесаул Д. А. Дьячевский, казак ст. Уманской. В чине есаула, сослан на Соловки в 1920 году и там погиб.
10. Старший полковой врач, лекарь С. И. Копелович, из Баку. Остался в России, в Баку.

Сидят в бурках, справа налево:

1. Хорунжий Суворов, казак ст. Темижбекской.
2. Корнет Кактемиров, осетин из Карса.
3. Подъесаул А. С. Некрасов, казак ст. Николаевской. В чине есаула, проживает в Германии.
4. Подъесаул А. А. Винников, казак ст. Славянской. Зверски замучен красными в феврале 1918 года у ст. Ловлинской.
5. Полковой адъютант, подъесаул Ф. И. Елисеев.
6. Подъесаул В. Н. Кулабухов.
7. Подъесаул Н. В. Леурда.
8. Хорунжий Косульников, терский казак.
9. Подъесаул В. А. Поволоцкий.

Кубанский Войсковой Гимн

Под таким заголовком издана Полковником Елисеевым в Париже, в феврале сего 1930 г. брошюра в 28 страниц о Кубанской Войсковой песне.

Полковник Елисеев живо и картинно разбирает смысл каждого четверостишия песни, сопоставляя их с душевными переживаниями казака.

Аккуратный вид брошюры и живое изложение, привлекает к ней симпатии читателя. Читается она легко и, навевая воспоминания о славном прошлом наших боевых частей и привольной мирной хорошей жизни на Кубани – она переносит нас, переживших все это, к мирному прошлому, а молодежь нашу – знакомит со страницей истории родного войска... Она является полезным вкладом в Кубанскую историческую литературу. Брошюра посвящена «дорого-любезному Кубанскому Казачеству, для восстановления Родного Войска на берегах многоводной и раздольной Кубани-Матери».

Прочсть этот труд Полковника Елисеева полезно каждому Кубанцу.

Кубанский Войсковой Атаман Генерального Штаба
Генерал-Майор **НАУМЕНКО.**

«Кавказский казак»
Апрель, 1930 г.

Кто из казаков, да и вообще из русских людей, живших и воевавших вместе с казаками – не знает эту чудесную Кубанскую песню: «Ты Кубань, Ты наша Родина»?

Удивительная задушевность, глубокое чувство любви к родному краю, красота строя и напева – делают ее одним из высоких образцов народной поэзии, перед которой меркнут многие надуманные, лишенные вдохновения, стихи поэтов...

И недаром все мы, казаки, какого бы Войска ни были, – так искренне любим эту прекрасную песню и так охотно всегда поем ее на наших собраниях, рядом со своим Войсковым гимном. И она давно уже стала не только песнью Кубанскою, а – Кубанским Войсковым гимном, признанным и утвержденным самою жизнью.

Казаки – певучий народ. И в горе, и в радости у казака всегда найдется своя песня, нередко дедовских боевых времен, соответствующая его настроению. Он не знает имени автора, где и когда песнь была написана, да это и не нужно ему: он сам всей душой в этой песне, она ему родная с молоком матери. Ее начало – в далекой старине.

Но «Ты Кубань, ты – наша Родина» – еще юная красавица. Ее родила Великая война, взлелеяла извечная горячая любовь казака к родному краю, и будет жить она вовеки, пока будет на свете Казачество...

А пока будут в нашей душе такие светлые чувства, какие так ярко выражены в ней, пока она, эта родная всем нам песнь будет будить в нас и поддерживать действительную любовь к Родине – не страшны нам козни хриstopродавцев-большевиков. Их судьба решена....

Помянем же добрым словом того скромного, погибшего от злодейских рук, полкового священника 1-го Кавказского полка Кубанского Казачьего Войска отца Константина Образцова, который сумел так талантливо сложить, записать и дать стройную форму казачьей думе...

Скажем сердечное спасибо и автору настоящей маленькой книги, хорунжему того

же полка тех времен Ф. И. Елисееву, в которой он так тепло и хорошо рассказал историю этой песни-гимна.

Донской Атаман,
Генерал **БОГАЕВСКИЙ**

5 февраля 1930 г.
Париж.

ДОПОЛНЕНИЕ Ф.И. ЕЛИСЕЕВА КО 2-му ИЗДАНИЮ

Наш полк

1-й Кавказский полк вышел из недр Екатеринославского казачьего войска, которое было образовано на Слободской Украине в 1787 г., в связи с новой войной против могущественной тогда Турции. По окончании войны это Войско было упразднено в 1796 году. Часть казаков, не пожелав переходить «в крестьянство», после долгих хлопот в Петербурге, была переселена на Кубань в количестве около 1000 семейств, в которых на

3/4 преобладало мужское население, а именно – 3575 казаков всех возрастов. В 1803 г. из них был образован конный 5-сотенный полк и назван Кавказским.

С этого года полк принимал самое активное участие в завоевании Кавказа и во всех войнах против Турции, развернувшись в бригаду трехполкового состава.

По замирении Западного Кавказа в 1864 году первоочередной полк был оставлен для несения службы в Абхазии.

С началом новой войны против Турции в 1877–1878 годах Кавказский полк вошел в ее пределы в сторону Баязета, с Нижегородским драгунским полком атаковал знаменитые Деве-Бойненские позиции у крепости Эрзерум, за что оба полка были награждены Георгиевскими штандартами.

Из 22 конных полков и 13 пластунских батальонов Кубанского войска, выставленных тогда на поле брани, Кавказский полк, по боевым наградам, был в числе первых.

После окончания этой войны полк был переброшен в Туркестан и в 1885 году с 1-м Таманским полком и 4-й конной батареей родного Войска образовал Отдельную Закаспийскую казачью бригаду, в составе которой и закончил усмирение воинственных туркмен, поощряемых афганцами.

Имея штаб полка в г. Мерве, полк отдельными сотнями занял обширную границу с Персией и Афганистаном, по опорным пунктам: Пуль-и-Хатунь, Кушка, Тахта-Базар. Вокруг них раскинулась сплошная пустыня со своими сыпучими песчаными буранами и безо всякого населения. На всех постах были лишь самодельные, казачьими руками построенные, «саманные» казармы с офицерскими пристройками, да конюшни для лошадей.

Казаки были, буквально, отрезаны от всего Божьего мира и так жили-служили равно на протяжении 4 1/2 лет своей военной службы, вплоть до начала Великой войны 1914 года. Меняясь своим составом, полк «страждал» на своей военной службе своему Великому Отечеству, на ее далеких рубежах, ровно 30 лет.

Надо знать «семейственность» казачества, чтобы точно представить всю его тоску «по дому отчему», по своей далекой Отчизне-Кубани, тоску по его молодой женушке-подруженьке, по его малюткам-деткам, разлученным с ним «тридевятью землями», разделенным с ним Каспийским бурным морем-океаном...

И это тоскливое «стражданье» вошло в души, в сердца и в кровь казаков

Кавказского полка и их семейств, уже в целое поколение.

И вот, отсюда, из долгих и далеких годов службы полка в Закаспии – надо искать «истока» начала Кубанской Войсковой песни-Молитвы – «Ты Кубань, Ты – Наша Родина...», которого не мог не заметить полковой священник отец Константин Образцов, бывший духовный пастырь и исповедник казаков полка еще до военного времени 1914 года.

И эта «тоска» казаков по своей Кубани-Матери, словно назревший горем нарыв, прорвалась своим бурным зовом в 1-й же год Великой войны на диком по природе Турецком фронте, когда боевые лишения и постоянный полуголод превозмогли все человеческое терпение. Почему чуткий отец Константин и назвал ее, эту полковую песнь-молитву тогда в своем издании

«Плач Кубанских Казаков».

Как офицер мирного времени и перенесший с родным и прадедовским мне полком – и «Закаспию» и всю войну 1914–1917 годов – мне эта «Казачья тоска» и близка, и понятна, и ее, тогда, переживали мы все.

Боевые награды 1-го Кавказского полка:

1. Георгиевское знамя, с надписью: «за отличие в Турецкую войну и в делах против горцев в 1828 и в 1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

2. Георгиевский штандарт, с надписью: «за отличие в сражении при Деве-Бойну (Эрзерум) 23 октября 1877 г.», с присоединением и прежней надписи – «за отличие в Турецкую войну и в делах, бывших против горцев в 1828 и 1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

3. Георгиевские серебряные трубы, с надписью: «за отличие в Турецкую войну 1877–1878 годов».

4. 1-й полусотне 1-й сотни знаки отличия на папахи, с надписью: «за отличие в 1854 году».

5. Знаки отличия на папахи остальным 5 1/2 сотням, с надписью: «за отличия при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

6. Белая тесьма на воротник парадных бешметов и рукава черкесок – 6 декабря 1908 года.

Боевые награды 2-му Кавказскому полку:

1. Простое знамя, с надписью: «за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 г.».

2. 2-й, 4-й и 5-й сотням, знаки отличия на папахи с надписью: «за подавление восстания в Дагестане в 1877 году».

Боевые награды 3-му Кавказскому полку:

1. Простое знамя, с надписью: «за отличие в Турецкую войну и за дела против горцев в 1828 и 1829 годах», пожалованное 22 сентября 1830 года 11-му Конному (Кавказскому) полку.

22 апреля 1910 г. полк получил «шефство» создателя Екатеринославского Казачьего Войска Князя Потемкина и стал называться:

«1-й Кавказский, Наместника Екатеринославского, Генерал-Фельд-маршала,

Князя Потемкина-Таврического полк, Кубанского Казачьего Войска».

Июнь 1950 г.
Нью-Йорк

Священник Константин ОБРАЗЦОВ

Автобиографический очерк 1

Вот моя краткая биография. Родился я в 1877 году 28 июня в г. Ржеве Тверской губернии. Отец мой – Николай Дмитриевич Образцов – служил там на Рыбинско-Бологовской железной дороге. Происходил он из духовного звания – сын священника и сам первоначально учился в духовной семинарии, но по домашним обстоятельствам ему пришлось переменить карьеру. Немало жизненных неудач выпало ему на долю, но, будучи человеком подвижного и неунывающего характера, он стойко преодолевал все невзгоды.

Много светлых детских воспоминаний сохранилось в моей памяти. Помнится тихий уют деревни Акинино, скромно приютившейся неподалеку от г. Рыбинска. Там прошли первые четыре года моей жизни. Типичная русская деревня: смиренный ряд избышек, колодец с журавлем, околица, огороды, две развесистых рябины около нашего дома и качели на них, палисадник и в нем цветник и кусты малины, а дальше – поля и луга, необозримая гладь и голубые ленты притоков Волги. И Волга помнится, катания в лодках по ней, и разливы ее, и баржи бесконечные, и тягучие песни бурлаков, и снега глубокие...

Отец был все время занят службой. Нас, детей, было двое: я да сестра (старше меня двумя с лишним годами). Мы были всецело на попечении матери – Екатерины Алексеевны (урожд. Милорадовой). Кроткая и ласковая, терпеливая мать-подвижница! Помню ее часто молившеюся по ночам у детской колыбели.

В 1882 году отец мой перевелся на Кавказ, в г. Тифлис, а мы, пока он устраивался там на закавказской железной дороге, более года проживали в сел. Васильевском, у родственников по матери. Село большое и богатое и чрезвычайно живописное. По соседству тянулись леса и обширная тенистая роща с богатой помещичьей усадьбой в ней. На краю высокая каменная церковь. Это село мне тем особенно памятно, что там я от матери получил первые уроки грамоты, научился читать по складам. Для отца это было сюрпризом. Мне было тогда не более пяти лет. Таким образом, на Кавказ я приехал уже грамотным.

Не долго прожила на Кавказе мать. Спустя год по переезде она умерла от простуды в г. Тифлисе (в 1884 году). Начался трудный период скитаний для нас, детей. Негде было отцу пристроить малышей, оставшихся без призора. Ввиду этого

отец, по миновании траурного года, женился на второй – грузинке, Евфросинии Мерабовне (урожд. Цкитишвили). Она осталась бездетной и это обстоятельство помогало ей отдавать свое внимание нашему воспитанию. Особенно заботилась она о моем религиозном развитии. Ей же, собственно говоря, я обязан и своими первыми стихотворными попытками, так как уже с восьми лет я слагал рифмованные поздравления в день ее ангела и получал за это большие похвалы. Это заставляло меня повторять опыты. Первым более сознательным пробуждением моей малютки-музы было стихотворение «Караван», написанное на девятом году жизни. Оно, как помнится, вышло у меня большое и картинное. Конечно, оно бесследно пропало, как и все мои тетради с первоначальными поэтическими упражнениями. Признаться, я и сам немало пожег их по чувству неудовлетворенности. Читал усердно. Что попадетсЯ под руку. Очень любил читать «Переписку с друзьями» Гоголя. А он ведь сжег же вторую часть своих «Мертвых душ» и великие риторы древности советовали: «Чаще поворачивай стиль», т. е. стирай обратным концом написанное тобой на воощенной доске. Я так и делал: «сжигал» и «чаще стиль поворачивал»...

Девяти лет определили меня в городское училище при Александровском учительском Институте. Из третьего отделения этой первой моей школы родители перевели меня в Тифлисское духовное училище. По окончании там курса я прошел в Тифлисскую духовную семинарию.

За это школьное время мои поэтические опыты не прекращались. В духовном училище моим цензором и руководителем был преподаватель русского языка В. В. Раевский, которому я отдавал на оценку стихи, тщательно переписывая их в тетради. Человек чуткий и музыкальный, он любил поощрять благие порывы в своих питомцах. Потом большое влияние на меня оказал А. П. Альбов, семинарский преподаватель русской литературы и философских наук. По его предметам я занимался с особенной любовью и усердием. Он также был пестуном моей музы.

Но особенным подспорьем для меня явилось то обстоятельство, что еще с первых классов духовного училища я тесно сдружился с одним из своих товарищей (И. П. Б-в), таким же мечтателем и любителем поэзии и писательства. Мы были неразлучны в семинарии. Всюду видели нас вместе, так что одного без другого нас не могли и представить. Словно «Кастор и Полукс». Мы усердно занимались чтением, саморазвитием. К каждой прочитанной странице относились критически. Увлекались произведениями корифеев русской литературной критики и публицистики. Перечитали Белинского, Добролюбова, Писарева, даже Шелгунова и Скабичевского. Но все-таки во главе чтения у нас были поэты. Мы не расставались с творениями Пушкина и Лермонтова. Они были нашими друзьями. Они создали в наших молодых душах свой пленительный мир грез и очарований. И, конечно, мы усердно старались подражать им, особенно – Лермонтову. Нас пленяли дивные красоты кавказской природы. Были даже попытки под ее наитием написать целые поэмы («Нирван», «Лейла», «Подвижник» и др.). Любили мы и Надсона. Чуть ли не всего декламировали наизусть. Да и кто из юношей нашего поколения не тяготел к этому кристально чистому поэту? Среди кумиров наших были также Некрасов, Плещеев и Майков. Зачитывались и произведениями К. Р. Из западных же корифеев нас особенно пленяли Байрон, Шелли, Шатобриан, Шекспир, Виктор Гюго и Смайльс.

К тому времени относится и моя первая попытка постучаться в двери редакции. Попытка оказалась успешной. Это было в 1893 году 3 сентября, когда я отнес в редакцию издававшейся в то время в Тифлисе газеты «Новое Обозрение» свое стихотворение: «Полно, утешься, дитя мое милое» (Утешение). Первый успех

окрылил мое усердие, и от поры до времени я стал помещать свои стихи в местном «Вестнике Грузинского Экзархата».

Но тут началась для меня с моим неразлучным приятелем удивительная полоса увлечения аскетическими творениями. Началось так незаметно, под влиянием миссионерской и проповеднической деятельности нашего инспектора семинарии иеромонаха о. Исидора Колоколова, весьма даровитого и пылкого оратора. Начитались Эпиктета, Сократа и других моралистов древности. Перешли на произведения святых отцов и византийской аскетики. Мы усиленно штудировали книгу «Невидимая брань» еп. Феофана. Выписывали в особые тетради огромные выдержки из творений Макария Египетского, Ефрема Сирина, Фомы Кемпийского, о. Иоанна Кронштадтского. То было всепоглощающее увлечение с твердым намерением все почерпаемое в этих книгах копировать в себе, применять к личной жизни, невзирая ни на что. Увлечение доходило почти до фанатизма. Всякие препятствия учитывались нами как подвиг искуса. Тут имели место акафистные моления на всю ночь, хождения с богомольцами по монастырям, добровольные обеты, не исключая даже таких, как обет полного молчания, что, конечно, было очень не выгодно в нашем положении как учеников, прежде всего. А потом все это весьма отражалось и на наших молодых организмах. Мы запостились не на шутку. Для моего приятеля это завершилось длительной болезнью, не позволившей ему даже закончить семинарского курса. Моя комплекция оказалась выносливей. Да и сам я, наконец, понял крайности такого увлечения. Последнему способствовало то обстоятельство, что отец мой поместил меня в семинарское общежитие, требования которого заставили меня войти в известную норму жизни. Там же, в общежитии, вновь ожила моя муза; опять я окружил себя поэтами и подолгу засиживался с ними. Писал дневник, и даже рассказы.

За год перед окончанием семинарского курса меня постигло горе: умер мой отец и я, таким образом, оказался круглым сиротой. В 1900 году я окончил курс духовной семинарии по первому разряду, студентом. Семинарское начальство направляло меня в Духовную Академию (Петроградскую), как лучшего воспитанника; но тогда у нас, семинарской молодежи, было крайнее увлечение университетом. Потянуло и меня туда же, несмотря на полное отсутствие материальных средств. Предостерегал меня ректор семинарии (о. Стефан Архангельский, впоследствии архиепископ Могилевский), но, видя мою настойчивость, потом и сам помог мне добраться до университета. В том же 1900 году я поступил по предварительному экзамену в Юрьевский университет по юридическому факультету. Новые условия жизни, свободной и кипучей, как сама юность, студенческие кружки, лекции, новые веяния, все это увлекало молодую душу. Посещая лекции не только своего, но и других факультетов, я нашел для себя более сродным историко-филологический факультет, на который спустя семестр и перечислился. Но трудно было учиться без всякой материальной поддержки. В Юрьеве на кондичии рассчитывать было нельзя. На лето я ездил на Кавказ в г. Тифлис, где и прирабатывал себе уроками и службой на железной дороге. В одну из таких поездок (в 1902 году) я женился на девице С. П. Бовой, сестре своего товарища (И. Б-ва), о котором была речь выше. Таким образом, наша давнишняя дружба завершилась родством.

Женитьба дала мне нравственную жизненную опору, освободив меня от угнетавшего меня чувства одиночества. Вместе с тем во мне усилилось первоначальное тяготение посвятить себя на служение церкви. Это мое стремление встретило большую поддержку со стороны жены и вот, уволившись из университета,

в 1904 году 13 июня я принял священный сан и был назначен на штатное место священника при карсском епархиальном соборе. Там же я потом исполнял обязанности карсского окружного миссионера. Меня увлекла деятельность проповедническая, и в этом направлении я старался работать над собой.

В 1908 году я был переведен на должность миссионера згодан, проповедника по Борчалинскому уезду Тифлисской губернии (уроч. Джелал-Оглы), а вслед за тем в том же году перевелся во владикавказскую епархию на должность помощника епархиального миссионера-проповедника и был командирован епархиальным начальством на киевский всероссийский миссионерский съезд в качестве депутата от епархии.

Но слабое здоровье не позволило мне долго нести миссионерские обязанности. Спустя год я по прошению занял приходское место (настоятеля) в станице Слепцовской. Но там крайне не повезло мне. И прежде всего – там посетило меня великое горе: в один год (1910) я потерял детей. Смерть малюток, особенно сына-первенца, необычайно даровитого и прекрасного мальчика – Коли, крайне потрясла меня и жену. Мы, осиротелые, чувствовали себя как бы выбитыми из жизненной колеи, и только одна милость Божия спасла нас тогда от окончательной гибели. Памяти сына я написал большую поэму («Над родной могилой»), в которой дал простор своим слезам и своей примиряющей вере в Промысл Божий. То был мой поэтический сорокоуст по сыну. Поэма по частям была в то время отпечатана в разных журналах («Русский Паломник», «Кормчий», «Искры жизни», «Владикав. епархиальн. ведомости»).

В 1912 году, после кратковременного перевода в ст. Новопавловскую, я перешел на службу в военное ведомство, получив назначение в 1 Кавказский полк Кубанского казачьего войска, где и служу по настоящее время.

За все эти годы после женитьбы я не прерывал своей литературной работы. Сотрудничал во многих журналах, преимущественно в духовных («Русский Паломник» и «Странник», «Кормчий», «Утешение и наставление в православной вере христианской», «Почаевский Листок», «Божия Нива», «Воскресный Благовест», «Искры жизни», «Мирный труд», «Епархиальные ведомости», «Вестник военного и морского духовенства», и во время текущей великой отечественной войны – в «Кубанском Казачьем Вестнике»).

Из написанных за этот период стихотворений составилась довольно большой сборник под общим заглавием – «Благовест Сердца», в котором все стихотворения распределены в трех книгах и сгруппированы в особые отделы, связанные одной общей идеей.

Сборник уже совсем почти готов к печати, и только война помешала мне начать его издание.

1916 г., 5 июня
Кавк. армия

Над письмом

*Не слышно раскатов грозы боевой,
Бойцы утомились борьбой.
Осенняя ночь, точно ворон крылом,
Покрыла окопы кругом.*

*И ветер унылую песню поет,
Как нищий слепой у ворот,
И дождь задробил по кустам,
И вволю отдался слезам.*

*Свеча догорает... Над милым письмом
Склонился я грустно челом;
А грезы живые, как в радужном сне,
Толпою слетают ко мне.*

*Я дома... Я снова в родимом краю...
Я вижу голубку мою...
Мне сердце ласкает взор милых очей
И слышится лепет детей...*

*Родной уголок!.. В нем тепло и уют,
В нем счастье нашло свой приют...
Там думы и песни рождались мои,
Как вешних потоков струи...*

*Ах, греза... ты болью мне душу прожгла
И камнем на сердце легла!..
Свеча догорела... Над милым письмом
Проплакал всю ночь я потом.*

1916 г.,
Кавк. армия

Моей Музе Звездочке

*Свети, моя звездочка,
Свети, моя ясная.
С тобой мне не боязна
Невзгода ужасная.*

*В душе разгораются
С тобой, путеводная,
Терпенье и мужество
И мысль благородная.*

*Осилим мы, звездочка,
Врагов силу дикую,
На славу отпразднуем
Победу великую...¹*

1916 г.,
Кавк. армия.

Сноска

¹ Кубанский Казачий Вестник. 1916. 5 июня.

¹ Кубанский Казачий Вестник. 1917. 15 янв.

Войсковой священник о. Сергей ОВЧИННИКОВ

Войсковой гимн кубанского казачества как памятник гласного исповедания народной души ¹

Запорозьки клады скризь закляты: скільки б людей йих ни копало – не даються! Мий чоловик сам ходыв. От выкопалы вони так як вылыкый погриб – увийшлы; ну а взяти ничого не можна! Треба одмолитися стільки рокив, на скільки вин заклятий.

Из разговора малороссийских поселян

Генеалогия казачества тесно связана с одной из форм христианского подвижничества, именуемого воинством или рыцарством. С тех времен по традиции воинам и священству возбраняется носить обручальные кольца, как напоминание о том, что их жизнь принадлежит не семье, а отечеству, земному или небесному. Без учета этой особенности казачества нельзя говорить о глубоком понимании явления. Вот почему работу о казачьем характере автор начинает и заканчивает реалиями духовной жизни этого народа. «Кто хочет понять человека и себя самого, должен бросить лот в самую глубокую идею, какую создал человеческий ум, – в идею Бога»².

Немногим более века просуществовало Кубанское казачье войско. Возникнув как «Войско верных черноморских казаков» в конце XVIII в., оно прекратило свое существование уже в начале XX в. – в ходе гражданской войны на Кубани. Срок одной человеческой жизни, когда долголетие не такая уж редкость у подножия Кавказских гор. Диковинным семенем была занесена эта жизнь в «пустыню необозримых степов кубанских», чтобы здесь явить миру свой, присущий только ей характер. Этот характер ясно просматривается в любые периоды жизни казачьего организма – в молодости, когда по только что посаженным куреням парубки осваивали сложную

науку джигитовки и рукопашного боя, готовя себя к защите родного порубежья; в зрелости, проливая свою кровь «за веру, отечество и вольность», и, наконец, в старости, когда, по обычаю, предчувствуя свою скорую кончину, старый казак, отстояв службу в станичной церкви, обращался к миру с гласной, не тайной исповедью, прося прощения у всех предстоящих поименно и оставляя потомкам свое последнее слово. Таким словом гласного исповедания представляется нам текст песни «Ты, Кубань, ты наша родина», рожденный казачьим сознанием в канун Октябрьской революции 1917 года. Природное полногласие славянской речи делает эту исповедь свободной и по форме: она поется.

Автором песни был священник 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска отец Константин Образцов.

По свидетельству однополчан отца Константина, внешне это был нескладный человек. Маленького роста, сутуловатый, с рыженькой косичкой на затылке, он производил на окружающих самое заурядное впечатление. Однако все эти внешние недостатки с лихвой восполнялись его внутренними достоинствами, главным из которых было обостренное чувство правды. Характерен следующий случай. На войсковом празднике в селении Санжан на сальную остроту полковника Д. Мигузова, любившего подтрунивать над всеми, отец Константин в присутствии офицеров вдруг ответил ему дерзким вызовом, и, когда полковник, пользуясь властью, вынудил его удалиться вон, Константин Образцов вошел в свою палатку, стоявшую поблизости, и в оскорбленном достоинстве громко запел «Отче наш». После пропетых им со слезой в голосе слов: «И остави нам долги наша якоже и мы оставляем должником нашим...» офицеры переглянулись, попытались все перевести в шутку, но веселье как-то дальше не пошло. В душе многие были на стороне священника.

При отправлении религиозных служб отец Константин непременно старался говорить проповедь, увлекался и даже как будто порой «мудрствовал». Говорить просто было для него слишком сложно. В любом, даже самом пустячном бытовом разговоре он старался дойти до сути. Казалось, что для него не существовало «временного» – минимум «вечное». Немногие из его сослуживцев способны были тогда оценить по достоинству этого человека, тот же, кто разгадал отца Константина, сохранил о нем добрую память на всю жизнь.

Много лет спустя, на чужбине, сослуживец Константина Образцова полковник Елисеев так напишет об этом замечательном человеке: «Помню, я как-то взобрался на высокое плато, возвышавшееся непосредственно над нашим биваком, и там случайно встретил отца Константина. Наблюдая местности и высящиеся невдалеке, словно две сахарные головы, Большой и Малый Арараты, он стал пояснять мне о библейских временах сих мест, о Ноевом ковчеге, о бывшем дне морском на нашем месте и в доказательство этого, порывшись в земле, достал оттуда несколько морских ракушек. «А вот слово – «адам». Адам по-тюркски – это значит человек. Почему оно здесь имеет такое нарицательное определение?» И на эту тему он развил мне целую историю о первой колыбели человечества сих мест, последовательно связав его с именем нашего прародителя и первого человека Адама. Не знаю, ветхозаветная ли местность, далекое ли наше уединение от людей, иль мое напряженное внимание к его словам вызвали в нем поток какого-то откровения и экстаза... Я слушал, и в моих глазах постепенно перерождался наш неказистый на вид батюшка и выявлялся человек с большой душой и глубоким содержанием»¹.

В 1914 году Турция объявила войну России. Передовые разъезды русских продвинулись так далеко в глубь турецких позиций, что достигли истоков библейской реки Тигр.

Находясь все это время в полку, Константин Образцов равно делил все трудности и невзгоды походной жизни. Бесконечные переходы через снежные перевалы по извилистым, узким, «в один конь», тропам, по которым расстояния могут быть измерены только «саатами», то есть часами, подгорелый лаваш, печенный запросто на раскаленных камнях, – суточное довольствие на человека, грязь, паразиты, а главное – ежеминутное ожидание смерти, когда всякий казак, утверждая свою ногу в стремени, мог думать, что он делает это, может быть, в последний раз...

По долгу службы отцу Константину приходилось исповедовать многих участников этого похода. В боевых действиях на турецком фронте участвовало почти все строевое кубанское казачество, весь цвет и вся мощь его. Из 11

первоочередных полков Кубанского казачьего войска были задействованы 9. И лукавый писарь, прошедший канцелярскую науку в Екатеринодаре, и «распахни душа» казак-пластун из станицы Уманской, все достояние которого составляло его достоинство, и казак-черноморец, хозяин рыболовецкой байды на Тамани, – все несли тяготы своих дум к войсковому священнику. И это втайне произнесенное слово не могло не запечатлеться в чуткой душе Константина Образцова, чтобы затем излиться из нее сокровенной исповедью народа-воителя.

Стихотворный размер гимна указывает на то, что в этой исповеди нет случайных слов. Полновесные, они могут быть истолкованы как центральные и вместе с тем всего лишь начальные образы в бесконечной цепи ассоциаций мира «степных лыцарей». Мужская рифма подчеркивает специфическую особенность казачьего голоса, который неотъемлемому элементу всякой исповеди – покаянию придает скупое мужественное начало. Самые глубинные и характерные чаяния казака-воина находят здесь свое воплощение: любовь к родине, чувство сыновства, вольность, служение на благо отечества, памятование заветов прошлого и слава не уронившего чести воинства.

Песнь начинается с молитвенного обращения казачества к своей Родине:

***Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдаль и вишь...***

Прежде всего обращает на себя внимание то, что при глубокой любви к своему краю само обращение производится на «ты». И это не грубость. Опрощенная в тяготах пограничной жизни натура казака не знала ярких проявлений чувства, но зато ей было неведомо непостоянство. Родина для казака в буквальном смысле всегда была частью его самого, и как к самому себе немислимо обращаться на «вы», так немислимо оно было и к части своего естества.

Связь казака со своей землей часто выражалась настолько зримо, что, покидая родные пределы, иной воин брал с собой набитый душистым чабрецом вещевой мешок, который служил ему подголовьем в дальних походах. Укладываясь на ночлег, иногда за тысячу верст от дома, и вдыхая ароматы трав родной степи, казак таким образом поддерживал свои силы, уносясь в сновидениях к свежeweбеленной саманной хате, тенистому ерику в летний зной или безымянному кургану за околицей – месту желанных встреч с любимой.

Характерно, что представление о Родине как земле, на которой ты родился, почве, в заключительных словах первой строфы уступает место образу водной стихии. Если углубиться в историю кубанского казачества, то мы увидим, что предки кубанцев еще в Запорожской Сечи охотно селились «на водах» – многочисленных островах днепровских разливов. Первая обитель, Екатерино-Лебяжская пустынь, основанная сразу же по переселении казаков на Кубань, была освящена в честь Николая архиепископа Мир Ликийских – Миколы Мокрого, покровителя плавающих и путешествующих, каковым сознавал себя каждый из этих молодцов. Безбрежная поверхность речных гирл и лиманов была так же привычна черноморцу, как и бескрайняя гладь степи, изредка тревожимой ковыльными волнами. Если казаку случалась нужда описать красоты кубанских лиманов, то он сравнивал их со степью: степь же в свою очередь сопоставлялась с беспредельностью водных просторов Черноморья. Живописуя разнотравье кубанской степи, «письменный» казак, например, говорил: «Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину».

Но было в казачьей душе и другое идеальное представление о «многоводной и раздольной» стихии. Река Кубань в песне – это не столько конкретное географическое

понятие, сколько обобщенное, нравственное. В системе христианской символики вода всегда ассоциировалась с самим Иисусом Христом, одним из эпитетов которого был «река жизни». Пьющий из этой реки воду, по слову апостола, «не будет жаждать вовек» (Ин 4:14). Немногим доступный в своем догматическом осмыслении, этот символ был познаваем казаками в ощущениях повседневной жизни, ведомой по заветам дедовской «старовыны».

Документы рассказывают, что в прошлом веке на Кубани существовало такое обыкновение. Если какой-либо храм приходил в негодность по причине ветхости и его разбирали, то на месте, где прежде находился алтарь, рыли колодец, водой которого пользовалась вся станица. Пытливый ум всегда мог извлечь из этого зрелища нравственный урок христианской жертвенности: ведь чем больше черпалось воды из колодца, тем чище и вкуснее она становилась.

*Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.*

Куда бы ни забрасывала судьба кубанского казака, его связь с Родиной должна была оставаться самой прочной – сыновней. Ключевой мыслью второй строфы и является исповедание этого сыновства.

Всякое значительное событие в истории казачье сознание всегда стремилось осмыслить и закрепить в привычных для него семейных формах. Так, в 1801 г., когда Павлом I были подтверждены права войска, войсковая канцелярия для вечной памяти «распорядилась в каждом курене обвенчать по одной доброй паре из бедных или сирот с подарком в 100 рублей»¹.

Осознание себя членом большой семьи – казачества, где есть «мать» – «степь широкая», «река раздольная», есть отец – «батько атаман», предполагало и братское отношение друг к другу. Но это было не то братство, которое числилось в ряду идей французского вольномыслия конца XVIII в. и в основе которого лежало равенство людей друг перед другом. Неизменным идеалом казачьего братства было не равенство, а доблесть, доступная лишь немногим героям: всем остальным предлагалось равняться на нее. Это было равенство возможностей каждого при семейной опеке «старших» братьев над «младшими» и духовном росте последних. Это было равенство в достоинствах и никогда в недостатках.

Время от времени в казачьей среде даже наблюдалось стремление законодательным путем упрочить братские связи между людьми. С этой целью по городам и станицам создавались устойчивые религиозные объединения – братства. До наших дней дошел устав киевского братства, образованного еще в XVII в. В состав его членов наряду с известными духовными деятелями вроде настоятеля Киево-Печерского монастыря Исая Трофимовича входили и светские лица, в частности гетман Сагайдачный со всем Запорожским войском. В этом «уписе» вместе с другими «братчиками» казаки-запорожцы торжественно провозглашали: «Мы, грешные, хотя и поздно пробудившись от долговременного нерадения и лености и мрачной суеты мирской, восхотели прозреть к свету благоразумия. Начинаем сей дружелюбный союз, братство церковное в богоспасаемом граде Киеве к утешению и утверждению в благочестии нашего русского рода, сынов восточного православия, обывателей воеводства Киевского, как всякого духовного, так и светского дворянского сословия, мещан всей республики и всех христоименитых людей»¹.

По традиции аналогичные братства создавались и на Кубани. Вот, например, что говорится о них в воспоминаниях старожилов станицы Роговской: «Трудно проследить начало и возникновение этих обществ. Вероятно, их надо отнести к тому времени, когда станицы только поселились и общества эти возникли с целью благотворительной: помогать неимущим и слабым строиться на месте; так, по рассказам видно, что более зажиточные казаки сговаривались и шли пахать и сеять тем, кто сам не мог этого сделать. Но постепенно, когда благосостояние казаков увеличилось, деятельность этих двух обществ свелась на помилование и молебен о живых и на поминание и панихиду об умерших «братьях и сестрах». При этом готовятся обеды до такой степени обильные, что их хватает на несколько сот человек. Эти обеды устраиваются в каждый храмовый праздник – 9 мая, 26 июня, 6 декабря, 7 января «братчиками» и 21 апреля – на св. Георгия – «сестрами», и всегда они бывают два дня.

Взнос, обязательный для членов к каждому празднику: деньгами полтора рубля и натурой – хлеб, масло, птица, сало, мука, крупа, пшено для каши и т. д. Набирается таким образом огромное количество разного рода провизии. Роговская славится своими обедами, сюда стекается масса бедного люда из окрестных станиц, даже из Екатеринодара много приходит разного бродячего народа; но сколько бы ни собралось к обедам, считается долгом чести всех накормить»².

В идеале казачье братство понималось не только как общность людей ныне живущих, но живших прежде и еще только будущих жить. Так, жители станицы Новокорсунской в память о героической гибели полковника Тиховского и 146 его сподвижников в битве с трехтысячным отрядом абреков соорудили в станичной церкви образ с перечислением на нем имен Тиховского, Гаджанова, Кривошеи, Жирового, 4 урядников и 140 казаков. Погибшие герои ежедневно поминались на ектенью наряду с предстоящими в храме жителями станицы, так что последние постоянно чувствовали их присутствие.

*О тебе здесь вспоминаючи,
Песню дружно мы поем,
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом...*

Казачья вольность, о цене которой вспоминаешь, перелистывая воинские уставы самых жестких времен, запрещавшие применение к казаку, наряду с дворянином, телесных наказаний...

В современных словарях слову «вольность» всегда сопутствует негативный смысловой оттенок вседозволенности. Но так было не всегда. Обласканное великим Пушкиным, это слово было окончательно искажено в мрачные годы сталинского произвола, когда репрессиям подвергались не только отдельные личности, народы, но и их языки. Словарная статья сохранила нам свидетельство приговора тех лет в виде пометки «устар.», в результате чего слово «вольность» было лишено «гражданства» и заменено в речевом обиходе менее принципиальным «свобода».

Две формы рабства издревле подавляли человека: внешняя, когда одни люди порабощали других, и внутренняя, когда поработителем по отношению к человеку выступало его несовершенство, греховность. Свобода – это независимость человека, познавшего внешнее рабство; вольность, по преимуществу, – изначальное неприятие рабства внутреннего. Свобода, по существу, – право брать, вольность – привилегия отдавать. В своем крайнем выражении первое – свободная нравственность, второе – нравственная свобода. Жертвовать жизнью за других по своему произволению – так,

по крайней мере, понимало вольность христианское рыцарство, духовным наследником которого создавало себя казачество.

История показывает нам казаков людьми развеселыми, поклонниками обжигающей горилки. Разве это не противоречит высокой нравственности? Но сами казаки не видели здесь никакого противоречия. Злом для них было не само вино, а лишь неумеренность в его употреблении. Не ставя перед собой апологетических задач, попробуем взглянуть на вино так, как смотрели на него сами казаки, воспитанные в мире с определенной ценностной системой. Излюбленным украшением всякой исправной хаты была картина «Казак Мамай». Традиционному изображению казака, играющего на бандуре, всегда сопутствовали положительные атрибуты вольной жизни: казачий герб, лихой конь, «вострая сабля» и обязательно винный штоф. Ирония здесь неуместна: вино действительно воспринималось как положительный символ. В народном представлении человек, который «пье, гуляе, добро свое пропывае, товариство напувае, щоб вирне було», есть истинный сын казачества, потому что мнимым, меркантильным ценностям мира сего он дает решительное предпочтение в пользу подлинного, душевного богатства: щедрости, радушия и товарищеской верности. Еще в начале нашего века оставались старики, которые помнили, «как запорожец, желая погулять на ярмарке, нанимал певчих, ходил с ними по рядам, поил кого попало, бросал на драку деньги и, в заключение, в богатом красном своем платье садился в полубочье с дегтем в знак презрения к богатству, а потом, надев старый свой кожух, весело уезжал домой»¹. Рассказы о похождениях лихого запорожца составляли излюбленный вид досуга кубанцев.

В системе христианского мировоззрения вино имело сакральное значение. В 103-м псалме вино восхваляется как дар божий, веселящий сердце человека. Отсутствие вина считалось наказанием: «выжмешь виноградный сок, а вина лить не будешь» (Мих 6:15). Цепь чудесных действий Христа открывалась в священной истории претворением воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. Наконец, вино как элемент евхаристической вечери являет собой кровь самого Иисуса Христа. Таким образом, умеренное употребление вина для христианина не только повод к благодарению, но и напоминание о жертве, являющейся для него источником спасения и вечной радости (1 Кор 11:25).

В казачьей песне «Ой, хто пье, тому нальвайте», популярной на Кубани в прошлом веке, интуитивно воплощено подобное же осмысление роли вина в человеческой жизни. Приведем текст этой удивительной жизнеутверждающей песни полностью:

*Ой, хто пье, тому нальвайте,
А хто не пье, тому не давайте.
А мы будем пить
И Бога хвалить
И за вас, и за нас,
И за неньку стареньку,
Що навчила нас
Горилочку пить
Помаленьку!*¹

Среди народов, принявших христианство, пожалуй, одно казачество пошло своим особым путем. Подавляющее большинство людей видело в христианстве только страдания Спасителя. Их путь – путь сострадания и сораспятия Христу. И лишь немногие понимали крестную смерть Богочеловека как исполнение великого

предназначения, после которого остается только радоваться и веселиться. Этот путь – путь сорадования Христу. Именно такой дорогой пыталось идти казачество в русской истории.

Стержневое словосочетание третьей строфы «станицы вольные» указывает на то, что казачья вольность была гарантирована особыми, самобытными формами общежития. Среди многочисленных кровопролитных сражений, в которых участвовало кубанское казачество, быть может, самым изматывающим и безнадежным было бескровное единоборство с царской администрацией за право строить свою жизнь по законам вольницы. «Не смея даже заикнуться о правах бывшей Запорожской Сечи, войско принуждено было пустить в ход хитрость. Так, оно скромно просило об отдаче ему во владение земель «на Тамани с окрестностями оной», а окрестности эти по занимаемому ими пространству в 30 раз превышали самый Таманский полуостров. Так, оно не заикнулось и словом об организации самоуправления, а впоследствии выработало свой собственный законодательный акт, служивший в сущности снимком с организации самоуправления в Запорожской Сечи»¹.

Согласно «Порядку общей пользы» войско являлось коллективным юридическим лицом с общественной собственностью на землю. Оно имело собственное выборное «войсковое правительство», состоявшее из атамана, судьи и писаря в войсковом граде и точно такой же состав правления в каждом из куреней. Но уже Павлом I центральное войсковое правление было заменено канцелярией, в которую, кроме атамана и двух членов войска, непременно должна входить и «особа» от правительства Российского государства. Вскоре высочайшей грамотой были упразднены должности войскового судьи и писаря, а также изменен порядок утверждения атамана. Только первые три атамана: Белый, Чепега и Головатый – были еще избраны по старинному обычаю, четвертый – Котляревский – уже был назначен правительством. Наиболее тяжелый удар по казачьим вольнолюбивым традициям был нанесен в 1855 г., когда назначение войскового атамана стало производиться вообще из лиц неказачьего сословия. С самоуправлением было бы покончено навсегда, если бы подобные нововведения коснулись и куренного правления, но этого не произошло. По-видимому, высшие чиновники почувствовали, что последствия от вмешательства в глубинные сферы жизни казачества могут быть непредсказуемыми.

В 1842 г. по настоянию кубанцев права куренного самоуправления были оформлены законодательно. В согласии с народными обычаями за станичным обществом сохранялась значительная часть прав старинного казачьего круга, то есть станичники на полном сборе могли сами решать хозяйственные вопросы, судить и наказывать своих членов за различные проступки и т. д. Вероятность вынесения предвзятого решения в суде общины, основанном на принципах христианской нравственности, была ничтожно мала, так как наказания, в современном смысле этого слова, могло вообще не быть, потому что провинившегося часто передавали на суд «Афанасию Александрийскому да Федору Стратилату», то есть на покаяние храмовым святым. Станичная община оставалась всесловной: в нее входили простые казаки, войсковые офицеры, в том числе и дослужившиеся до дворянства, начиная с зауряд-есаула, местное духовенство. Функции станичной общины делились между двумя органами – станичным сбором и станичным правлением. Станичный сбор был законодательной властью и должен был руководствоваться тем общим основанием, «чтобы общественная собственность со стороны всякого незаконного притязания оставалась совершенной неприкосновенностью, чтобы польза общая всегда предпочитаема была частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами

уровнительно и никто из них не присвоил не принадлежащего ему...»¹. Всякое решение утверждалось непременно избыточным большинством, то есть 2/3 голосов всех домохозяев. Станичное правление представляло из себя «местную исполнительную власть, действовавшую на пространстве юрта каждой станицы». В состав правления входили станичный атаман и двое судей, которые избирались обществом ежегодно в день «праведных судей» – апостолов Петра и Павла.

Таким образом, хотя отдельные элементы общинного самоуправления и претерпевали изменения во времени, дух вольницы на протяжении всей истории войска оставался неизменным. Вглядываясь в структуру казачьего самоуправления, невольно приходишь к выводу, что еще задолго до декларируемых революцией форм народовластия казачество имело такую форму правления, которая обеспечивала ему довольно высокую степень участия простых казаков в общественной жизни.

*О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идем на смертный бой...*

Как не совершенно изображение казачьего мира без вольности, так нет в нем полноты и без служения. Два этих исконных² качества как бы находятся на противоположных полюсах казачьего характера, то конфликтуя, то взаимодополняя друг друга. Отношение казака к основному делу своей жизни – воинской службе яснее всего выражается уточняющим противопоставлением: не служба, но служение. Действительно, в своем идеале это особый вид рыцарского христианского служения, теоретическим обоснованием которого, по-видимому, следует считать 13-й стих 15-й главы Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Было бы любопытно исследовать в истории XV–XVI вв. факты прямого взаимодействия рыцарского института, переживающего свой закат в Западной Европе, с нарождающимися «орденами» казачества в южных областях России и Украины. Культура общего христианского вероисповедания позволяет нам говорить об идеологической преемственности этих двух явлений. Везде, где в истории появлялись люди чести – будь то английский джентльмен, немецкий дворянин, запорожский казак или русский офицер, идея рыцарства возрождалась к жизни. Это возрождение всегда составляло одну из поэтических страниц в летописи любого народа.

Идеологических параллелей между рыцарством и запорожским казачеством можно провести достаточно много. Очень важно, что сами запорожцы считали себя «степными лыцарями», призванными к особому служению. По меткому выражению И.Д. Попки, «живой изгородью» издревле селились казаки на окраинах великой и малой России, с тем чтобы оборонять православие от притязаний иноверцев. Как и их старшие братья на Западе, они давали обет безбрачия, предпочитая плотскому браку брак духовный с «невестой Христовой» – церковью.

Характерно свидетельство историка А. Скальковского о том, что когда в Покровской церкви Запорожской Сечи читалось Евангелие, то все войско вынимало сабли до половины в знак готовности защищать церковь и словом, и делом, то есть оружием. Казака не нужно было, подобно новобранцам в других странах, «заманивать» на войну различными выгодами, достаточно было сказать: «Хто хоче за християнску виру бути посаженим на кил, хто хоче бути четвертованим або колесованим, хто готов перетерпити всяки муки за Св. Хрест, хто не боїться смерті,

нехай пристае до нас»¹ – и от охотников не было отбоя.

История сохранила нам свидетельства о крестовых походах французских и немецких рыцарей, но много ли мы знаем о тех малочисленных, а потому в высшей степени мужественных вылазках запорожцев в стан врага, когда их легкие челны наводили ужас в Синопе и Трапезунде? Сохранившееся до наших дней выражение «Я есть казак именитый» указывает нам еще на одну параллель с рыцарством, в котором, по обычаю, воины получали особые имена в соответствии с их героическими поступками. Подобная же древнейшая форма награды существовала и у запорожцев. За ум казака одаривали прозвищем «Головатый», отвага отмечалась именем «Волкорез», а важные качества воина-разведчика оценивались, к примеру, таким прозвищем, как «Легкоступ».

Отправляя сечевиков на новые места жительства, Екатерина II так определяла основное назначение их службы: «Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». Тогда же князем Потемкиным через Суворова была передана черноморцам печать коша Войска верных казаков с изображением воина, держащего в одной руке мушкет, в другой – знамя с крестом.

Природное добродушие малоросса – и тут проявляется существенное отличие казачества от средневекового рыцарства, свидетельствующее о его большем совершенстве, – всегда подспудно тянуло кубанского казака к мирной, домовитой жизни, и только сознание великого долга защитника не позволяло ему расставаться с оружием. Под скрип переселенческих телег, запряженных неторопливыми, под стать их хозяевам, волами, звучала над степью песня – потаенная мечта о мире:

*Дай нам, Боже, дай из неба,
Дай чого найбільш нам треба:
Дай нам мыра и спокою
Пид могутчою рукою.*

О том, что, переселяясь на Кубань, сами черноморцы не преследовали военных целей, говорит тот факт, что, размещаясь на приграничных землях, в самом опасном месте – от Екатеринодара до Усть-Лабы – они построили только три куреня: Пашковский, Васюринский и Корсунский, остальные тридцать с лишним – в глубине обживаемых земель, оставив тем самым границу не вполне укрепленной, зато и не такой угрожающей, чтобы возбудить у горцев опасение в нападении.

Первые годы казакам удавалось жить в мире с горцами: они даже брали себе в жены статных черкешенок. Но сложившийся издревле способ ведения хозяйства у черкесов, в укладе которого важное место занимали «малые войны» с целью обогащения отбитым у неприятеля скотом и прочим скарбом, не мог гарантировать долговременного мира между соседями. Поначалу казаки больше оборонялись от горцев, ибо предписывалось влиять на них: «Не столько страхом оружия, сколько ласкою и мягкостью обращения». Но в 1797 г. 300 казаков Кубанского полка, выведенные из терпения безнаказанностью горцев, произвели набег на Кубань для возмещения убытков и захватили около 5000 баранов. Об этом было доложено императору Павлу, который приказал произвести строгое расследование, баранов возвратить, а по линии объявить, что если еще будет подобное, то виновники будут выданы горцам. Но растущую лавину военных стычек уже нельзя было остановить...

В условиях полувоенного существования на Кавказе служба казака становится для него в полном смысле образом жизни. «Вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности», – писал о кубанцах А.С. Пушкин. Срок службы казакам сначала вообще не был определен, увольнение ему могла дать только собственная

смерть. В распоряжении военной коллегии от 1808 г. общий срок выслуги для казаков уже определялся: на полевой службе 25 лет и на внутренней – 5; всего 30 лет. В «Правилах для куренных управлений», обнародованных в 1828 г., предусматривались следующие наряды внутренней службы: 1) при войсковой канцелярии, 2) при войсковых почтах почтари и летучие, 3) в надзирателях при лазаретах, 4) при войсковых магазинах, 5) в розыскной команде, 6) при куренных валах и карауле на воротах, 7) на пристанях, 8) на соляных озерах.

Достоин удивления, что в этом казенном документе нашлось место и задушевному слову. Вот, например, строки, обращенные к командному составу: «Судя по человечеству, не должно сверх меры угнетать никого из подчиненных, которых одна истина и начальнические ласки могут заставлять быть усердными и послушными к своим обязанностям». Или: «Имея всем таковым список, при наряде соблюдать действительную очередь так, чтобы один перед другим не отягчался и не имел бы причины затруднять начальство жалобами, не приносящими никакой пользы, кроме хлопот и взыскания с виновных»¹.

Ответственность казака перед миром наступала очень рано. С 7 лет, то есть с того времени, когда церковь признавала необходимым исповедоваться каждому христианину, он уже был совершеннолетним – оценивал свои поступки и нес исправление.

Забота о приобретении сызмальства казаками воинских навыков возлагалась на станичных атаманов, по распоряжению которых в специальных лагерях осваивались практические упражнения, «ибо оное приносит казаку большую честь, пользу и славу, где бы он ни был, и не только обезопасивает его собственную жизнь во всяком случае, но еще охраняет спокойствие другого»². Для достижения этой цели в каждом селении под наблюдением опытных урядников в праздничные или воскресные дни среди малолеток устраивались стрельбы по меткам, учебная рубка и скачки. Об успехах наиболее ловких казачат докладывали в войсковое правление. В 80-х годах прошлого века в строевом составе Кубанского казачьего войска были четырехсотенный полк и батарея из четырех орудий, состоявшие из малолеток. Одеты в белые черкески с красными бешметами и белые папахи, малолетки являли собой надежду войска, живую святыню малого отечества, за нерушимость которой на поле боя любой взрослый казак без промедления отдал бы свою жизнь. Характерно, что большинство храмов на Кубани освящалось в честь святых-воинов: Георгия Победоносца, Александра Невского. К ним по духу можно причислить и церкви, освященные в честь некоторых праздников, скажем, Воскресения (первый войсковой собор), которое понималось как Victoria над смертью.

К идеалам служения «вере» и «отечеству» казак с необходимостью добавлял и третий, нерасторжимый в своем единстве член – «царю». Перед нами одна из загадок казачьего характера. Как получилось, что в символе служения Запорожской Сечи «за веру, отечество и вольность» позднее была произведена замена последней на «царя»? Видимо, в представлениях прошлого века между ними было нечто согласное, общее, что давало основание на их взаимодополнение и даже заменяемость. Это «общее» проистекало от идеального религиозного осмысления понятий, когда истинная «вольность» воспринималась как реализация предельного личностного права на отсечение собственной воли, а «самодержавие» – как вольное изъятие божьей правды и милости через монарха. Расширяя пределы представления об отечестве от Запорожской Сечи до Российского государства, казак по необходимости должен был принять и идею государственности в той форме, в какой она испокон веков

существовала на Руси.

Принятие христианства на Руси сильно способствовало изменению великокняжеского единоначалия в сторону подотчетности надмирным принципам православия, так что к XVI в. уже была выработана полная формула христианской монархической идеи: «Земля правится Божьим милосердием и пречистыя Богородицы милостию и всех святых молитвами и родителей наших благословением и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами, и иже ипаты и стратиги»¹. Такое понимание самодержавия и было наследовано казачеством. Казак служил своему земному царю, зная, что и тот не освобожден от службы царю небесному.

Уже во времена Александра Миротворца наследник цесаревич почитался в России августейшим атаманом всех казачьих войск. История сохранила нам много неподдельных свидетельств большой любви населения казачьих областей к своему монарху. В 1888 г., во время посещения Александром III Кубани, на улицах Екатеринодара можно было видеть такие сцены: «Вот старушка вырывается пройти сквозь линию расставленных войск, ее не пускают, говоря, что за линию войск никого пропускать нельзя. “Как нельзя! – вопит старуха. – Царя-то батюшку! Его всем можно видеть, я буду жаловаться”. Но, видя, что угрозы ее не помогают, она, горестно зарыдав, начинает умолять: “Посмотрите на меня – ведь у меня смерть за плечами, дайте же глянуть на нашего отца!”»².

В память о чудесном спасении царской семьи во время крушения поезда в 1888 г. на станции Борки в городе Екатеринодаре было заложено два собора – Екатерининский, каждый из приделов которого был освящен по имени святого, тезоименитого какому-либо члену царствующего дома, и Троицкий.

«На то казак родился, чтобы царю пригодился», – говорили на Кубани: в теократической модели мира, каковой в известном смысле являлась всякая икона, казачеству соответствовал бы канон «Церкви воинствующей», оберегающей своего Домоправителя.

Памятование о тех высоких обязанностях защиты отечества, которые возлагало на казака общество, заставляло его требовательно относиться и к средствам для достижения этих целей. Когда в 1807 г. высшее начальство Черномории генерал-губернатор одесский и херсонский Дюк де Ришелье решил укрепить границы этого края путем ссылки сюда на поселение крупной партии заключенных, то войсковое правительство решительно этому воспротивилось, несмотря на острейшую нужду в мужчинах. В письме от 3 июня 1807 г. к Дюку де Ришелье полковник Ф. Бурсак, ревнуя о чести казачества, деликатно указывал на другой источник пополнения численности войска: «Всенижайше в. с. прошу о исходатайствовании у высочайшего престола позволения перечислить сколько-нибудь тех казенных поселян семей из внутренних России губерний, кои там по малоимению земли как в хлебопашестве, так и в хозяйствах своих нуждаются, а здесь бы как в оном не имели нужды, так и отправляли бы высочайшую службу...»¹. Эта «щепетильность» со стороны казачества стоила ему многих тысяч жизней, так как повлекла за собой промедление в решении вопроса, как известно, более чем на 10 лет, пока на Кубань наконец не было организовано очередное переселение малороссийских крестьян.

*О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?*

Троекратный рефрен «О тебе здесь вспоминаючи», с которого начинаются 3, 4 и 5-я строфы исповеди, заставляет нас задуматься о значении памяти в казачьей жизни. Несомненно, это одно из самых сущностных понятий как в жизни отдельного человека, так и жизни целого народа, ведь степень духовного здоровья часто находится в пропорциональной зависимости от полноты и связанности воспоминаний человека. Справедливо и обратное утверждение: одним из типичнейших признаков безумия является полная или частичная потеря памяти.

В отличие от романо-германских народов, пафос мышления которых был направлен в будущее, славяне всегда тяготели к заветам прошлого. Если в западном обществе случались смуты, то в большинстве своем оттого, что старому выражалось недоверие. В России, наоборот, такая ситуация в большинстве своем возникала от недоверия к новому. Ярким выразителем нового направления в историческом мышлении был Лютер; мышления, поверяемого традицией прошлого, – Аввакум.

Календарный день для казака начинался не с настоящего утра, а с прошедшего вечера, что соответствовало практике богослужебного цикла. В связи с этим прошлое никогда не ощущалось как нечто ушедшее, несуществующее, но всегда как начало, часть настоящего, причем лучшая его часть, ибо свой «золотой век» казачество видело не в будущем, а в прошлом: там, за синей дымкой времен остался отчий социально-нравственный идеал Запорожской Сечи. Любый и недостижимый.

Не потому ли в кубанской литературе прошлого и начала нынешнего века преобладающим было историческое направление? Действительно, лучшими представителями мыслящего казачества, заявившими о себе за пределами Кубани, были писатели-историки: Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, П.П. Короленко, Ф.А. Щербина. Их произведения написаны «не научно». Вместо отстраненной сухой строгости – высокая образность, задушевность, вместо принятых в исследовательской литературе записных оборотов – почти сказовая интонация. Объяснение всегда кроется в своеобразном «пристрастном» отношении к истории, которая понималась как предание.

Сущность предания заключена в завете «Храни преданное тебе» и выражает преемственность духовного опыта всякого народа от праотцев до настоящего времени. Предание – церковно, вот почему отечественная история воспринимается как часть священной истории, временное – как часть вечного. В известном смысле первыми музеями на Кубани были церкви. Именно они брали на себя миссию сохранения наследия прошлого, как это было, например, с войсковым Воскресенским собором, выставлявшим в особо торжественные дни на всеобщее обозрение подарки Екатерины II.

Прошлое казачества изобилует примерами специфического отношения ко времени, свойственного преданию. Прежде всего это предпочтение живой устной традиции перед письменным способом передачи исторической информации. От деда к отцу, от отца к сыну. С той неизменной непрерывностью, с какой испокон веков совершался обряд священнического посвящения. Когда-то апостолы возложили руки на Павла и Варнаву, те, проходя Листру, Иконию и Антиохию, стали рукополагать во священники других достойных христиан, которые в свою очередь продолжили цепь священной преемственности на следующих людей – без счета из века в век, так что последний с полным основанием мог сказать, что над ним были вознесены руки первого.

Именно так поступали кубанцы, когда хотели сохранить прочную память о каком-либо знаменательном событии в своей истории: на войсковые празднества, сходы и

другие важные мероприятия, проходившие в столичном граде Екатеринодаре, непременно приглашали смысленных мальчиков от всех казачьих поселений края, по два-три человека от каждого, с тем чтобы эти события были надолго запечатлены в их детском сознании. Со временем эти мальчики становились отцами и передавали все увиденное своим детям, те, становясь в свою очередь опорой семьи, передавали услышанное своим детям – так и ковалась эта живая цепочка казачьей истории.

Другой характерной особенностью предания являлась анонимность. Вместо определенных, а потому ограниченных вех памяти предание охотно использовало обобщенные обороты «во время оно», «некий муж», так что всякий слушающий, внутренне примеряясь, мог представить себя на месте героя, получив тем самым нравственный урок. Забота об увековечении собственного имени для казака никогда не была настолько сильной, чтобы соревноваться с общинной памятью громады: только эта последняя имела право на земное бессмертие, ибо что же стоила отдельная жизнь даже самого знаменитого человека, если все хорошее в ней было взято взаймы у товарищества и лишь пороки составляли личную собственность. Именно так рассуждали «письменные» казаки, оставившие потомкам следующую надпись: «Крест сей сооружен коштом неких благочестивых граждан киев-ских, их же имена написаны суть на небесах».

Анонимность в предании не уничтожала человечности. В отличие от современного способа осмысления времени, восходящего к иудейской традиции празднования юбилеев (от еврейского «иовель» – звук фанфар), то есть абстрактных, «круглых» отрезков времени в 50, 100 и т. д. лет, христианское мировоззрение изначально соотносило время с человеком. Православный месяцеслов – что памятник очеловеченного времени, в котором каждый день освящается не порядковым числом, а именем какого-либо святого. Сверх того, предание отмечает специальные дни памяти, так называемые родительские дни. Один из таких родительских дней особо почитался в казачьем краю, это 29 августа – день усекновения главы Иоанна Предтечи. Обычай поминать в этот день преимущественно воинов, положивших свою жизнь на поле брани, был установлен в 1769 г., при императрице Екатерине II, во время войны с турками и поляками.

Уникальность родительских дней заключается в том, что в эти дни поминаются не только люди исключительные: герои, подвижники, но и люди, ничем не примечательные. И это чрезвычайно характерно, потому что память к «маленькому человеку» – истинная память. Но предание идет дальше! Оно не отворачивается даже от недостойного. Однозначно осуждая, например, грех самоубийства, народное сознание все же выделяет несколько дней в году (троицкая суббота, фомин вторник и др.), в которые позволительно вспомнить и этих, самовольно лишивших себя жизни людей и «тихонько» помолиться за их пропавшие души. Высокий уровень религиозности позволял нашим предкам видеть и во враге – человека: на Бородинском поле, как известно, в свое время был поставлен памятник не только павшим русским, но и их противникам – французам, ведь перспектива внеземного существования делала братьями и погибшего казака атамана Платова, и павшего кирасира маршала Мюрата.

*Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон...*

Исповедание казачьего «символа веры» завершается актом торжественного

приношения. Ровная поверхность кубанской степи мыслится как алтарь, на который возлагается самое дорогое, что есть у казака, – доброе имя.

Перед добрым именем христианина (им же сознавал себя каждый казак) исчезало чувство социального неравенства. «Да хвалится брат униженный высотой своею, а богатый унижением своим» (*Иак 1:9*). Подлинным богатством становилось нечто иное. Когда-то в глубокой древности эпитет «богатый» был применим только к человеку набожному, ибо в его первооснове была лексема «Бог». Доброе имя составляло подлинное богатство благочестивого казака, «любящего Бога, хранящего образ Его и подобием Ему богатящегося» (св. Филимон). Утверждение это не нуждается в специальных доказательствах: оно было не раз доказано историей.

Когда в 30-е годы XX в. казачество, уже лишенное прежних земельных наделов, в очередной раз было подвержено «раскулачиванию», то с иной хаты удалось взять разве что макитру квашеной капусты да мешок зерна. Спрашивается, каким же богатством обладало казачество, чтобы подвергнуться организованному голоду, высылке или физической расправе? Ответ, по-видимому, один: подлинная причина репрессий заключалась в духовном богатстве этого народа, из века в век «в Бога богатеющего» (Иоанн Сергиев) и даже в новых условиях стремящегося сохранить христианский уклад жизни.

Внешним выражением доброго имени казака, обобщавшим его любовь к родине, чувство сыновства, вольность и самоотверженность в служении на благо отечества, становится слава. Венец и непреходящая ценность ее для казачества были очевидны: «Слава казацка николи не згине!».

В славянском мире звук этого слова всегда возбуждал дорогие сердцу чувства. В группе родственных слов мы находим такие весомые, как «слово», «славянин», «православие», а в разговорном обиходе наречие «славно» выступает синонимом к словам «хорошо», «добро».

Днем славы можно назвать церемонию войскового круга, проходившего ежегодно в казачьем краю на второй день Пасхи: все достояние кубанских казаков, собранное на поле чести, выносилось из войсковой церкви на майдан на показ народу. То, что этот праздник устраивался сразу же после великодня, указывало на важность данной церемонии, значение которой для казаков было почти таким же, как и главного праздника православного календаря. В глазах всего народа казачья слава материализовалась здесь в боевых наградах и регалиях войска.

В этот день обычно устраивались пышная соборная служба и парад. Вот как проходил этот праздник еще в конце прошлого века. В 9 часов утра к зданию Кубанского областного правления в Екатеринодаре собирались все наличные чины Кубанского казачьего войска, назначенные участвовать в церемонии войскового круга, и станичные атаманы с депутатами от всех станиц. Войска оцепления располагались шпалерами по всем сторонам Красной улицы от здания правления до собора св. Александра Невского, перед которым был устроен деревянный намет для совершения богослужения в кругу войсковых регалий. С обеих сторон соборной площади возвышались специальные эстрады для городских и станичных зрителей. Как только из здания правления выносились казачьи святыни, войска брали на караул и наказной атаман открывал церемониальное шествие.

Первыми в направлении к войсковому собору отправлялись 12 нижних чинов по два в ряд – с куренными значками, унаследованными от Запорожского войска; далее депутаты от станиц несли 13 куренных медных перначей и 14 малых булав; за ними следовали полковые знамена: одно хоперское 1737 года, 14 пожалованных Павлом I, 6

– Александром I, 7 – Николаем I и 4 пожалованные императором Александром II. За ними двигался войсковой хор, несший две серебряные трубы, подаренные Екатериной II войску. Следующими по очереди шли штаб-офицеры с ассистентами, несшими грамоты Екатерины II 1792 года, повеления императора Павла I 1799 и 1801 годов, грамоты Александра I и Николая I, рескрипт Александра II и его мундир. За регалиями следовал наказной атаман, имея в руке булаву – подарок Черноморскому войску в 1792 году. Шествие сопровождалось звуками военных маршей. На соборной площади регалии окроплялись святой водой и служился благодарственный молебен. Всюду царило приподнятое настроение. То там, то тут скатывалась слеза на седой ус казака, искрился чей-то молодой взор...

Не умирай в народе, призванном к славным подвигам оружия, не умирай и не блекни память о высоких наградах – и пусть знают о них и мать, и малые дети казака, и наезжие гости его!

Вот когда, казалось бы, казаку можно было и расслабиться: прихвастнуть былыми подвигами, утвердиться в сознании собственной значимости: но тщеславию не было места на этом празднике, потому что в конечном итоге всему, что составляло гордость кубанца, казак был обязан Всевышнему – так от века считали запорожцы. «Всякий умирающий казак, если имел на себе икону, крестик или был жалован значком или царскою медалью, непременно отписывал все это на церковь, и после его смерти его атаман или хлопец, то есть верный слуга, вешал оные на иконостасе у избранной умершим иконе»¹.

Удивиться и помыслить! То, что многие почитают пределом своей нравственной работы – нелицемерный отказ от иллюзорных благ этого мира в обмен на славу совершенного, для казака оказывается недостаточным: ничто не желает назвать он своим. И горят наградным серебром слова на черкесках потомков славных рыцарей степи: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу», как свидетельство высшей формы человеческого бескорыстия – бескорыстия нравственного.

...Умолкают последние звуки песни. Во всех кубанских войсковых частях поющие, будь то высшие чины в офицерском собрании, рядовые казаки в своем кругу или даже их служилые товарищи-черкесы, при словах последнего двустипия:

*Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон... –*

обязательно снимали папахи и кланялись долу, так завершалось пение.

Впервые текст песни «Ты, Кубань, ты наша Родина» был опубликован в «Кубанском казачьем вестнике» № 28 за 1915 год. К осени того же года песня вышла небольшой брошюрой, в 6–8 страниц, вместе с другими стихами автора. В подзаголовке песни было обозначено: «Плач кубанских казаков». Многие тогда высказывали недоумение: почему «плач»? Действительно, дела на турецком фронте не давали повода к пессимизму. Но автор настоял на своем праве. В 1916 г. песня вошла в «Сборник славы кубанцев», чтобы уже через некоторое время стать официальным гимном Кубанской рады, и тогда же была положена на музыку. Музыку к песне, как удалось установить В.П. Бардадыму, написал дирижер Кубанского симфонического оркестра М.Ф. Сириньяно¹.

Какова же в дальнейшем судьба автора и его произведения? По свидетельству однополчан отца Константина, жизнь его обрывается трагично. В бурные революционные годы Образцов оказался в Тифлисе, где подвергся аресту и был уничтожен как представитель «отжившего класса». Репрессировано было и его

произведение: в словах песни производится замена, соответствующая новой политической обстановке, меняется размер ее исполнения, придающий голосу оптимистический тон.

Иные ценности, иные символы несут теперь в себе слова песни:

*Ты, Кубань, ты, наша родина,
Наш колхозный богатырь.
Многоводная, свободная,
Разлилась ты вдаль и вишь.
Казаки семьей колхозною
Честным заняты трудом,
Про твои станицы вольные
Песни новые поем...*

Информация о былой истории песни сокращается до минимума: ни в одном печатном издании о кубанской песне не упоминается о том, что автором ее был священник, а уж о том, что песня была избрана войсковым правительством в качестве официального гимна, и говорить не приходится. В таком «улучшенном» виде памятник был призван начать свою новую жизнь, вытеснив из народного сознания естественную поэтику первоначального текста...

Значение песни «Ты, Кубань, ты наша родина» в малой летописи нашего отечества исключительно: без преувеличения можно сказать, что с песни А. Головатого начиналась история Кубанского казачьего войска, песней К. Образцова она заканчивалась.

Все крупные события своей истории казачество всегда стремилось воплотить и осмыслить в песне. Прежде чем то или иное событие народной жизни становилось достоянием истории, оно пропевалось: если певцу удавалось сложить песнь, если мысли, дела и чувства современников ложились на музыку открытого и чистого голоса – значит, верно были приложены силы и нет места заблуждению, ведь злое, согласно неписаному нравственному закону, не поется. «Господь сила моя и песнь!» – восклицали вместе с псалмопевцом казаки, чтя наряду с политиком, полководцем и певца – творца внутренней и наиважнейшей истории – истории народной души.

Сноски

¹ Из книги о. Сергия Овчинникова «Войсковой гимн кубанского казачества как памятник гласного исповедания народной души». Краснодар: Сов. Кубань, 1993.

² Гершензон М.О. Ключ веры. Пг.: Эпоха, 1922. С. 7.

¹ Полковник Елисеев. История войскового гимна Кубанского казачьего войска. Париж, 1930. С. 3.

¹ Короленко П.П. Черноморцы. Спб, 1874. С. 124.

¹ Русский архив. М.: Университетская типография, 1901. С. 324.

² Из семейной хроники Каминских. Екатеринодар: типография «Кубанский край», 1913. С. 67.

¹ Московский телеграф. М.: Типография Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1830. Ч. 35. С. 234.

¹ Концевич Г.М. Бандурист. Екатеринодар: типография т-ва «Печатник», 1910. С. 118.

¹ Щербина Ф.А. История самоуправления у кубанских казаков // Киевская старина. 1884. Февраль. С. 226.

¹ Щербина Ф.А. История самоуправления у кубанских казаков. С. 235.

² Франчук И. Як воювали запорижци? Киев: т-во «Вернигора», 1917. С. 7.

¹ Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1897. С. 48.

¹ Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1897. С. 48.

² Там же.

¹ Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 9 т. Спб: Общественная польза, 1901–1904. Т. 5. С. 520.

² Пребывание их императорских величеств в г. Екатеринодаре 21, 22, 23 сентября 1888 г. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1888. С. 20.

¹ Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1881.

¹ Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Ч. 3. С. 266–267.

¹ По вопросу авторства музыки песни «Ты, Кубань, ты наша родина» см. на с. 236–241 настоящего сборника статью Н. Корсаковой «Михаил Петрович Колотилин...».

Наталия КОРСАКОВА

Михаил Петрович Колотилин – терский казак и композитор. К вопросу об авторстве музыки кубанского гимна

Это имя на Кубани известно только исследователям казачьей народной песни. Разбирая привезенные из США осенью 2001 г. документы архива кубанского казака и писателя Федора Ивановича Елисеева (1892–1987), я обнаружила интересную переписку с кубанской казачкой Марией Пухальской. Она была сестрой известных политических деятелей Кубани братьев Макаренко из станицы Новощербиновской. Закончив 1-ю Кубанскую учительскую семинарию, Пухальская преподавала в образцовой школе при семинарии в г. Екатеринодаре. Ее супругом был Ф.В. Пухальский, офицер Корниловского конного полка, которым в 1918–1919 гг. командовал Ф.И. Елисеев, бывший ему близким другом. В 1919 г. Елисеев благословил их брак. В 1920-м Пухальские эмигрировали во Францию, а после Второй мировой войны проживали в США, в штате Калифорния¹.

В письме Елисееву от 24 января 1982 г. Пухальская благодарит его за сообщенное имя автора музыки кубанского гимна – песни «Ты, Кубань, ты наша Родина», как пишет она, «дабы не потерялась она где-то в забвении». Автором песни Елисеев называет «достойного терского казака, музыкально образованного, Михаила Петровича Колотилина». В одном из писем она также пишет о том, что в газете «Новое русское слово» в начале 1970-х годов ей уже приходилось читать заметку о Колотилине как об авторе музыки кубанского гимна, и обещала найти эту статью и выслать ее Елисееву.

Известная песня «Ты, Кубань, ты наша родина», ставшая народной, а впоследствии (1995 г.) и гимном Краснодарского края, звучит сейчас в обработке композитора, художественного руководителя Кубанского казачьего хора Виктора Захарченко. В словах и музыке этой песни отражены величие и красота Кубани, ее история. Автор слов песни – священник 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска о. Константин Образцов (1877–1917).

Впервые стихотворение «Ты, Кубань-ли, наша Родина» было опубликовано 12 июля 1915 г. в «Кубанском казачьем вестнике» № 28. Стихотворение также было напечатано вместе с другими стихами автора под заглавием «Плач кубанских казаков» в книге, изданной в Тифлисе в конце 1915 г.

Песня на стихи К. Образцова уже в 1916 г. исполнялась во многих казачьих полках на Кавказском фронте. Донской атаман А.П. Богаевский писал: «Удивительная задушевность, глубокое чувство к родному краю, красота строя и напева делают ее одним из высоких образцов народной поэзии. И недаром все мы, казаки какого бы войска ни были, так искренне любим эту прекрасную песнь».

Описание истории создания песни впервые было опубликовано в 1930 г. далеко от родины, в Париже. Ф.И. Елисеев издал брошюру «История войскового гимна Кубанского казачьего войска». Автор стихов, по сообщению Елисеева, в самом начале революции был расстрелян большевиками в Тифлисе¹.

По приказу атамана Кубанского казачьего войска в эмиграции Вячеслава Григорьевича Науменко (1883–1979) от 25 февраля 1921 г. в Константинополе песне «Ты, Кубань, ты наша Родина» был придан статус войскового гимна. В приказе атаман В.Г. Науменко так писал о значении песни: «...песня эта неоднократно играла историческую роль в жизни кубанского казачества. По возвращении кубанцев в родной край из 1-го Кубанского похода песня пелась во всех торжественных моментах жизни кубанцев. Ныне, когда мы выброшены на чужбину, пусть песня эта напоминает нам о славном боевом прошлом, о радостях побед и тяжелых страданиях трехлетней борьбы за счастье Родины и за свою свободу»².

Документы Военно-исторического архива в Москве помогли восстановить биографию и деятельность терского казака композитора Михаила Петровича Колотилина (1863–1917). Он родился в станице Сунженской, имел хорошее общее образование и музыкальное, полученное в Тифлисском музыкальном училище и Императорской капелле. Природа одарила Колотилина звучным, редким по красоте голосом, что и определило его жизненный путь. В послужном списке Михаила Петровича указано, что на верность службе, к присяге он был приведен в январе 1883 г. Свою службу он начал регентом хора конвоя главнокомандующего Кавказским военным округом, с зачислением в 1-й Сунженско-Владикавказский полк, затем регентом хора конвоя наместника императора на Кавказе в Тифлисе. Находился он в этой должности до июня 1917 г.¹

За время своей безупречной службы Колотилин был награжден серебряными и золотыми шевами за сверхурочную службу, золотой Бухарской медалью 2-й степени, серебряной медалью с надписью «За усердие» на Александровской ленте за 10 лет сверхсрочной службы, за 15 лет сверхсрочной службы – золотой медалью на Андреевской ленте, серебряной медалью на Аннинской ленте и бронзовой медалью к 300-летию Дома Романовых.

Колотилин много потрудился над организацией хора, который в первое время состоял всего из 12 человек, а к 1913 г. хор стал уже одним из лучших на Кавказе. В начале XX в. Колотилин получил известность как композитор. Были изданы его произведения: «Терские казачьи песни» (СПб, 1897), «Сборник казачьих маршей и песен» (М., 1900), «Сборник кавказских военных песен» (Тифлис, 1907), «Историческая песня гребенских казаков» (СПб, 1913) и др.

В казачьих хорах в конце XIX – начале XX в. получили популярность его произведения: «В Маньчжурию», «Приветствие войсковому атаману», «Вспомним, братцы, дружно грянем, Тер-Гукасов с нами был», «Херувимская», «Бой под Иканом», «Не орел под облаками», «Кавалерийские сигналы», «Полно, когда-то», «Спишь, ты спишь, моя родная», «Марусенька, казачка, не грусти» и др.

В 1907 г. Колотилин организует в г. Владикавказе состязание певческих станичных хоров Терского казачьего войска. Лучшие хоры были представлены к наградам: серебряные кубки, золотые жетоны регентам и серебряные – певчим. Все станичные хоры в свой репертуар включали произведения Колотилина¹.

Интересно отметить, что в 1911 г. наказным атаманом Кубанского казачьего войска М.П. Бабычем были изданы правила для конкурса на составление кубанского

войскового марша. В правилах отмечалось, что «достоинство марша должно определяться помимо художественности и яркого настроения рельефным выражением характера и жизни кубанских казаков, наличием музыкальных фраз и аккордов, особенно в каденциях, употребляемых малороссийским народом, а также, если автор найдет необходимым, и музыкальной характеристикой народов, соприкасающихся с кубанскими казаками». Среди музыкальных источников, предложенных в качестве примера, были и произведения Колотилина.

В начале XX в. большое внимание уделялось состоянию военных оркестров и хоров, в том числе и казачьих. Существенно улучшается общественный и материальный статус регентов и капельмейстеров. В 1910 г. императором Николаем II была утверждена комиссия по улучшению музыкального дела в армии и на флоте.

В 1913 г. в городах Тифлисе и Владикавказе торжественно отмечался 30-летний юбилей музыкальной и военно-служебной деятельности регента хора конвоя Кавказского наместника М.П. Колотилина. Во многих публикациях говорилось о его таланте и прекрасных душевных качествах.

Проживал Колотилин в собственном доме в Тифлисе по улице Ермоловской. У Михаила Петровича была большая семья – пять сыновей: Георгий (1888 г. р.), Петр (1892 г. р.), Сергей (1899 г. р.), Федор (1902 г. р.), Николай (1904 г. р.) и четыре дочери: Мария (1891 г. р.), Елисавета (1894 г. р.), Елена (1896 г. р.) и Надежда (1898 г. р.). Сыновья Георгий, Петр и Сергей, обладая великолепным сильным басом, служили певчими в хоре конвоя наместника Кавказа. Сергей поступил певчим в хор главнокомандующего Кавказской армией уже после смерти отца, в июле 1917 г.

Архивные документы свидетельствуют о дружеских отношениях Колотилина с императором Николаем II и членами его семьи. В 1910 г. он сопровождает государыню императрицу Марию Федоровну в Копенгаген. Датский король награждает его серебряной медалью, а императрица – золотыми часами. В 1914 г. он отправляется вместе с императором в поездку по казачьим областям, и за образцовое исполнение службы пожалован золотыми часами с цепочкой, с изображением герба царя Михаила Федоровича. Во Владикавказе Колотилин организовал блестящий концерт в саду атамана, рассадив певчих и музыкантов хора на деревьях, что придало особую оригинальность концерту и понравилось императору.

В хоре конвоя наместника на Кавказе служили и кубанские казаки. По правилам комплектования хора он состоял из казаков младшего возраста строевого разряда полков Кубанского и Терского войск, расположенных в Кавказском военном округе. Причем в хоре должно было состоять две трети кубанцев и одна треть терцев всех четырех сроков службы. Совместная служба терцев и кубанцев была традиционна для истории этих войск не только в Кавказском военном округе, но и за пределами России. Так, например, в охране Русской миссии и консульства в Персии служили «безукоризненной нравственности и трезвого поведения» казаки 1-го Екатеринодарского, 1-го Черноморского и 1-го Сунженско-Владикавказского полков¹.

В 1915 г. Михаил Петрович заканчивает Тифлисскую школу прапорщиков и отправляется на Кавказский фронт в действующую армию. На фронте оказались и его сыновья – Георгий, Петр и Сергей. Главной задачей регента хора было – поддержание боевого духа русской армии песней. Служба Колотилина и его сыновей проходила рядом с кубанскими казаками, в тех местах, где и родилась эта песня.

В годы Первой мировой войны по предложению императора комиссия по улучшению музыкального дела в армии отмечает наградами капельмейстеров, регентов и певчих хоров, которые находились на фронте. В 1916 г. Колотилин был

награжден орденом Св. Анны 3-й степени «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных дей-ствий».

По воспоминаниям родственников композитора, в 1916–1917 гг. в Тифлисе была издана граммофонная пластинка с произведениями Колотилина, на которой была и песня «Ты, Кубань, ты наша Родина», под названием «Кубанская казачья песня». В каталоге Российского государственного архива фонодокументов удалось найти пластинку 1913 г. выпуска фирмы «Зонофон» «Песни и произведения М. Колотилина, регента казачьего терского хора», среди которых: «Устали мы», «Русь», «Алла верды» – кавказская застольная, «У ворот, ворот» – русская плясовая, «Ой зийди, зийди, зоренька» – малорусская песня.

Умер Михаил Петрович от сердечного приступа 6 июня 1917 г. в Тифлисе и был похоронен в станице Сунженской. Императрица Мария Федоровна приняла участие в устройстве его детей в пансион и в получении пособия вдове. Известно, что сыновья Георгий и Федор эмигрировали в 1920 г. в Европу.

Атаман Терского казачьего войска в эмиграции Н.Н. Протопопов, сын казака станицы Екатериноградской, составил список умерших терских казаков на чужбине, который передал во время своего посещения г. Владикавказа в 1994 г. Из этого документа стало известно, что Федор Колотилин погиб в иностранном легионе в Сирии, а Георгий умер в Болгарии, в Софии ². Семья Колотилина на родине подверглась репрессиям, и судьба остальных детей неизвестна. Были утрачены награды, уникальные фотографии, где Михаил Петрович снят с императором, и память об этом замечательном русском человеке.

Большую исследовательскую работу о жизни и деятельности М.П. Колотилина проводит атаман станицы Владикавказской краевед Дмитрий Дмитриевич Лозовой. Им были просмотрены документы архива в г. Владикавказе, а также найдены семейные фотографии Колотилина.

Песня «Ты, Кубань, ты наша Родина» была привезена в суровые годы с фронта, забылось имя композитора, она стала народной. Может быть, автор музыки и хотел, чтобы она стала народной и объединяла в тяжелые и радостные минуты жизни всех казаков.

Сноска

¹ Переписка Марии Пухальской с Ф.И. Елисеевым. 1982 // Личный архив автора статьи.

¹ Елисеев Ф.И. История войскового гимна Кубанского казачьего войска. Париж, 1930. 27 с.

² Елисеев Ф.И. История войскового гимна Кубанского казачьего войска и наш полк. Нью-Йорк, 1950. 24 с.

¹ Послужной список М.П. Колотилина // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 823. Л. 1–17.

¹ Отчет о состоянии хоров Терского казачьего войска. 1907 // Архив при Правительстве Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 43. Л. 20–29.

¹ Правила комплектования казачьих конвоев при Российских Императорских консульствах и миссии в Персии. 1910 // ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10004. Л. 24–29.

¹ Список казаков убиенных и умерших в эмиграции до 1975 года // Личный архив атамана Терского казачьего войска Н.Н. Протопопова. Калифорния, США.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

Слово о Г. М. Концевиче

Собирать народные песни, изучать и сохранять их необходимо каждому образованному музыканту. Ведь самобытная песня представляет высокоценный художественный материал, который не только внесет живую струю в общий поток этнографии, но по нему можно проследить и исторический путь той или иной народности.

Г.М. Концевич

В истории отечественной фольклористики есть немало имен известных собирателей, исследователей и пропагандистов народной песни, внесших заметный вклад в дело изучения традиционной народной культуры. Назовем хотя бы имена П.В. Киреевского, П.И. Якушкина, П.В. Шейна, М.Е. Пятницкого, А.М. Листопадова. К этой славной плеяде следует отнести и имя талантливого музыканта и фольклориста Григория Митрофановича Концевича.

Родился он 17 ноября 1863 г. на Кубани, в станице Старонижестеблиевской. После окончания Кубанской учительской семинарии и двух лет работы учителем пения в Тенгинской школе поступил на трехгодичные регентские курсы при Петербургской капелле и успешно окончил их. После этого Концевич работал учителем музыки и пения в Ладожской учительской семинарии. С 1 октября 1892 по 1 октября 1906 г., т. е. ровно 14 лет, он являлся регентом Кубанского войскового певческого хора, успешная деятельность которого продолжалась с 1811 по 1920 г.

Г. М. Концевич был разносторонне образованным музыкантом, яркой творческой личностью, благотворное влияние которого на развитие музыкальной культуры Кубани по достоинству пока еще не оценено.

Как дирижер-хормейстер он поднял, по отзывам современников, исполнительский уровень Кубанского войскового певческого хора на большую высоту. Будучи настоящим фанатиком своего дела, он тщательно искал по станицам певческие кадры для хора, обучал их музыкальной грамоте, сольфеджио и вокальной технике. С целью изучения работы лучших хоров Концевич за свой счет выезжал в Петербург, Москву, Киев, Ростов-на-Дону, Воронеж и все лучшее, что находил в работе других хоров, тотчас же применял у себя в хоре. Основной задачей Кубанского войскового певческого хора являлось, конечно же, исполнение духовной музыки во время церковных служб. Однако творческая деятельность хора не ограничивалась этим. Она была значительно расширена за счет выступлений в светских концертах, которые регулярно проходили в городском саду и концертных залах Екатеринодара, а также других станицах края. Исключительно широким был репертуар. Хор исполнял произведения М. Глинки, А. Даргомыжского, Д. Бортнянского, М. Березовского, П. Чайковского, В. Моцарта, Л. Бетховена, Р. Шумана, украинские и русские народные песни в обработке Г. Концевича и М. Библика. Газета «Кубанские областные ведомости» писала: «Все свои номера хор исполнял хорошо: верно, стройно, эффектно, с разнообразными оттенками... Г. Концевич, как видно, вполне мастер своего дела, а хор, находившийся под его управлением, хорошо дисциплинирован в музыкальном отношении»¹.

Концевич был профессиональным композитором, создавшим незаурядные хоровые сочинения, такие как «Кантата памяти К.Д. Ушинского», «Памятник» на стихи А. С. Пушкина, четырехчастное духовное сочинение «Молебное пение» и др.

Григорий Митрофанович считался признанным учителем пения и музыки; с учебной целью он написал классное пособие по обучению пению, а также большой цикл для хора без сопровождения «Четыре времени года» из 40 произведений на стихи русских поэтов: Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина, Плещеева и др. Им было также создано пособие в помощь учителям «Школьное пение», составленное по хрестоматийному принципу из русских народных песен. Музыкально-педагогической и просветительской деятельностью Григорий Митрофанович занимался, по существу, на протяжении всей своей жизни.

В 1906 г. Г.М. Концевич организовал школу для обучения певчих музыкальной грамоте. Благодаря ему певчие получали профессиональную квалификацию «станичный регент». Они изучали регентское дело: церковный устав, теорию музыки, основы гармонии, сольфеджио, церковную литературу, дирижирование. Для певчих им был организован и отдельный оркестр, в котором Григорий Митрофанович играл первую скрипку.

Его ученики становились регентами станичных хоров. Он воспитал талантливого преемника Я. Тараненко, который после ухода Концевича возглавил Кубанский войсковой певческий хор.

Наконец, Г.М. Концевич был талантливым собирателем, исследователем и неутомимым пропагандистом кубанской народной песни. В «Кубанском казачьем листке» за 7 апреля 1913 г. в сообщении «Доклад Г.М. Концевича» говорилось: «Докладчик чуть ли не с детства интересуется уже этим делом (народной песней. — В.З.) и, во всяком случае, со школьной семинарской скамьи начинает записывать песни. Будучи затем преподавателем учительской семинарии (в ст. Ладожской), он серьезно отдается своей страсти и вменяет ученикам в обязанность записывать во время каникул все песни, которые только поются в станицах. Затем еще с большей кропотливостью эта работа продолжается в бытность Григория Митрофановича регентом Войскового певческого хора и после, когда он специально командировается по области»¹. Он продолжал дело собирания, изучения и пропаганды народных песен на Кубани, начатое Е. Передельским, М. Бибином, П. Кириловым, А. Бигдаем, П. Махровским и др. Более того, он сумел поднять его на высокий профессиональный уровень.

Изданное наследие Г.М. Концевича-фольклориста (сборники и статьи) огромно. Им опубликовано в 1904–1911 гг. семь выпусков «Малороссийских песен», куда вошло 200 трехголосных и четырехголосных песен без сопровождения из репертуара Кубанского войскового певческого хора (в каждом выпуске по 25, 30 или 40 песен); сборник «Малороссийские народные песни кубанских казаков» из десяти песен для одного голоса с сопровождением фортепиано; сборник «Бандурист», составленный из 200 песенных текстов малороссийских песен без напевов, куда в основном вошли тексты песен из ранее изданных им сборников; сборник «Песни казаков» из 20 линейных песен; подготовил к изданию сборник «Музыка адыгов», в который вошли более 200 песен и инструментальных наигрышей.

Собирательская и издательская деятельность Концевича до 1906 г. проходила под несомненным влиянием его практической работы с Кубанским войсковым певческим хором и носила прежде всего просветительский, а не научно-исследовательский характер. Поэтому в своих сборниках он не указывал, где, когда и от кого были записаны песни, не классифицировал их по жанрам. Вполне вероятно, что Концевич включал в выпускаемые им сборники не только песни, записанные им на Кубани, но и брал песни из других украинских сборников.

Это можно выяснить путем сравнения песен из сборников Концевича с песнями, помещенными в различных сборниках украинских народных песен.

Все песни в сборниках Концевича даны в трех- или четырехголосном изложении а cappella (за исключением десяти песен, аранжированных для одного голоса в сопровождении фортепиано). И хотя сборники народных песен сделаны композитором и дирижером-хормейстером, формировавшим концертный репертуар войскового певческого хора, тем не менее все обработки выполнены им скорее с осторожностью фольклориста, что свидетельствует об исключительно бережном отношении к напевам, текстам и хоровой фактуре, о тонком чутье и понимании особенностей стиля черноморских казачьих песен.

Хоровая фактура большинства аранжировок близка к оригиналу. В обработках Концевича не ощущается особой активности авторского начала. И лишь в некоторых хоровых обработках песен, например: «Ихав козак за Дунай», «Щедрик-ведрик», «Ой ну, коте, та коты но», «Диду мий, дударыку» и др. – Концевич выступет как композитор, мастерски владеющий средствами хоровой выразительности, дает вариационно развернутое свое индивидуальное толкование песен.

Сборники Концевича пользовались большим спросом, все они были переизданы, а первые три выпуска – дважды.

После ухода Григория Митрофановича из войскового певческого хора, т. е. с 1 октября 1906 г., специально для него была введена должность «собираетель казачьих песен». Основное свое творческое внимание он сосредоточил на собирании казачьих песен, причем не только черноморских, но и линейных, а также на теоретическом изучении собственного материала и подготовке новых сборников. Так, например, в 1911 г. в Москве вышел первый выпуск сборника «Песни казаков», составленный из 20 линейных песен на три и четыре однородных голоса без сопровождения. Сборник был посвящен 100-летию юбилею Кубанского войскового хора. Очевидно, Концевичем была задумана новая серия сборников песен линейных казаков, о чем свидетельствует сообщение Бюллетеней ОЛИКО: «...депутация в лице В.В. Скидана, Б.М. Городецкого и Г.М. Концевича лично возбудила ходатайство перед наказным атаманом Кубанского казачьего войска о скорейшем издании за счет Кубанского казачьего войска гг. Кошицем и Концевичем кубанских песен и об ассигновании из того же источника необходимых средств на продолжение начатых Концевичем работ по записи на местах памятников Кубанского творчества»¹.

Но казачье командование ходатайство депутации не удовлетворило, необходимых денежных средств не выделило, поэтому продолжение выпусков «Песни казаков» так и не последовало.

Об одном, дошедшем до меня по промыслу Божьему, рукописном сборнике казачьих песен Г.М. Концевича мне хочется рассказать особо. Много лет я собирал сборники народных песен из репертуара войскового певческого хора в обработках Григория Митрофановича, изданных до революции, а также его авторские сочинения, все, что имело прямое отношение к имени этого выдающегося музыкального деятеля Кубани, Украины и России. А на ловца, как известно, и зверь бежит.

Около десяти лет тому назад Кубанский казачий хор давал концерт в Самаре. Я не смог тогда поехать на гастроли по городам России, т. к. лежал в Краснодарской краевой больнице после очередной операции. Но судьба всегда была ко мне более чем благосклонна. После концерта в Самаре к руководителю оркестра Ф. Каражову

подошел небольшого роста старичок и начал спрашивать художественного руководителя. А поскольку меня не оказалось, то он велел передать мне сборник казачьих песен. К сожалению, ни фамилии, ни отчества, ни адреса этого старика артисты хора не спросили. А жаль. Возможно, что у подателя сборника Г.М. Концевича были и другие материалы собирателя.

Когда я с трепетом взял в руки переданную мне книгу, то это оказалась большого формата на плотной бумаге рукопись Г.М. Концевича. Я глазам своим не поверил. Чудо, да и только! Читаю: «Песни кубанских казаков. Собрал учитель пения при Кубанском войсковом певческом хоре и собиратель Кубанских казачьих песен Г.М. Концевич. В период – от 15 января по 17 февраля 1911 г.». Меня поразили удивительной красоты каллиграфический почерк Григория Митрофановича. Каждая буква выписана тушью с любовью, словно рукой художника. В правом верхнем углу титула рукописи написано его рукой уже фиолетовыми чернилами: «Кубанскому Научному Музею в дар от Г.М. Концевича. 1927 года 3/VII. Рукопись-автограф». Вот это для меня поистине был дар Божий.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я начал внимательно просматривать рукопись, – это принципиальное отличие рукописного сборника казачьих песен Г.М. Концевича от всех его изданных сборников. Там все песни были изданы в трех- и четырехголосной обработке для войскового певческого хора. В рукописном же сборнике, включающем 56 казачьих песен, почти все песни даны в одnogолосном изложении. Три песни – в двухголосном. И только одна под № 18 «Ой, дуду, ой дуду», записанная в станице Сергиевской, дана в четырехголосной обработке для певческого хора.

Второе: Г.М. Концевич впервые в этом сборнике указал место записи каждой песни, фамилии, имена и отчества их исполнителей и время записи: день, месяц и год. Таким образом, в этой рукописи собиратель показал себя уже не столько регентом и талантливым композитором-аранжировщиком войскового певческого хора, для которого он собирал и обрабатывал песни, а настоящим фольклористом-этнографом, бережно зафиксировавшим аутентичное звучание песен. Рукопись сборника дает ясное представление о методике записи песен и подтверждает высокую репутацию Концевича-фольклориста. Каждая страница рукописи освещена его сердечной и самозабвенной любовью к народной песне. Сколько же таких рукописей было у него? Судя по его многолетней и целенаправленной собирательской работе, можно предположить, что их было несколько. Но уцелели ли они в годы Гражданской войны и репрессий, чего не удалось избежать и Григорию Митрофановичу?

Ну а третье, что меня просто поразило в рукописном сборнике, – это то, что первым музыкантом-фольклористом и композитором, который записывал народные песни в моей родной станице Дядьковской Кореновского района, в которой я родился и вырос, оказался не кто иной, как первый художественный руководитель Государственного Кубанского казачьего хора Григорий Митрофанович Концевич! Это удивительное совпадение не объяснить никакой логикой, кроме неисповедимого Провидения.

И еще один поразительный факт. Исполнителем пяти песен, записанных в станице Дядьковской Г.М. Концевичем, был казак Архип Иванович Мисько. И когда я спросил у моей матери, Натальи Алексеевны, а знала ли она того казака и знает ли хату где он жил, она ответила: «А як же. Я сама була ще дивчинкой, а уже нянчила у Архипа Ивановича його дитэй. Бо я же була кругла сирота, а жить-то якість надо було». После этого имя Григория Митрофановича стало для меня не только еще

дороже, но и намного роднее. Песни, записанные от Архипа Ивановича, знала и мама. И многие другие песни этого сборника я записывал в юности в станице Дядьковской, в частности, любимую песню моей матери «Браты мои, братья мои, братья соловэйки». Вот уж действительно чудны дела Твои, Господи.

Большой интерес представляет фольклорная научно-исследовательская деятельность Концевича. В 1913 г. в VI выпуске сборника «Известия Общества любителей изучения Кубанской области» была опубликована его статья «Чумаки в народных песнях» (другая статья «Пьяницкие песни» была прочитана им в декабре 1913 г. на заседании этого общества). Статья «Чумаки в народных песнях» была написана им под влиянием объемной работы украинского фольклориста Рудченко о чумацких песнях с таким же названием, на которую и ссылался Концевич. Материалом для статьи послужили сорок чумацких песен, записанных им в станицах Дядьковской, Новоплатнировской, Новолеушковской, Калниболотской, Шкуринской и Канеловской. В статье Концевич дал тридцать чумацких песенных текстов, распределив их по примеру Рудченко на шесть тематических групп. Именно желание познакомить читателей с чумацкими песнями на Кубани, которые сохранились целиком («...и теперь – пишет Г.М. Концевич, – с любовью и осмысленно поются нашими стариками-казаками, перенявшими их от своих дедов и прадедов, близко соприкасавшихся к самим чумакам!»), и было основной целью статьи. Он понимал, что для теоретических обобщений недостаточно этого материала и необходимо провести большую собирательскую работу по записи чумацких песен на Кубани.

Говоря об исследовательской работе Концевича, надо сказать, что его незаурядное дарование музыковеда-фольклориста на удивление ярко и глубоко раскрылось в крайне трудное, трагическое послереволюционное время, когда на Кубани шли жестокие процессы расказачивания, коллективизации, сопровождавшиеся голодом 1933 г. и сталинскими репрессиями. В годы «пятилетки безбожия» (1932–1937 гг.) повсеместно уничтожались священство и храмы. Был уничтожен и храм святого Александра Невского в Краснодаре, в котором многие десятилетия выступал Кубанский войсковой певческий хор. Гонения на народное искусство и все национальное доходили до прямых запретов, тем не менее в этот трудный период Концевич все свое время отдает делу собирания народных песен. В статье «Этнографическая музыка» Григорий Митрофанович писал: «У каждого народа есть свой музыкальный язык, как и слова родной речи. Народная музыка, или музыкальный фольклор, есть продукт непосредственного творчества народных масс, его живой, естественный, правдивый отпечаток переживаний». И далее он продолжает: «Из всех видов изящных искусств музыка наиболее ярко представляет художественную деятельность народа».

Все моменты человеческой жизни, начиная от его рождения и кончая могилой, с удивительной точностью сфотографированы при помощи звуковых комплексных движений, облеченных в определенные формы. Особенно выпукло и красочно рисует ее песня, созданная самим народом.

Народная песня, полная неподражаемой поэтической красоты, представляет собой богатый материал, проливающий свет на историю той или иной народности.

Песня – это самая простая древняя форма народного художественного творчества, представляет соединение поэзии с музыкой. Песня народная – это безыскусственное поэтическое произведение – сложена неизвестными авторами, выражала и выражает

переживания отдельных лиц и чаще целого сословия, есть достояние народа»¹.

Круг научных и художественных интересов Г.М. Концевича расширился. Не прекращая работу по записи кубанского казачьего фольклора, он сосредоточил свое внимание на собирании и изучении песенного и инструментального фольклора адыгов.

Летом 1931 г. Концевич совместно с известным адыгейским писателем И.С. Цеем в течение двух месяцев находился в фольклорно-этнографической экспедиции по Адыгее и записал 164 песенные и инструментальные мелодии. Экспедиция, по сообщению Концевича, посетила 12 аулов. В записи музыкального фольклора в качестве информатора принял участие 101 человек, а слушателей, собиравшихся в момент записи в каждом ауле, было до 70 человек. Кроме того, в 1935 г. Концевич записал еще 50 адыгейских напевов. На основе собранного и нотированного материала он составил названный выше сборник «Музыка адыгов», включивший более двухсот вокальных и инструментальных мелодий. Однако этот сборник не был издан, его материалы хранятся в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований. Там же имеются «Записки профессора¹ Концевича», предназначенные, вероятно, в качестве вступительного раздела к составленному им сборнику, и рукописная статья «Этнографическая музыка».

В «Записках» Концевич изложил свои методы музыкальных записей и подтекстовок в слогонотах, описал условия работы экспедиции, отношение исполнителей и слушателей к записям музыкального фольклора, привел примеры нотаций песенных и инструментальных мелодий, а также подробные паспортные данные по каждому записанному произведению, наконец, дал обстоятельное научное описание и подробные характеристики четырех народных музыкальных инструментов – это шичепшин, камыль, пхачич, эпепшин.

Участник этой экспедиции писатель И. Цей, записывавший тексты песен, также дает восторженную оценку самоотверженному труду Концевича, его упорству в желании точно записать самобытное народное музыкальное искусство адыгов. «Он, имея многолетний опыт в записи кубанских казачьих песен, обладая большой любовью к этому делу, перенес все это и в дело записи адыгских песен. По шестнадцать часов просиживал Г.М. над записями мелодий, увлекаясь этой работой, как молодой человек. Он старался записать их точно, как звучат они в передаче от певца, гармоники или «шичепшин»... И Г.М. Концевич справился с этой поистине трудной задачей – он записал все... положив начало огромному делу возрождения нашей адыгейской национальной музыки»².

Музыкальный фольклор адыгов в записях Г.М. Концевича является выдающимся историческим научно-художественным документом. Но рукописи, как видно, в самом деле не горят: чудом уцелевшие, они рано или поздно доходят до читателей. И хотя заново подготовленный сборник вышел в свет с опозданием более чем на 60 лет, тем не менее актуальность его не уменьшилась, поскольку вопросы национального и культурного возрождения стали сегодня, по существу, главными в жизни всех народов нашего многонационального государства. Думается, не одно поколение музыкантов, композиторов, фольклористов, филологов, историков будет обращаться к материалам этого сборника в поисках ответов на самые глубокие и острые вопросы становления и развития национальной культуры адыгов. Будут даваться разные оценки и самому сборнику, и отдельным песням и наигрышам, входящим в него, и профессиональному труду Г.М. Концевича.

Мне же хочется отметить следующее.

Сборником «Музыка адыгов» Г.М. Концевич продолжил традицию русских музыкантов: записывать и обрабатывать музыкальный фольклор разных народов, в том числе и кавказских. Обращение Григория Митрофановича к адыгейскому фольклору подкупает своей искренней увлеченностью, уважительным отношением. Для него это был тяжелый и даже мучительный труд, но исключительно важный по своим научным и художественным целям. «Первые дни для меня были мучительны и болезненны, – пишет Концевич в своих «Записках». – Казалось даже одно время, что точно записать песню, резко отличающуюся от русской или украинской, не представляется возможным вследствие особой специфики, своеобразия тембра, неравномерного ритма, песню, насыщенную форшлагами, синкопами, с быстрым темпом при исполнении. Чрезмерное внимание, напряженная сосредоточенность, упорство во что бы то ни стало записать песню (хоровую в особенности), 16 и даже 18 рабочих часов в сутки в первые дни мало помогали, вызывали сомнение... Но в дальнейшем эти трудности сгладились и работа вошла в нормальное русло».

Фольклористическая работа Концевича характеризуется тщательностью и скрупулезностью. Во время записи он старался не упустить из поля зрения ни одной детали. Его лаконичные замечания, касающиеся плана работы экспедиции, процесса записи, поведения исполнителей и слушателей во время пения, весьма содержательны. Блестяще сделаны им этнографические описания музыкальных инструментов и составных частей фонографа.

Вчитаемся в его скупые строки: «Комната уже переполнена; молодежь у дверей, наружные окна усеяны юными головками...» («Записки профессора Концевича», далее все цитаты из них же); «Любовь к родной песне и к музыке вообще настолько сильна, что старики готовы просиживать ночи, перебирая в своей памяти дорогие для них песни, и с юношеским азартом петь их без конца...»; «Эта песня почти забыта; во всей Адыгее ее помнят два-три человека, не более...»; «Камыль в настоящее время имеет весьма небольшое распространение (5–6 камылистов) во всей Адыгее... Репертуар камылистов богатый, разнообразный и оригинальный...»; «Будущее «азиатской» однорядной шестнадцатиклавишной гармоники угрожает вытеснением этого излюбленного черкесами музыкального инструмента, отсутствием его на рынке; на фабриках же изготавливаются преимущественно «венские» двухрядные...». Эти короткие замечания свидетельствуют не только о высоком профессионализме Концевича, но и о его личной обеспокоенности дальнейшей судьбой народной культуры адыгов.

С чувством огромной ответственности я взялся за музыкальное редактирование сборника «Музыка адыгов». Редактирование народной музыки – дело исключительно сложное и трудное. И хотя история фольклористического нотирования практически длится уже более двухсот лет, тем не менее многие проблемы нотирования народной музыки остаются нерешенными. Их решение требует, с одной стороны, разнообразных музыкально-теоретических знаний, а с другой – знания специфики музыки устной традиции, принципиально отличающейся от композиторской, письменной традиции. Трудность музыкального редактирования усугубляется, когда редактору приходится иметь дело с музыкальным материалом малознакомым или неизвестным вообще. Поэтому мне, впервые соприкоснувшись непосредственно с самобытной музыкой адыгов, пришлось, естественно, внимательно проанализировать рукописные нотные расшифровки, сделанные Концевичем, а также изданные сборники народной музыки адыгов. В результате этого мне открылись некоторые особенности мелодики, ритмики адыгской народной музыки, как отдельные

частности, например ритмическая полифония певца и хора, так и свойства более общего порядка. Например, в музыкальной структуре адыгских песен, на мой взгляд, как правило, присутствуют два противоположных начала: а) постоянное, неизменное и б) изменяемое, импровизированное. Постоянным, стабилизирующим началом является хоровая партия, обычно исполняемая мужчинами в унисон, и инструментальное сопровождение ударных инструментов пхачича (трещотки) и хлопки в ладоши. Импровизированным, свободным началом является пение солиста (высокого мужского голоса) и инструментальное сопровождение на камыле, скрипке (шичепшине). Эти два диалектически противоположных начала и создают, вероятно, впечатление у слушателей живого, сиюминутного рождения песни.

Приступая к музыкальному редактированию сборника Концевича, надо было определиться и в его методике. Известно несколько методов нотирования народной музыки, сложившихся исторически. Первый из них основан на слуховой записи с голоса певца и, по существу, не является фольклористическим, поскольку использует практику записи композиторской музыки и общепринятую музыкальную теорию. Яркими представителями слухового метода были прежде всего композиторы-классики. В русской музыке это М.И. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Лядов, М.А. Балакирев¹; в украинской музыке – Н.В. Лысенко и др. Следующий метод нотирования народной музыки, так называемый «научный» или «объективный», был обусловлен введением в практику записи народных песен сначала фонографа, а затем магнитофона, благодаря которым стало возможным фиксировать на нотном стане не только все голоса и инструменты в отдельности, но и каждую самую малейшую деталь исполнения. Однако громоздкость и непрактичность таких нотаций потребовала поиска новой методики нотирования народной музыки. Такая методика была найдена профессором Е.В. Гиппиусом и названа им аналитической нотацией. В ее основу положено «желание обнаружить общие законы, управляющие организацией народной музыки в отличие от норм композиторского искусства, отделить основное от второстепенного в мелодике, «скелет» от покрова и выработать приемы внесения графической упорядоченности в нотный текст... Одним из ведущих методов фольклористики является метод слогоритмического анализа, а главным инструментом графического упорядочения нотаций – синкретический ранжир... И хотя сегодня большинство фольклорных нотаций продолжает оформляться и публиковаться по старинке – вне синкретического ранжирования, – можно считать, что аналитический тип нотировки в целом утвердил свое превосходство над предшествующими способами нотирования»¹.

В основу музыкальной редакции настоящего сборника «Музыка адыгов» положен аналитический метод нотирования профессора Е.В. Гиппиуса, у которого мне посчастливилось не только учиться, но и издать под его редакцией совместно с новосибирским филологом профессором М.Н. Мельниковым сборник «Свадьба Обско-Иртышского междуречья»². Аналитический метод нотирования Е.В. Гиппиус использовал во многих изданных сборниках народных песен разных национальностей, в том числе и в многотомнике «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» под его редакцией³.

Аналитический метод помогает наглядно раскрыть музыкально-ритмическую форму песенных мелостроф. Взаимосвязи музыкально-ритмических периодов внутри мелостроф координированы строгим ранжиром, а тактовые черты использованы не в общепринятом их значении указателей отношений сильных и слабых времен, а в

качестве условных разделительных знаков, отмечающих границы периодов.

Редактируя нотные записи Г.М. Концевича указанным методом, мне пришлось сделать в его нотациях некоторые изменения, поправки, добавления.

Однако, понимая всю важность современной редакции, мы, тем не менее, при издании сборника «Музыка адыгов» сначала дали абсолютно все записи Г.М. Концевича в его редакции (162 номера, не считая вариантов к ним) и только затем уже – отредактированные мною 19 песен.

В 1936 г. Г.М. Концевича пригласили на должность художественного руководителя вновь создаваемого Кубанского казачьего хора. Решение президиума крайисполкома о создании хора было неожиданностью. Вновь обрело обиход запретное в то время слово «казак». С большой радостью и пониманием огромной ответственности принял Концевич обязанности художественного руководителя хора. В своем выступлении в газете «Красное знамя» от 3 марта 1937 г. он писал: «Азово-Черноморский край создал год назад донской казачий профессиональный хор. Это культурная жемчужина – гордость края: 70 лучших певцов и певиц художественно исполняют народные песни Дона и Кубани. Теперь создан и Кубанский казачий хор в 40–50 человек из лучших голосов казаков станиц и хуторов. Его будущее несомненно блестяще. Этот высокохудожественный коллектив украсит нашу Кубань и яркой звездой окрасит край».

Григорий Митрофанович Концевич прожил долгую, сложную и плодотворную жизнь. Им было сделано очень много в области собирания, издания, изучения и пропаганды кубанского казачьего и адыгейского музыкального фольклора. Современники высоко оценили труды Концевича, понявшего и постигшего своей чуткой душой всю мощь, красоту, ширь и безупречность народной песни. «Естественно, что многие из песен, – сообщала газета «Кубанский край», – передаваясь из уст в уста, утратили первоначальную их свежесть, а потому большая заслуга тех лиц, кои принимают на себя труд восстановить эту свежесть путем изучения песен, а затем и записи их. К таким лицам, потратившим немало энергии и средств для вышеуказанной цели, принадлежит бывший регент Кубанского войскового певческого хора Г.М. Концевич». Ему, как и другому дореволюционному собирателю народных песен Кубани А.Д. Бигдаю, посвящались стихи.

Вот, например, далекое от совершенства, подкупающее искренностью стихотворение О. Аспидова «Родная песня», посвященное Г.М. Концевичу. Оно было опубликовано 19 мая 1913 г. в «Кубанском казачьем листке»:

*Песня казацкая, песня родимая,
Что еще может сравняться с тобой!
Ты красивее, чем трель соловьиная,
Как не любить тебя всю душой!*

*Сразу развеешь ты тяжкое горе,
Сразу наполнишь ты очи слезой,
Иль зашумишь, как гульливое море,
Или застонешь, как тяжкий больной.*

*Много в словах твоих горькой печали,
Больше же удаль казацкая в них:
То тебя предки в неволе слагали,
То в курнях ты рождалась родных.*

*Жизнь наших предков, жизнь боевую,
Ты, как художник, рисуешь собой,
Храбрость казацкую, удаль лихую
Ты, как kobзарь, воспеваешь душой.*

В 1910 г. на Кубанской промышленно-этнографической выставке за пропаганду фольклора Г.М. Концевич был награжден Большой серебряной медалью. Однако не все его труды были опубликованы, многие собранные им материалы по народной песне затерялись вообще, а те, что увидели свет в дореволюционное время, стали библиографической редкостью и сегодня неизвестны даже специалистам, не говоря уже о широкой музыкальной общественности.

Поистине трагически закончилась жизнь Г.М. Концевича, одного из самых значительных, на мой взгляд, деятелей в истории музыкальной культуры Кубани. В 1937 г. во время гастролей Государственного ансамбля песни и пляски кубанских казаков в Москве Григорий Митрофанович Концевич был репрессирован по ложному доносу (за якобы готовившееся покушение на Сталина). Вот как описаны истинно мученические последние дни жизни Г.М. Концевича в материалах к летописи «Екатеринодар – Краснодар»:

«Дело Концевича. Известный кубанский фольклорист Григорий Митрофанович Концевич жил на Карасунском взгорке, возле Дмитриевской дамбы. За ним приехали ночью 30 августа 1937 г. Концевич обвинялся... в покушении на жизнь «вождя всех народов» И.В. Сталина.

Из анкеты арестованного:

«Концевич Григорий Митрофанович, русский, родился 17 ноября 1863 г. в станице Старонижестеблиевской, из казаков. Отец служил пономарем в церкви. Окончил учительскую семинарию. В партиях не состоял. С воинского учета снят по возрасту. Место содержания под стражей – особый корпус Краснодарской тюрьмы».

В графе «служба в белых и других контрреволюционных армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого)» записано: «Регент Кубанского войскового хора». Особые внешние приметы – «вид дряхлого старика...».

Анкета эта составлена спустя три месяца после ареста, и тогда же – в первый и последний раз – Г.М. Концевич был допрошен младшим лейтенантом госбезопасности Коганом. Судя по протоколу, следователь и сам прекрасно понимал, что из престарелого хормейстера террорист никудышный, поэтому не стал липовать и записал его показания без искажений. «Свой арест, – заявил ему Концевич, – я рассматриваю как какое-то недоразумение. Глубоко убежден, что следствие само придет к этому выводу».

Из обвинительного заключения:

«...Концевич Григорий Митрофанович являлся активным участником контрреволюционной казачьей повстанческой организации, действовавшей на Кубани, по заданию которой входил в террористическую группу, готовившую совершение теракта над членами Советского правительства и, в первую очередь, над тов. Сталиным.

Являясь художественным руководителем Кубанского казачьего хора, осенью 1936 г. специально был направлен к.р. Организацией в Москву для осуществления террористического акта, приурочив совершение такового в момент выступления хора на торжественном вечере в Государственном академическом большом театре,

посвященном годовщине Великой Октябрьской революции...»

В обвинительном заключении, подписанном капитаном госбезопасности Г.М. Сербиновым, заместителем начальника управления НКВД по Краснодарскому краю, красным карандашом подчеркнута должность Концевича до революции: бывший регент Кубанского войскового хора. Это и был «криминал», перечеркнувший жизнь талантливого человека...

Он был арестован 30 августа 1937 г. и «...приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, приговор приведен в исполнение 26.12.1937 г.»¹.

Точное место захоронения Концевича неизвестно, хотя есть некоторые предположения, что он похоронен на Всесвятском кладбище Краснодара.

«18 августа 1989 г. Григорий Митрофанович Концевич был полностью реабилитирован (посмертно) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.»². Поэтому славное имя Г.М. Концевича нуждается в восстановлении и признании его заслуг, а значительное музыкальное наследие – в глубоком и всестороннем изучении.

Сборник «Музыкальный фольклор адыгов в записях Г.М. Концевича» и его статьи «Записки профессора Концевича» и «Этнографическая музыка» раскрывают широту и масштаб творческой деятельности Григория Митрофановича как талантливого фольклориста и ученого.

Все сборники казачьих и адыгских народных песен Г.М. Концевича являются историческими документами и своеобразными памятниками национальной культуры. Их необходимо было вернуть из долгого забвения.

Чтобы вернуть незаслуженно забытое имя Г.М. Концевича и его труды в современное музыкальное искусство и науку, мною несколько лет назад были подготовлены:

1) сборник «Музыкальный фольклор адыгов в записях Г.М. Концевича». Майкоп, 1997. Составитель и главный редактор – старший научный сотрудник АРИГИ Шу Шабан Салихович, кандидат искусствоведения, член СК РФ, заслуженный деятель искусств Адыгеи и Кубани; музыкальный редактор и автор статьи «Слово о Концевиче» Захарченко В.Г.

Таким образом, рукописный сборник Г.М. Концевича «Музыка адыгов» был опубликован лишь спустя более 60 лет;

2) переиздание всех дореволюционных сборников казачьих песен Г.М. Концевича, собранных мною в одну книгу «Народные песни казаков. Из репертуара Кубанского войскового певческого хора. Составил Г.М. Концевич. Краснодар, 2001 г.».

В книгу вошли семь выпусков малороссийских песен и один выпуск линейных в обработке Г.М. Концевича; в общей сложности 220 песен. Книга дает полное представление о казачьем репертуаре войскового певческого хора. В ней впервые был опубликован рукописный сборник «Песни кубанских казаков. Собрал учитель пения при Кубанском войсковом певческом хоре и собиратель Кубанских казачьих песен Г.М. Концевич. В период – от 15 января по 17 февраля 1911 г.».

Однако еще не все богатое творческое наследие Г.М. Концевича возвращено в современную музыкальную жизнь. Есть еще не переизданные его авторские хоровые сборники, сочинения и статьи. В ближайшие годы надеюсь эту работу довести до конца, чтобы исполнить свой долг перед светлой памятью талантливого регента Кубанского войскового певческого хора и первого художественного руководителя Государственного Кубанского казачьего хора.

Сноска

¹ Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1906. № 51. С. 3.

¹ Кубанский край с 1 января 1874 г. был преобразован в Кубанскую область, разделенную в гражданском отношении на уезды, а в военном – на отделы.

¹ Бюллетени ОЛИКО. Екатеринодар, 1914. Вып. 1.

¹ Рукопись «Этнографическая музыка». Хранится в архиве АРИГИ. Ф. 1. Папка 124. Д. 63.

¹ Концевич был профессором Краснодарского музыкального техникума.

² Цей И.С. Несколько слов об экспедиции. Архив АРИГИ. Ф-1. Папка 27. Д. 3.

¹ Об этом см. исследовательские статьи Е.В. Гиппиуса в кн.: Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957.

¹ Алексеев А. Нотная запись народной музыки. Теория и практика. М., 1990. С. 8.

² Захарченко В., Мельников М. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. Этнографическое описание свадебных обрядов, тексты и напевы песен. Редакция Е. Гиппиуса. М., 1983.

³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1980. Т. 1; 1981. Т. 2; 1986. Т. 3. Ч. 1; 1990. Т. 3. Ч. 2.

¹ Екатеринодар – Краснодар: Два века в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 566.

² Там же.

Наталия КОРСАКОВА

Страницы истории войскового певческого хора Кубанского казачьего войска. Начало XX века

В 2006 году старейшему профессиональному казачьему художественному коллективу России – Государственному Кубанскому казачьему хору исполнилось 195 лет. Войсковой певческий хор Кубанского казачьего войска был основан в 1811 г. по инициативе протоиерея Черноморского казачьего войска К.В. Россинского (1775–1825) и при участии атамана Ф.Я. Бурсака (1750–1827). Одаренные голосом казаки могли проходить службу при войсковом хоре.

В начале XX в. войсковой певческий хор достиг огромных творческих успехов и получил широкую известность на Северном Кавказе. История песенной культуры кубанских казаков тесно связана с военно-историческими традициями казачества. Знание строевых и народных песен, любовь к пению – неотъемлемая часть казачьего воспитания в семье и обществе. В приказе по Кубанскому казачьему войску от 26 сентября 1911 г. атаман М.П. Бабыч писал: «Благодаря неустанным заботам и самоотверженной работе длинного ряда регентов, капельмейстеров, заведующих войсковыми хорами, как певческий, так и музыкантский войсковые хоры всегда стояли на высоте своего назначения и современных требований. На протяжении своего векового служения войсковые хоры, кроме неизменной симпатии населения и ближайшего начальства, заслужили высочайшее одобрение августейших монархов и похвалы наместников Кавказа».

В структуре Кубанского казачьего войска певческий и музыкантский хоры занимали особое положение. Во-первых, как учреждения культуры, призванные исполнять музыкальные произведения, участвовать в богослужении в войсковом соборе, сохранять строевые и народные казачьи песни. А во-вторых, это особый духовный стержень, который укрепляет воинский долг, особую роль казака – защитника Отечества, своих семейных и исторических ценностей. Войсковой

певческий хор принимал участие в главных событиях жизни и истории кубанского казачества: войсковых и светских праздниках, освящении исторических памятников, в парадах с выносом казачьих регалий, торжественных церемониях.

Войсковой певческий хор сыграл большую роль в подготовке регентов и музыкантов для станичных хоров и в создании самих станичных и полковых оркестров и хоров, которыми так славилось и гордилось кубанское казачество. В благодарственной речи атамана М.П. Бабыча (1844–1918), обращенной к хорам в сентябре 1911 г., говорилось: «За свое столетнее существование хоры выпустили не одну тысячу вполне обученных певчих и музыкантов, которые, возвратясь домой, не оставили своего любимого дела и продолжали его в станицах, собирая вокруг себя любителей музыки и пения и создавая небольшие оркестры и певческие хоры, которые имеются теперь почти в каждой станице и прививают населению хорошие и облагораживающие вкусы. Есть крепкая надежда на то, что в новом столетии своего существования они не опустятся до уровня музыкально-ремесленных учреждений, а сохранят и впредь свое музыкально-художественное и учебно-музыкальное значение...»

Ярким событием в начале XX в. стало празднование столетнего юбилея войскового певческого и музыкантского хоров Кубанского казачьего войска. Они были созданы одновременно и существовали, дополняя друг друга, выступая и вместе и раздельно. Празднование столетнего юбилея проходило в г. Екатеринодаре с 25 по 28 сентября. В юбилейных торжествах принял участие и заведующий Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем войсковой старшина И.Е. Гладкий (1862–1930). Благодаря его стараниям в фонды музея поступили документы и экспонаты о празднике, которые хранятся и сейчас. Это: церемониал юбилейного парада по случаю празднования столетней годовщины войсковых музыкантского и певческого хоров 26 сентября 1911 г.; красочная программа празднования столетней годовщины хоров 25–28 сентября 1911 г.; приглашение старослужащих певческого хора на юбилейные торжества; программа концерта хоров – «Музыкальное утро»; программа юбилейного спектакля – «Козацки прадиды», автор Г.В. Доброскок; Слово, произнесенное за литургией священника Арсения Белановского; приказы по Кубанскому казачьему войску за подписью атамана М.П. Бабыча; меню праздничного обеда, 26 сентября – «Войсковая хлеб-соль»; юбилейные фотографии и др. В своем обращении в войсковой штаб Гладкий писал: «Прошу не отказать в присылке для войскового музея и сохранения истории эти исторические документы». Исследователям мало известен тот факт, что юбилейный нагрудный знак, выполненный из серебра в форме лиры с дубовым венком, двумя перекрещивающимися георгиевскими трубами, был изготовлен по проекту И.Е. Гладкого. Им было представлено три эскиза проекта юбилейного знака в марте 1911 года. В письме Гладкому от 26 марта из войскового штаба сообщается: «Его превосходительство наказный атаман приказал мне благодарить вас за труды по изготовлению жетонов: войскового и юбилейного для войсковых хоров. Войсковой старшина Могилевцов». Под войсковым жетоном, по всей видимости, подразумевается знак к 200-летию Кубанского казачьего войска, автором которого также мог быть войсковой старшина И.Е. Гладкий. При внимательном изучении юбилейного снимка войскового певческого хора, сделанного 26 сентября в г. Екатеринодаре в 1911 г., удалось установить, что во втором ряду справа сидит заведующий войсковым музеем И. Гладкий.

Благодаря сохранившимся историческим документам предстает картина

празднования юбилея войскового певческого хора. В Войсковом Александро-Невском соборе 25 сентября вечером состоялся благотворительный концерт хора, 26-го хор и музыканты приняли участие в параде и выносе казачьих регалий из Войскового штаба в собор, затем на крепостную площадь. По улице Красной к помещению хоров на улицу Рахпилевскую был совершен крестный ход, на крепостной площади состоялся молебен и праздничный обед под шатрами. На обед подавали: борщ с пирожками, баранину, телятину, салаты, водку, вино и закуски. В Зимнем театре утром 27 сентября состоялся концерт, а вечером спектакль. Для тех, кто не смог попасть в этот день, концерт и спектакль повторили на следующий. Хор и музыканты получили в подарок юбилейный нагрудный жетон и книгу по истории хора, написанную архивариусом И.И. Кияшко. А через год наказному атаману пришло прошение от старослуживого певчего, который служил в хоре с 1888 по 1900 г., казака Арсентия Лысака из ст. Платнировской. В письме он сетует на то, что его не включили в списки приглашенных, и просит вручить ему нагрудный жетон, «дабы память службы моей в войсковом певческом хоре искрилась в душе моей на долгие и долгие годы».

До недавнего времени исследователи считали, что после 1920 г. войсковой хор распался и был восстановлен только в 1937-м. В последние десятилетия и из зарубежья вернулись многие казачьи архивы, в том числе в 2000 г. в краевые архив и исторический музей поступили в дар документы личного архива атамана Кубанского казачьего войска в эмиграции с 1920 по 1958 г. В.Г. Науменко. Из документов атамана, воспоминаний кубанских казаков стало известно о том, что в 1920–1921 гг. в Сербии заботами генерала Науменко из бывших певчих был восстановлен Кубанский войсковой певческий хор. Известны два его первых регента – Соколов и Винников. Восстановление войсковых хоров в эмиграции стало яркой страницей в сохранении культурно-исторического наследия.

Наталия КОРСАКОВА

Кубанские казачьи хоры в эмиграции. Первая половина XX века

История песенной культуры кубанских казаков тесно связана с военно-историческими традициями как самого казачества, так и России. Любовь к пению, знание народных и строевых песен – неотъемлемая часть казачьего воспитания в семье и обществе. Эту традицию сохранили кубанские, донские и терские казаки в эмиграции. Они уходили

из России с оружием и знаменами, церковными реликвиями, святынями и главным духовным наследием – казачьими песнями.

Создание казачьих хоров в эмиграции стало яркой страницей в сохранении российского культурно-исторического наследия. В то время, как в самой большевистской России в 20-е годы XX в. уничтожалась народная культура, разрушались храмы и церкви, в странах Европы, Северной и Южной Америки и других местах, куда судьба забрасывала казаков, создавались войсковые хоры, ансамбли песенников, театрализованные группы «джигиты» с хорами, струнные и духовые оркестры.

В ноябре 1920 г. на острове Лемнос, где были сосредоточены около 18 тысяч кубанских казаков, состоялись выборы кубанского атамана. Им стал известный деятель белого движения – казак станицы Петровской генерал В.Г. Науменко (1883–1979). Атаманскую булаву в эмиграции он держал 38 лет. Ему принадлежит выдающаяся роль в сохранении Кубанского войска и его военно-исторических традиций вдали от Родины. Одним из первых приказов, изданных Науменко 25 февраля 1921 г. в г. Константинополе, было придание статуса гимна войсковой песне «Ты, Кубань, ты наша Родина»¹. Атаман Науменко смог собрать рассеянных по всему миру кубанских казаков в общественную организацию – Кубанское казачье войско в эмиграции. Наряду с войсковым штабом, канцелярией, типографией, казачьими хуторами и станицами были созданы и такие учреждения культуры, как Войсковой музей, Войсковая библиотека и Войсковой хор. Атаман Науменко придавал огромное значение этим учреждениям культуры, помогавшим казакам сохранить связь с духовной культурой Родины и утолить боль и грусть от разлуки с близкими, с родной Кубанью. Большое значение в объединении казаков всегда играла песня, способная эмоционально воздействовать на их душу.

Благодаря зарубежным архивам, частным коллекциям, воспоминаниям казаков-эмигрантов историки уже располагают данными о том, что Войсковой певческий хор, который был создан еще в Екатеринодаре и в 1911 г. отметил свое столетие, был восстановлен в 1920–1921 гг. в Сербии. Некоторым распущенным в 1920 г. большевистской властью артистам хора удалось покинуть Россию. Они и стали организаторами заграничного Войскового певческого хора, продолжая его исторические традиции. Сначала им руководил регент С.Г. Соколов, затем сотник Г.Я. Винников. Интересно отметить, что в период вывоза кубанских казачьих регалий из Екатеринодара в Сербию в феврале 1920 г. вместе с ними в Европу были вывезены и исторические реликвии старого хора. Это: библиотека войскового хора, музыкальные инструменты, Приветственный адрес старослужащих Войсковых хоров в память 100-летнего юбилея Войскового певческого хора и Приветственные адреса к юбилею хора от Екатеринодарского головы Дицмана и Мариинского женского института. Частично эти материалы хранятся в Войсковом музее в Нью-Джерси, США.

В дневниках атамана Науменко, ценнейшем источнике о жизни кубанцев в эмиграции, также содержатся материалы о воссоздании Войскового хора. Дневники были переданы на Кубань в 2000 г. дочерью атамана Наталией Назаренко, проживающей в США¹. В 1922 г., 19 февраля, Науменко рассказывает о своей встрече с Войсковым хором на концерте в Белграде. Он пишет: «Генерал Зборовский выстроил Войсковой хор. Я с ними по-здоровался, поздравил с Новым годом. Начался молебен. После молебна отлично пел Войсковой хор»¹. В записи за 25 июля 1922 г. он отмечает свою встречу с хором по поводу улучшения его репертуара².

Из воспоминаний общественных деятелей кубанской казачьей эмиграции Ф.И. Елисеева (1892–1987), В.Д. Гамалия (1886–1956), Д.Е. Скобцова (1884–1968) следует, что большую известность в хоре получили артисты бывшего дореволюционного хора: есаулы И.И. Кузенко и Л. Земцев, урядник И.А. Операй. Науменко описывает свою встречу с солистом И. Кузенко на концерте Войскового хора на русском вечере в Белграде 29 марта 1923 г.³

Работая с личными архивами старожилов Краснодара, мне удалось собрать сведения о певчем бывшего дореволюционного хора и ушедшем в эмиграцию в 1920 г. Леониде Земцеве. В частном семейном архиве хранятся его письма к своей невесте Феодоре Угневенко. В своих письмах, написанных в начале 20-х годов, он неизменно обращается к ней не иначе, как «мой незабвенный, сказочный и дорогой кумир сердца и души моей...». В этих письмах он подробно описывает гастроли Войскового хора в Латинской Америке, Европе, Австралии. В 2006 г. исполнилось 195 лет Кубанскому казачьему хору, традиции которого его старые певчие хранили и в своей душе, и на сцене на чужбине. Историк Ф.А. Щербина, покинувший Россию вместе с войсковыми регалиями, в воспоминаниях в Праге писал о своей любви к казачьей песне, сравнивая ее с пением птиц. Старый историк так вспоминал услышанное им в 12 лет выступление Войскового хора в г. Екатеринодаре: «...меня поражали волнением и нежностью аккорды звуков, которые в течение получаса наполняли, казалось, весь собор, то гремя и сверкая, как гром перед ожидаемым ливнем, то понижаясь до нежного пения малиновки или чирикания милой ласточки»⁴.

Большой популярностью в Сербии и странах Европы в 20–30-е годы XX в. пользовался хор лейб-гвардии Кубанского дивизиона, в организации которого принимали участие бывшие конвойцы. Небольшие хоры существовали в кубанских станицах, организованных в Болгарии, Югославии, Париже, Канаде, Дании. В статье Ф.И. Елисеева «Среди кубанцев в Париже» дается описание казачьего вечера 26 сентября 1931 г., где упоминается выступление казачьего хора под управлением Николаева. Среди гостей были известные кубанцы – А. Шкуро, нотариус Подушка и дочь бывшего дирижера Кубанского войскового симфонического оркестра казачка Сириньяно¹.

Огромное значение для деятельности зарубежных хоров имело издание отдельными брошюрами работы Ф.И. Елисеева об истории кубанского войскового гимна в 1930 г. в Париже и в 1950 г. в США. В переписке Елисеева с сестрой кубанского казака П. Макаренко Марией Пухальской, которая проживала в США, есть интересные сведения об авторе музыки кубанского войскового гимна, терском казаке, известном композиторе, регенте хора наместника императора на Кавказе Михаиле Петровиче Колотилине.

Для сохранения певческой культуры издавались сборники казачьих песен и марши казачьих полков¹.

В конце 60-х годов XX в. Войсковой певческий хор, как и многие другие казачьи хоры, в эмигрантской прессе уже не упоминается. В переписке атамана Науменко с казаками есть упоминание о том, как на его призыв к старым хористам откликнуться и возродить былую мощь хора, отозвалось только 12 хористов. Старая казачья эмиграция уходила из жизни. Свой юбилей в США торжественно отметил только Донской хор под управлением С. Жарова².

Казачья эмиграция, сберегая свое культурное наследие вдали от Родины, в какой-то мере способствовала возрождению военно-исторических традиций в России

накануне Второй мировой войны, в частности, созданию Ансамбля песни и пляски кубанских казаков в 1937 г. в Краснодаре. История и опыт деятельности казачьей эмиграции сыграли огромную роль в возрождении казачества в России и сохранении культурного наследия.

Сноска

¹ Кубанская войсковая песня // Кубанский исторический и литературный сборник. 1959. № 1. С. 22.

¹ Коллекция документов и материалов, собранная Науменко В.Г. – Войсковым атаманом ККВ за рубежом. 1909–1987. ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 2.

¹ Науменко В.Г. Рукопись. Тетрадь 30. ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 2. С. 4–5.

² Там же. Тетрадь 34. Там же. С. 5–7.

³ Там же. Тетрадь 40. Там же. С. 13.

⁴ ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 94. Л. 37–40.

¹ Елисеев Ф. Среди кубанцев в Париже // Кавказский казак. 1931. Дек. Елисеев Ф. История войскового гимна Кубанского казачьего войска. Париж, 1930. Елисеев Ф. История войскового гимна Кубанского казачьего войска и наш полк. Нью-Йорк, 1950.

¹ Елисеев Ф. Песни кубанских казаков. Нью-Йорк, 1960; Гульдиев П. Казачьи песни. Нью-Йорк. 1967. Разумный Я. Марши. Калифорния, 1955.

² Творческий путь Сергея Жарова // Русский американец. 1982. С. 21–33.

Константин ХОХУЛЬНИКОВ

Кубанские казачьи хоры в зарубежье

Еще в конце 1920 года на контролировавшемся французами греческом острове Лемнос в Кубанской пластуной казачьей дивизии был сформирован дивизионный хор.

Несколько позднее, после передислокации дивизии в Королевство С.Х.С. ¹, этот коллектив возглавил казак станицы Вознесенской, Кубанского казачьего войска, Степан Фомич Шелухин (1897–1926, г. Бронкс, США), ранее получивший образование в Тифлисской консерватории и в музыкальной школе артиста Ряднова, певший до революции в хоре Наместника на Кавказе.

С разрешения Войскового атамана, Генерального штаба генерал-майора В.Г. Науменко и командира корпуса, хор был назван Войсковым (регент С.Ф. Шелухин), и летом 1921-го состоялись его первые гастрольные выступления в городах Югославии и Румынии.

Практически одновременно и там же, на острове Лемнос, зародился другой Кубанский казачий хор. Как писал журнал «Казачьи Думы» (г. София, № 2 от 30 мая 1923 г.), «хор родился на острове Лемнос в Эгейском море в 1920 году усилиями капитана Кузенко, который ранее входил в состав хора В. Кн. Николая... Он, Кузенко, нашел... капитана Сергея Соколова, молодого композитора, которому война, давшая три славных ранения, быстро закрыла дальнейшую карьеру – сделала его заведующим хором...».

Переехав в 1921 году в Королевство С.Х.С., хор под управлением Сергея Георгиевича Соколова с неизменным успехом выступал в различных городах страны.

В начале 1923 года оба коллектива объединились в Кубанский войсковой хор под управлением С.Г. Соколова. 11 апреля 1923 года хор выехал в концертное турне по Европе: в Италии, Франции, Испании и Португалии.

Только в Италии хор с успехом выступал в таких крупных городах, как Милан,

Венеция (дважды), Парма, Триест, Удино, Тревези, Падуя и др.

«...Публика была совсем покорена, – писал, цитируя газету «Венецианский народ» (г. Венеция), журнал «Казачьи Думы» (г. София, № 2 от 30 мая 1923 г.), – хорошо варьированной программой, сразу поняв, что она находится лицом к лицу с артистическим целым выдающейся ценности: прекрасные голоса, льющиеся, колоритные, очень звучные; захватывающие песни, богатые чувством, дышащие туманной меланхолией славянской души, способные заставить вибрировать душу публики».

От директора Миланской консерватории хором был получен почетный диплом как свидетельство музыкальных достоинств коллектива.

Однако во время гастролей не все было ладно в самом коллективе.

«...С переездом во Францию, – сообщал в № 10 от 1 декабря 1924 года выходивший в г. Париже «Информационный листок» Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека (Парижская делегация), – в составе хора начались нелады: хор распался – часть его уехала в Испанию, другая – в Бельгию, обессилив друг друга.

В сентябре 1925 года, во время пребывания во Франции Кубанского атамана, обе части соединились снова, и хор выехал в Мексику».

Однако после четырехмесячных успешных гастролей хор, в основном из-за внутренних неурядиц, вновь разделился на два самостоятельных коллектива, руководимых С.Г. Соколовым и С.Ф. Шелухиным.

Сохранивший название – Кубанский войсковой – хор под управлением С.Г. Соколова 25 октября 1925 года прибыл в США, где с февраля 1926 года обосновался в Чикаго, систематически выезжая с концертами в разные города США, а также в Канаду. Причем по США хор гастролеровал, передвигаясь на собственных, специально приобретенных автомобилях.

В США прибыли и хористы коллектива, руководимого С.Ф. Шелухиным, осевшие на жительство в основном в Нью-Йорке и в большинстве вступившие в существующую там Терско-Кубанскую станицу.

В связи со смертью в 1926 году в госпитале Сент-Джонс в г. Бронксе от туберкулеза легких регента С.Ф. Шелухина хор распался, и большинство хористов устроились на различные работы.

А Кубанский войсковой хор под управлением С.Г. Соколова «...в середине июня (1926 года. – К.Х.), – сообщал в № 5–6 (август 1926 г.) «Вестник Казачьего Союза» (Париж), – пел литургию Чайковского во время церковного католического конгресса в присутствии до 5000 человек публики и 200 участников конгресса, нескольких кардиналов и епископов. Хор имел громадный успех...».

К сожалению, отметив в сентябре 1933-го свое 10-летие, Кубанский войсковой хор под управлением С.Г. Соколова, в основном из-за внутренних проблем и трений, распался и прекратил свое существование.

Но как в довоенные, так и в послевоенные десятилетия это были далеко не единственные зарубежные хоровые и иные творческие (музыкальные) коллективы кубанских казаков.

В начале 1920-х годов в Югославии пользовался известностью Кубанский казачий хор с группой казаков-танцоров, созданный по инициативе Кубанского Войскового атамана В.Г. Науменко и руководимый казаком станицы Пашковской, Кубанского казачьего войска, Александром Ананьевичем Таранцом. Хор с одинаковым успехом выступал как перед российской, эмигрантской, так и перед сербской аудиторией.

В 1930-е годы в Югославии успешно выступал и хор Белградской Общеказачьей

имени Кошевого атамана Сидора Белого станицы, созданный в 1931 году и руководимый вплоть до выдворения из Югославии местными властями регентом, казаком станицы Новопашковской, Кубанского КВ, Антоном Павловичем Черным (1890–24.05.1973, г. Кильмес, Аргентина).

Как до, так и после Второй мировой войны в Аргентине, где проживал А.П. Черный, традиционным успехом у слушателей пользовались исполняемые им казачьи песни под собственный аккомпанемент на бандуре.

В 20–40-е годы в Югославии существовал и на различных торжествах и богослужениях регулярно выступал хор с оркестром балалаечников, в основном из казаков Запорожского полка Кубанской казачьей дивизии, созданный еще в 1919-м и все годы руководимый полковником Кубанского казачьего войска В.И. Рудько, погибшим при первой бомбардировке г. Белграда немецкой авиацией.

В 1920-е годы как во многих городах Югославии, так и в Италии, Венгрии и Чехословакии с успехом выступал хор трубачей Новосадской кубанской казачьей станицы в Югославии.

1 мая 1931 года на празднике Кубанской казачьей станицы в г. Белграде выступал небольшой симфонический оркестр студентов-казаков под руководством Г.Л. Зверева.

В Украинской академии в г. Подебрады (Чехословакия) в 20–30-е годы большую часть как церковного хора (регент – кубанский казак Ф. Ерш), так и академического хора составляли студенты из числа кубанских казаков, среди которых особенно выделялся бас-октава Николай Богатырев.

В 1926 году в Париже был создан спортивный казачий клуб «Кубанский Сокол», учредивший смешанный (мужской и женский) хор.

В довоенные годы во Франции с успехом выступал Кубанский казачий хор под управлением М. Подгурного.

С середины 1920-х и в начале 30-х годов по городам ряда стран Европы, в частности в 1930 году в Бельгии, успешно гастролировал 2-й Кубанский казачий хор под руководством регента полковника Хмелевского.

В 20-е годы в городах ряда европейских государств успешно прошли гастроли 3-го Кубанского войскового хора под управлением кубанского казака сотника Георгия Яковлевича Винникова, умершего 31 августа 1927 года в г. Брюсселе (Бельгия), после чего хор распался.

В 1926 году на базе бывшего Дроздовского полка был создан Кубанский войсковой хор с регентом Степаном Дмитриевичем Игнатьевым. Первые выступления хора прошли в австрийской столице. В репертуаре коллектива, записавшего в 30-е годы ряд граммофонных пластинок, были казачьи, русские военные и народные песни, в том числе в аранжировке С.Д. Игнатьева.

Базировался хор в Берлине, где С.Д. Игнатьев в это же время был также регентом хора при Св.-Владимировском храме.

В конце 30-х годов хор успешно гастролировал по городам ряда стран Европы.

В годы Второй мировой войны С.Д. Игнатьев создал балалаечный ансамбль, выступавший во фронтовых частях вермахта, в том числе и на Восточном фронте.

После войны С.Д. Игнатьев жил в штате Калифорния (США) и некоторое время был регентом церковного хора.

В конце 1929 года известная в зарубежье поэтесса, сибирская казачка М.В. Волкова посвятила свое стихотворение «Песня» донским хорам С.А. Жарова и Н.Ф. Кострюкова, а также «...хору Кубанскому Дригайло». К сожалению, информацией об этом хоре и его регенте я пока не располагаю.

В Русском корпусе на Балканах в годы Второй мировой войны, а по ее окончании почти 6 лет в лагере «Келлерберг» (Австрия) на различных торжествах и на всех богослужениях пел хор запорожцев под руководством многолетнего помощника В.И. Рудько – казака станицы Староминской, Кубанского КВ, Петра Петровича Кошеля, получившего ранее в г. Ниш (Югославия) специальное музыкальное образование.

В 1940–1950-е годы в США с успехом выступала солистка Вера Северная с ансамблем музыкантов – кубанских казаков.

В 1938 году уроженец Дона, известный к тому времени в Европе регент Б.М. Ледковский основал в Германии мужской хор «Черноморские казаки», с которым с большим успехом концертировал по городам не только Германии, но и ряда европейских государств вплоть до 22 июня 1941 года, когда хор Черноморских казаков был запрещен в Германии, как и все «русские национальные организации».

В 1948 году в Западной Германии по договору с концертной дирекцией Курта Коллина Б.М. Ледковский воссоздал, но, естественно, в другом составе хор «Черноморские казаки», с которым в 1948–1951 годах выступал во многих городах Западной Германии, а также скандинавских государств.

После отъезда в 1951 году Б.М. Ледковского с семьей на жительство в США регентом хора «Черноморские казаки», успешно выступавшего в ряде стран Европы и в США, определенное время был Сергей Горбенко, до войны якобы работавший в Киеве в консерватории и в оперном театре.

Все эти годы в репертуаре хора были как православные песнопения, так и казачьи и русские народные песни. В 1963 году фирма «Вокс» (США) выпустила пластинку с записями хора, солистами которого были К. Трофимов, Т. Хлибский и Л. Питаевский.

После С. Горбенко в хоре был еще ряд регентов, но установленный Б.М. Ледковским высокий уровень исполнительского мастерства хора «Черноморские казаки» им удержать, к сожалению, не удалось.

В 1958 году в г. Патерсоне (США) умер регент существовавшего там Кубанского казачьего хора, казак станицы Староминской, Кубанского КВ, Михаил Иванович Хайло (1895 года рождения).

В 50-е годы в среде определенной части молодежи Нью-Йорка (США) и его окрестностей был достаточно популярен джаз-оркестр под управлением Степана Кубанского, неоднократно выступавший и на вечерах, ранее организовывавшихся в Нью-Йорке казачьей общественностью.

Естественно, что этим, как я полагаю, перечень зарубежных кубанских творческих коллективов не исчерпывается. Естественно также, что вышеназванные коллективы далеко не равноценны по уровню исполнительского мастерства и заслуженной популярности. Но все они и другие, пока неизвестные мне, – это пусть, может быть, и небольшая, но неотъемлемая часть культурно-исторического, духовного достояния и казачества, и России.

И очень хочется надеяться на то, что с помощью наших соотечественников за рубежом будет получена более полная и, возможно, более достоверная информация о них, об их создателях, руководителях и солистах, будут получены записи репертуара некоторых из них, а также фотографии и другие документальные материалы.

Сноска

¹ Сербия, Хорватия, Словения. – Прим. ред.

Слово о судьбе войскового Певческого -Государственного Кубанского казачьего хора и нашем духовном возрождении (Послесловие)

Жить стоит только тем,
за что стоит бороться и умереть.
И.А. Ильин

Итак, дорогие друзья, вы прочитали книгу «Из истории Кубанского казачьего хора». Составлена она по хрестоматийному принципу. Ее написали многие авторы, в разное время. В итоге получился уникальный коллективный труд. А иначе, наверное, поступить было и нельзя. Согласитесь: рассказать о судьбе даже одного человека очень нелегко. Ведь жизнь каждого – это целый мир. С одной стороны, неповторимый и единственный в своем роде, а с другой — непременно чем-то похожий на других.

Еще более трудно рассказать о жизни и деятельности выдающейся личности, таланта, гения. Тогда объект для подобного описания становится столь высоким и многогранным, что далеко-далеко не каждому автору, дерзнувшему написать о нем, дано будет осознать и вместить в себя весь масштаб этого таланта или этой гениальности. И, наконец, сколь сложно и нелегко написать историю большого художественного коллектива, например, театра, хора, оркестра. Особенно если этому творческому коллективу, как Кубанскому казачьему хору, исполнилось уже 195 лет.

За эти долгие годы столько людей, человеческих судеб, характеров, талантов прошло через хор! Столько было сделано, пережито, пройдено — через исторические эпохи, войны и потрясения! И все это описать, никого и ничего не упустив, не впадая в субъективизм, дать адекватную оценку всем и всему — задача для одного человека явно непосильная. По крайней мере, для меня. В 1994 году по предложению главного редактора газеты «Кубанские новости» П.Е. Придиуса я написал большой очерк

«Слово о Кубанском казачьем хоре и не только о нем»¹. Однако дать в нем полную историю хора я, конечно, не смог. Слишком неохватна была задача.

Отсутствие полноценной истории Кубанского хора постоянно мучило и мучает меня по сей день. Многочисленные друзья и поклонники хора непременно должны знать его сложное, драматическое и славное прошлое. Но как о нем узнать? Из какого источника?

И вот наконец моя мечта, пусть пока и не до конца, сбылась. Она воплощена в прочитанной вами книге «Из истории Кубанского казачьего хора».

Мне хочется, прежде всего, высказать слова сердечной благодарности всем авторам этой книги. И тем, которых давно уже нет, и тем, с которыми мне не удалось в жизни встретиться, и тем, вместе с которыми довелось поработать над подготовкой книги к изданию.

Благодаря совместному соборному труду страницы истории Кубанского казачьего хора приобрели конкретную печатную форму и... история ожила, ибо за ней — незаурядные люди, талантливые личности, исторические фигуры.

Мне думается, после выхода этой книги дальнейшая творческая деятельность Кубанского казачьего хора станет более осмысленной и целенаправленной.

Теперь мы знаем исторический путь хора, его мучительные художественные искания, творческие спады и достижения. Знание своей истории не позволит коллективу в будущем сбиться с курса, отойти от духовно-нравственных и музыкантских профессиональных целей, поставленных не одним поколением наших талантливых предков, преданно служивших своему богоугодному делу.

Книга не ставит окончательную точку в истории Кубанского казачьего хора (что в принципе и невозможно, так как его история творится даже не ежегодно, а ежедневно) — по той причине, что почти все материалы этой книги касаются истории хора с 1811-го по 1970-е годы. Этот период содержит немало страниц, совершенно не известных широкому кругу почитателей хора. Такой целенаправленный подбор материалов был сделан сознательно. Именно этот огромный отрезок истории хора необходимо было осветить в первую очередь.

С 14 октября 1974 года, т. е. со дня моего назначения художественным руководителем Кубанского казачьего хора, в жизнедеятельности коллектива начался, по существу, новый творческий этап. Данная книга касается его лишь в небольшой степени. Вот об этом периоде, если Богу будет угодно, будет написана следующая книга, уже по «новейшей истории» Кубанского казачьего хора. Надеюсь, она станет достойным продолжением этой.

¹ Слово о Кубанском казачьем хоре и не только о нем // Кубанские новости. 1994. 19, 22, 23, 25 февр.; 1, 2, 4, 11, 15, 18, 23, 24, 25, 29 марта.

Мне также хочется, дорогие читатели, поделиться с вами некоторыми размышлениями о прочитанной книге, о судьбе Кубанского хора и судьбе нашей традиционной культуры, о духовно-нравственном состоянии нашего общества — с надеждой найти у вас понимание и поддержку.

В книге «Из истории Кубанского казачьего хора» через 95 лет обрел свое второе рождение фундаментальный материал «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811—1911 годы. Исторический очерк столетия их существования». Составил есаул Ив. Ив. Кияш-ко. Екатеринодар. 1911».

Автору, по его выражению, «на скудном материале» удалось достаточно полно осветить жизнь и деятельность войсковых хоров на протяжении столетия. И.И. Кияшко не был музыкантом по профессии, он был талантливым архивариусом. И, тем не менее, все, кому дорога история профессиональной музыкальной культуры Кубани, ее прошлое, настоящее и будущее, прочтут его книгу с особым благодатным чувством и пристрастием.

Книга Ивана Ивановича является своеобразным историческим памятником и учебником по музыкальной культуре Кубани. Ее переиздание, как и восстановление разрушенных православных храмов, памятника Екатерине II выдающегося русского скульптора М.О. Микешина, стало требованием времени, возвращением на круги своя. Ведь именно с войсковых хоров — Певческого и Музыкантского — начинается история музыкальной культуры Кубани. Эти музыкальные коллективы оказали решающее воздействие на развитие профессионального музыкального искусства Кубани с 1811 года по нынешний день.

Надо сказать, что отдельные сведения и имена музыкальных деятелей прошлого, благодаря любознательным краоведам, историкам, музыковедам и другим деятелям науки и искусства, ссылавшимся на исторический очерк И.И. Кияшко в своих научных работах, давно дошли до заинтересованного читателя¹. Настоящее переиздание этой редкой книги, несомненно, значи-

тельно расширит круг ее читателей, и она теперь, по существу, выведена из разряда «редких». Вы прочитали ее, и мне нет необходимости пересказывать содержание. Но некоторые мысли по прочтении исторического очерка «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...» мне все-таки хотелось бы высказать.

Из книги И.И. Кияшко мы узнали, что войсковой Певческий хор начал свою первую церковную службу 1 октября 1810 года, на Покрова Пресвятой Богородицы. В этот же день его первым регентом стал дворянин Константин Гречинский. А Музыкантский хор начал свою деятельность почти на полтора года позже: 1 февраля 1812-го. Первым его капельмейстером стал отставной майор Франц Антонович Цых.

Но официальной датой основания двух войсковых хоров почему-то стало 1 октября 1811 года. О причине такого решения войскового начальства судить трудно. Однако мне думается, что оно вызвано именно тем, что два хора были, как сказано выше, созданы не одновременно, а с указанным временным разрывом. Столетний же юбилей двух хоров решено было провести вместе, чтобы не праздновать два отдельных. И, вероятно, поэтому сократили временной разрыв. 1-е же октября, Покрова Пресвятой Богородицы, как день рождения певческого хора избрано, по-видимому, еще и потому, что Покрова Богородицы был и остается одним из самых почитаемых двенадцатых православных праздников христолубивого Черноморского и Кубанского казачества.

Из исторического очерка И.И. Кияшко мы узнали, кто стоял у самых истоков нашей профессиональной музыкальной культуры. Иван Иванович первым из исследователей дал высокую оценку многогранной деятельности К.В. Российского, связанной с созданием Певческого хора: «Благодаря огромной энергии К.В. Российского дела хора постепенно улучшились и вскоре он стал на

1 Еременко С. И. Хоровое искусство Кубани / Науч. ред. В.Г. Захарченко. Краснодар, 1977.

Бардадым В. Войсковой певческий хор // Комсомолец Кубани. 1979. 27 сент.

Борисов Б.П., Борисов Г. П., Бурылев В.С. Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее: Из истории культуры Кубани. К 50-летию со дня основания. Краснодар, 1989.

Жадан В.А. Войсковой певческий хор и его роль в становлении церковного пения в Черномории и Кубанской области (XIX-XXI). Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 149-153.

Слепов А.А. Рекомендательный список литературы, нотографии, дискографии, архивных документов по народному музыкальному творчеству. В кн.: Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 276, 279, 281, 283; Краснодар - Екатеринодар. 1793-1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи; ГАКК и др. архивные учреждения края. Группа авторов. Вступ. ст. «Поклон Екатеринодару».

В. Лихоносов. Краснодар. 1993. С. 63, 90, 113, 117, 121, 139, 140, 171, 309; Слепов А.А., Еременко С.И. Музыка и музыканты Екатеринодара. Статьи и очерки. Краснодар, 2005.

прочную ногу».

Через два года И.И. Кияшко издал еще одну небольшую книгу (всего на 12 страницах) «Войсковой протоиерей К.В. Российский. Екатеринодар. 1913». В ней он снова вернулся к оценке личности К.В. Российского. Она оказалась даже более редкой, чем «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...». Лишь в единственном экземпляре она хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Мне рассказала об этом кандидат исторических наук М.Ю. Горожанина, написавшая глубокое исследование о К.В. Российском². «Он стоял у истоков не только образования, но и всей культуры черноморского казачества. Войсковой священник, медик, педагог, краевед, поэт и библиофил — все это соединилось в нем

¹ М.Ю. Горожанина. Просветитель Черномории Кирилл Россинский // Периодика Кубани-2005. Краснодар, 2005. В глубоком всестороннем исследовании жизни и творчества К.В. Россинского автор приводит список работ Кирилла Васильевича и список литературы о нем разных авторов.

одном. Именно К.В. Российский долгое время был связующим звеном между отдаленным казачьим краем и центром России»

И.И. Кияшко не случайно уделил много внимания талантливой личности К.В. Российского, высказав во второй книге высоконравственные мысли в назидание своим современникам и потомкам, а значит, и нам, дорогие читатели: «К.В. Российский — крупная фигура в истории Черноморского войска, человек, до фанатизма преданный делу народного просвещения (здесь и далее подчеркнуто мною. — В.З.), положивший все свои труды и деньги на это... Непростительно нам, кубанцам, забывать этого достойного человека, так много сделавшего для Черномории». Это глубокая боль Ивана Ивановича за нашу беспамятность. Никак нельзя нам забывать славные имена и дела наших предков, самоотверженно отдавших служению богоугодному делу не только свои таланты и труд, но и самые свои жизни.

Запомним же эти имена, открытые нам есаулом Иваном Ивановичем Кияшко: протоиерей Кирилл Васильевич Российский, первый регент Певческого хора дворянин Константин Гречинский; имена регентов: есаул Гавриил Григорьевич Пентюхов и сотник Матвей Гаврилович Пентюхов, священник о. Гавриил Донецкий, священник о. Иоанн Эрастов, урядник Моисей Варфоломеевич Терпилец, учитель пения Михаил Лебедев, хормейстеры Федор Михайлович Дунин, Михаил Городецкий, Григорий Мит-рофанович Концевич, Яков Михеевич Тараненко; имена первых певчих: бас — казак Переяславского куреня Михаил Бударщиков, дисканты-малолетки: Щербиновского куреня — Онисим Лопата, Уманского — Филипп Манжелевский и Калниболотского — Семен Дмитренко, альты-малолетки: Канеловского куреня — Павел Сахно и Шкуринского — Андрей Кучер... Не забудем и имена императоров российских: Екатерины II, подарившей Черноморскому казачьему войску «Жалованную грамоту» на вечное владение кубанскими землями за их ратные подвиги и верную службу, а также серебряные литавры и серебряные трубы; Александра I Благословенного, в царствование которого созданы войсковые Певческий и Музыкантский хоры; Александра II Освободителя, который в сентябре 1861 года, проезжая через Екатеринодар, с большим вниманием прослушал хор и отметил «стройность пения Певческого хора и выдающиеся голоса»; Александра III, который во время своего пребывания в Екатеринодаре в сентябре 1888 года выразил «благодарность войсковому певческому хору за отличное исполнение им музыкальных программ» и обратил внимание на штатное его устройство и «всемилоостивейше изволил повелеть озаботиться расширением и улучшением этого хора»; Николая II, в царствование которого войсковые хоры торжественно отметили свой 100-летний юбилей.

Вспомним войсковых наказных атаманов: генерал-майора Федора Яковлевича Бурсака, поддержавшего предложение протоиерея К.В. Российского о создании Певческого хора, а через год и о создании Музыкантского хора; генерал-лейтенанта Михаила Павловича Бабыча; брата Ивана Ивановича Кияшко — генерал-майора Андрея Ивановича Кияшко, начальника штаба Кубанского казачьего войска (замученного большевиками в 1917 г.) и многих других.

Запомним, дорогие кубанцы, имена всех тех, кто в меру своих сил всячески содействовал творческому развитию войсковых хоров. И склоним наши головы перед светлой памятью наших предков в благодарственной молитве. Вечная им память и вечная им слава!

На нашу долю выпал высокий долг: сохранить на века национальную духовную и культурную святыню — войсковой Певческий — Государственный академический Кубанский казачий хор.

И беречь его от всех бед, гонений, посягательств, подмен и расформирований, которые не раз

были в истории хора и которые вполне могут подстергать впереди, ибо темные, бесовские силы не дремлют. И какие еще испытания выпадут на долю Кубанского хора, знает один лишь Бог.

Темные силы — это не образное выражение, а жесткая реальность не только прошлого, но и нашего времени. Мир, по Евангельскому слову, лежит во зле. Борьба Добра и зла, Света и тьмы усиливается и нарастает с каждым днем. Истинные граждане нашего Отечества, окормляемого Богородицею и сонмом Русских святых, в земле Российской просиявших, силам зла и лжи должны противопоставить добрые и благие дела. Слово Правды, как и слово Любви, есть Слово Божие. Иеромонах Роман, используя известное выражение святого благоверного князя Александра Невского в своем стихотворении, ставшем песней Кубанского казачьего хора, «Вся Россия стала Полем Куликовым» написал: «Бог не в силе, а в Правде. Правда в верных сердцах».

Дорогие читатели, процитирую Ивана Ивановича Кияшко, ибо эти слова относятся не только к его современникам — их уже давно нет, но прежде всего к нам, ныне живущим, и к тем, кто будет жить после нас. Относятся они, безусловно, и лично ко мне, и ко всем труждающимся ныне в Кубанском казачьем хоре, и к различным властным структурам: городским, краевым и федеральным.

«Необходимо, — пишет И.И. Кияшко в последней, заключительной главе, — чтобы войсковые музыкально-художественные и вместе с тем учебно-музыкальные учреждения — войсковые Певческий и Музыкантский хоры — встретили столетие своего существования при новой внутренней организации, которая не допустила бы их унизиться до музыкально-реме-

* * *

сленных учреждений, а напротив, подняла бы их в соответствии требований искусства и века.

Необходимость существования всякого учреждения обуславливается, именно его способностью удовлетворять нуждам окружающего его общества, и если учреждение будет отставать от века и потому не в силах будет удовлетворять требованиям общества, то тогда и самое его существование является бесполезным и никому не нужным. В последнее время Наказный атаман генерал-лейтенант Бабыч, генерал-майор Кияшко много сделали на пути поднятия хоров и дай Бог, чтобы в будущем как они сами, так и их преемники не останавливались на этом и продолжали дело развития хоров в надлежащем направлении».

Перечитывая внимательно книгу И.И. Кияшко «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...», начинаешь глубже осознавать, какую важную роль в жизни и деятельности войскового Певческого хора играли те, кто стоял у верховной власти Кубанского казачьего войска, и какую роль, играла личность того или иного регента хора. Именно с именами наказных атаманов, начальников штаба Кубанского войска и, конечно же, с именами регентов и капельмейстеров связаны творческие подъемы и спады войсковых хоров.

Вот такая оценка дана И.И. Кияшко регенту певческого хора уряднику Гавриилу Григорьевичу Пентюхову в 4-й главе:

«Долголетняя служба его была крайне плодотворна для хора; последний был им прекрасно организован: имелись чудные, выдающиеся голоса, и пение было поставлено на высокую степень совершенства, так что даже Наказный атаман, генерал Заводовский, человек крайне требовательный и суровый, но вместе с тем большой знаток и ценитель пения, всегда отзывался о Певческом хоре с большой похвалой, а регента Пентюхова за его великолепное знание дела и доведение хора до совершенства быстро выдвигал по служебной лестнице».

Мастерство Певческого хора и его регента было известно далеко за пределами войска, и когда «командир отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Голован пожелал усовершенствовать Певческий хор при корпусной церкви в Тифлисе, то было предписано войсковому начальству немедленно командировать с этой целью войскового регента Пентюхова и четырех лучших певчих из хора в г. Тифлис».

А вот отзывы И.И. Кияшко об учителе пения регенте Певческого хора Михаиле Лебедеве, который был большим «знатоком пения и неутомимым тружеником, любящим свое дело и отдающим ему все свои силы... По целым дням он бился с хором, чтобы достигнуть совершенного исполнения. При посещении 16 мая города Екатеринодара Главнокомандующим Кавказской армией Великим Князем Михаилом Николаевичем, войсковой хор и регент Лебедев за отличное исполнение были удостоены милостивого

внимания и похвалы от Его Высочества». Однако Лебедев был регентом всего лишь пять лет и умер от болезни, «но деятельность его для певческого хора была очень и очень заметна. Хор был поставлен великолепно, и о Лебедеве можно было отзываться только хорошо» (глава VI).

Высокого исполнительского мастерства добился Певческий хор и при регенте Федоре

Михайловиче Дуние, который стоял во главе хора почти шестнадцать лет. Хор отвечал требованиям того времени: «Пение при Дуние отличалось стройностью, мощностью, торжественностью и даже легкой крикливостью, так как в то время тихое пение не признавалось и не было любимо публикой».

Во время управления Дуниным войсковым хором последний находился на высокой ступени совершенства, что «всегда привлекало массу молящихся, желавших послушать прекрасное исполнение хором молитвенных песнопений; в особенности же хор славился исполнением концертов Бортнянского и других. Существовало даже в то время в Екатеринодаре выражение: «идти на концерт», так как немалая часть интеллигенции шла в церковь слушать только концерт, хотя и пение обедни всегда исполнялось безукоризненно и хорошо» (начало VIII главы).

Духовная и музыкально-эстетическая жизнь кубанцев на протяжении ста десяти (!) лет формировалась под влиянием духовного, народного и классического искусства Певческого хора.

Талантливый историк Ф.А. Щербина писал: «Я никогда не слышал такого стройного многоголосия и прилежного пения... Особенно сильно меня поразили три песнопения: херувимская песнь, тройное «Господи, помилуй» и концерт. Он вышиб меня из обычных привычек и порастил своею мощностью и чем-то великим, недостижимым для меня... Аккорды в течение по крайней мере получаса наполняли, казалось, весь собор – то гремя и сверкая, как гром, то падая очищающим душу ливнем, то понижаясь до пьянящего пения малиновки... Звуки, звуки и звуки воздействовали на чувства!...»¹

Вот такой хор при поддержке городских и краевых властей необходимо создать в возрожденном войсковом соборе святого благоверного князя Александра Невского, в котором закончил свою деятельность войсковой Певческий хор после прихода к власти большевиков.

Создание хора будет восстановлением исторической справедливости и исполнением долга перед памятью наших предков.

Еще один пример того, в какой большой мере зависит мастерство и успех хора от таланта того, кто его возглавляет.

¹ Щербина Ф.А. Воспоминания: переписка, передуманное, осуществленное. Рукопись. Т. 2. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 94.

После ухода 1 октября 1906 года талантливейшего хормейстера, фольклориста и музыканта Г.М. Концевича с должности регента на смену ему пришел «профессор пения и заслуженный артист Императорских театров Иван Васильевич Матчинский; он прослужил в хоре всего девять месяцев, но при нем знаменитый хор окончательно пал... Об эстетическом наслаждении не могло быть и речи.

Всего девяти месяцев оказалось достаточно, чтобы из творческого апогея, достигнутого при Концевиче, хор рухнул... Вот чего стоит всего лишь одна кадровая ошибка... Привести к творческому упадку хор очень легко, значительно труднее вновь поднять его на былой художественный уровень. Иногда на восстановление прежней славы Кубанскому хору требовались не годы, а десятилетия. Как же внимательно должны относиться кубанские власти к подбору творческих кадров.

Матчинского, к счастью, сменил талантливый ученик Концевича Яков Михеевич Тараненко, который пел в хоре еще малолетком, затем окончил трехгодичные курсы при Императорской капелле (как и сам Г.М. Концевич). Яков Тараненко усвоил стиль и методы работы образцового хора Свято-Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, и скоро Певческий хор Кубанского войска снова засверкал исполнительским мастерством.

История Певческого хора показала: не всегда в оценке творческого деятеля следует руководствоваться его почетными и учеными званиями. Надо еще выяснить: за какие действительные заслуги они получены.

Всяческие звания, которые, кстати, сегодня сильно обесценились, являются весьма ненадежным показателем того, чего достоин тот или иной артист, музыкант, художник или творческий руководитель. Судить о людях вообще должно не по словам, речам, званиям, должностям и обещаниям, а исключительно по делам. Как сказано в Евангелии: «По плодам их узнаете их». Только результаты труда показывают, кто есть кто.

А вот за истинные свершения и благие дела людям непременно следует воздавать должное. Думается, пришла пора к 200-летию юбилею войскового Певческого — Государственного Кубанского казачьего хора воздвигнуть памятники достопочтенным нашим предкам, не жалевшим живота своего в деле духовного и культурного возрождения кубанцев:

а) основателю войскового Певческого хора Кубанского казачьего войска, духовному просветителю Кубани протоиерею Кириллу Васильевичу Российскому;

б) регенту войскового Певческого хора, выдающемуся фольклористу и музыканту, первому

художественному руководителю Государственного Кубанского казачьего хора, расстрелянному большевиками 26 декабря 1937 года, Григорию Митрофановичу Концевичу;

в) создателю гимна Кубанского казачьего войска и гимна Краснодарского края, расстрелянному в 1918 году в Тифлисе, священнику 1-го Кавказского полка Константину Образцову.

* * *

Говоря о книге И.И. Кияшко, не могу не заострить внимание на одной его очень важной мысли, касающейся привлечения в музыкантский хор иностранных подданных. Многие из них сделали, несомненно, очень много для развития войсковой оркестровой музыки, духовой и симфонической, и они достойны доброй памяти и слов благодарности. Выше я упоминал их имена. Но, тем не менее, нельзя пропустить мысль Ивана Ивановича о том, что в этом вопросе должно быть чувство меры.

Он пишет: «С наплывом же в Екатеринодар иногородних жителей и с развитием жизни вообще, явилось требование и на пьесы другого времени; тогда вальсы, кадрили, марши и попури приобрели полное господство и почти вытеснили малороссийскую музыку; хотя певческий хор и до наших дней неизменно придерживается большей частью малороссийского репертуара.

Появление же с шестидесятых годов во главе музыкальных хоров капельмейстеров из немцев, чехов и итальянцев окончательно отклонили музыку от родного малороссийского направления, что очень жаль, так как не мешало бы, пользуясь лучшим иноземным, не забывать и своего».

Имеющий уши да услышит.

Удивительно, что не музыкант, а архивариус увидел и почувствовал ту истину, которую в свое время высказал гениальный русский композитор М.И. Глинка. Он часто и подолгу бывал за границей. В 1830—1834 годах Глинка посетил Италию, Австрию и Германию, позже бывал во Франции и Испании, брал уроки у немецкого музыковеда З. Дена. Но в его «Записках» читаем: «...я искренне не мог быть итальянцем. Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски». А князь В.Ф. Одоевский о первой опере Глинки «Жизнь за царя» писал: «С оперой Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки»

Так стоит ли нам, дорогие читатели, уважая культуру и искусство других народов, забывать о своих духовных и культурных корнях?

* * *

Самое трагическое время для войсковых хоров Кубанского казачьего войска и самого казачества наступило весной 1920 года, когда в Екатеринодаре окончательно утвердилась большевистская власть и начался «красный террор». Правда, он всячески камуфлировался лживыми лозунгами и миролюбивыми обещаниями, к примеру:

«Казаки! Советская власть чужда мести... Не верьте, будто Советская власть преследует церковь и религию. Никакого насилия над совестью, ни какого оскорбления церквей и религиозных обычаев Советская власть не потерпит!..»³

Но что происходило на самом деле, сегодня уже известно. Чего греха таить, ныне кое-кто хотел бы спрятаться от этой правды. Не поможет — все тайное становится явным.

Новая власть клялась в одном, а творила противоположное. Началось гнусное богоборческое дело: преследование верующих, гонения на Русскую Православную Церковь и духовенство, массовые казни, «расказачивание» и «поголовное уничтожение казачества»...

Вот как закончилась деятельность войсковых Певческого и Музыкантского хоров:

«21 апреля (по старому стилю. - В.З.) Кубано-Черноморский ревком постановил: «Все бывшие войсковые оркестры и хоры, ныне переименованные в государственные, со всем личным составом, библиотеками, музыкальными инструментами, имуществом и инвентарем переходят в ведение подотдела искусств оботнароба (областной отдел народного образования. -В.З.). Всем дирижерам, музыкантам, певчим и проч., имеющим у себя казенные инструменты и ноты, сдать таковые немедленно для регистрации заведывающему оркестрами и хорами. Лица, укрывающие вышеуказанное имущество, будут преданы революционному трибуналу».

Это постановление определило судьбу знаменитого войскового хора, на протяжении столетия бывшего гордостью Екатеринодара. Он стал называться Кубано-Черноморским государственным певческим хором и только благодаря отчаянным усилиям частично сохранившегося состава (27 человек Певческого хора вынужденно эмигрировали в Белград) продолжал свое существование. Его хормейстер (прежде регент) Я.М. Тараненко даже разработал программу развития коллектива в новых условиях (хор стал смешанным, приняли хористок), предусматривавшую еженедельные концерты в центре города в одном из театральных помещений, по одному концерту в неделю «в окраинных частях города — Дубинка, Покровка и кожевенные заводы», по одному концерту в месяц для каждого городского профсоюза и т. п. Первым пунктом репертуара он поставил «русские, украинские и

казачьи народные песни в простой обработке», затем то же — в обработке «художественной», далее — «хоры» (свободное сочинение) композиторов, оперные хоры и — пятым пунктом — революционные песни.

Осуществить задуманное не удалось: ввиду «катастрофического» материального положения, неуплаты жалования хористы в июле 1921 года получили «отпуск» и разъехались по домам; та же участь постигла и симфонический оркестр. В последнем протоколе собрания коллектива от 7 июля 1921 г. записано:

¹ Екатеринодар - Краснодар. 1793-1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 445.

«Принимая во внимание, что... многие из оркестрантов совершенно раздеты, разуты и влчат полугодовалое существование, сплошь и рядом повторяются случаи заболеваний на почве недоедания; многие из оркестрантов, будучи вынуждены продавать последние вещи и живя исключительно по займу, подошли к абсолютному тупику... а в перспективе нет твердых гарантий... что многие из оркестрантов, будучи хлебоборбами, имеют в станицах хозяйства, но непрерывные ходатайства об отпусках на уборку хлеба систематически отклонялись, ПОСТАНОВИЛИ: требовать роспуска симфонического оркестра с 10 июля с/г.»¹.

Приведенные выше цитаты взяты из замечательной книги «Екатеринодар — Краснодар. 1793—1993: Два века города...», написанной группой авторов (редактор-составитель Ирина Юрьевна Бондарь) после изучения множества архивных документов, дореволюционных газетных материалов, воспоминаний очевидцев исторических событий. Книга была издана в 1993 году, на новом сломе эпох. Сколько открыла она не известных нам архивных документов и достоверных фактов о трагическом периоде истории нашего города! Кем и как он был вдруг переименован из Екатеринодара в Краснодар... Много раз я перечитывал эту книгу с содроганием сердца перед открывшеюся исторической правдой, которую, одержимые поиском истины, обнажили историки и краеведы.

Я читал ее с горьким торжеством и, наивно, как выяснилось позднее, мечтал тогда: вот, прочтут ее граждане нашего города, проникнутся мыслями о нашем прошлом, прочувствуют его душою и поймут, что же на самом деле произошло с нами и нашими помраченными умами в страшные, кровавые годы безумной, братоубийственной Гражданской войны. Злые силы разделили тогда русский — государствообразующий! — народ и все коренные народы России и казачество на «красных» и «белых» и ввергли нацию в самоистребление.

Мне думалось тогда, что, узнав достоверную правду после прочтения названной книги, «краснодарцы» вдруг резко помудреют и начнут возрождать погранные святыни: православные храмы, соборы, музеи; восстанавливать исторические памятники, возвращать отнятые имена площадям, улицам и скверам нашего города, названным нашими предками в честь верных сынов Отечества. Но не произошло этого тогда!

И не могло произойти.

Бог правду видит, да не скоро скажет, как гласит народная поговорка. Все-таки скажет! И сказал.

Пусть медленно, потихоньку, но народ наш, кажется, стал наконец духовно пробуждаться. И я уверен — украденное имя будет рано или поздно городу возвращено. Правда восторжествует.

¹ Екатеринодар - Краснодар. 1793-1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 445.

Вот только «краснодарцам» следовало бы знать, почему черноморцы дали имя городу Екатеринодар и как его потом осквернили большевистские изверги.

Наши предки, черноморские казаки, были не только храбрыми воинами, но и тонкими политиками. Настоящее, немецкое, имя Екатерины II и в то время знали немногие, а в наше даже специалисты-историки не сразу назовут его. Прежде чем стать российской императрицей, она приняла крещение, и Православная Русская Церковь согласно святцам дала ей новое имя: святой великомученицы Екатерины (в переводе с греческого «всегда чистая»).

Именно этим, а не немецким именем нарекли черноморцы созданный их упорным трудом казачий град. Казаки с гордостью называли себя «лыцаря-ми», воинством Христовым и поэтому без подсказок сверху, сами выбрали имя святой великомученицы Екатерины. С одной стороны, они выразили действительную благодарность Екатерине II за «Жалованную грамоту», хотя при этом хорошо помнили, а их потомки помнят и до сих пор, о той негативной роли, которую сыграла императрица в жестоком разрушении Запорожской Сечи. Но, с другой стороны, казаки веровали в то, что их крепость на века будет духовно окормлять имя святой великомученицы Екатерины, которая была Ангелом Хранителем и самой Екатерины II.

Но... могли ли основатели нашего града хоть на миг представить себе или увидеть в страшном сне, что найдутся христопродавцы, которые посягнут на святое имя города? И нам ли, уважаемые «краснодарцы», как бы ничего не знающим, не ведающим об этом кощунстве «переименования», судить о том, возвращать или не возвращать подлинное имя, отнятое у нашего города 7 декабря 1920

года?

Многие из вас, уважаемые сограждане, видели, как 8 августа 2006 года городу вернули попорченный в двадцатые годы памятник скульптора М.О. Микешина императрице Екатерине II, которую, как и Петра I, в России называли Великой за укрепление Российской державы. Но все ли свидетели этого торжества исторической справедливости знают, кем сооружался памятник? Кто, как и зачем спешно разбирал его, прячась от народного осуждения?

Открытие памятника Екатерине II на Атаманской (Крепостной) площади состоялось 6 мая (по старому стилю) 1907 года и было приурочено к войсковому кругу и дню рождения императора Николая II. Идея памятника, по замыслу скульптора М.О. Микешина, должна была наглядно представлять историю Кубанского войска. Однако скульптор скоропостижно умер в 1896 году, а сооружение памятника по проекту Микешина было поручено его ученику, скульптору Академии художеств Б.В. Эдуардсу под

наблюдением особой войсковой строительной комиссии, которую возглавлял коренной кубанский казак — участник русско-турецкой войны 1877— 1878 гг. атаман Екатеринодарского отдела Кубанской области и помощник наказного атамана Михаил Павлович Бабыч. В августе 1918 года 74-летний атаман был зверски убит в Пятигорске по приказу ЦИК Северо-Кавказской республики. И вот разбирать памятник Екатерине II пришли те же люди из шайки убийц славного сына Кубани М.П. Бабыча!

Приведу большие цитаты из названной книги «Екатеринодар — Краснодар...», которая — увы! — не стала настольной книгой каждого «краснодарца», для того чтобы вы, дорогие читатели, любящие наш город, знали хотя бы некоторые факты, касающиеся трагических событий 1920 года.

Напомню.

В главе «За нами шло безумие...» приводится хроника свержения памятника. Вот лишь некоторые выдержки:

«Подотдел искусств обратился в наркомпрос с просьбой «прислать в срочном порядке представителя-специалиста на экстренное собрание к 12 часам 15 сентября для принятия мер согласно требованию Кубчеррев-кома срочно убрать памятник Екатерине II к 17 сентября» Хотели прямо-таки за один (!) день снести его. И что же? Ничего не вышло. Тогда 20 сентября состоялось первое заседание «Комиссии для технического руководства разборки памятника Екатерине II в городе Екатеринодаре», организованной согласно «боевого приказа областного ревкома от 19 сентября 1920 года». Ведь к 17 сентября не разобрали, а надо было срочно выполнять боевой приказ, иначе полетят многие головы. Ревком и ревтрибунал шутить не будут. И... опять ничего не получилось.

24 сентября срочно собрали второе заседание комиссии, которая и констатировала, что:

«Несмотря на все принятые меры и старания раздобыть достаточное количество рабочих рук, таковых не удалось достать, так как рабочие категорически отказываются принимать участие в разрушении памятника Екатерине, несмотря на предложенную хорошую оплату труда, и после долгих переговоров удалось найти только пять плотников...

К месту работ собралась большая толпа зевак, которая стала издеваться над рабочими, заявляя: «Сегодня вы повесите Екатерину, а завтра вас повесят» и т. п.».

Производитель работ вынужден был «самолично» отправиться к начальнику милиции. После переговоров «удалось получить стражу из трех милиционеров на время работ и одного ночного милиционера для охраны имущества».

С 23 сентября сквер для посторонней публики был закрыт...

27 сентября. Старший инспектор технической инспекции докладывал:

«Ввиду невероятных затруднений и препятствий, которые комиссия встречает на своем пути по исполнению указанного выше боевого приказа, прошу ходатайствовать перед президиумом совнархоза об отдалении срока исполнения весьма трудной и ответственной работы».

4 октября. Третье заседание комиссии. В протоколе записано, что «поставлены леса для съемки нижних фигур, установлены тали, расчеканены подножия трех фигур, кои подготовлены к съемке».

Комиссия полагала, что «работа не может быть окончена ранее трех недель, считая с 1 октября».

8 октября. Старший технический директор докладывал:

«...Успешно распаяно уже две фигуры памятника... Есть полная надежда снять памятник к дню празднования годовщины Октябрьской революции»⁴.

Хотели революционеры разобрать памятник императрице за один день к 17 сентября, а закончили лишь 4 ноября.

И теперь, прочитав архивные документы и зная, кто, как и зачем убирал памятник Екатерине II,

мы, дорогие читатели, можем только искренне порадоваться тому, что нашлись люди, которые взяли на себя благородную миссию: смыть исторический позор и восстановить правду. И за это нужно сказать наше гражданское спасибо скульптору Александру Аполлонову, губернатору Кубани

Александру Ткачеву, депутатам **ЗЕК** и его председателю Владимиру Бекетову, Кубанскому казачьему войску и его атаману, казачьему генералу Владимиру Громову, Екатеринодарской епархии и Преподобнейшему митрополиту Исидору и всем, кто участвовал и содействовал возвращению городу уникального памятника Екатерине II, подарившей, казакам-черноморцам на вечные времена кубанские земли.

Говоря о торжестве исторической правды, опять нельзя не коснуться темы возвращения имени нашему городу. А для тех, кто не знает, как его отняли, процитирую архивный документ.

Телеграмма Кубчерревкома во ВЦИК:

«Москва. ВЦИК. Копия Наркомвнудел.

Горсовдеп совместно с облревкомом, Реввоенсовет IX армии, облпарт-ком РКП... Политотдел армии на торжественном заседании в ознаменование Октябрьской революции, считая название города Екатеринодар напоминающим рабские времена, совершенно бессмысленным в республике труда, навсегда освободившемся от потомков Екатерины и их приспешников, постановил просить ВЦИК именовать город Краснодаром. От имени помянутых организаций Кубчерревком просит об утверждении этого постановления. 10 ноября. Предкубчерревкома Ян Полуян»⁵.

Но просьба была не от екатеринодарцев. Их об этом никто не собирався спрашивать. Кому нужно было мнение «быдла»? Это теперь, уважаемые читатели, мы с вами можем судить-рядить: а надо ли возвращать первоначальное историческое имя городу или нет? А может быть, провести

¹ Указ соч. С. 457, 458.

народный референдум? Может. Но какое мнение будет у людей, не знающих исторических фактов? Привычка — вторая натура, которая, как сказал поэт, «свыше нам дана». Вот и мы тоже привыкли к слову «Краснодар», и слово-то хорошее, «светленькое». Но что для нас ценнее: привычка или Истина?

Мнением народа дорожить надо. Ведь глас народа — глас Божий.

Только обманутому народу сначала надо показать всю правду о том, что и как было. Православный люд Кубани должен осознать, что грех наших предков, безропотно согласившихся с переименованием города именно 7 декабря, в день святой великомученицы Екатерины, лежит и на нас, и на наших внуках. Ибо молчанием предается Бог.

Народ правдой просвещать надо.

Имя человека, города, нации, страны, веры, любого материального объекта отражает наиглавнейшую его сущность. Не случайно многие меткие и точные казачьи клички и прозвища стали фамилиями их носителей: Бульба, Козорез, Разин, Булавин, Мелехов, Дырка, Середа, Перебейнос, Лопата, Безсчастный и т. д. Имя менять нельзя. Перемена имени искажает сущность, а сущность, как писал русский мыслитель А.Ф. Лосев, «вмещает в себя все возможные смыслы в одной точке... Имя есть необходимый результат мысли и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения»

Дорогие мои кубанцы, зададимся философским вопросом: что в имени твоём, родная наша столица кубанского казачества? Отражение дьявольского духа братоубийственной Гражданской войны или отблеск Божьей благодати?

* * *

Кубанский хор в дореволюционное, советское и постсоветское время много делал и делает для собиранья, изучения, сохранения, популяризации и творческого развития традиционного песенного искусства кубанских казаков. Сохранение традиционной культуры русского народа и казачества волнует, конечно же, не только Кубанский хор и специалистов, занимающихся этими проблемами, но и всех истинных родинюльцев, для которых дым Отечества «сладок и приятен».

Проблемы сохранения и развития традиционных культур до боли сердечной тревожат все народы России, ибо они глубоко чувствуют и понимают, насколько важна роль традиционной культуры для самоидентификации, а порой и выживания того или иного народа, этноса.

Вот что пишет о роли и значении национальных культур в жизни народов русский мыслитель И.А. Ильин, чьи философские, политические и этические взгляды составляют единую, целостную концепцию интел

¹ А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. Философия имени. М.: изд-во «Правда», 1990. С. 24.

лектуального и духовного обновления человеческой личности: «Культура творится не одним человеком. Она есть результат творчества и достояния многих людей, духовно объединенных между

собой. Люди не случайно объединяются друг с другом: их влечет друг к другу сходство материальных и духовных интересов. Возникает взаимное влечение, крепнет духовная связь. Эта связь закрепляется традицией, передающейся из поколения в поколение. Так возникает единая и общая всем культура. У каждого народа особая, национально зарожденная, выращенная и национально выстраданная культура.

Мысль — погасить это многообразие, свести все к мертвому единообразию — такая мысль могла зародиться только в больной душе или же в слепом рассудке.

Национальное самосознание открывает глаза и на национальное своеобразие других народов; учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и национальные чувства... создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа»

Приведу еще цитату другого известного русского философа Н.А. Бердяева: «Национальность есть одна из иерархических ступеней бытия... как соборной личности. Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей, но будет их полным утверждением. Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества.

...Чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечество... Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных типов и культур.

Всякий гений... возводит национальное до общечеловеческого значения. Все великие национальные культуры — всечеловеческие по своему значению... Каждый народ борется за свою культуру и за высшую жизнь в атмосфере национальной круговой поруки. И великий самообман — желать творить помимо национальности. Творческий национальный путь и есть путь к всечеловеческому» 6.

Уважаемые читатели, разговор о состоянии и судьбе национальных культур нашей страны должен, несомненно, начаться с русской культуры, так как русский народ является государствообразующим и самым много-

¹ И.А. Ильин. Родина. Русская философия. Православная культура. М. 1992. С. 83-84.

численным коренным народом России (по статистическим данным, более 80% населения страны). Многие ученые и специалисты, этнографы, писатели и поэты считают его полиэтническим, соборным.

Сегодня русская традиционная культура во всех ее формах и жанрах находится в тяжелом положении. Причем это относится как к аутентичной народной культуре, то есть бытовой, живой культуре наших российских сел, деревень, станиц и хуторов, так и к профессиональной народной сценической культуре, то есть творческому состоянию государственных русских народных хоров, вокальных ансамблей и оркестров народных инструментов.

Точно в таком же незавидном положении находятся и традиционные культуры (бытовые и сценические) многих других коренных народов России. Например, с серьезнейшими трудностями столкнулось подавляющее большинство государственных национальных ансамблей песни и танца и ансамблей танца, многие из которых, как и государственные русские народные хоры, имеют почетный статус «академический», к сожалению, ничем не помогающий этим концертным коллективам.

О различных творческих, гастрольных, финансовых и социальных проблемах с горечью рассказывали многие художественные руководители, хормейстеры, балетмейстеры и директора в Санкт-Петербурге на организационном заседании Ассоциации государственных русских народных хоров и национальных ансамблей.

Руководители удручены тем, что все государственные национальные концертные коллективы страны с 1991 года лишены возможности гастрольной деятельности по городам и регионам России, так как не имеют на это финансовой поддержки. В связи с этим государственные коллективы российских регионов стали в худшем смысле слова «местечковыми». Все государственные русские народные хоры и национальные ансамбли обречены прозябать в замкнутом порочном круге.

Горько, что в стране прекратилось проведение всероссийских смотров-конкурсов государственных русских народных хоров и национальных ансамблей песни и танца. Такие

систематические смотры-конкурсы очень нужны. Они показывают художественный уровень государственных национальных коллективов, способствуют творческому обмену, определяют лучших, обнажают огромное количество нерешенных проблем. Таких всероссийских смотров-конкурсов было всего два: в 1975 году и в 1984-м. А почему до сих пор нет третьего?

* * *

Сегодня острой проблемой, настоящей национальной бедой стал полный, демонстративный отказ всех каналов российского ТВ показывать самобытные традиционные культуры всех народов РФ, государственные русские народные хоры и национальные концертные коллективы.

Народные хоры, оркестры, ансамбли песни и танца, художественные национальные коллективы и отдельных талантливых исполнителей коренных народов России зрители нашей страны не могут увидеть и услышать нигде: ни на концертных площадках городов страны, ни на ТВ, ни по радио. СМИ игнорируют и сам фольклор, и интерес к нему своей аудиторией.

Каким же образом многочисленные народы, живущие в своей собственной стране, могут узнать о культуре, истории и жизни друг друга? Как смогут возрадоваться своему же собственному богатству?

Кто и что же тогда может их соединить в единую сплоченную семью народов России?

Я не намерен открывать «охоту на ведьм», но напрашивается вопрос: а что если это кому-то надо, чтобы по каналам ТВ и радио не звучали русские, украинские, белорусские, удмуртские, мордовские, нанайские, башкирские, адыгские, карачаево-черкесские, казачьи песни и весь фольклор нашей бескрайней многонациональной России?

Приведу пример. В Республике Адыгея есть замечательный национальный Государственный ансамбль песни и танца «Исламей», художественным руководителем которого является талантливый композитор народный артист России, Республики Адыгея и Карачаево-Черкесии Аслан Нехай. Коллектив уникальный не только на Северном Кавказе, в России, но и в мире. Аналога ему нет. Репертуар ансамбля «Исламей» основывается на мастерских обработках адыгского песенного и танцевального фольклора и авторских, глубоко национальных вокально-инструментальных произведениях художественного руководителя ансамбля. Талант композитора Аслана Нехая удивительно самобытен, неповторим, как и музыка древних адыгов. Но как современно она звучит в ансамбле «Исламей»? Хотя композитор не ищет опоры ни в «роке», ни в «рэпе», ни в «поп-музыке». Он достиг современного, захватывающего исполнения, оставаясь самим собой, талантливым сыном своего народа, и поднял своим мастерством адыгскую музыку на вершины мирового Искусства! Но кто из вас видел выступления этого коллектива по какому-либо российскому каналу ТВ или слушал по радио? Никто! На телеэкраны попасть художественным национальным коллективам, отдельным исполнителям или композиторам невозможно. Не помогают ни самый большой талант, ни высочайшее исполнительское мастерство, а только... деньги. И притом очень большие. Но их никогда не было и не будет у национальных коллективов.

В 2005 году в Краснодаре как большой многонациональный праздник прошел уже VII фестиваль искусств народов Северного Кавказа «Мир Кавказу». В нем приняли участие уникальные национальные коллективы юга России из 14 краев, областей и всех национальных республик Северного Кавказа. Это было ярчайшее событие — и культурное, и политическое! Фестиваль продемонстрировал не только прекрасные художественные коллективы, их высокое исполнительское мастерство, но и межнациональную сплоченность народов Северного Кавказа, которым сегодня так нужны мир

и взаимопонимание для укрепления целостности Российского государства!

Но... снова «дружное» умолчание ТВ и большинства СМИ. Впрочем, и все предыдущие шесть фестивалей «Мир Кавказу», которые прошли в разных городах юга России, также были обойдены молчанием. Вырисовывается неблагоприятная, с позволения сказать, «культурная политика», глубоко задевающая и оскорбляющая национальные чувства всех коренных народов России.

Но кто эту политику проводит? И в чьих интересах она лоббируется?

Почему центральные каналы телевидения стали столь подчеркнута безнациональными, когда в РФ имеется более 150 народов и народностей со своей неповторимой культурой? Где могут увидеть это богатство граждане России? Нет внятного ответа.

Или отвечают: телевидение стало коммерческим. Неискренний это ответ. Но даже в этом случае величайшей загадкой нашего времени остается деятельность некоммерческого канала «Культура», который исхитряется вовсе обойтись без традиционной культуры своего народа, навязывая аудитории свою перманентную «культурную революцию»...

Одиноко еще пока держится только любимая народом передача «Играй, гармонь!», созданная

более 20 лет назад выдающимся композитором-песенником, фольклористом, гармонистом, сценаристом, великим Сыном и Гражданином нашего Отечества, человеком шукшинского масштаба, народным артистом России Геннадием Дмитриевичем Заволокиным. Это действительно чудо: один раз в неделю «Играй, гармонь!» излучает духовный свет Неопалимой Kupины, показывает многонациональное традиционное искусство народов РФ, доказывая, что, говоря словами иеромонаха Романа, «Русь еще жива, Русь еще поет!». Богоугодное дело безвременно ушедшего Геннадия Заволокина подхватила его талантливая дочь — заслуженная артистка Кубани Анастасия Заволокина.

Телевидение могло бы сделать очень много для духовно-нравственного, культурного и гражданского становления общества. Это подтверждает редкий спорадический показ по ТВ замечательных отечественных документальных и художественных фильмов, многих просветительских передач, выдающихся произведений западного киноискусства. Однако все это тонет в бесконечном карнавале шоу-бизнеса, «мыльных опер» и массовой продукции Голливуда...

И этот карнавал пляшет на фоне вымирания всех коренных народов России!

Нам надо помнить, что никто, кроме нас, Россию не спасет.

А посему нам, дорогие читатели, надо не безумно хохотать, как перед собственной гибелью, от «смехопанорамы», а скорее — слезно плакать и Бога молить. Духовно просыпаться, мужаться и вставать с колен. Пока еще не поздно. Иначе осуществится давняя мечта наших недругов: создать Россию без русских.

Радоваться бы, да и только...

Но Россия не только географическое понятие, а прежде всего — духовное. Россия без русских — это уже не Россия! Как Германия без немцев, Франция без французов, Япония без японцев, Израиль без евреев, а Палестина без палестинцев.

Думается, совсем не случайно, а по промыслу Божьему, в конце 2006 года родился очень нужный, поистине исторический документ, подписанный В.В. Путиным: «Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета РФ 26 октября 2006 года».

Поручения президента касаются культурного наследия народов РФ, создания условий для сохранения и развития традиционной народной культуры России, а также разработки мер, способствующих углубленному интересу к чтению, национальному и мировому литературному наследию. Важнейшим пунктом этого документа является принятие мер по освещению, пропаганде и популяризации в СМИ мероприятий, направленных на сохранение и развитие традиционной народной культуры в стране.

Президент зрит в корень.

Его поручения адресуются Председателю Правительства РФ, высшим должностным лицам исполнительной власти субъектов РФ и уполномоченным Президентом РФ.

Дело теперь осталось только за их исполнением.

Но здесь-то, предвижу, и возникнут извечные проблемы. Сколько уже было принято хороших законов, указов, постановлений, распоряжений, поручений! Но, увы, до исполнения их часто так и не довели, они остались на бумаге.

Нет сомнения, что практическое исполнение и этого документа, крайне важного для судеб народных традиционных культур РФ, будет тормозиться. Но исполнение или неисполнение «Перечня поручений Президента РФ...» как лакмусовая бумажка покажет: кто есть кто. Кому Россия — матушка родная, Святая Русь, а кому — мачеха, заезжий двор, место временного проживания и наживы.

Надо сказать, что Краснодарский край в решении проблем, указанных в поручениях Президента РФ, давно движется в опережающем темпе. Это подтвердило выступление губернатора Кубани А.Н. Ткачева на упомянутом заседании Госсовета, где он предложил провести 200-летний юбилей Кубанского казачьего хора на всероссийском уровне.

Исходя из этого мною подготовлена концепция создания национального творческого объединения «Кубанский казачий хор».

Уже начинается подготовка к грядущему юбилею, который мы будем отмечать 14 октября 2011 года.

Двухвековой юбилей, несомненно, станет новой вехой в истории Государственного академического Кубанского казачьего хора и национальным праздником для всех граждан Российской Федерации.

Автор сборника «Из истории Кубанского казачьего хора» В.Г.Захарченко.